СОДЕРЖАНИЕ

июнь 2013 | №6

обращение главного редактора

4 С.Н.Белкин
Чувства добрые

теория развития

8 М.Ю. Байдаков, С.Н. Белкин
Идеологии и ценности

26 Ю.М. Осипов
Уроки Макиавелли для заблудших правителей, разуверившихся народов и запутавшихся мудрецов (к 500-летию «Государя»)

46 В.В. Малявин
Для чего Евразия? О евразийстве, пустынничестве и макиавеллизме в политике

76 А.Е.Разумов
Каменистая тропа свободы

даты

82 **Иван Сусанин: 400-летие подвига**

140 **К 200-летию Рихарда Вагнера**
С.Н. Белкин
Нарастающее напряжение

Развитие и экономика

Научный и общественно-политический альманах

Учредители:
М.Ю. Байдаков, С.Н. Белкин

Издатель: М.Ю. Байдаков

Главный редактор: **Сергей Белкин**
Первый заместитель главного редактора: **Дмитрий Андреев**
Заместитель главного редактора: **Вадим Прозоров**
Арт-директор: **Олег Фирсов**
Секретарь редакции: **Екатерина Певзнер**

Адрес:
129010, г. Москва, Протопоповский переулок, дом 19, стр. 10.
Тел.: +7 (495) 788-98-68
Факс : +7 (495) 788-98-69
www.devec.ru
info@devec.ru

Издание зарегистрировано в Министерстве РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-44936 от 4 мая 2011 г.

ISSN 2304-3962

Печать: «Немецкая фабрика печати»
Тираж: 2500 экз.
Дата выхода в свет: 9 июня 2013

© М.Ю. Байдаков, С.Н. Белкин
Перепечатка материалов возможна только с разрешения редакции.
При использовании материалов альманаха «Развитие и экономика» в любой форме ссылка на альманах «Развитие и экономика» обязательна.

Распространяется почтовой рассылкой по собственной базе данных, а также на форумах, конференциях, круглых столах и т.п. Заявку на включение в список рассылки направлять в редакцию. Оформить заявку можно на сайте www.devec.ru

Партнер: Международный общественный форум «Диалог цивилизаций»

На обложке: Иероним Босх. Искушения святого Антония. 1500–1510. Прадо, Мадрид

метафизика развития

86 К.А. Свасьян
Habemus Papam

100 А.И. Неклесса
Неопознанная культура. Гностические корни постсовременности

118 В.Б. Прозоров
Nihil novi, или Носорог секуляризма

126 О.Н. Четверикова
Католическую церковь готовят к перестройке

модели развития

158 С.Г. Кара-Мурза
Выбор стратегии развития – исторический выбор

166 В.К. Батурин
Экономика как разрушенная философия

172 С.А. Гаврилов
Приватизация по-новому

182 В.А. Гайкин
Евразийский союз *vs.* проект «Туманган»: унипланетное сообщество или расовая война?

практика развития

188 В.П. Шанцев:
«“Труды и дни” нижегородцев»
Интервью губернатора Нижегородской области альманаху «Развитие и экономика»

веком ранее

198 **Русская поэзия сто лет назад**

annotated table of contents

204 **Аннотированное оглавление на английском языке**

анонс

208 **Итоги и перспективы**

Сергей Николаевич Белкин –
главный редактор альманаха и портала
«Развитие и экономика»

И чувства добрые я лирой пробуждал...
Александр Пушкин

Чувства добрые

«Чувства добрые» есть и ценности сами по себе, и цель разумной деятельности. Пушкин понимал это, понимали это и многие поколения русских людей, стремившихся устранить из жизни тех, которые пробуждают «чувства злые», или хотя бы их урезонить. «Чувства злые» – это алчность, жадность, зависть, эгоистичность, лживость, ненависть. Это незащищенность, безнадежность, разочарование, недоверие, отчаяние, высокомерие. Мы, к сожалению, часто бываем погружены в агрессивно-токсичную информационную среду, разъедающую чувства добрые и стимулирующую чувства злые. Задаваемая нам посредством СМИ «повестка дня», сформулированная в выпусках новостей, обладает дестабилизирующим, деструктивным воздействием. Ни одно несчастье, ни одна катастрофа, ни одно преступление не будет пропущено, поскольку именно они являются «информационным поводом», привлекающим внимание зрителей, а следовательно, фактором, повышающим рейтинг и доходы. Доходы, конечно, представляются сегодня целью более важной, нежели «чувства добрые». Однако не доходы телевизионщиков и газетчиков вызывают опасение и неприятие. Опасение вызывают внедряемые посредством СМИ социальные ценности и цели, «разрыхление» общественного сознания, модификация мировоззренческой матрицы социума, ведущая к угашению все еще не истребленного стремления к социальной справедливости.

Справедливость – это прежде всего чувство. Оно либо удовлетворено, либо нет. Хищный проект глобализации, в

частности, это и предполагает: вытравить чувство социальной справедливости, а его носителей извести, как вредных насекомых, снижающих продуктивность. В глобальном экономизме нет места сантиментам, это даже не бой без правил, это подлость и алчность, обретшие институциональную форму. Понимание этого должно побуждать к твердому сопротивлению, а не к одним лишь эмоциональным рефлексиям. «Враги внешние» упорно-агрессивны, но понятны, их действия ожидаемы, как поведение кровососущих, а поэтому и не так оскорбительны, как действия своих собственных «врагов внутренних». От «своих» же терпеть всегда труднее, тем более что терпеть-то как раз ни в коем случае нельзя.

Экономизм – как опора политической стратегии – пробуждает много злых чувств, более того, он кладет их в основу того поведения человека, которое считает надлежащим, единственно верным. В России же всегда почиталось служение: служение «царю и Отечеству», «Родине», «делу просвещения», «строительству социализма»... «Служу Советскому Союзу!», «Служу Российской Федерации!» – чеканные формулы смысла деятельности военно-*служащих*. Стремление служить высоким целям, искать идеал свойственно большинству граждан. До сих пор в глубине наших сердец живы, хотя и глубоко запрятались, чувства чести, долга, братства и взаимопомощи. Они готовы пробудиться, если их позовут к общему делу, к общим целям, готовы вновь продемонстрировать огромную мощь добра, его неиссякаемый запас энергии, способной творить чудеса. Зовут нас, однако, все время не туда, и нелегко обрести ориентиры в мутной смеси идей и идеологий.

Информационное пространство, в которое мы погружены посредством всех видов СМИ, и есть та самая идеология, которой у нас якобы нет. Правильнее, конечно, говорить о множественности идеологий, подпитывающихся из разных сегментов СМИ, проповедующих разные ценности, дающих разные поведенческие установки. Некоторые из этих направлений воздействия на общественное сознание вызывают особое опасение. Коснемся двух из них – экономики и истории, – оставляя на потом, быть может, важнейшее информационное пространство – пространство культуры.

То, что в телевизионных новостях преподносится в рубрике «экономика», трудно охарактеризовать иначе, нежели преступным убожеством. Несколько раз в день по всем телеканалам многомиллионной аудитории сообщается о динамике биржевых индексов. Зачем это делается? Ведь практически никто из слушающих не знает, что именно измеряют индексы Доу-Джонса или NASDAQ. А те, которые знают и для которых это имеет практическое значение – биржевые спекулянты, – получают эту информацию из других источников. Важно было бы знать каждому, что никакая информация о динамике биржевых индексов не имеет отношения к реальной экономике: деньги, вращающиеся на мировых биржах, практически никак не связаны ни с производством, ни с торговлей, ни со сферой услуг. В реальной экономике вращаются и ее обслуживают совсем другие, причем гораздо меньшие, деньги. Биржевые индексы, да и вообще вся деятельность бирж – дымовая завеса, ложная цель, ненужная мусорная информация, спам. А делается это – да еще на идиотском жаргоне («Токийская биржа закрылась разнонаправлено», «индексы позеленели» и т.п.) – для формирования малограмотной толпы и выработки у нее неких условных рефлексов. Подменив совершенно необходимые для граждан сведения об экономической, хозяйственной жизни страны бессмысленной болтовней об индексах и курсах валют, их напрочь выводят из сферы какого бы то ни было влияния на выработку политики. Эти псевдоэкономические новости – прямое убийство всякой демократии, любых попыток народовластия. Гражданина, который совершенно не способен судить о том, много или мало промышленной и сельскохозяйственной продукции производится в стране, много или мало ее ввозится или вывозится, можно, совершенно ничего не опасаясь, призывать к «строительству гражданского общества» – еще одной химеры, уводящей далеко в сторону от дороги к управлению собственной судьбой.

Нет, не формируют «чувства добрые» по отношению к своей стране наши экономические новости. Чтобы их формировать, чтобы вовлекать граждан в развитие страны, надо в массовых СМИ давать информацию об экономических процессах, измеряемых в натуральных показателях, ибо только они понятны и воспринимаемы каждым гражданином на уровне житейской логики и здравого смысла. И неустанно говорить о целях и результатах, к которым ведут те или иные экономические процессы.

Общественному сознанию навязываются и ложные исторические ориентиры в отношении как собственной истории, так и истории других стран и народов. Из отечественной истории

изымаются, затушевываются или «надлежащим образом» интерпретируются ее достижения, ее гордость, формируется бесконечное полотно из тиранов и палачей на фоне рабски покорного недоразвитого народа. Европейская же история предстает как пиршество достижений, как череда гениев, творящих в единении и во благо талантливых, трудолюбивых и умелых народов. Торжественная поступь прогресса прерывается лишь для преодоления зла, исходящего, как правило, «не из Европы»: разного рода варваров, диких восточных племен и деспотий.

Обе крайности являются пропагандистской ложью, живущей, однако, в массовом сознании, и жизнь этих весьма действенных мифов поддерживается с завидным упорством.

Следует бороться за собственную историю, формировать позитивный образ исторического пути народа и не оставлять без внимания любые попытки представить свою историю как историю вечного позора. Нельзя равнодушно спускать заявления типа «Сталин хуже Гитлера» – от кого бы они ни исходили, ибо не об Иосифе и Адольфе идет речь, а о русском народе и его великом подвиге. И не одного лишь подвига хотят лишить народ, а способности противостоять злу. Перефразируя Зиновьева, можно сказать, что метят в Сталина, а попадают в Россию, – это про тех, которые не понимают, что творят. Большинство же агитаторов-передовиков метят именно в Россию, используя для ее ослабления и последующей диссоциации разные имена и факты из ее истории, интерпретируя их в нужном свете.

Телевизионные посиделки с артистами и режиссерами напоминают бесконечные выступления политкаторжан перед пионерами с рассказами об ужасах того, что они пережили при проклятом царизме. Несмотря на очевидное изобилие наград и званий, полученных в советское время, несмотря на более чем благополучную жизнь, несмотря на всенародную любовь, признание, они, как китайские куклы-болванчики, чуть тронь, начинают качать головками и всплескивать лапками: ой, при царизме – пардон, при социализме – было так плохо, все до одного фильмы запрещали, никакие роли не давали сыграть, все сценарии подвергались безжалостной цензуре, никого не допускали на телеэкраны и на радио! Как же им хочется побыть жертвами тоталитарного режима – «продлись, продлись, очарованье!» – вдруг за это пресмыкательство еще что-нибудь дадут? Как же быстро позабыт контрпродуктивный опыт коммунистической пропаганды, рисовавшей жуткие образы «царизма» и «поповщины» дореволюционного периода, формировавшей образ «тюрьмы народов». К чему привела эта агитация и пропаганда? К полному краху. А мы хотим не краха, а расцвета, свободного развития каждого, всеобщего блага. Это желание – само по себе уже есть идеологический вектор. Идеология – порой трудноуловимая, но влиятельная, действенная реальность.

Призрак бродит по России, призрак новой идеологии. Она еще не найдена, не осознанна, не сформулирована. И от того, как скоро это произойдет, зависит судьба страны: успеет эта идеология сформироваться и начать строительство нового жизненного уклада или же прежде этого Россия пройдет точку невозврата в своем порочном попятном движении к уходу в историческое небытие?

Новую идеологию ищут – на уровне ощущений, на уровне отстаивания своих привязанностей, на уровне подражания увиденному у других, на уровне стремления победить врагов – действительных и мнимых, на уровне мести и сведения счетов, на уровне научного теоретизирования...

Огромные массы людей еще помнят времена господства коммунистической идеологии, помнят те бесспорные достижения в жизненном укладе, которого страна добилась в своем небывалом и стремительном развитии, призывают вернуться к этой идеологии и вновь «рвануть вперед». Другие же, тоже помня времена коммунистической идеологии, вспоминают их с ненавистью и страхом, неустанно твердя о репрессиях, о богоборчестве, о «русификации», об уравниловке и многих других пороках и проблемах прежнего времени. Третьи призывают прекратить вообще всякие эксперименты и взять за образец чужую идеологию, внедрить ее в России, даже если для этого придется переформатировать менталитет народа, придумать ему другую историю, сформировать иные ценности.

Все эти размышления, ощущения, призывы и агитационно-организационная деятельность являются составными частями процессов формирования и борьбы идеологий. Некоторые из них имеют названия – «национализм», «исламизм», «неолиберализм», «социал-демократизм», «неонацизм» и т.д. На самом же деле в большинстве случаев названия условны, то есть не отражают сути весьма эклектичных идеологий или их прообразов. Еще менее точ-

ны политологические и журналистские ярлыки типа «правые», «левые», «демократы», «консерваторы» и т.п.

Могут ли примириться идеологические чаяния разных слоев населения или им суждено определить победителя в смертельной схватке? Может ли сформироваться общая для всех идеология или же идеология, как считал Маркс, всегда есть идеология класса, и поскольку классы пребывают в непримиримой борьбе, то и их идеологии эту борьбу отражают, сопровождают и направляют? В какой мере это верно для современной России? Можно ли сконструировать – точнее, синтезировать – идеологию, в которой бы не просто мирно уживались, а были естественными неотделимыми составными частями пока еще разведенные по разным углам базисные принципы, позволившие обеспечить невиданную экономическую эффективность и самодостаточность, ощущение единства, стабильности и правоты периода строительства социализма, религиозную и конфессиональную свободу и влияние, национальные ценностные и целевые ориентиры, не подвергающие при этом существенным повреждениям базисное ценностное ядро народа как единого целого? От положительного ответа на эти вопросы, от воплощения этих принципов в реальной жизненной практике зависит будущее страны и населяющих ее народов.

Но чтобы идеология не только имелась, но и влияла, мало ее придумать, нужны ее носители и промоутеры. У идеологии либерализма были и есть промоутеры, сформировавшиеся в период перестройки, сплотившиеся в период приватизации и ставшие единственным интерфейсом власти в последующие годы. Их обычно называют «демократами», «либералами», «рыночниками» и т.п., с ними связывают различные политические партии. В период «управляемой демократии» именно эта «слойка» (перекличка с пресловутой марксистско-ленинской «прослойкой»), имеющая, как джокер в колоде карт, много обличий и самоназваний, рассказывала народу о власти и власти о народе, формируя не только информационное поле, но и влияя на направления принятия решений. Сейчас в этой сложной конструкции «власть»–«слойка» происходят наложившиеся друг на друга расхождения, в результате которых «слойка» «расслоилась». Часть ее – «как-бы-оппозиция» – продолжает играть прежнюю музыку, другая часть застыла в ожидании новой партитуры. Прежней музыкой власть уже, вроде бы, не стремится дирижировать, к тому же эта музыка не воспринимается позитивно большинством населения, точнее, воспринимается как та самая агрессивно-токсичная информационная среда, о которой мы говорили выше. А новой музыки пока нет, не определены и подходящие исполнители. Следует со всей ясностью осознать, что деструктивно-дестабилизирующая повестка дня неадекватна тем задачам и тем целям, которые все явственнее проявляются в словах и делах властной элиты. Но чтобы ее изменить, нужно и новое содержание, и новый контингент, способный это содержание формировать и транслировать.

Создание идеологии развития – желанная, необходимая, но труднодостижимая цель. Даже сама постановка подобного вопроса требует политической мудрости и смелости. Формулирование этой цели как задачи, решение которой несет в себе технологию обретения требуемой идеологии, является проблемой высшей сложности. А уже ее решение можно смело отнести к выработке человечеством спасительного мироустройства, чего никогда и никому прежде достичь не удавалось.

В текущем номере альманаха мы лишь приближаемся к этой теме, «ощупываем» пространство смыслов. Условная тема номера может быть сформулирована как и заглавие первой статьи: «Идеологии и ценности» (Михаил Байдаков и Сергей Белкин). В том или ином аспекте эта тема раскрывается и в других статьях, посвященных «урокам Макиавелли» (Юрий Осипов), размышлениям о «Евразии и евразийстве» (Владимир Малявин), в рассуждениях «о свободе» (Александр Разумов), в исследовании проблемы выбора, вставшего перед Католической церковью (Карен Свасьян, Александр Неклесса, Вадим Прозоров, Ольга Четверикова). Анализ моделей развития, экономических стратегий и проектов в статьях Сергея Кара-Мурзы, Владимира Батурина, Сергея Гаврилова, Виктора Гайкина также связан с поиском идеологии развития, а в интервью с нижегородским губернатором Валерием Шанцевым можно увидеть проблемы и достижения на пути практической реализации проектов регионального развития. Надеемся продолжить и углубить эту тему в последующих номерах альманаха. Мы видим свою роль не в слепой «поддержке курса» или в его отрицании, а в содействии выработке идеологии развития, внедрении ее в практическую политику, в распространении ее в общественном сознании. Надеемся, что альманах «Развитие и экономика» отвечает этим задачам.

Михаил Юрьевич Байдаков – издатель альманаха «Развитие и экономика», председатель правления «Миллениум Банка»

Сергей Николаевич Белкин – главный редактор альманаха и портала «Развитие и экономика»

Идеологии и ценности

Вопрос об идеологии – ее пагубности или благотворности – не сходит с повестки дня общероссийского дискурса о судьбе страны вот уже не одно десятилетие. Раньше жизненная необходимость «единственно верной» идеологии постулировалась как истина, и директивно назначалась соответствующая система взглядов. На смену этой жесткой идеологической дисциплине, имевшей, помимо прочего, еще и статус юридической нормы, пришло отрицание не только господствующей идеологии (что тоже было наспех закреплено в виде конституционного требования), но и надобности в идеологии вообще. Однако Конституция конституирует, а жизнь идет по своим законам. Вопросы идеологии и ценностей представляются нам весьма важными, недостаточно разработанными и, несомненно, пребывающими в общественном сознании в хаосе разноголосицы. В связи с этим мы хотим затронуть некоторые из них ради постановки в общественно-политической дискуссии, предложив в ряде случаев свои оценки и суждения.

Вот некоторые из вопросов, представляющиеся нам важными.

Что такое идеология сегодня, в каких формах она себя реализует в современных обществах? Кто и как создает и внедряет идеологию: государство, правящая политическая партия, культурный, религиозный, политический и иной контекст, формирующийся в разных источниках – научных исследованиях, СМИ, литературе, кино, театре, ТВ, Интернете и пр.?

Существует ли сегодня в России идеология? Нужна ли России идеология? Может ли религия (какая-либо или конкретная) полностью взять на себя функции идеологии? Какова связь между идеологией и

Барельеф с Алтаря мира. I век

ценностями (личностными, социальными и пр.)? Что первично, что вторично? Какова природа ценностей? Какова палитра ценностей современного российского общества? Существует ли конфликт ценностей? Как он может быть (и может ли быть) разрешен?

Несмотря на пропагандистские попытки убедить общественное мнение в пагубности идеологии и в благодатности ее отсутствия с момента принятия Конституции РФ, запрещающей иметь какую-либо господствующую идеологию, она, конечно, существует. Больше того: существует и господствующая, вернее, доминирующая идеология, о которой мы скажем ниже, однако сперва вспомним – что такое идеология.

Предлагается много различных определений понятия «идеология». Все они содержат описание того, что идеология – это система взглядов, идей, идеалов, отражающих мировоззрение и интересы общества в целом или его частей. Отличаются определения тем, что одни из них признают в качестве идеологий лишь те системы взглядов, которые оформлены концептуально, скажем, в виде программ политических партий, выделяя тем самым политическую ипостась идеологии как формы общественного сознания. Более «мягкие» определения описывают идеологию скорее как часть культуры, допуская существование множества идеологий у самых разных групп и слоев населения в формах стихийного, неконцептуализированного мировосприятия. В этом случае понятие идеологии приближается к понятиям индивидуальной или групповой системы ценностей, правил и норм поведения, нравственных регуляторов, отражающих системы взглядов семьи, религиозной или этнической группы, профессионального объединения или любого иного социального среза общества.

Практическая политика может определяться как концептуально оформленными идеологиями, так и без них, проводя в жизнь ту систему взглядов и ценностей, которой по факту привержена властная элита. Такая тактика оказывается иногда удобной, поскольку выводит властную элиту из пространства идеологической борьбы, позволяя ей легко уклоняться от всех видов идеологического оружия и давления.

Практическая политика может определяться как концептуально оформленными идеологиями, так и без них, проводя в жизнь ту систему взглядов и ценностей, которой по факту привержена властная элита. (Употребляя здесь слово «элита», мы имеем в виду узкофункциональный, а не культурно-этический аспект, то есть «элита» – это не самые лучшие люди, а группа лиц или сообщество, принимающее политические решения и воплощающее их в жизнь.) Такая тактика оказывается иногда удобной, поскольку выводит властную элиту из пространства идеологической борьбы, позволяя ей легко уклоняться от всех видов идеологического оружия и давления. Слабость же такой тактики состоит в том, что властная элита ограничена в своих возможностях мобилизации насе-

Лоуренс Альма-Тадема. Каракалла и Гета. 1907 год

И без того размытые границы современных идеологий перестали вообще что-нибудь значить. С обществом, находящимся в таком состоянии, гораздо эффективнее работают так называемые механизмы демократии. Если из демократического процесса изъяты идеологические ориентиры или они размыты, общество превращается в стадо, а управление им сводится к несложному алгоритму взаимодействия пастуха и овчарки.

ления как для осуществления проектов развития и достижения общих целей, так и для собственной защиты, поскольку как только оппозиционные политические группы смогут мобилизовать общественное мнение под знамена альтернативной идеологии, удержать власть будет трудно. Основной же изъян, вызванный отсутствием адекватной времени идеологии у правящей элиты, состоит в принципиальной невозможности стратегического планирования судьбы страны и населяющих ее народов как единого целого, обеспечения ее суверенного существования и безопасного развития.

Именно в этой ситуации сейчас находится правящая элита и даже правящая политическая партия «Единая Россия», не манифестировавшая определенной идеологии, а сформировавшая внутрипартийные «платформы» с разной идеологической окраской, о которых Сергей Нарышкин сказал: «Либералы, консерваторы, государственники – все мы патриоты и члены одной партии». И это не ее выбор, а ее родовой признак, поскольку рождалась она по замыслу властной элиты, то есть той социальной группы, которая уже находилась у власти и создавала необходимые ей функциональные политические формы под себя.

Отсутствие манифестированной идеологии не означает отсутствие идеологии как таковой. Любая власть в своих делах проявляет систему присущих ей взглядов и ценностей, не исключение и российская власть новейшего времени. Диагностируя идеологический выбор власти по принятым ею подходам во внутренней и внешней политике, экономике, культуре, ограничениям или их отсутствию в сфере общественной морали и идеалов, деятельности СМИ, политике в области образования, здравоохранения и других сферах жизни, следует с тревогой признать критическую эклектичность идеологии российской власти. Критическую в том смысле, что в ней на равных правах нали-

чествуют смертельно противоборствующие системы взглядов – от социал-дарвинизма, неорабовладения и всех иных видов социальной сегрегации до планов и действий по построению социального государства, общества справедливости. Ясно, что такой клубок противоречий в святая святых политической власти не может не привести к ее коллапсу, а вслед за этим и к разрушению государства.

Непривязанность правящей элиты и партии к какой-либо идеологии дает ей временное тактическое преимущество: она может следовать любой политике, поддерживать любую перемену политического курса. В этом смысле партия без идеологии («партия нового-нового типа») становится идеальным инструментом для определенной части политической элиты «нового типа». То есть такой «элиты», которая имманентно не связана идеологией, не имеет высоких идеологических, духовных устремлений, а озабочена лишь собственными меркантильными интересами, удержанием власти, победой во внутренней борьбе частей неоднородной элиты и сохранением покровительства со стороны тех внешних сил, на которые она уповает в своих сокровенных чаяниях.

Однако как только перед властной элитой или ее частью встает вопрос о самостоятельном и успешном развитии России, с очевидностью возникает необходимость в артикуляции идеологии, способной обеспечить это движение. Такую идеологию естественно назвать идеологией развития, подчеркнув тем самым ее направленность. Поскольку развитие возможно только на основе самореализации народа, способного в своем историческом движении сочетать опору на собственные базовые ценности с адекватными целям и обстоятельствам трансформациями жизненного уклада, идеология развития должна включать в себя как базовые ценности, так и факторы роста.

Произнося слова «правящая элита», мы допускаем упрощение, поскольку такая элита неоднородна, внутри нее происходят сложные процессы формирования и эволюции разных взглядов, отражающих разные идеологии и ценности. Важно также не забывать, что эти процессы протекают во времени достаточно быстро: охарактеризовав так или иначе «правящую элиту» несколько лет – а порой и месяцев – тому назад, следует внимательно проанализировать самые последние события и действия, которые могут потребовать уточнения или перемены идеологических оценок.

В предвыборных программных статьях Владимира Путина представлена определенная ценностная палитра, сформулированы конкретные задачи, которые следует решать. Став президентом, он предпринимает действия, направленные на достижение указанных целей. При этом мы наблюдаем процесс противоборства, который некоторые аналитики сводят к «борьбе элит». Мы же полагаем, что это отражение гораздо более фундаментального процесса тектонического сдвига в ценностных ориентациях и этическом выборе планетарного масштаба, который влияет и на личностные предпочтения действующих лиц. Мы наблюдаем непрекращающуюся критику действий президента со стороны так называемых оппозиционных сил. Мы видим, как обществу навязываются ценности, которые и мы, и президент в ряде своих высказываний считаем чуждыми. В полном противоречии с целями, обозначенными президентом, идет демонтаж системы образования, в массовой культуре продолжается засилье низкопробных образцов литературы и искусства, система государственного управления продолжает оставаться коррумпированной и неэффективной, обществу не предложены ясные и привлекательные образы будущего, в связи с чем личные цели и представления об успехе у многих сводятся к удовлетворению самых примитивных запросов. Наряду с этим увеличивается та часть общества, которая не просто бездумно поддерживает Путина, но понимает глубину и сложность происходящих трансформаций, способна вычленять позитивные процессы и осознанно им содействовать, оказывая при этом сопротивление всему, что толкает Россию на путь распада и деградации. Рост этой части общества, углубление уровня ее понимания происходящего, усиление ее влияния на процесс прорыва России к подлинному развитию – это сегодня самый главный социальный процесс в стране. Для поддержания и развития этого процесса необходимы интеллектуальные центры, обеспечивающие основательный анализ социокультурной динамики и политических

В стране сложилась совершенно определенная идеология, воплощающаяся в конкретной каждодневной экономической, культурной и информационной жизни. Ее нельзя назвать господствующей де-юре, но можно считать доминирующей де-факто. Для нее трудно подобрать название из числа имеющихся, придется попытаться придумать нечто новое – например, назвать олигархическим псевдонеолиберализмом.

действий, предлагающие свои оценки и решения как заинтересованным в этом президенту и части элиты, так и всему обществу. Такие центры у нас имеются. Одним из старейших и мощнейших является тот духовный, интеллектуальный и политический кластер, который образуют общественные организации – МОФ «Диалог цивилизаций», Фонд Андрея Первозванного, Центр национальной славы – и реализуемые ими программы. Здесь на протяжении многих лет идет непрекращающаяся работа собирания интеллектуальных сил, ведущих поиск путей развития России с сохранением ее духовной, нравственной сути, со сбережением и умножением ее культурного наследия. Авторы, являясь частью этого сообщества и этого процесса, стремятся, в том числе и этой статьей, внести собственный вклад в общее дело. Частью такого дела является формирование новой идеологии – идеологии развития. Мы видим роль экспертно-аналитического сообщества в формулировании практической идеологии, которая обеспечивала бы развитие России в интересах всех ее граждан с сохранением базовых ценностей народа, в поиске социогуманитарных и политических технологий реализации этой идеологии, в поддержке действий политической элиты и политических лидеров, способствующих внедрению таких технологий, в критике тех действий, которые тормозят или разрушают движение России к развитию. Любые действия правящей элиты формируют пространство, в котором вызревают идеологии. Реалии современной политической жизни страны состоят в наличии противоречивых взглядов, целей и действий, производимых правящей элитой. Отсюда и наблюдаемая эклектика фактической «суммы идеологий», в которой пребывает сегодня страна. Это процесс более сложный, нежели следование избранной, сформулированной и внедренной в сознание большинства общей идеологии, как это было в СССР и как это имеет место, например, в США. Вариант идеологической формулы Америки недавно ясно сформулировал сенатор Джон Маккейн: «Для Америки наши интересы – это наши ценности, а наши ценности – это наши интересы». Россия пока переживает период поиска «суммы идеологий» и еще далека от обретения чеканных формул собственного прошлого типа «Православие, самодержавие, народность» или «Наша цель – коммунизм». Тем не менее процесс формирования фактической идеологии идет.

В этом процессе отчетливо видны самые разные черты – светского гуманизма и православной морали, либеральных политических свобод и неолиберальных экономических принципов, поддержки неограниченного роста личного благосостояния и социальной защиты населения, стремления к политическому суверенитету и врастания в мировую глобализированную политико-экономическую реальность, укрепления военной мощи, обеспечения безопасности и разнонаправленности внешнеполитического вектора. Многие аналитики утверждают, что среди этих устремлений есть взаимоисключающие. Скажем, опираясь на неолиберальные экономические принципы, невозможно построить социальное государство, а внедряя либеральные политические свободы, нельзя не разрушить православную мораль и т.д. Ясно, однако, что в действительности вопрос «примиримости» разных подходов есть вопрос о мере влияния тех или иных принципов: абсолютизирование любого из них делает невозможным применение его диалектической противоположности. Видимо, лишь «подгонка» принципов на основе взаимных уступок может позволить выработать некую синтетическую идеологию, отвечающую интересам всех социальных групп, вернее, компромиссу интересов. К этой ли цели стремится президент или же его действия есть лишь ситуативное реагирование на сложный и противоречивый комплекс факторов, влияющих на его выбор, мы не можем сказать с однозначной определенностью. Полагаем, однако, что имеются как указанные стремления, так и учет реальных политических факторов.

Очень важно уметь ориентироваться в сложном пространстве вбрасываемых в общественное сознание слов, идей, концептов. Надо уметь распознавать соответствие или противоречие между предлагаемыми подходами и собственной системой ценностей. А это весьма непростая задача, усложняющаяся в том числе и тем, что собственные ценности зачастую остаются неосознанными и неопознанными, их наличие воспринимается лишь с их утратой. И помощь в этом должно оказать экспертно-аналитическое сообщество и те СМИ, которым близки названные идеалы.

В пространстве идеологий наблюдается турбулентный процесс. Прежде у идеологических направлений были свои наименования – например, «левые», «правые», «либералы», «демократы», «консерваторы», «социалисты» и т.д. Сейчас произошли их полное перемешивание и неоднократная перемена содержания. Сперва мы наблюдали, как те, которых следовало называть «левыми», стали «правыми», «левые» же оказались «кон-

серваторами и реакционерами». В результате и без того размытые границы современных идеологий перестали вообще что-нибудь значить и, следовательно, служить идейными ориентирами. Это важная причина глубокой деидеологизации общества, приведения его в состояние невозможности идеологического выбора. С обществом, находящимся в таком состоянии, гораздо эффективнее работают так называемые механизмы демократии. Если из демократического процесса изъяты идеологические ориентиры или они размыты, остается усеченный набор простеньких эмоциональных критериев и предпочтений. Общество превращается в стадо, а управление им сводится к несложному алгоритму взаимодействия пастуха и овчарки.

Говоря об идеологической палитре современной России, следует признать наличие множества идеологий, присущих разным социальным группам. Немногие из них оформлены в политические программы и обладают институциональными формами – структурами, производящими, развивающими и распространяющими идеологические доктрины. При этом требование Конституции об отсутствии господствующей идеологии формально соблюдено: нет единого государственного органа, производящего, манифестирующего общегосударственную идеологию и контролирующего ее внедрение в жизнь – наподобие того, как в свое время делали аппарат ЦК КПСС, партийные органы и контролируемые ими СМИ. Или же в той форме, в какой сейчас осуществляется идеологическое доминирование в США – посредством документов типа «Патриотического акта 2001 года», а также разработанных государственными институтами «Стра-

Античная статуя, изображающая Судьбу

Страх перед собственным прошлым, экономическая и информационная зависимость от критикуемой «либеральной» среды, неспособность определить общую для всех цель и ценностную базу делают огромное большинство народа безвольной податливой ворчащей массой, а не здоровой нацией, способной к развитию. Если не произойдет концентрации ума и воли, народ так и утечет в черную дыру истории, куда уже влечет его «рок событий».

тегий национальной безопасности» или посланий президента. В России аналог этих акций можно усмотреть в цикле статей Владимира Путина в период его предвыборной кампании и в посланиях президента Федеральному Собранию. Совокупность идеологических сигналов, исходящих, с одной стороны, от президента и сторонников развития России, с другой – от приверженцев иных взглядов, внедряющих свои ценности посредством СМИ и влияния на культуру, формирует в общественном сознании аморфную смысловую среду, в которой трудно осознать идеологическую линию, способную служить и общенациональным идеалом, и руководством к действию по его достижению.

В результате в стране сложилась совершенно определенная идеология, воплощающаяся в конкретной каждодневной экономической, культурной и информационной жизни. Ее нельзя назвать господствующей де-юре, но можно считать доминирующей де-факто. Для нее трудно подобрать название из числа имеющихся, придется попытаться придумать нечто новое.

Не следует называть такую идеологию просто неолиберализмом, как часто делают и критики, и апологеты этой модели в России, и здесь следует кое-что разъяснить. Неолиберализм возник в поисках нового инструментария в период «Великой депрессии», дополнив классический либерализм рычагами государственного регулирования. По замыслу роль государства состояла в защите свободного рынка и конкуренции от всяких посягательств на них как со стороны политических движений, так и со стороны самих участников рынка, стремившихся к монополизации. Этот подход оказался эффективным инструментом в руках политико-экономической элиты США и впоследствии распространился по всему миру, сформировав, в частности, тот процесс, который сегодня называют глобализацией.

У правящей элиты США оказалось в руках много инструментов, позволяющих ей маневрировать не в одномерных пределах линии «капитализм–социализм», а, как минимум, на двумерной плоскости, включая попеременно и по мере надобности то рыночные, то государственные рычаги регулирования и экономики, и общественно-политической жизни. Прочие же страны могут и должны в лучшем случае ползать по отведенному им отрезку линии «капитализм–социализм», а в худшем – оставаться в указанной им точке.

В своем развитии неолиберализм достиг уровня отрицания самого себя: в последние десятилетия финансово-промышленная элита самым прямым и жестким образом использует государство и все его властные возможности для ведения собственного бизнеса, а государственный бюджет – для «спасения» своих банков, оказавшихся в состоянии банкротства и т.д. Сегодняшний «неолиберализм» – это уже не тот романтический «справедливый» регулятор, обеспечивавший свободу конкуренции. Сегодня это некий новый монстр в руках весьма небольшого количества транснациональных финансово-промышленных групп, действующий в своих интересах, а вовсе не в интересах «всеобщего развития и процветания». Называть его по-прежнему неолиберализмом неверно. Поэтому и придумываются некие новые названия, пытающиеся отразить рост вмешательства государства, такие как, например, интервенционизм. В России и других бывших «странах социализма» манифестирован обратный процесс: снижение роли государства во всех сферах жизни, то есть как бы движение от социалистической к неолиберальной экономике. На деле в этом движении функция государства весьма противоречива. С одной стороны, заявлено строительство социального государства с рыночной экономикой. То есть государство берет на себя обеспечение социальной защиты населения и его политических свобод, предоставляя рыночным механизмам поддерживать экономический рост и конкурентоспособность государства в мировой экономике. С другой стороны, механизм клановоолигархического использования государства, коррупция как способ управления, возникшие с самого начала 90-х и окрепшие в дальнейшем, не позволяют считать политико-экономический режим современной России ни либеральным, ни неолиберальным. В 1992 году госрегулирование заявило: уничтожьте меня, но я по-прежнему буду решать, кто, когда и на каких условиях

Чаще всего разговор о современных проблемах социальных ценностей так или иначе апеллирует к теме кризиса ценностей. Словосочетание стало устойчивым выражением и, как это часто бывает с устойчивыми выражениями, создает иллюзию понимания явления. В то время как слова «кризис ценностей» без погружения в более тщательный анализ не объясняют вообще ничего и даже не обозначают предметную область проблемы.

Иоганн Лингельбах. Карнавал. Около 1650/1651 годов

Общество погружено в ценностный хаос, в постмодернистское пространство аномии, в непрерывный калейдоскоп как бы равнозначных смыслов и ценностей. В мире ценностей неолиберализм принимает форму постмодернистского хаоса. В этом карнавальном вихре только режиссер действа способен распознать своих, остальные должны утратить способность к различению, к осознанию самого понятия ценности.

будет меня уничтожать. Так что либералов и неолибералов у нас во властной элите никогда и не было: все до одного использовали только инструменты государственного регулирования, а вовсе не свободной рыночной конкуренции – начиная от гайдаровской революции сверху, до чиновников-коррупционеров, формирующих уже второе – наследственное – поколение в России.

Сложившуюся в стране практику можно назвать олигархическим псевдонеолиберализмом, сокращенно – в рамках настоящей статьи – ОП. ОП-идеология охватывает две сферы – экономическую и социально-политическую. Последовательное применение ОП-принципов в экономике привело хозяйство России к деградации промышленного производства и утрате рынков сбыта промышленных изделий, к «экономике трубы», к применению коррупционных схем управления, к практически полной финансово-экономической зависимости государства от внешних факторов. Надо сказать, что ориентация именно на ОП-принципы в экономике имеет отнюдь не стихийный или вкусовой характер. ОП в России является наиболее тщательно и широко выстроенной системой институтов, он хорошо оснащен теоретически, технологически и кадрово. Экономическая политика России с самого начала на словах опиралась на неолиберальные концепты, ориентировалась на соответствующие школы за рубежом, формировала отечественные государственные институты (такие как, например, ГУ-ВШЭ и РЭШ). Поддерживались соответствующие направления исследований в академических институтах, формировались некоммерческие общественные организации: фонд «Либеральная миссия», ИНСОР и пр. В

Происходящее полностью не удовлетворяет никого: ни тех, чьи идеалы и ценности можно условно считать «неолиберальными», ни тех, которых можно отнести к «консерваторам»: и те и другие организуют оппозиционные движения и партии, проводят шествия и митинги, ведут активную пропаганду всеми доступными средствами. Недовольны и «демократы», и «коммунисты», и христиане, и мусульмане, и молодые, и старые.

систему подготовки экономистов повсеместно внедрялись неолиберальные стандарты и т.д. Все это обеспечивало и продолжает обеспечивать якобы существующую научную базу, доминирование парадигмы и иллюзию того, что эта парадигма – неолиберальная. На протяжении двух десятилетий никакие естественные и иные смены лидеров и управленческих групп не повлияли на основной вектор экономической политики, поскольку возможности ОП-уклада в экономике вполне отвечают устремлениям властной элиты и околовластных кланов. С учетом фактического положения дел ОП следует признать доминирующей государственной идеологией современной России. При этом официальная риторика, более двадцати лет обрушивающаяся на общество, неизменно повторяет лишенные внятного содержания фразы, содержащие понятия, давно не обладающие «физическим» смыслом: «демократия», «гражданское общество», «прогресс», «права человека», «капитализм», «социализм», «модернизация», «экономика», «развитие», «прогресс» и многие другие. Не прекращающаяся все эти годы критика неолиберализма, несмотря на ее безупречную аргументацию, глубокую научную проработку, несмотря на очевидно плачевные для страны результаты якобы применения неолиберализма, мало влияет на экономическую ОП-практику. Критики неолиберализма комфортно чувствуют себя на дискуссионных площадках, но при этом их влияние на выработку государственной стратегии невелико. К тому же критикуют обычно именно неолиберализм, что вполне безопасно и совершенно бессмысленно, поскольку его не существует. Тем не менее процесс критики, дискуссии, поисков альтернативных моделей развития не только жизненно необходим сам по себе, в том числе в качестве возможного базиса будущей политики, но и как фактор, оказывающий влияние на ход формирования новых социальных форм. Следует, однако, признать недостаточность и этого влияния, невысокий уровень организованности и владения социально-политическими технологиями, пренебрежение организационно-пропагандистской работой.

Еще одна слабость нестройного хора критиков «либеральных» ценностей и идеологии – это отсутствие или неспособность применения методологического и концептуального инструментария, позволяющего выявить подлинное направление и суть навязанного стране движения, опознать конечный пункт назначения и окончательные последствия его достижения. Страх перед собственным прошлым, экономическая и информационная зависимость от критикуемой «либеральной» среды, неспособность определить общую для всех цель и ценностную базу делают огромное большинство народа безвольной податливой ворчащей массой, а не здоровой нацией, способной к развитию. Если

не произойдет концентрации ума и воли, народ так и утечет в черную дыру истории, куда уже влечет его «рок событий». Все чаще можно услышать рассуждения о постлиберализме в связи со ставшим почти очевидным крахом «либеральных» и «неолиберальных» надежд, погружающихся в пучину мирового системного кризиса. Не только интеллектуалы, но и наиболее дальновидные политики понимают неизбежность обретения новых принципов жизнеустройства и построения новой системы миропорядка. Только отставшие от авангарда обозные агитаторы, несамостоятельные политические деятели и мародеры, добирающие остатки с разграбляемых территорий, продолжают пропагандировать и внедрять в жизнь «вечные либеральные ценности», избрав для этого в качестве поприща страну, все еще остающуюся инерционной средой, – Россию. Россия движется в поле тех сил и обстоятельств, в зону действия которых она попала в последние десятилетия, не в силах обрести ни ориентиры и цели, ни механизмы управления целенаправленным движением. Отсюда часто говорят, что страна лишена субъектности или что страна не имеет национальной идеи, образа будущего и т.п. Обозначенная проблема является проблемой формирования идеологии и применения ее в практике стратегического планирования.

Большинство людей, в том числе и прежде всего избиратели, в своих политических предпочтениях не ориентируются на идеологические конструкты. Их критерии выбора лежат в большей степени в сфере эмоционального, нежели логического. Отсюда, в частности, известный успех лозунга «голосуй сердцем», в этом же ряду – поиск названий политических партий не по идеологическим и политическим признакам, а по признакам «поэтическим»: «Справедливая Россия», «Единая Россия», партия «Родина» и т.п. По существу – это обращение к ценностным, а не идеологическим системам.

Чаще всего разговор о современных проблемах социальных ценностей так или иначе апеллирует к теме кризиса ценностей. Словосочетание стало устойчивым выражением и, как это часто бывает с устойчивыми выражениями, создает иллюзию понимания явления. В то время как слова «кризис ценностей» без погружения в более тщательный анализ не объясняют вообще ничего и даже не обозначают предметную область проблемы.

Прежде всего, на наш взгляд, совершенно неуместно говорить о кризисе, каким бы смыслом ни наполняли это понятие. Словарные определения кризиса весьма неточны. Вот, например: «Кризис (поворотный пункт. – *греч.*) – переворот, пора переходного состояния, перелом, состояние, при котором существующие средства достижения целей становятся неадекватными, в результате чего возникают непредсказуемые ситуации и проблемы». Не следует так трактовать понятие кризиса, это очень неточное, в сущности, даже неверное определение. «Перелом», «поворот» характеризуются не столько неадекватностью методов достижения целей, сколько утратой самих целей или их заменой на новые цели. То, что происходит с ценностями у нас в стране, да и в мире в целом, следует описывать, скорее, как конфликт ценностей, а не кризис.

Повторим точку зрения на взаимосвязь ценностей и целей, высказанную в предыдущем номере альманаха: цели в существенной мере определяют ценности. Разные общественные слои жаждут и чают различных целей, для достижения которых ценностями становятся определенные ресурсы и линии поведения. И когда кто-то говорит о кризисе ценностей, он имеет в виду либо неразвитость, недооценку чего-то, что он считает ценностями, либо высказывает опасение, что неким «подлинным», «правильным» ценностям привержено недостаточное количество соотечественников или – чаще всего – их игнорирует властная элита. Опасение также вызывает ведение всей страны как целого к «неправильным», «ложным» целям и ценностям. И это действительно является реально существующей проблемой. Выше мы констатировали доминирование ОП-идеологии в современной России. Это доминирование проявлено и в мире ценностей, однако здесь картина гораздо более запутанная, нежели в пространстве идеологий или в пространстве экономического или политического либерализма. Было бы легче ориентироваться и, соответственно, бороться за свои (альтернативные) идеалы и ценности, если бы «неолиберальные» ценности – точнее, ОП-ценности – были определенным, недвусмысленным образом сформулированы и предложены или навязаны обществу в качестве нормативных. Вместо этого общество погружено в ценностный хаос, в постмодернистское пространство аномии, в непрерывный калейдоскоп как бы равнозначных смыслов и ценностей. Именно в этом и состоит «фишка» неолиберализма: в мире ценностей он принимает форму и облик постмодернистского хаоса. В этом карнавальном вихре только режиссер действа способен распознать своих, остальные долж-

ны утратить способность к различению, к выстраиванию ценностных систем, к осознанию самого понятия ценности. Они должны раствориться в бессмысленности, воспринимая именно это состояние как высшую свободу. Инструментом введения народа в подобное состояние является культура, прежде всего – массовая культура.

Народ, однако, сопротивляется массовому и безвозвратному уходу общественного сознания в такое состояние. Народ протестует против узаконивания однополых браков, он цепляется за обычную семью как не просто традиционную, но как единственно возможную «ячейку общества». Народ также не принимает попытку государства стать выше семьи в вопросах воспитания детей путем внедрения ювенальной юстиции. Он инстинктивно не доверяет государству, принявшему в качестве доминирующей ОП-идеологию. Народ не хочет отказаться от собственной истории как предмета гордости, как фактора развития, а не как криминальной сводки или обвинительного заключения на «историческом процессе», где предлагают стыдиться прошлого своих отцов и дедов и каяться за него. Народ не хочет воспринимать друг друга как среду для конкурентной борьбы за собственный материальный успех, а не внутренне доброжелательное сообщество, движущееся к общим целям. Народ не хочет признавать искусством любой предмет, включая человеческие испражнения, на том основании, что это кем-то названо «артефактом» и «актуальным искусством». Народ называет самое мощное орудие промывания мозгов – телевидение – «зомбоящиком» и справедливо полагает, что смотреть телевизор – все равно что глядеть в выгребную яму.

Мы говорим «народ», понимая, что речь идет о его части, быть может, и большей части, но не обо всем народе. Другая его часть – быть может, и меньшая – не только считает иначе, но и действует иначе. Именно эта – «другая» – часть и создает то информационное пространство культуры, с которым не согласен остальной народ и которое призвано изменить его менталитет ради тотального торжества ОП и постмодернизма. Ну, а если не удастся изменить, то... Такой народ им не нужен. Он не просто мешает, он – обременителен.

Ряд действий президента подмывает сложившуюся ОП-практику, о чем свидетельствует в том числе направленная в его адрес критика «слева», «справа» и со всех остальных сторон, организованная прямыми и косвенными бенефициарами ОП-экономики. Но еще более об этом свидетельствует растущая поддержка действий президента со стороны народа. ОП-идеология, распространившись по факту, не может обрести ни статуса, ни качества подлинной идеологии: это не идеология, а сложившаяся практика. В этом, в частности, надежда на избавление от нее: практику изменить легче, чем идеологию, внедрившуюся в сознание масс.

В современном российском обществе трудно определить сколько-нибудь заметную и значимую социальную группу, которая считает, что ее ценности, цели и идеалы находятся не то что в соответствии с сегодняшним состоянием общества и наблюдаемым движением страны в будущее, но хотя бы не состоят в непримиримом противоречии с происходящим. Происходящее полностью не удовлетворяет никого: ни тех, чьи идеалы и ценности можно условно считать «неолиберальными», ни тех, которых можно отнести к «консерваторам»: и те и другие организуют оппозиционные движения и партии, проводят шествия и митинги, ведут активную пропаганду всеми доступными средствами. Недовольны и «демократы», и «коммунисты», и христиане, и мусульмане, и молодые, и старые... Такое состояние общества нельзя не признать тревожным, поскольку оно чревато социальными взрывами, распадом государства. Единственной политической скрепой, удерживающей страну от диссоциации в мировом геоэкономическом процессе, сегодня является парадоксальная поддержка лично президента Путина, его высокий рейтинг. Парадокс на самом деле кажущийся: народ улавливает в «сигналах», исходящих от президента, именно тот пока неясный образ общей идеологии, которой жаждет общественное сознание, ту надежду, которая упорно пробивается сквозь многослойное бетонирование чуждыми ценностями.

Степень сложности возникших проблем развития России беспрецедентна для отечественной, а, быть может, и для мировой истории. Даже теоретическое моделирование нового единства страны и общества, в котором достигнут консенсус частей при сохранении целого, представляет весьма сложную проблему. О практической ее реализации пока и речи идти не может, поскольку не то что моделирование, но и вопрос о необходимости моделирования не ставится. Страна живет по привычке, в меру здравомыслия и пассивности населения, а вовсе не в соответствии с какими-то идеалами и целями своего развития. Точнее, разнобой целей и идеалов, присущих разным социальным группам, усложняет выбор целенаправленной траектории развития,

удерживая страну в состоянии длительной неопределенности собственной судьбы.

Цели и идеалы – это варианты возможного будущего страны; тем самым будущее оказывает непосредственное влияние на настоящее. В неменьшей степени и прошлое оказывает влияние на настоящее и тоже оказывается, как это ни парадоксально, «разным прошлым». Хоть речь и идет об одном-единственном прошлом конкретной страны, его интерпретации разными историками, политиками и просто людьми, придерживающимися разных взглядов, которые представляют собой множество вариантов и толкований истории. Так некая единственная, объективно бывшая в действительности история превращается в армию исторических фантомов, атакующих друг друга и общественное сознание с целью переформатирования настоящего и достижения своих целей в будущем. Выстраивать эффективную целенаправленную политику при таком множестве равнозначных противодействующих факторов невозможно, во всяком случае, такие политические технологии еще не разработаны. Имеющиеся технологии предполагают опору на выявление, формирование и поддержку некоего главного направления действующих факторов с нейтрализацией или устранением противодействующих сил. Это требует от политиков стратегического уровня опоры на избранную доминирующую идеологию и связанный с нею набор ценностей и целей.

Идеология – рациональная система взглядов, имеющая ясную земную цель управления и преобразования общества. У идеологии и религии различны и цели, и методы, и сам предмет. Общим, но по-разному осознаваемым подпространством идеологии и религии являются ценности. И религии, и идеологии опираются на ценности и апеллируют к ним, но нет тождества между ними тремя.

Иногда можно встретить поверхностные суждения о том, что место идеологии в обществе может и должна занять религия. Это глубоко ошибочная точка зрения: идеология – рациональная система взглядов, имеющая ясную земную цель управления и преобразования общества. В идеологии нет ни тайны, ни вечности, ни мистической глубины. У идеологии и религии различны и цели, и методы, и сам предмет. Общим, но по-разному осознаваемым подпространством идеологии и религии являются ценности. И религии, и идеологии опираются на ценности и апеллируют к ним, но нет тождества между ними тремя.

Ценностный базис религии определен ее целями, и он неизменен, как неизменны цели

спасения души, если мы говорим о христианстве. Иной может быть ситуация в Церкви – земной организации людей, стремящейся к достижению высших религиозных целей, к сбережению религиозных ценностей, но действующей в изменяющейся среде, состоящей из людей, государств, идеологий и земных устремлений.

Поэтому Церковь может оказаться подверженной и идеологиям, и динамике ценностей, охватившей людские сообщества. На наших глазах под воздействием извне и изнутри Католическая, например, церковь деформирует свои ценностные устои, обсуждая, скажем, возможность освящения однополых браков. Католическая церковь, не говоря об одиозных протестантских, все более превращается в инструмент политики внешних сил, находящих своих адептов внутри самой Церкви. Процессы, происходящие сейчас в Католической церкви, проявившиеся, в частности, в досрочном уходе римского папы, касаются не только Церкви, но и всего остального мира. Ценностный кризис, по-видимому, охватил весь католический мир, а это свыше миллиарда людей в разных странах.

Наиболее популярный в общественном дискурсе любого уровня компетентности вопрос: «Куда двигаться России – в сторону "Запада" или "Востока", формировать альянсы или дефрагментировать наличное?» – тоже должен решаться в пространстве ценностного выбора, по крайней мере, с его учетом. Политико-экономические реалии не могут быть отброшены, но они и не должны быть единственными критериями оценки перспектив.

Есть, например, позиция (Владислав Иноземцев), согласно которой нам следует «"разменять" бессмысленный суверенитет на принадлежность к развитым экономикам, на участие в мировых хозяйственных цепочках, на условия нормального экономического, социального и интеллектуального развития». Россия должна вступить в ЕС и замкнуть «северное кольцо»: Европа – Россия – Япония – Северная Америка. «Россия и Америка, – пишет Иноземцев, – это две исторические окраины Европы, и все они должны воссоединиться, если хотят сохранить свои цивилизационные коды». Такая концепция, разумеется, может тоже рассматриваться, однако при этом надо постараться заранее предвидеть все последствия «размена бессмысленного суверенитета», среди которых может быть вовсе не благостное экономическое процветание, коллективная безопасность и духовный расцвет в общем цивилизационном лоне. Если с точки зрения уже существующих звеньев «северного кольца» российская территория и ее недра очевидно необходимы, то вовсе не очевидно, что участники альянса будут стремиться к сохранению языка, культуры, возможности свободного творческого развития всех россиян в русле собственных традиций. С точки зрения остальных участников «северного кольца» обеспечение подобного существования россиян не оправдано ни экономически, ни политически. Экономически – это непроизводительные затраты на содержание ничего полезного для остальных не производящего населения, а политически – это угроза возникновения альтернативных моделей развития, к чему Россия и населяющие ее народы весьма склонны и уже вкусили опыт проектирования и воплощения собственного будущего. «Дорогие россияне» смогут, паче чаяния, додуматься до новых моделей социального государства, не будут признавать и применять в своей жизни «права человека», «права меньшинств», «общечеловеческие ценности» и прочее, составляющее важный инструмент управления ими. Поэтому при разумном и ответственном проектировании «северного кольца» придется как-то «стерилизовать» необходимую массу россиян и в качественном, и в количественном отношении. Часть россиян сегодня не просто готова, но уже вписалась в западный проект – эта часть, как «товарищ Кац» из последней кинокомедии Гайдая, «предлагает сдаться». Другую часть можно «переделать», а вот остальных – уж извините, придется «стерилизовать». Насколько неотвратимы подобные последствия? Какая группировка среди строителей «кольца» – ежели таковые существуют – победит: настроенная «гуманистически» по отношению к народам «кольца» или «рационалистически»? Ответ неясен, а это означает неприемлемый уровень тревоги. В любом случае мы можем и должны задать самим себе вопрос: может ли

Необходимо развитие и углубление всех видов связей как с Европой, так и с Азией, стремление к формированию политико-экономического альянса планетарной значимости, способного сохранить культурно-историческую идентичность участников, поддержать при этом наращивание ими экономической мощи, политической независимости и способности к дальнейшему самостоятельному развитию.

Россия рассматривать вариант участия в «северном кольце» без подобных для себя последствий, не поступаясь базовыми ценностями бытия? На наш взгляд, может лишь теоретически, хотя сегодня нет ни самой стратегии, ни намерений по ее разработке, ни ресурсов – природных, экономических, политических, интеллектуальных – для «естественного» воплощения подобной стратегии. Все эти ресурсы надо изыскивать и наращивать, чего, собственно, никто не делает. В том виде, в каком этот «проект» преподносится и пропагандируется сегодня, он не несет в себе ничего, кроме желания поскорее «сдать» Россию Америке и получше лично устроиться в будущем «кольце».

Творческие и политические силы заняты обсуждением и других возможных проектов управления судьбой страны. Среди них вступление России в евро-азиатские международные альянсы, превращение России в процветающий «мост между Востоком и Западом», «между Европой и Азией», поиск моделей «альтернативной глобализации», ожидание прихода нового экономического цикла и своевременное оседлание очередного уклада, упование на благоприятное расположение планет и наступление «эры процветания»... Некоторые из этих «проектов» следует отнести к жанру фэнтези, в то же время другие надо рассматривать и анализировать как вполне рациональные модели. При этом важно не упустить из виду анализ социокультурных взаимодействий и порождаемых ими единений или конфликтов систем ценностей, не просмотреть грань допустимого в расплате духовным за материальное.

В этом смысле представляется не только предпочтительным, но единственно возмож-

Надо шаг за шагом, пядь за пядью отвоевывать занятое «противником» информационное пространство, стремясь хотя бы к равновесию ценностной палитры. Именно информационное пространство сегодня практически полностью контролируется приверженцами чуждых нам ценностей. Это относится ко всем информационным разделам – от «политики» до «спорта» – и ко всем каналам распространения информации.

Пространство культуры обладает сильным влиянием на политику, но основную ценность оно представляет само по себе. Это – накопленное национальное достояние, и ценность его – во всех смыслах – определяется тем, чем это достояние наполняется. Культурное достояние – это прежде всего то, что в головах и сердцах граждан, то, чем они дышат, о чем думают, чему отдают предпочтения, от чего отказываются.

ным направлением поиска взаимовыгодных интеграционных направлений развитие и углубление всех видов связей как с Европой, так и с Азией, стремление к формированию политико-экономического альянса планетарной значимости, способного сохранить культурно-историческую идентичность участников, поддержать при этом наращивание ими экономической мощи, политической независимости и способности к дальнейшему самостоятельному развитию. Предпосылки для такого альянса имеются как в самой истории мирового развития и взаимовлияния культур, так и в экономической целесообразности. При этом роль России не должна сводиться к функции «моста» между Европой и Китаем. Россия в этой конфигурации может и должна сыграть роль генератора и строителя новой модели социально-политического и экономического устройства, в которой будет воплощен ее собственный опыт и опыт других стран.

Так что же делать той части общества, которая отрицает доминирующую по факту ОП-практику, не хочет принимать постмодернистскую ценностную размазню вместо все еще существующего национального ценностного ядра? Мы считаем, что надо шаг за шагом, пядь за пядью отвоевывать занятое «противником» информационное пространство, стремясь хотя бы к равновесию ценностной палитры. Именно информационное пространство сегодня практически полностью контролируется приверженцами чуждых нам ценностей. Это относится ко всем информационным разделам – от «политики» до «спорта» – и ко всем каналам распространения информации. Нам ежедневно и ежечасно навязывается повестка

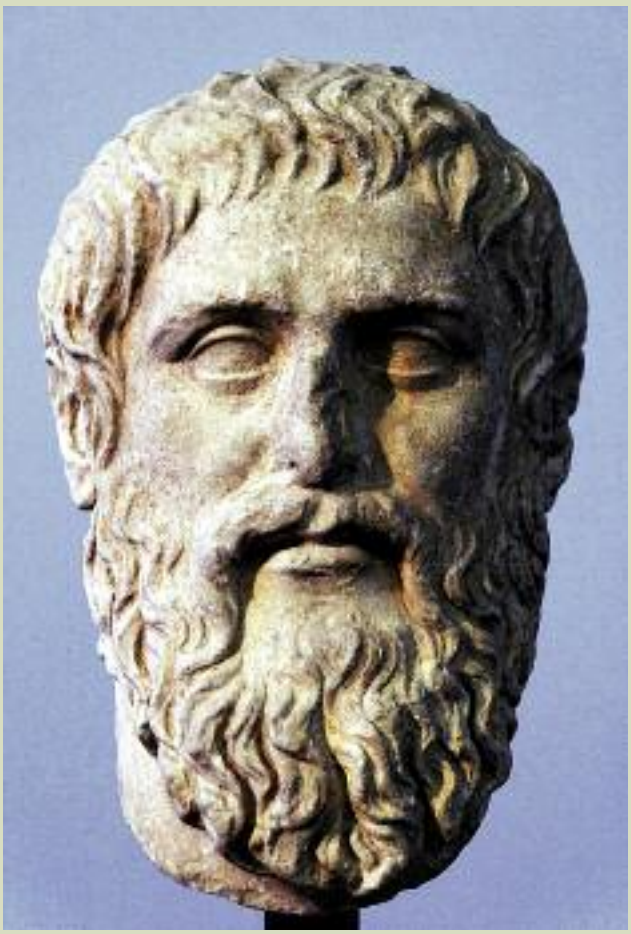
дня в выпусках новостей, нам предписывают о чем думать, про что говорить, что смотреть, что читать, чем восхищаться, а что осуждать. Если в экспертно-аналитическом поле альтернативные доминирующей идеологии точки зрения присутствуют (вырабатываются и публикуются мнения, оценки, исследования, проводятся конференции и форумы), то в общедоступное информационное поле сведения об этом просачиваются с трудом. А ведь именно общедоступное информационное поле формирует общественное мнение. Поэтому нет оснований оценивать роль научно-экспертного сообщества как значимую. Практическая политика, осуществляемая властной элитой, определяется не научно обоснованными рекомендациями, выявленными в качестве наилучших среди многих вариантов стратегии, а конкретными обстоятельствами собственного бытования и присущим элите основным инстинктом – борьбой за удержание и укрепление власти. Научные, экспертные, аналитические и публицистические материалы идут в дело как подспорье, как оправдание или квазиобоснование уже возникших политических намерений или решений. Поэтому нужно не только давать советы власти, не только высказывать недовольство и неприятие чего-либо, но и оказывать прямое воздействие на общественное сознание всеми доступными способами.

Крайне тревожно положение в пространстве культуры: даже не в самом культурном процессе, а в информационном поле, его освещающем. У тех, которые его крепко сегодня удерживают и внедряют в сознание свои ценности, собственные представления о должном, о красоте, об успехе, о надлежащем будущем и о «позорном» прошлом. Здесь налицо практически тотальный контроль со стороны приверженцев ОП-ценностей.

Пространство культуры достаточно явственно структурировано. Мы легко и с высокой степенью точности идентифицируем, скажем, общественно-политические и литературно-художественные журналы «по политической принадлежности». Мы ясно видим, какой идеологической линии придерживаются те или иные газеты, теле- и радиоканалы, отдельные передачи, а также информационные агентства, формирующие новостную повестку дня и «раскручивающие звезд». У явления «раскрутки звезд» есть не только очевидная коммерческая мотивация – стать известным, чтобы зарабатывать деньги, – но и политическая, идеологическая. Пространство культуры обладает сильным влиянием на политику, но основную ценность оно представляет само по себе. Это – накопленное национальное достояние, и ценность его – во всех смыслах – определяется тем, чем это достояние наполняется. Важно осознавать, что культурное достояние – это не только картины, книги, музыкальные произведения, фильмы, театральные постановки и т.д. Это прежде всего то, что в головах и сердцах граждан, то, чем они дышат, о чем думают, чему отдают предпочтения, от чего отказываются. Основная битва происходит именно здесь, а не только там, где определяется экономическая политика. Положение может быть улучшено путем настойчивого внедрения в информационную среду своих ценностей, создания альтернативного информационного поля в формате как печатных, так и электронных изданий, каналов, социальных сетей, связанных друг с другом на основе смысловой, ценностной координации. Такая среда и такие издания могли бы выявить, сделать известными образцы подлинной культуры, произведения литературы и искусства, остающиеся сегодня за бортом по воле «неолиберально» мыслящих редакторов, дать толчок появлению новых деятелей той подлинной культуры, которая только способна сберечь наши ценности, сделать их опорой формирования идеологии и политики развития. Важная составляющая идеологии развития – целостность позитивного восприятия собственной истории и своего пути. Именно позитивное восприятие собственной истории является фактором развития, а вовсе не смакование ее трагических страниц. Нами накоплен разносторонний опыт, который следует применять на практике для достижения ясно сформулированных целей.

Обозначив лишь некоторые из проблем, связанных с идеологией и ценностями, мы приглашаем авторов и читателей альманаха к дискуссии по затронутым и упущенным вопросам. Мы верим в действенность мысли и слова – тех видов оружия, которыми располагает печатное издание, и в его организующий потенциал.

Нет оснований оценивать роль научно-экспертного сообщества как значимую. Практическая политика, осуществляемая властной элитой, определяется не научно обоснованными рекомендациями, выявленными в качестве наилучших среди многих вариантов стратегии, а конкретными обстоятельствами собственного бытования и присущим элите основным инстинктом – борьбой за удержание и укрепление власти.



ха. <…> Потому что ты думаешь, будто пастухи или волопасы заботятся о благе овец или волов, когда откармливают их и холят, и что делают они это с какой-то иной целью, а не ради блага владельцев и своего собственного. Ты полагаешь, будто и в государствах правители – те, которые по-настоящему правят, – относятся к своим подданным как-то иначе, чем пастухи к овцам, и будто они днем и ночью только и думают о чем-то ином, а не о том, откуда бы извлечь для себя пользу. “Справедливое”, “справедливость”, “несправедливое”, “несправедливость” – ты так далек от всего этого, что даже не знаешь: справедливость и справедливое – в сущности, это чужое благо, это нечто, устраивающее сильнейшего, правителя, а для подневольного исполнителя это чистый вред, тогда как несправедливость – наоборот. Подданные осуществляют то, что пригодно правителю, так как в его руках сила. Вследствие их исполнительности он благоденствует, а сами они – ничуть. Частичное нарушение справедливости, когда его обнаружат, наказывается и покрывается величайшим позором. Такие частичные нарушители называются, смотря по виду своих злодеяний,

Платон

Из диалога «Государство»

«Справедливость, утверждаю я, это то, что пригодно сильнейшему. <…> В каждом государстве силу имеет тот, кто у власти. <…> Устанавливает же законы всякая власть в свою пользу: демократия – демократические законы, тирания – тиранические, так же и в остальных случаях. Установив законы, объявляют их справедливыми для подвластных – это и есть как раз то, что полезно властям, а преступающего их карают как нарушителя законов и справедливости. Так вот я и говорю, почтеннейший Сократ: во всех государствах справедливостью считается одно и то же, а именно то, что пригодно существующей власти. А ведь она – сила, вот и выходит, если кто правильно рассуждает, что справедливость – везде одно и то же: то, что пригодно для сильнейшего.

Скажи-ка мне, Сократ, у тебя есть нянька? <…> Да пусть твоя нянька не забывает утирать тебе нос, ты ведь у нее не отличаешь овец от пастухо святотатцами, то похитителями рабов, то взломщиками, то грабителями, то ворами. Если же кто, мало того что лишит граждан имущества, еще и самих их поработит, обратив в невольников, его вместо этих позорных наименований называют преуспевающим и благоденствующим, и не только его соотечественники, но и чужеземцы, именно потому, что знают: такой человек сполна осуществил несправедливость. Ведь те, которые порицают несправедливость, не порицают совершение несправедливых поступков, они просто боятся за себя, как бы им самим не пострадать. Так вот, Сократ: достаточно полная несправедливость сильнее справедливости, в ней больше силы, свободы и властности, а справедливость, как я с самого начала и говорил, – это то, что пригодно сильнейшему, несправедливость же целесообразна и пригодна сама по себе».

«Провозгласил мир свободу, в последнее время особенно, и что же видим в этой свободе ихней: одно лишь рабство и самоубийство! Ибо мир говорит: “Имеешь потребности, а потому насыщай их, ибо имеешь права такие же, как и у знатнейших и богатейших людей. Не бойся насыщать их, но даже приумножай” – вот нынешнее учение мира. В этом и видят свободу. И что же выходит из сего права на приумножение потребностей? У богатых уединение и духовное самоубийство, а у бедных – зависть и убийство, ибо права-то дали, а средств насытить потребности еще не указали. Уверяют, что мир чем далее, тем более единится, слагается в братское общение тем, что сокращает расстояния, передает по воздуху мысли. Увы, не верьте таковому единению людей. Понимая свободу как приумножение и скорое утоление потребностей, искажают природу свою, ибо зарождают в себе много бессмысленных и глупых желаний, привычек и нелепейших выдумок. Живут лишь для зависти друг к другу, для плотоугодия и чванства. Иметь обеды, выезды, экипажи, чины и рабов-прислужников считается уже такою необходимостью, для которой жертвуют даже жизнью, честью и человеколюбием, чтоб утолить эту необходимость, и даже убивают себя, если не могут утолить ее. У тех, которые небогаты, то же самое видим, а у бедных неутоление потребностей, зависть пока заглушаются пьянством. Но вскоре вместо вина упьются и кровью, к тому их ведут. Спрашиваю я вас: свободен ли такой человек? Я знал одного “борца за идею”, который сам рассказывал мне, что, когда лишили его в тюрьме табаку, то он до того был измучен лишением сим, что чуть не пошел и не предал свою “идею”, чтобы только дали ему табаку. А ведь этакой говорит: “За человечество бороться иду”. Ну, куда такой пойдет и на что он способен? На скорый поступок разве, а долго не вытерпит. И не дивно, что вместо свободы впали в рабство, а вместо служения братолюбию и человеческому единению впали напротив в отъединение и уединение, как говорил мне в юности моей таинственный гость и учитель мой. А потому в мире все более и более угасает мысль о служении человечеству, о братстве и целостности людей, и воистину встречается мысль сия даже уже с насмешкой, ибо как отстать от привычек своих, куда пойдет сей невольник, если столь привык утолять бесчисленные потребности свои, которые сам же навыдумал? В уединении он, и какое ему дело до целого. И достигли того, что вещей накопили больше, а радости стало меньше».

Федор Достоевский

Из романа «Братья Карамазовы»

Юрий Михайлович Осипов –
доктор экономических наук, директор Центра общественных наук при МГУ имени М.В. Ломоносова, президент Академии философии хозяйства, вице-президент Академии гуманитарных наук, действительный член Российской академии естественных наук, главный редактор журнала «Философия хозяйства»

Уроки **Макиавелли** для заблудших правителей, разуверившихся народов и запутавшихся мудрецов (к 500-летию «Государя»)

Знакомый незнакомец

О любом великом ренессансном писании и его досточтимом авторе, а в данном случае – Макиавелли с его назидательными сочинениями, можно говорить и говорить, как собственно и молчать и молчать. И при этом отмечать вслух или про себя необычайное богатство вольно разлитой по произведению мысли, красоту и четкость примененного языка, меткость умело встроенных в текст сентенций, убеждаясь постранично в неувядаемости и неуязвимости смелых авторских утверждений, поражаясь проницательности, дальнозоркости и мудрости своевольного писателя-мыслителя. И что особенно замечательно – не ощущая в перечисленных качествах Макиавелли никакой врожденной тщеславности, или едва скрываемой личностной уязвленности, или же подгоняемой высокомерием дерзости, не говоря уже о пресловутой аморальности. Вряд ли сейчас найдется в мире хоть один раскрученный политолог, для которого такое странное для современной политологии понятие, как «доблесть», столь же дорого, значимо и употребимо, как для Макиавелли. Причем не касательно участия какого-нибудь героя в отчаянной вооруженной схватке, в гашении страшного городского пожара или в рискованном плавании на утлом суденышке по взбунтовавшемуся Средиземному морю, а применительно всего лишь к текущему отправлению государствен-

ных дел и повседневному народному бытованию. Так что говорить о Макиавелли и его примечательном труде, как и глубокомысленно о них умалчивать, можно и в самом деле много, по-разному и без всякой надежды на окончательный приговор. Но лучше все-таки, разбираясь с ними, сначала предоставить слово самому смертному создателю бессмертных произведений, попытавшись при этом вдуматься во все им и в них сказанное и постаравшись это сказанное понять. А после этого соотнести выстраданное автором с преходящей вселенской актуальностью, не слишком далеко ушедшей от современной Макиавелли коварной турбулентной реальности.

Итак, слово Никколо Макиавелли – политику, мыслителю, мужу.

Санти ди Тито. Макиавелли. 1500 год

Вряд ли сейчас найдется в мире хоть один видный политик или раскрученный политолог, для которого такое странное для современности понятие, как «доблесть», столь же дорого, значимо и употребимо, как для Макиавелли.

Прямая речь

«Всякая перемена прокладывает путь другим переменам».

«Если своевременно обнаружить зарождающийся недуг, что дано лишь мудрым правителям, то избавиться от него нетрудно, но если он запущен так, что всякому виден (коррупция в современной России. – *Ю.О.*), то никакое снадобье уже не поможет».

«Нельзя попустительствовать беспорядку ради того, чтобы избежать войны, ибо войны не избежать, а преимущество в войне утратишь».

«Горе тому, кто умножает чужое могущество, ибо оно добывается умением и силой, а оба эти достоинства не вызывают доверия у того, кому могущество досталось».

«Все вооруженные пророки побеждали, а все безоружные гибли».

«Тому, кто становится государем милостью судьбы, а не благодаря доблести, легко приобрести власть, но удержать ее трудно».

«Если основания не заложены заранее, то при великой доблести это можно сделать и впоследствии, хотя бы ценой многих усилий зодчего и с опасностью для всего здания».

«Люди мстят либо из страха, либо из ненависти (из зависти тоже. – *Ю.О.*)».

«Заблуждается тот, кто думает, что новые благодеяния могут заставить великих мира сего позабыть о старых обидах (в особенности об унижениях, которые никогда, никем и никому не прощаются. – *Ю.О.*)».

«Государь не волен выбирать народ, но волен выбирать знать, ибо его право карать и миловать, приближать или подвергать опале».

«Государю надлежит быть в дружбе с народом, иначе в трудное время он будет свергнут».

«Государь <...> не просит, а приказывает».

«Мудрому государю надлежит принять меры к тому, чтобы граждане всегда и при любых обстоятельствах имели потребность в государе и в государстве, – только тогда он сможет положиться на их верность».

«Государь, если он желает удержать в повиновении под-

Амброджо Лоренцетти. Аллегория доброго правления. 1337–1339 годы

Никколо Макиавелли:

«Мудрому государю надлежит принять меры к тому, чтобы граждане всегда и при любых обстоятельствах имели потребность в государе и в государстве, – только тогда он сможет положиться на их верность».

данных, не должен считаться с обвинениями в жестокости».

«Говорят, что лучше всего, когда боятся и любят (государя. – *Ю.О.*) одновременно; однако любовь плохо уживается со страхом, поэтому если уж приходится выбирать, то надежнее выбрать страх (или внушающую почтение неопределенность. – *Ю.О.*)».

«Вполне можно внушить страх без ненависти».

«Любят государей по собственному усмотрению, а боятся – по усмотрению государей».

«Важно лишь ни в коем случае не навлекать на себя ненависти подданных».

«Кто имеет хорошее войско, найдет и хороших союзников».

«Из всех способов предотвратить заговор – не навлекать на себя ненависти и презрения подданных».

«Не ожесточать знать и быть угодными народу – это принадлежит к числу важнейших забот тех, которые правят».

«Дела, неугодные подданным, государи должны возлагать на других, а угодные – исполнять сами».

«Добрыми делами можно навлечь на себя ненависть точно так же, как и дурными».

«Крепкая и решительная власть никогда не допустит расколов; и если в мирное время они полезны государю, так как помогают ему держать в руках подданных, то в военное время пагубность их выходит наружу».

«Когда народ берется за оружие, на подмогу ему всегда явятся чужеземцы».

«Государи <...> должны остерегаться попадать в зависимость к другим государям».

«Добрые советы, кто бы их ни давал, родятся из мудрости государей, а не мудрость государей родится из добрых советов».

«Судьба распоряжается лишь половиной всех наших дел, другую же половину, или около того, она предоставляет самим людям».

«Натиск лучше, чем осторожность, ибо фортуна – женщина, и кто хочет с ней сладить, должен колотить ее и пинать, – таким она поддается скорее, чем тем, которые холодно (и нерешительно. – *Ю.О.*) берутся за дело».

«Бог не все исполняет сам, дабы не лишить нас свободной воли и причитающейся нам части славы».

«Если ваш славный дом пожелает следовать по стопам величайших мужей, ставших избавителями отечества, то первым делом он должен создать собственное войско».

«<...> слабости, до которой довела мир нынешняя религия».

«Люди поступают хорошо лишь по необходимости; когда же у них имеется бóльшая свобода выбора и появляется возможность вести себя, как им заблагорассудится, то сразу же возникают величайшие смуты и беспорядки».

«Хорошая армия имеется там, где существует хороший политический строй, и хорошей

армии редко не сопутствует счастье».

«Из римских смут (в Древнем Риме. – *Ю.О.*) проистекали не изгнания или насилия, наносящие урон общему благу, а законы и постановления, укрепляющие общественную свободу (при добром народе, еще не разнузданном. – *Ю.О.*)».

«Если бы Римское государство было более спокойным <...> оно оказалось бы также более слабым, ибо отрезало бы себе путь к тому величию, которого оно достигло. Таким образом, пожелай Рим уничтожить причины смут, он уничтожил бы и причины, расширившие его границы».

«Совершенно необходимо, чтобы один-единственный человек создавал облик нового строя и чтобы его разумом порождались все новые учреждения. <...> И никогда ни один благоразумный человек не упрекнет его, если ради упорядочения царства или создания республики он прибегнет к каким-нибудь чрезвычайным мерам».

«(Наводя порядок в Древнем Риме. – *Ю.О.*) обратился к религии (идеологии. – *Ю.О.*) как к вещи совершенно необходимой для поддержания цивилизованности».

«Римские граждане гораздо больше страшились нарушить клятву, нежели закон, как те, которые почитают могущество бога превыше могущества людей (а потом боги отвернулись от римлян, когда римляне отвернулись от себя. – *Ю.О.*)».

«Насколько религия помогала командовать войсками, воодушевлять плебс, поддерживать людей добродетельных и посрамлять порочных».

«Мудрецы <...> прибегают к богам».

«Религия была одной из первейших причин счастья Рима».

«Соблюдение культа божества является причиной величия государства, точно так же пренебрежение этим культом является причиною его гибели».

«Если бы князья христианской республики сохраняли религию в соответствии с предписаниями, установленными ее основателем, то христианские государства и республики были бы гораздо целостнее и намного счастливее».

«Кто рассмотрит основы нашей религии (христианства. – *Ю.О.*) и посмотрит, насколько отличны ее нынешние (эпохи Ренессанса. – *Ю.О.*) обычаи от стародавних, первоначальных, придет к выводу, что она, несомненно, близка либо к своей гибели, либо к мучительным испытаниям».

«Дурные примеры папской курии лишили нашу страну всякого благочестия и всякой религии. <...> Где существует религия, предполагается всякое благо, там же, где ее нет, надо ждать обратного. <...> Мы, итальянцы, обязаны Церкви и священникам прежде всего тем, что остались без религии и погрязли во зле. Но мы обязаны им еще и гораздо бóльшим, и сие – вторая причина нашей погибели: Церковь держала и держит нашу страну раздробленной».

«Не будучи в силах овладеть всей Италией и не позволяя, чтобы ею овладел кто-нибудь другой, Церковь была виновницей того, что Италия не смогла оказаться под властью одного владыки, но находилась под игом множества господ и государей».

«Не познавший свободы народ <...> является не чем иным, как грубым животным, которое мало того что по природе своей свирепо и дико, но вдобавок вскармливалось всегда в загоне и в неволе; будучи случайно выпущенным на вольный луг и не научившись еще ни питаться, ни находить места для укрытия, оно делается добычей первого встречного, который пожелает снова надеть на него ярмо».

«Вскоре снова склоняет (дикий, неразвитый народ. – *Ю.О.*) выю под иго, зачастую оказывающееся еще более тяжким, нежели то, которое он только что сбросил».

«Выгоды от свободной жизни никем не сознаются, пока они не отняты; заключаются же они в возможности свободно пользоваться собственным добром, не опасаться за честь жены и детей, не страшиться за свою судьбу; но ведь никто никогда не сочтет себя обязанным тому (законопослушному. – *Ю.О.*), кто его не обижает».

«Лучшее средство для государя – попытаться сделать народ своим другом».

«Все члены их (городов. – *Ю.О.*) прогнили».

«Там, где материал не испорчен, смуты и другие раздоры не приносят никакого вреда, там же, где он испорчен, не помогут даже хорошо упорядоченные законы, если только они не предписываются человеком, который с такой огромной энергией заставляет их соблюдать, что испорченный материал становится хорошим».

«Кто хочет преобразовать старый строй в свободное государство, пусть сохранит в нем хотя бы тень давних обычаев (как советский гимн в постсоветской России, к примеру. – *Ю.О.*)».

«Опыт показывает, что диктатура всегда оказывалась полезной. <...> Ибо без подобного учреждения города (республики. – *Ю.О.*) с трудом справились бы с чрезвычайными обстоятельствами».

«Республики, которые в минуту крайней опасности не прибегают к диктатуре <...> неминуемо погибнут».

«Люди могут желать всего, но не могут всего достигнуть».

«В хорошо устроенных республиках все общество – богато, а отдельные граждане – бедны».

«Жадность и надменное честолюбие грандов столь велико, что если город (республика. – *Ю.О.*) не обуздает их любыми путями и способами, они быстро доведут этот город до погибели».

«Если повременить и выждать, зло либо придет позднее, либо со временем исчезнет само собой».

«Там, где существует равенство, невозможно создать самодержавие, там же, где его нет, невозможно учредить республику».

«Дабы стало совершенно ясно, кого обозначает слово "дворянин", скажу, что дворянами именуются те, которые праздно живут на доходы со своих огромных поместий. <...> Подобные люди вредны во всякой республике и в каждой стране <...> подобная порода людей – решительный враг всякой гражданственности (и рантье тоже. – *Ю.О.*)».

«Плебеи в массе своей крепки и сильны, но по отдельности слабы».

«Взбунтовавшимся массам <...> надобно сразу же избрать из своей среды вождя, который бы направлял их, поддерживал их внутреннее единство и заботился об их защите».

«Народ постояннее и много рассудительнее всякого государя. Не без причин голос народа сравнивается с гласом Божиим. <...> Благодаря какой-то тайной способности народ ясно предвидит, что окажется для него добром, а что – злом».

«Народ Рима (еще не развращенный, добрый. – *Ю.О.*) настолько ненавидел титул царя, что никакие заслуги гражданина, домогавшегося этого титула, не могли спасти его от заслуженного наказания».

«Народное правление (народа развитого и неразвращенного. – *Ю.О.*) лучше правления самодержавного».

«Государь, который способен делать все, что ему заблагорассудится, – безумен, народ же, который способен делать все, что ему угодно, – немудр. Однако если мы сопоставим государя, уважающего закон, с подчиняющимся законам народом, то убедимся, что у народа доблести больше, чем у государя».

«С дурным государем поговорить некому – для избавления от него потребно железо».

«Жестокость народных масс направлена против тех, которые, как опасается народ, могут посягнуть на общее благо; жестокость государя направлена против тех, которые, как он опасается, могут посягнуть на его собственное, личное благо».

«Неблагоприятные народу мнения о нем порождены тем, что о народе всякий говорит плохое свободно и безбоязненно даже тогда, когда народ стоит у власти; о государях же всегда говорят с большим страхом и с тысячью предосторожностей».

Дар макиавеллиев

Теперь можно остановиться, передохнуть, призадуматься, имея в размыслительном загашнике своем все высказанное для нас суперзвездным политтехнологом Никколо Макиавелли.

Государи, как и князья, может, сегодня кое-где по миру и есть, но в передовом западном мире их уже нет, ибо передовой постренессансно-постмодерновый мир постарался от реальных государей-князей – авторитарщиков и самодержцев, властелинов и диктаторов – к XXI веку совершенно избавиться. Этого не скажешь об иного рода властителях, или властей предержащих, и правителях, предпочитающих находиться, как и во времена Макиавелли, в тени. И выставлять на свет божий вместо себя и под видом себя всего лишь всецело зависимых от них менеджеров-управленцев – президентов, премьеров, даже и королей с королевами, как и глав всяких «независимых» международно-наднациональных учреждений вроде ООН, МВФ или ВТО.

Так что все высказанное Макиавелли предназначено сегодня не столько реальным государям-князьям, сколько по преимуществу тайным властителям-правителям мира земного и в некоторой мере легальным «руководителям» стран и народов.

Касательно народов, о которых весьма пекся Макиавелли, будучи в общем-то по своим политическим морально-политико-управленческим предпочтениям народовластцем, то они ныне вовсе нигде не правят, хотя и местами отвечают на закрыто-открытое управление сверху некоторым заметно-незаметным давлением снизу. А то и, как точно предвидел великий Никколо, попросту восстают против слишком собою занятых «верхов» (как тоже предвидел Макиавелли, не без помощи извне – от таких же, но более гибких и ловких властителей-правителей).

Относительно же мудрецов, которые ныне в передовом мире уже не столько мудрецы, сколько попросту эксперты, можно сказать, что они служат либо властям предержащим, либо самим себе, но менее всего – народам. Хотя некоторые из них – единицы! – пытаются кое в чем разобраться и кое-что публике искренне сказать, но должного понимания и соответствующего отклика почти не встречают – не до них нынче погрязшим в потреблении и гедонизме массам, уже свершившим в передовом мире свое обыденно-обывательское восстание.

И однако наш ренессансный мыслитель нисколечко не устарел в своих выкладках, уча и вдохновляя воистину сильных и уж воистину цело-

го мира сего (ныне – планетарного), хотя и не с тем вовсе знáком, о котором сам он когда-то грезил. То есть со знаком, который предполагает заботу о пользе утверждения и процветания государств, народов, наций, причем в деловом и творческом единении властных кругов и подвластных им масс либо же властвующих масс и подвластных им аристократий. Знак адресатов Макиавелли ныне поменялся на противоположный, вполне им осуждавшийся. Аудитория итальянского мыслителя сегодня – это любого уровня и ранга властители всего человеческого бытия, включая всю земную природу, все планетарное человечество и даже весь близлежащий к Земле космос.

Нравится это кому-то или нет, но именно на такого пошиба властителей сработал в итоге Макиавелли, вложив в их архитекторские головы безотказное управленческое оружие, принятое ими без всякой благодарности к первому политтехнологу Европы. Но зато постоянно применяемое с неослабевающей энергией и непреходящим цинизмом, который гуманному Никколо даже и не снился.

Что же такого подарил Макиавелли властителям?

Да не что иное, как убеждение в том, что для эффективной реализации власти и процветания властного господства все средства хороши, – и всего лучше, ежели такой принцип знают и придерживаются его совсем немногие, а многим пусть достается лишь надежно запечатанное ложными мифами о нем незнание. И вот это-то властительное лукавство и стало называться макиавеллизмом, хотя сам Макиавелли, идя невольно на одобрение крайних, даже подчас весьма низких в моральном смысле мер, считая их на какой-то момент остро необходимыми и неминуемыми, думал совсем о другом. Он думал о пользе для всех: государей, аристократии, народов или же наоборот – народов, аристократии, государей, рассматривая страны-народы вместе с их аристократией и государями как единый жизнетворный организм.

Чем-чем, но классовым, клановым, местечковым или личным эгоизмом пламенный ренессансный идеолог эффективной государственно-гражданской политики уж никак не страдал. Но кое-что упомянутое им в трактате из попросту неизбежного и явно исключительного очень пришлось по вкусу разного рода – открытым и скрытым – диктаторам (а какая власть в той или иной мере, в той или иной точке властного поля не диктатура!). И они не без удовольствия и успеха применяют это хорошо усвоенное ими и для них столь подходящее оружие на практике, почитая при этом самих себя за верных и правильных макиавеллистов.

Лоренцо Медичи. XV–XVI века

Макиавелли подарил властителям убеждение в том, что для эффективной реализации власти и процветания властного господства все средства хороши, – и всего лучше, ежели такой принцип знают и придерживаются его совсем немногие, а многим пусть достается лишь надежно запечатанное ложными мифами о нем незнание.

Сегодня повсюду глобализм устанавливает свое господство над миром. Глобализм – это не столько интеграция друг в друга стран и государств, не образование единого мирового целого, а в первую очередь глобальная власть над миром с соответствующей ей имперальной политикой адекватного глобализму и им ободряемого мирового правительства. Это-то мировое правительство (какое бы оно ни было на самом деле по облику, структуре и составу) и проводит в мировом масштабе хорошо им усвоенное и в то же время дурно воспринятое макиавеллистское учение.

Но что примечательно: не менее изощренной и макиавеллиевой по алгоритмам контригрой амбициозному глобализму отвечает ныне весь подглобальный мир. Макиавелли ведь читают всюду, находя параллели и со своими местными теоретиками-мудрецами, в том числе в Китае, Индии, Иране. А потому наш возрожденческий гений учит сразу всех – тех и этих, – как и учат всех сегодня, вольно или невольно, макиавеллисты от глобализма.

В итоге же – игра и контригра, и обе без правил, но зато с неизбежными выигрышами и проигрышами, сокрушительными поражениями и пирро-

Амброджо Лоренцетти. Плоды дурного правления. 1337–1339 годы

Глобализм – это в первую очередь глобальная власть над миром с соответствующей ей имперальной политикой адекватного глобализму и им ободряемого мирового правительства. Оно проводит в мировом масштабе хорошо им усвоенное и в то же время дурно воспринятое макиавеллистское учение.

выми победами. Большая всемирная макиавеллическая-де игра, в которой азартно участвуют хорошо известные, не очень известные и нарочито неизвестные геополитические игроки, среди которых полно хитроумцев, хватает и дурачков, есть удачники и неудачники, но нет никакого, прямо по Макиавелли, окончательного победителя, ибо такового и быть не может – тоже по Макиавелли!

Макиавелли в России

Среди игроков и Россия. Причем вовсе не из последних и даже не из средних, а прямотаки из первых, хотя и с переменным для себя успехом, а иной раз и с крутым неуспехом. Но с завидным со времен Петра Великого постоянством и, что главнее всего, упорством.

Если обратиться к недавнему – прошлого века – историческому опыту, то Россия вместе со своими правителями (а лучше бы сказать – российские правители вместе с Россией) вела себя в макиавеллистском аспекте по-разному, то терпя поражения, то одерживая победы, то следуя советам яркого политического и военно-стратегического мыслителя, то им не следуя, а то просто лишь пытаясь следовать, даже очень стараясь, но либо безрезультатно, либо очень затратно, либо вовсе не с тем итогом, к которому стремилась. Россия – игрок. И игрок более чем странный – не имеющий вполне ясной для себя своей собственной цели и ведущий малопонятную для себя и вовсе непонятную для всех остальных игроков мегаигру. Такая мегаигра для России – игра и контригра одновременно, а для других – попросту ничем определенным не представленная абстракция. Однако Россия играет, терпя поражения и одерживая победы, выигрывая и проигрывая, сбиваясь с пути и не находя прямой дороги, запутываясь и запутывая, вызывая недоумения и накликивая на себя проклятия и разного рода беды. Стоит и играет, играет и вдруг падает, поднимается и вновь играет!

На рубеже XIX–XX веков в России не нашлось властного, гибкого и непреклонного, изобретательного и эффективного макиавеллистского толка правителя-государя. Более или менее подходивший под такового Столыпин не получил ни достаточной возможности, ни счастливого шанса, ни необходимого времени. И Российская империя, давно уже разъедаемая ненужным и ставшим ей чуждым дворянством, а также сбитая с пути, заторможенная и усыпленная собственным царем, лишь по именованию бывшим государем, рухнула, так и не успев эффективно отре-

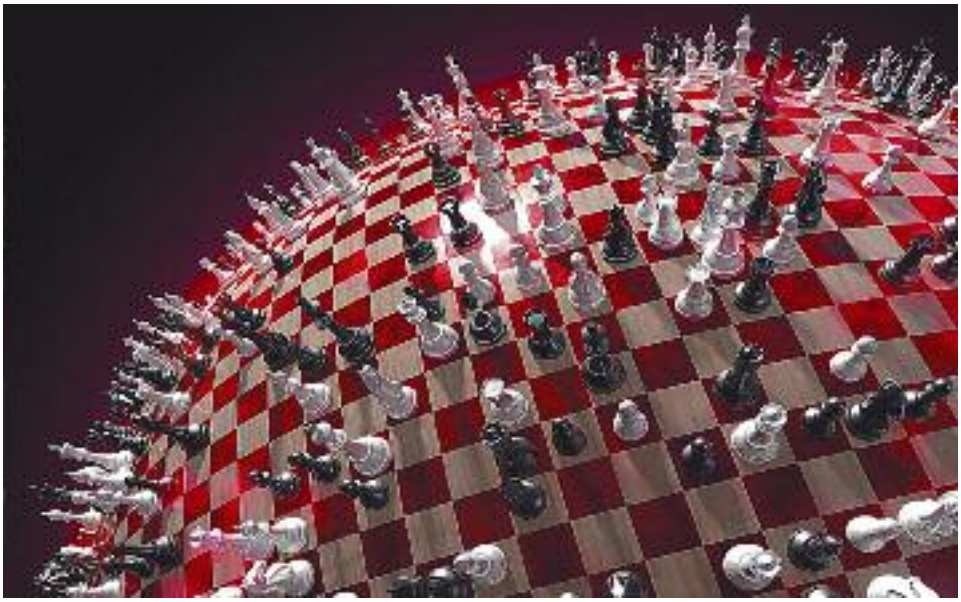
формироваться. Пала подкошенная опять же ненужной ей европейской войной и двумя – одной весьма нелепой, а другой ей совершенно чуждой – революциями. Макиавеллистских уроков вполне хватило тогда для геополитических противников России, а также для действовавших в угоду Европе разномастных революционеров – сначала будто бы пробуржуазных, а потом якобы пропролетарских. Но макиавеллистской мудрости совсем не хватило для искренних приверженцев Российской империи.

Россия явно проиграла тогда своим друзьям-соперникам, хотя кое-кто из них получил в дальнейшем возмездие – от своих же то ли более последовательных, то ли более хитроумных, то ли попросту более удачливых макиавеллистов. Керенский, наверное, читывал флорентинца еще гимназистом, пряча «крамольно-циничную» книжечку от просвещенного новоевропейским гуманизмом отца, а потому и почитал себя за чуть ли не удачливого макиавеллиста, правда, затем напрочь и навзничь проигравшегося, а может, вовсе и не игравшего самостоятельно, а просто побывшего игрушкой у настоящих «макиавеллистов» – сильных мира сего. Ульянов-Ленин, о-о-о... Он-то явно мнил себя эффективным последователем славного возрожденца, да и не напрасно, как и его товарищ по борьбе Бронштейн-Троцкий, ибо... Но они ведь были захватчиками власти, что не очень-то одобрял Макиавелли, а потому, много чего наворотив, так государями-правителями и не стали, каждый по-своему проиграв и завершив свою в высшей степени авантюрную политическую жизнь-игру. А самым удачливым макиавеллистом оказался в России долгое время малозаметный, хотя и с острым умом, прекрасной памятью и твердым характером, семинарист-поэт-боевик-революционер, да еще и из бедных грузин-маргиналов, Иосиф Джугашвили, ставший сначала просто Сталиным – одним из вождей большевизма, затем и великим Сталиным – единовластным вождем СССР, а после Великой Победы над фашизмом уже генералиссимусом Сталиным – вождем... то ли только народов СССР и его пламенных сателлитов, то ли и впрямь народов (не элит, конечно!) всего мира.

Макиавеллизм Сталина был поначалу революционно-антиимперским (антигосударственным, следственно), а потом – после прихода к власти – и вполне уже, так сказать, флорентийско-римским, хотя при этом каким-то очень уж своим макиавеллизмом – этаким сверх-, пере-, ультрамакиавеллизмом, вышедшим за рамки собственно макиавеллизма. (Очень уж сталинский макиавеллизм оказался во многих проявлениях отрицательным, причем масштабно отрицательным, настолько, что его легче обозначать уже не макиавеллизмом, а попросту... сталинизмом.) И тем не менее только Сталину удалось стать истинным государем – великим государем, государем-верховником, государем-державником, причем уникальным не только для российской, но и для мировой истории, вершителем судеб народов и всего мира, создателем особой цивилизации со специфической идеологией-«религией», пусть и не только им придуманной и разработанной, но именно им реально воплощенной.

Да, невиданное по масштабам, очищающее, заставляющее и гнобящее насилие – страдательное, жертвенное, кровавое, – но при этом и еще более масштабный энтузиазм народных масс и интеллектуальных элит. Не только почти мгновенная индустриализация страны со всеобщим образованием, но и большая наука с обновленной большой, пусть в основном и не слишком утонченной, культурой. Пусть и терпевшая поражения, но в конце концов большая и эффективная победоносная армия. Пусть еще во многом отсталое сельское хозяйство, но зато созданное в кратчайшие срок ракетно-ядерное оружие, прорыв в космос и первый в мире космонавт на околоземной орбите. Сталин оказался очень неплохим учеником флорентинца, причем пошедшим даже далее ренессансного учителя, хотя во многом и в антиучительском направлении. Сталин – бесспорный ученик Макиавелли, но вовсе не прямой и однозначный его последователь. Сталин – сам себе Макиавелли. Его макиавеллизм совсем не «отучительский», для кого-то, наверняка, восхитительный, для кого-то совершенно ужасный, но, увы, состоявшийся.

Сталин не во всем пошел за Макиавелли, да и не особенно к этому стремился. Он предпочел свой якобы макиавеллистский путь, причем очень здесь, так сказать, «сусердствовал», хотя это и было, наверное, в положении Сталина совершенно необходимым. Сталин выбрал не что иное, как тотальный тоталитаризм, о котором мальчишка Макиавелли даже подумать не мог. Именно этот сталинский тоталитаризм и сослужил своему создателю службу в чрезвычайные апокалиптические годы, но при этом стал главным и, как выяснилось, непреодолимым препятствием на пути страны уже во времена обыкновенные, не чрезвычайные и не апокалиптические, а мирные, обывательские, «процветанческие». Макиавелли не только не был тотальным тотали-



Россия – игрок. И игрок более чем странный – не имеющий вполне ясной для себя своей собственной цели и ведущий малопонятную для себя и вовсе непонятную для всех остальных игроков мегаигру. Такая мегаигра для России игра и контригра одновременно, а для других – попросту ничем определенным не представленная абстракция.

тористом, но всячески подчеркивал необходимость достижения для мирного времени организменной гармонии в государстве, обществе, нации.

Сталин оказался со своим сталинизмом как бы чрезмерным макиавеллистом, вчистую забывшим о Макиавелли как глашатае свободы, народовластия и социальной гармонии. Цивилизацию-то новую Сталин создал – вполне ордынско-вавилонскую, то бишь этатистско-рабскую, – а вот возможностью бессрочного исторического бытования ее не снабдил. Да и не мог снабдить, хотя и чувствовал, что что-то уже другое победившей и мирной стране было остро потребно, ибо при попытке такого снабжения Сталину и его последователям пришлось бы отказаться от... этой самой сталинской цивилизации! Сталин со товарищи оказались тут неважными или даже дурными учениками Макиавелли, а нового титана-преобразователя СССР во что-то другое, как раз более макиавеллистское, не нашлось, да и не могло найтись – время титанов прошло, а нетитаны на то и нетитаны, чтобы ничего великого не совершать, но зато подбрасывать человечеству что-то невообразимо плоское, мелкое и гиблое.

Распад СССР, ликвидация мировой соцсистемы и международного коммунистического движения, как и последующие за этим «рыночные реформы», – деяния уже не мужей-титанов, а... лучше, наверное, помолчать. Так, мелюзги подковерной, этаких невозмутимых наглецов-реформаторов или же реформаторов-подлецов – разрушителей, нажившиков, паразитариев, но никак не созидателей, не строителей, не работников, не жертвователей. Антисталинский, вроде бы, разворот, да вот не вверх, а вниз, не к небесам, а прямо в преисподнюю. И все это, чтоб поскорее насытиться – деньгами, золотом, капиталами, богатством, потреблением, гедонизмом, гламуром, бездельем, развратом.

Тут уж никакого тебе макиавеллизма – один лишь бессовестный обман, одна беззастенчивая ложь, один наглый нахрап! Захват, распродажа, сдача, раздача, распад, растление – это ведь никакой не макиавеллизм, а его прямая противоположность, и всякое упоминание о макиавеллизме в координатах 1990-х не просто неуместно, но и крайне оскорбительно для проницательного и мужественного ренессансного мыслителя. Макиавелли выступал лишь против тех якобы добрых намерений, которые вели прямо в земной ад. Но он не был апологетом злых намерений и гнусных деяний, как раз и устраивающих прямо на земле невыносимый в моральном отношении ад. Нет, Макиавелли хоть и не певец рая, но и не адвокат ада. Он всего лишь провозвестник ведущей к социальной гармонии гражданско-государственной доблести.

Совсем не макиавеллистский по сути и целям ельцинизм как свалился на Россию внезапно, из-за предательства, ничегонеделания и растерянности совсем не доблестных тогдашних властей предержащих, так же внезапно и смылся из виду, хотя насовсем, как зловредная короста, не исчез. Спасший свое тело «всенародно избранный» управитель, он же – преступник, разоритель и обманщик, выторговавший для себя и своей корыстной семьи гарантии непреследования по закону и сохранения всего нажитого «непосильным трудом» имущества, никакой вовсе не гениальный макиавеллист, как это хочется кое-кому представить, а совсем наоборот – аморальный антимакиавеллист, причем очень худого по-

рядка. Дурной, хотя на тот момент и вполне эффективный, предводитель дурной части российского населения, как и действенный опекун совершенно дурной для страны реформы. Ничего от действительного макиавеллизма тут нет, а есть лишь бессовестное искажение оного, что и нашло подтверждение в катастрофически античеловеческих следствиях разудалого реформирования и получает стабильное подтверждение в той «любви», которую питает российский народ к своему недавнему управителю из Кремля. Что же касается выдачи ему гарантий в обмен не столько на кремлевскую власть, сколько на возврат страны к нормальной государственности, то этот шаг может быть принят и за вполне макиавеллистский, что пусть и нескоро, и не очень твердо, но все-таки подтверждается. Во всяком случае, это был мудрый на тот момент шаг – частная несправедливость в обмен на общее, пусть еще только возможное, выживание. Вряд ли бы хитроумный возрожденец не одобрил бы это само по себе скверное деяние, точнее – необходимость такого деяния, – со стороны нового кремлевца.

История вообще, а уж история такой внеисторической (или же сверхисторической) страны, как Россия, тем и хороша, что она не стоит на месте, хотя вроде бы даже повторяется, и не останавливаясь на месте, даже и в чем-то повторяясь, всегда предлагает что-то новое. А новое на то и новое, чтобы отрицать старое. Следовательно, новое в чем-то непременно противоположно старому, хотя без возвратного обращения к старому новое тоже не обходится, ибо история как непрерывна, поточна и текуча, так и вихревата, турбулентна, круговертна. Поначалу любое революционно новое выглядит агрессивным отрицанием старого, оно как бы полностью разделывается со всем предшествующим, круша его и уничтожая. Но все это до поры до времени: неизбежно не только сохранение многого из старого, но и кое-какой реванш этого многого из старого, хотя и в каком-то вынужденно-свободном единении с новым. В итоге всегда возникает синтез нового и старого (как и старого и нового), и этот-то синтез, ежели он оказывается жизнеспособным, в текущем бытии, как правило, и утверждается.

2000-е годы в истории России – время нащупывания жизнеспособного синтеза между экстравагантно новым и обыденно старым, поиска между тем и другим приемлемого для обоих эффективного компромисса. И ничего другого в политико-поведенческом аспекте для действующей власти и управляемого ею населения, кроме действительного макиавеллизма, предложить было невозможно. С ельцинским дурным антимакиавеллизмом пришлось решительно, хотя при этом внешне и вкрадчиво, покончить и заняться – тоже прикровенно – собственно макиавеллизмом, причем независимо от того, сознавали это новые власти или нет.

Макиавеллизм — это не только проблема субъективного выбора, это еще и настоятельная объективная потребность. Никакой тут вкусовщины нет: либо ты макиавеллист и добрый, по терминологии Макиавелли, правитель (вовсе при этом не добренький!), либо ты антимакиавеллист и правитель, опять же по подходу Макиавелли, дурной и злобненький.

У российских властей двухтысячных не было никакого иного выхода, кроме умного, расчетливого и размеренного макиавеллизма, – чем собственно послеельцинская власть и занялась, запустив в общество первый публичный знаковый сигнал – возвращение униженной и потрепанной стране гимна СССР, пусть и с подправленными словами, но гимна великой державы – торжественного, победоносного и вдохновляющего.

Так изрядно подзабытый в позднее советское время и фактически отвергнутый в лихие и беспросветные 1990-е макиавеллизм вернулся в российскую политическую практику. Но он вернулся уже не в сталинской, а в совсем иной интерпретации. Ни тебе мирового революционного движения, ни массовой и действенной партии, ни увлекающего элиты и массы вечно живого учения, ни даже вездесущего и непреклонного ГПУ – ничего такого. Зато бодрый капитализм с финансизмом в стране, и могучий глобализм по всей мировой округе, и недремлющий «вашингтонский обком» на стреме, и новая информационная цивилизация со своей всеохватывающей паучьей сетью, и всепроникающий, пошлый и разлагающий постмодернизм, и открытые границы со свободой любого из возможных передвижений... Да мало ли еще чего явилось – вовсе при Сталине и не бывшего?

Хотя сталинский урок действенного макиавеллизма не мог не учитываться послеельцинской властной верхушкой, ибо ей, как и Сталину, пришлось восстанавливать самость и самостоятельность страны, ее великодержавность и историческую субъектность, порядок, структурность, системность – словом, государственность, но, разумеется, без всякого уже захода на какой-либо, кроме денежно-потребительского, тоталитаризм. Синтез нового со старым тут, как и у Сталина, но цели, задачи и методы – иные, но со-

всем не «добренькие». Сложно, неоднозначно, неопределенно, противоречиво, туманно, конспиративно, сомнительно, лукаво – но ведь идет этот макиавеллистский процесс. И идет в сторону восстановления государственности, утверждения многого нового, подтверждения кое-чего из старого – и уже без разудалой революции и без твердолобой реставрации.

Можно критиковать, возмущаться, сокрушаться, негодовать, как и недоуменно безмолвствовать, называть нынешнюю политику властей двуличной, блудливой, изменнической и какой угодно еще, но не признавать ее макиавеллистского – в добром смысле – характера уже никак нельзя. Вполне возможно, что это не та политика, которая потребна стране, но она – эта самая макиавеллистская политика – в России все-таки есть. Мало того, она уже дает свои плоды – вполне добрые плоды, почти что по Макиавелли! Россия-2013 – это Россия сосредоточивающаяся, поднимающаяся, беременная новой исторической перспективой, ищущая нового развития – не столько в производительную ширь, сколько в творческую глубь, с выходом на новый интеллект, а вслед за этим – и на новое сознание, на нового российского человека – члена обновленной великой нации и гражданина воскресшей великой державы.

«Ерунда, – заметят скептики, – ничего подобного не происходит, это не более чем наивно желаемое, принятое за действительное», – и со своей стороны будут правы, ибо состояние страны в целом никак не отвечает столь оптимистической оценке. Однако надо видеть не одно только все еще болезненное поверхностное целое, явное, феноменальное, но и замечать кое-что не столь явное, внутреннее, глубинное – на уровне еще сокрытых энергий и потаенных пока сил, узревать среди поверхностной неразберихи выстраивающуюся в ней и через нее системообразующую устремленность. Невыраженная потенция, глухие намерения важнее и сильнее сегодня любой бросающейся в глаза очевидной нелепости. Ничего не поделать: время разбрасывать камни и присваивать эти последние частными лицами прошло (или проходит?), наступило (или наступает?) время собирать камни и строить из них общенациональный дом.

И власть, сознавая это, разворачивает управляющую структуру, деловые круги и работные институции, ресурсы, сознание, труд и творчество – в общем всю страновую демиургию – к созиданию Новой России. России, еще, быть может, только помысленной и вовсе еще не проектной, но уже призрачно явившейся и по стране уже бродящей. Власть разворачивает Россию к... России, отворачивая ее как от победительного Запада, так и от готовящейся к мировому геополитическому прыжку Азии. Разворачивает, вовсе не избегая взаимодействия с Западом и Азией, а лишь опасаясь растворения России в Западе или в Азии, ибо такова воля исторического провидения относительно, может, и заблудшей в потемках на срок, но уже выбирающейся на исторический свет России. Того самого провидения, которого не существует для чересчур вестернизированных научников, но которое обязательно есть для постнаучных метафизиков, как это было и для великого итальянского разумника Макиавелли.

Макиавеллиева метафизика

Что такое действительный – а не придуманный кем-то – макиавеллизм? Вроде бы, тонкий расчет и решительное действие, не исключающее и чрезвычайку с беспощадностью, однако, что всегда почему-то забывается, ради благополучия всего социального организма в целом и всех его – этого организма – элементов и частей. Спрашивается, где же тут метафизика, если на виду фактически одно рацио? Оставив в стороне проблему метафизики самого рацио, укажем на другое – на стремление действительного государя-властителя, правителя, а иной раз и попросту тирана к устроению не своего личного, а общего для всех государственно-гражданского благополучия. Разве это не метафизическое стремление? Как и сам возможный процесс его фактической реализации? И дело тут вовсе не в том, что разумный государь обращается к религии, а в том, что само его государственно-гражданское деяние есть религия, ибо обращений лишь к пользе и выгоде тут явно недостаточно. Государь улавливает посредством своей личной метафизики, включающей и метафизику властвования, метафизику управляемого государем мира и, управляя этим миром, государь действует сначала и в основе как метафизик, а потом уже как конструктор, архитектор, полководец, инквизитор, даже и палач. Есть она – метафизика власти, управления, государствования, вообще политического хозяйства – есть! И от нее никому и никогда не уйти – ни государю, ни народу, ни обществу, ни истории!

Россия – страна державной и самодержавной метафизики, вовсе не народоправской, или (на западный манер) не демократической, точнее – не плутократической, не игрократической, не лжекратической. И в России государь – совсем не пустое и даже не просто об-

разное слово, это – факт, причем совершенно непатологический. Обычно это первое лицо во властной структуре, как бы это лицо конкретно ни называлось. Великий князь, царь, император, вождь, генеральный секретарь, председатель правительства, президент. Макиавелли, будучи сам по себе приверженцем народовластия, размышлял все-таки более всего о властном институте, называемом устно или письменно как раз государем, ибо не был он свидетелем особенно эффективных демократий, но зато был свидетелем эффективных, не очень эффективных и неэффективных государей вкупе с их благополучными, не очень благополучными и неблагополучными домами-государствами.

Размышления Макиавелли всего более адекватны как раз российскому историческому бытию, где государь – это государь, а народ – это народ, где государь над народом и ради народа, а народ под государем и вместе с государем. И дело тут не в том, хорошо это или плохо, а в том, что это так, что не исключает ни возможности доброго государя с добрым народом, ни дурного народа с дурным государем, ни еще какой-нибудь замысловатой комбинации. Либерализация и демократизация на западный манер, вроде бы, возможны в России, но, увы, вовсе не действительны, что не исключает разных практических реализаций державности, самодержавности и народоправства: как более, так и менее либеральных, как менее, так и более диктатных. Тут все зависит от обстоятельств и общих текущих состояний, от согласованности и гармоничности составляющих социогосударственный организм начал, от зрелости и культурности народа, от силы гражданственности, но в немалой степени и от личности государя и его умения справляться со своей державной миссией.

Макиавеллизм Сталина был поначалу революционно-антиимперским (антигосударственным, следственно), а потом – после прихода к власти – и вполне уже, так сказать, флорентийско-римским, хотя при этом каким-то очень уж своим макиавеллизмом – этаким сверх-, пере-, ультрамакиавеллизмом, вышедшим за рамки собственно макиавеллизма.

Искусство эффективного управления большими системами в интересах всех – вот что в центре внимания Макиавелли, для которого, заметим, ценность социума, народа, нации, государства выше ценности государя. Не общество у Макиавелли служит государю, а государь – обществу, чего, конечно же, хотелось бы нынешним россиянам обнаружить в своей собственной стране.

Макиавелли различает внутренние и внешние аспекты бытия любого общества-государства, соответственно различает по этому же принципу и государственную политику, включая и действия самого верховного принцепса, к сознанию и интеллекту которого мыслитель неустанно обращается. И политическая жизнь современной России идет этими же двумя потоками, тесно взаимосвязанными, но и достаточно различающимися. Россия в мире и с миром, как и мир в России и относительно России – это одно, а Россия в России и сама же она против России – это другое. Россия внутренняя и Россия внешняя... И коль скоро 2012 год не 2000-й и тем более не 1991-й, что означает уже не падение и угасание, а кое-какое все-таки восстановление страны, еще и с перспективой подъема и развития, то нынешнее безнадежно-обнадеживающее состояние-движение России предпочтительно рассматривать в указанных двух аспектах – внутреннем и внешнем, как и положено это делать любому заботящемуся о своей стране государю, будь он при этом макиавеллистом или нет. (Заметим, что всякий действенный правитель всегда в той или иной мере макиавеллист, даже ежели книжки ренессансного политического теоретика никогда в руки не брал, чего, конечно же, быть все-таки не может.)

Петр Шамшин. Петр Великий спасает утопающих на Лахте. 1844 год

Размышления Макиавелли всего более адекватны как раз российскому историческому бытию, где государь – это государь, а народ – это народ, где государь над народом и ради народа, а народ под государем и вместе с государем.

Внутреннее восстановление России

Положение России к началу 2000-х годов оказалось ахово. Первичный захват в частные руки собственности, ресурсов, выгодных в мирохозяйственном отношении производств, вообще большей части национального богатства, их нахрапистая приватизация были в целом успешно проведены к концу 1990-х. Произошло это ценой создания в стране смуты, анархии, хаоса, путем поощрения произвола, насилия, животного страха, стимулирования тотального разрушения и саморазрушения государственной, гражданской, национальной, гуманитарной, общежитейской, социальной культуры. Это означало перевод общества в режим инфернализированного бытия-небытия, погружение его в настоящий земной ад. Разумеется, добрые люди (простецы!) всему этому сопротивлялись как могли, выполняя свой долг перед Родиной, государством, нацией, перед культурой, цивилизацией, моралью, перед собой, близкими, семьей и человеком вообще. Они не восстали, не взбунтовались, а предпочли стоически пережить страшное, злое и вредное лихолетье, оставаясь человеками, гражданами, сторонниками законности и порядка. Им было трудно, кто-то из них приспособился к новому житию, а кто-то нет, кто-то выдюжил, а кто-то сломался, даже ушел из жизни. Немало нашлось и тех, которые, не став жлобами-лжецами-преступниками, предпочли покинуть взбесившуюся Россию, ища лучшей доли за границей. Потери страны были огромными, а главное, чего не было и не могло вообще быть ни в одной войне, даже гражданской, – было потеряно то, что обычно называется нормой, порядком, сознательностью, гражданственностью, культурой, цивилизацией. Было – и вдруг не стало. По мановению волшебной палочки сверху, из центра, из Москвы, из Кремля.

Страна оказалась на краю погибельной бездны. Это не прошло мимо внимания присвоительных реформаторов, вовсе

не желавших потерять в бездне все, с таким гнусным, злым и безобразным рвением только что обретенное, – собственность, богатство, возможность сытно, красиво и долго жить, влившись в давно уже преуспевший в кабальной эксплуатации населения планеты высший род человеческий. Тот самый род, против которого когда-то выступила, вроде бы, мировая пролетарская революция и явно уже товарищ Сталин со своим СССР. Тот самый род, который заключил союз с развращенной советской верхушкой, одержал верх над СССР и соцсистемой, установил опеку над постсоветским режимом и поспособствовал ельцинскому реформированию оторопевшей страны, отданной попросту на разграбление.

Да, новая самозваная господствующая элита, понимая, что может навсегда упустить объект своего господства и источник своего благополучия, вступила-таки на путь стабилизации нового строя, его укрепления и оттачивания, для чего избавилась от «нехорошего» первого президента с его «плохой» командой и внедрила «приличного» принцепса с более или менее «удовлетворительной» командой.

Начался новый период в истории России – период отката от жути 1990-х, срочного исправления попущенной ельцинизмом тотальной кривизны, ослабления общего социохозяйственного кризиса, снятия угрозы распада страны и возможности большой междоусобицы, отхода от замаячившей прямо перед носом погибельной бездны. Это было так, но это еще не означало прихода макиавеллизма. Точнее, означало лишь некоторое первичное авансирование макиавеллизма, который, немного помедлив – до середины первого десятилетия нового века, не преминул в конце концов реально объявиться в издерганной стране. 2005-й год – год явного утверждения в России макиавеллистского алгоритма внутриполитической жизни.

Тогда на фоне стабилизации нового социохозяйственного строя и в его уже вырисовавшихся рамках ясно обозначилась борьба между разными течениями как постигшего страну реформизма, так и самого странового бытия, ибо вопрос о действительной конфигурации нового российского строя еще не был разрешен. Пошла большая игра – как раз за то или иное разрешение животрепещущих проблем: кем быть, куда идти, что делать, к чему стремиться? Мы оставляем сейчас в стороне вопросы борьбы за собственность, ее передел, за доминирование одной части владетельной элиты над другой, хотя это и важно, ибо провоцирует нестабильность и перемены. Нас более волнует разгоревшаяся внутриэлитная борьба за Россию, ее новый образ, ее судьбу. Эта борьба тогда пошла и вовсю идет, причем вполне корреспондируя с макиавеллистскими принципами, чаяниями и сентенциями.

Игроков в пространстве России хватает – своих и чужих, «добрых» и «злых», светлых и темных, явных и скрытых, а главное – пророссийских и антироссийских, а среди тех и других – либерально-демократических и авторитарно-державных, как и любых иных. Смута в мозгах и душах совсем еще не преодолена, а потому всякое тут возможно – от прозападной «гуляй-сети» до антизападной «стой-заглушки». Много в стране игроков, но есть среди них один, который... нет, конечно, не государь вовсе, не властитель и даже не правитель. Но он непосредственно от государства, от власти и от правления, от их метафизики, духа и идейности, их энергии, информации и силы, а также от порядка, устоев и перемен, от реформы, революции и традиции, от элиты, народа и Господа Бога. В общем – наверху, сверху, в центре, в ядре. И поскольку еще не государь, а может, и никогда уже не государь – другие времена, – но в России и для России так или иначе парагосударь, который, будучи пусть и не полным государем, принимает, хочет он того или нет, государевы (пусть парагосударевы) решения и предпринимает соответствующие действия. Держа государев курс, выполняет государственную программу, им или не им задуманную, но провидчески как раз ему-то и служащую.

И этим игроком является президент Российской Федерации, вовсе не такой уж свободный и полновластный, как может кое-кому казаться, как и совсем не такой уж подневольный, как думается еще кому-нибудь. Игрок – и еще какой игрок! Выдержанный, стойкий, расчетливый – совершенно макиавеллический. Не сталинское нынче время, не большевистское, не пролетарское, да и не откровенно имперское, национальное, государственническое. Совсем запутанное время – постмодерновое. Свобода, открытость, дозволенность, произвол, безнаказанность, наглость и подлость. То ли больной, то ли тлетворный, то ли падший люд, которого и понять можно, и простить, но вот как поднять его, обладить – сделать ладным, оживить? Надо сохранить и укрепить уже явившийся строй, значительно его и подправить, ибо впереди – никакой перспективы ни для строя, ни для страны, ни для властей, ни для всех нынешних «успешников». Унять многих надо, очистить страну, оздоровить общество. А время-то совсем не диктат-

ное, не то что тогда – при Сталине, хотя и ресурсы есть, и инфраструктура, и деньги. Чего нет – так это людей, которых зажали, подавили, обескровили, вытеснили. Время не тружеников и творцов, а имитаторов, наживщиков, пустомелей. А делать-то надо, иначе не будет страны, строя, не будет и богатства, хотя и поделиться им надо, перераспределить внаглую добытое, людям воистину деловым и молодежи изобретательной дать если и не полный простор, то хотя бы устойчивый шанс. А тут – коррупция, прихватизация, разор, тотальная несправедливость! Люди пока терпят, но уже больше и не хотят терпеть, очень не хотят. И надо идти им навстречу – но как и с кем?

Политика – искусство невозможного. Кругом сплошная невозможность, хотя и не бетонная. Сражение, в ходе которого невозможное расступается и на арену выходит возможность, – возможность перемен. Чрезвычайность, жесткость, крайность, а кое-где и кое с кем беспощадность. Измены, вредительства, поражения. Социума нет, нет и государства. Доблесть не в том, чтобы не обмануть врага и проиграть ему, – это не более чем глупая стойкость. Доблесть в том, чтобы выиграть, пойдя на хитрость и даже жестокость, но повергнуть врага – ежели цель, конечно, не мелкотравчатая, а крупная, общественно значимая. Чего нет сегодня, так это доблести, к которой так тяготел наш мужественный флорентинец, но помимо доблести есть еще необходимость, которая неумолимо накатывает на нынешние власти, на самого президента-принцепса.

Сегодня – момент напряжения, потенции и перемены, ибо страна не может удовлетвориться уродливой пореформенностью и жаждет уже чего-то постреформенного – нормального, человеческого, жизнеспособного. И настоящий макиавеллист сегодня тот, который сможет ответить на эту потребность момента, несклонного ни ждать, ни приспосабливаться, ни покоряться. Нужен постреформизм в угоду России, необходим рывок к развитию, понимаемому не в обычном экономико-потребительском смысле, а в большом метасмысле – как переход к новому человеку с новым бытием – трудо-творческим, морально-ответственным и солидарно-общественным. Потребна не стабилизация аномальности, а нормализация стабильности – однако позитивно и эффективно изменчивой, совершенствующейся, возвышающейся. Дело тут не в финансах и конкурентоспособности, а в чувствующих свою полноценность и надобность людях, в их отыскании, поддержке, воспитании, образовании. Наконец, в их вольном самоформировании под общественную, национальную, государственную потребность, а не под поиск лишь личного благополучия, которого нет и никогда не будет, тем более в обстановке нарастающей на планете безысходной апокалиптики.

У России есть шанс вырваться из разудалой тьмы к удалому свету, есть шанс споспешествовать усилиям, предпринимаемым в этом направлении властями, есть шанс совершить исторический подвиг и у главы государства. Но любой шанс – еще не реальность. Социогосударственный организм не просто больной, что всегда бывает и что более или менее исправимо. Тут совершенно другой случай: революционным реформизмом 1990-х создан не просто плохой, с большими недостатками и проблемами организм, а самый настоящий урод, который требует не лечения, а перевоплощения, которого можно добиться только посредством срочно-упорного трансформирования, да еще и с условием тотального очищения.

Нет, речь идет вовсе не об организме-идеале, а всего лишь о жизнеспособном и жизнеутверждающем организме, могущем не только быть, но и развиваться.

Закрывать страну нельзя и не нужно. Отправлять миллионы за решетку невозможно и бесполезно – кому и кого отправлять, да и толку-то? Надеяться на бизнес-рынок и самодеятельность наивно. Питать надежду на бюрократию глупо. Им-то было тогда хорошо – дружинникам, опричникам, преображенцам, немцам, масонам, партийцам, чекистам, жуликам всех мастей (это в 1990-е), в общем – реальным движителям преобразований. А вот нынче-то кто и что? Нужен движок – это помимо капитала, корпораций, предпринимательства, администраций, спецслужб – тот самый движок, который найдет интерес, волю и силы немедленно переориентировать национальный процесс в пользу страны и уничтожить урода – это жуткое чудовище, называемое ныне с трибуны пореформенной Россией, а в кулуарах именуемое ельцинским монстром.

Опорой может быть только выходящий уже на арену новый – амбициозный, решительный, недоумевающий и недовольный – молодой люд, которому пореформенный урод явно не нравится, который за него никак не ответственен и готов его сокрушить ради становления общежитейской нормы. Потребен «орден меченосцев». Ну, и идеология новая нужна: «Россия, справедливость, солидарность». Без лукавой демократии и тупого авторитаризма, без нарочитого гедонизма и навязчивого аскетизма. Нор-

ма – обыкновенная житейская норма, – она же и здоровость, удовлетворенность, подвижность. Преодолеть аномалии, а совсем уж отрицательные попросту уничтожить не означает ни общей остановки, ни топтания страны на месте, ни отсутствия обновления.

Низы уже хотят, верхи... пока не могут. Но и верхи кое-чего уже хотят, а низы почти что уже готовы.

Слово, потребно слово, а не риторика – и не блестящее слово, а слово, пусть и не самое красивое, но житейское, человеческое, весомое.

Судьба страны, государства, нации – судьба всех.

Никакого растворения в глобализованной среде, никакого подчинения глобальному центру, никакой потери самости. Не закрытие ото всех, но стояние среди всех. Не подражание всем и вся, а самоопределение. Не бестолковое заимствование, а продуманное самосозидание. Не субординационное подыгрывание, а самостоятельная игра. Не уступки, потери и «ухваты», а партнерская взаимная выгода. Что говорить, сложно, трудно, тяжко, невозможно, но если б было не так, то зачем же тогда Макиавелли со своим учением и для чего же к нему теперь обращаться?

Опорой может быть только амбициозный, решительный, недоумевающий и недовольный молодой люд, которому порефор-менный урод явно не нравится, который за него никак не ответственен и готов его сокрушить ради становления общежитейской нормы. Потребен «орден меченосцев». Ну, и идеология новая нужна: «Россия, справедливость, солидарность».

Внешнее воссоздание России

Нынешняя Россия – не СССР, не бывшая Российская империя, хотя и не Московия. Это, безусловно, великая имперская держава, ослабленная, нездоровая, несколько растерянная. Но при этом не потерянная – ни как просто страна, ни как страна великая, ни как страна судьбоносная. Бывшая совсем недавно в составе и в образе СССР одним из двух самых могущественных игроков на геополитическом поле мира, Россия оказалась в 1990-е и в начале 2000-х очень неважным игроком – травмированным, потерявшим форму, деградировавшим, неспособным играть по-крупному и мастерски, вялым, уступчивым. Даже и презренным (брошенная на произвол судьбы Сербия, позорное неспасение подлодки «Курск», уступленный глобализму Ирак).

С уходом Ельцина и приходом нового руководства началось, хотя и не сразу, не одним махом, воссоздание России как сильного игрока. Достаточно вспомнить мюнхенскую речь президента России, борьбу против натовского продвижения к границам РФ, происшествие с Грузией по поводу Южной Осетии и Абхазии, поддержку Ирана, наконец, неуступчивость России вкупе с Китаем относительно атакуемой извне Сирии. Сюда же прибавим поддержку российской армии и ОПК, продажу вооружений за рубеж, строительство АЭС и трубопроводов за границей.

Нет, Россия еще не освободилась от «дружеской» опеки США и глобального штаба, под которой очутилась по итогам горбачевско-ельцинской разборки с СССР и соцсистемой, но явно уже пытается это сделать, играя, как кажется, совершенно и по-макиавеллистски. Помимо особых отношений с США, Европейским союзом и глобальным центром (G8), Россия поддерживает особые отношения со странами БРИКС, а также с другими государствами, среди которых Иран, Сирия, Венесуэла, Индонезия, Израиль, Турция. Назовем и бывшие советские республики – Белоруссию, с которой действует союзный договор, Казахстан, Таджикистан, Киргизию, Армению. В этом же ряду и новые постсоветские государственные образования, в том числе «непризнанное» Приднестровье.

В общем Россия сегодня – уже заметный игрок в мировой геополитике. Причем игрок не столько даже силовой, сколько ментальный – Россия оказывается в роли выразителя кое-какой правды, защитника справедливости, суверенности, опекуна слабых. И вот тут-то открывается что-то совершенно уж невообразимое: сама испытывающая лу-

Макиавеллизм софиен, он – в согласии с Премудростью Божией. Только в отличие от уставшего и разочарованного во всем царя Соломона, ничего уже от жизни не желавшего и излучавшего грустную пессимистическую мудрость, Макиавелли стоит за мудрость активную, действенную, созидательную.

кавый гнет извне, Россия, не очень-то внутри себя процветающая, становится для людей и стран мира субъектом надежды на одоление разыгравшегося не на шутку глобального мирового супостата! Проясняется вся будто бы макиавеллистская большая мировая игра – игра без правил, вовсю ведущаяся ныне на планете Земля. Эта игра включает в себя имперальный «макиавеллизм» глобального супостата и подлинный, без кавычек, макиавеллизм России. Единственная страна в нынешнем мире, которая может сказать что-то правдивое и жизненно важное и к которой мир внимательно прислушивается, это Россия. Это хорошо сознают в кругах глобального центра, который неоднороден, а потому в его недрах не одна только нелюбовь к России, но и кое-какая приязнь, что и отражается на всей мировой геополитической игре. Люди, народы и страны, в том числе и западные, недаром обращают взоры на Россию, ибо чуют что-то такое, что не бросается в глаза бойким политическим обозревателям, видящим лишь мелькающую перед их носами обыденную мишуру, но неспособным заметить за ней нарастающих неотвратимых перемен.

Мировая игра в разгаре, и Россия, вновь обретающая субъектный суверенитет и активно припоминающая имперский игровой навык, в этой игре – из первых ее участников, причем вовсе не только полевых, но и судейских, мало того – из авторских.

Софийность макиавеллизма

Макиавеллизм – не ремесло вовсе, а великое искусство, полное изобретательности, своеобразности, импровизации, неповторимости. В общем – творчества, причем неожиданного, поражающего, внезапного, разящего. Это – удел немногих, точнее – единиц. Хотя все хитрецы, лгуны, слизняки и подлецы и почитают себя за макиавеллистов, но никакими макиавеллистами они на самом деле не являются. Они – попросту чернь. А чернь не понимает, что есть на самом деле Макиавелли и его макиавеллизм, обращенные к князьям, госуда-

рям, правителям, властителям. Да и то не ко всем, а лишь к некоторым, способным действовать в угоду общему делу и на пользу всем, исполнять поднебесный долг, не стесняясь в случае необходимости прибегать и к разящему противника коварству.

Макиавеллизм софиен, он – в согласии с Премудростью Божией. Только в отличие от уставшего и разочарованного во всем царя Соломона, ничего уже от жизни не желавшего и излучавшего грустную пессимистическую мудрость, Макиавелли стоит за мудрость активную, действенную, созидательную. Макиавелли – великий оптимист, но не дурашливый оптимист, закрывающий глаза на смерть, раны, проказу, как и на низость, подлость, мерзость, а оптимист мужественный и реалистичный, сдабривающий и оправдывающий свой оптимизм волей к жизни, желанием общего блага и стремлением к преодолению зла. Подставление другой щеки под новый удар обидчика – вовсе не макиавеллистский идеал. Хотя, быть может, не его идеал и не достигающий поражения противника ответный удар: флорентинец за полное повержение противника, причем такое и тогда, когда наглец менее всего его ожидает. Вот и Россия в ожидании отмщения за все западные над собой эксперименты, но не ударное отмщение, не прямолинейное, не тупое, а сходное с тем, что заслуженно когда-то получила Орда – гибкое, рассчитанное, хладнокровное. Не войной вовсе угрожает Россия Западу, а своим поразительным существованием, истерзанной душой, поруганным телом, выстраданным словом.

Как ни странно, но София вовсе не с благополучным и самоуверенным Западом, а с исковерканной, униженной и растревоженной Россией, ибо на благоустроенном Западе уже ничего богоугодного не выварится, а вот в ужасной России – очень даже возможно. В России есть человеческий протест против всего этого пореформенного. И растет потребность в ином – уже постреформенном. Пусть стране тяжко и невыносимо, но она выдюжит и к этому иному непременно придет, ибо, находясь в аду, много страдает, переживает, думает, но и ищет, озираясь и выворачиваясь спасительно, перебегая от одного судного дня к другому.

■

Осознавая возможность обвинения нас вместе со славным флорентинцем в «наивном прекраснодушии» относительно современности, заметим следующее.

Во-первых, надо внимательнее относиться к оценке текущего момента: сегодня всем в мире тошно от нарастающей неопределенности и самонагнетающейся напряженности. Даже проворным и успешным китайцам тошновато, не говоря уже о механических циниках с Уолл-стрит. А раз так, то мы все – богатые и бедные – перед серьезнейшими непредсказуемыми переменами.

Во-вторых, Россия уже безоговорочно желает выхода из того ада, в котором находится, и шанс такого выхода у России есть, а о самом выходе обязаны сегодня позаботиться прежде всего нынешние власти. Не могут, а именно обязаны. Хотя и не очень-то, наверное, могут.

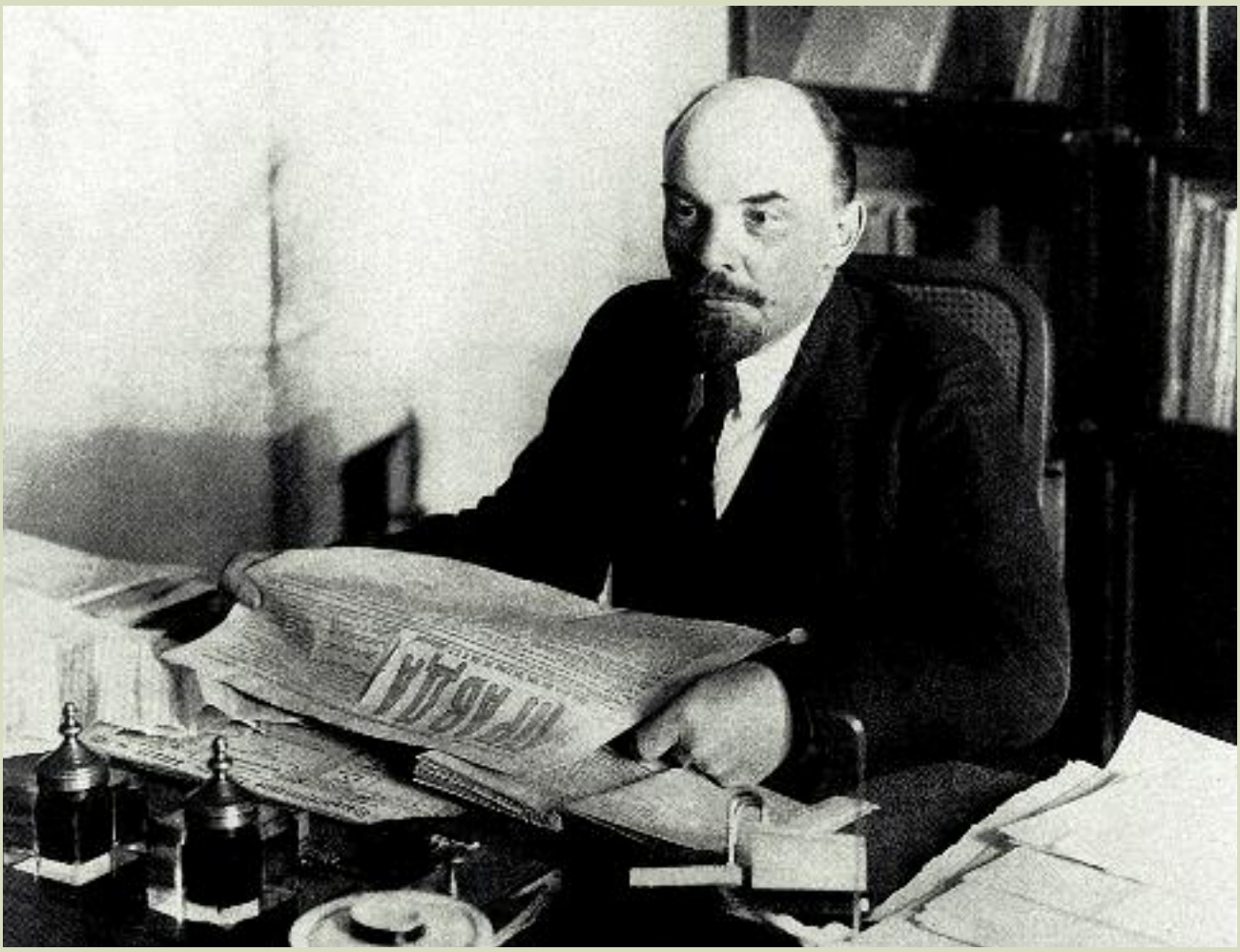
В-третьих, у нынешнего российского принцепса нет выбора: или он как толковый макиавеллист идет навстречу потребностям очнувшейся страны и выводит ее на спасительный путь, или как маниакальный антимакиавеллист идет навстречу сознательно призываемой бездне.

В-четвертых, есть еще помимо субъективного управляющего фактора и объективный ход вещей, который происходит сам по себе и лишь частично корректируется управляющим субъектом. Мало того, есть еще и вовсе от управляющего субъекта и даже хода вещей независимый ход неизвестности (случайность, внезапность, произвол, воля Божия, чудо, промысел Господень). А это значит, что потребно быть не просто макиавеллистом, а очень мудрым макиавеллистом, учитывающим все сразу, в том числе и никак не учитываемое.

В-пятых, в России пришло время радикального поворота к отводящему от бездны постреформизму. В противном случае не будет ни дойной российской коровы, ни золотого молочка от нее.

В-шестых, каяться надо реформистам, возвращать награбленное, а не бежать, ибо бежать-то некуда – совсем малой и очень хорошо известной стала планета, а бессовестных грабителей нигде ведь не любят, их побаиваются и презирают.

В-седьмых, Макиавелли со своим макиавеллизмом хорош тем, что у него предусмотрено и сокрушительное поражение правителя-неудачника: Ельцин-то мог чудить и проказничать, ибо смута была и спроса никакого с «правителя» тогда не было. А вот у нынешнего руководства такой возможности уже нет: смута всем уже надоела, и народ чает порядка с нормой, а потому при внезапном завершении неловкого правления уже никаких гарантий ни для кого из неудачников не будет – прямо по Макиавелли. Есть макиавеллизм сверху – от и для верховного правящего субъекта, а есть макиавеллизм снизу – прямо от среды и для среды. И он – такой объективный макиавеллизм – никогда, как и София, не дремлет.



Владимир Ленин

Из работы «Что делать?»

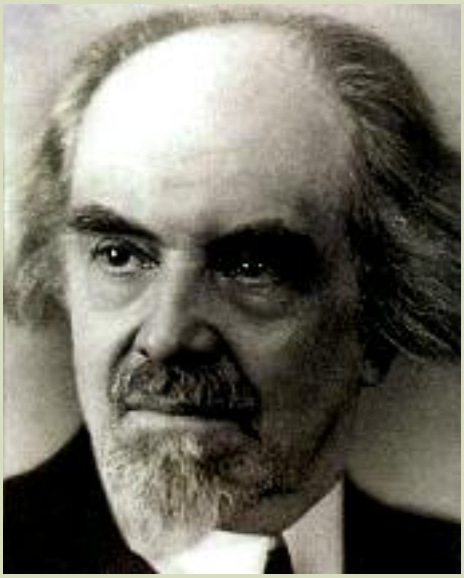
«Раз о самостоятельной, самими рабочими массами в самом ходе их движения вырабатываемой идеологии не может быть и речи, то вопрос стоит только так: буржуазная или социалистическая идеология. Середины тут нет (ибо никакой “третьей” идеологии не выработало человечество, да и вообще в обществе, раздираемом классовыми противоречиями, и не может быть никогда внеклассовой или надклассовой идеологии). Поэтому всякое умаление социалистической идеологии, всякое отстранение от нее означает тем самым усиление идеологии буржуазной.

Это не значит, конечно, что рабочие не участвуют в этой выработке. Но они участвуют не в качестве рабочих, а в качестве теоретиков социализма, в качестве прудонов и вейтлингов, участвуют, другими словами, лишь тогда и постольку, поскольку им в большей или меньшей степени удается овладевать знанием своего века и двигать вперед это знание. А чтобы рабочим чаще удавалось это, для этого необходимо как можно больше заботиться о повышении уровня сознательности рабочих вообще, для этого необходимо, чтобы рабочие не замыкались в искусственно суженные рамки “литературы для рабочих”, а учились бы овладевать все больше и больше общей литературой. Вернее даже было бы сказать вместо “замыкались” – были замыкаемы, потому что рабочие-то сами читают и хотят читать все, что пишут и для интеллигенции, и только некоторые (плохие) интеллигенты думают, что “для рабочих” достаточно рассказывать о фабричных порядках и пережевывать давно известное».

Николай Бердяев

Из этюда «Душа России»

«Россия – самая безгосударственная, самая анархическая страна в мире. И русский народ – самый аполитический народ, никогда не умевший устраивать свою землю. Все подлинно русские, национальные наши писатели, мыслители, публицисты – все были безгосударственниками, своеобразными анархистами. Анархизм – явление русского духа, он поразному был присущ и нашим крайним левым, и нашим крайним правым. Славянофилы и Достоевский – такие же в сущности анархисты, как и Михаил Бакунин или Кропоткин. Эта анархическая русская природа нашла себе типическое выражение в религиозном анархизме Льва Толстого. Русская интеллигенция, хотя и зараженная поверхностными позитивистическими идеями, была чисто русской в своей безгосударственности. В лучшей, героической своей части она стремилась к абсолютной свободе и правде, не вместимой ни в какую государственность. Наше народничество, – явление характерно русское, незнакомое Западной Европе, – есть явление безгосударственного духа. И русские либералы всегда были скорее гуманистами, чем государственниками. Никто не хотел власти, все боялись власти, как нечистоты. Наша православная идеология самодержавия – такое же явление безгосударственного духа, отказ народа и общества создавать государственную жизнь. Славянофилы сознавали, что их учение о самодержавии было своеобразной формой отрицания государства. Всякая государственность представлялась позитивистической и рационалистической. Русская душа хочет священной общественности, богоизбранной власти. Природа русского народа сознается как аскетическая, отрекающаяся от земных дел и земных благ. Наши левые и революционные направления не так уже глубоко отличаются в своем отношении к государству от направлений правых и славянофильских – в них есть значительная доза славянофильского и аскетического духа».



Из работы «Русская религиозная идея и русское государство»

«После падения Византийской империи, Второго Рима, самого большого в мире православного царства, в русском народе пробудилось сознание, что русское Московское царство остается единственным православным царством в мире и что русский народ – единственный носитель православной веры. Доктрина о Москве как Третьем Риме стала идеологическим базисом образования Московского царства. Царство собиралось и оформлялось под символикой мессианской идеи. Искание царства, истинного царства, характерно для русского народа на протяжении всей его истории. Принадлежность к русскому царству определилась исповеданием истинной, православной, веры. Совершенно так же и принадлежность к советской России, к русскому коммунистическому царству будет определяться исповеданием ортодоксально-коммунистической веры. Под символикой мессианской идеи “Москвы – Третьего Рима” произошла острая национализация Церкви. Религиозное и национальное в Московском царстве так же между собой срослось, как в сознании древнееврейского народа. И так же, как иудаизму свойственно было мессианское сознание, оно свойственно было русскому православию.

Но религиозная идея царства выделилась в форму образования могущественного государства, в котором Церковь стала играть служебную роль. Московское православное царство было тоталитарным государством. Иоанн Грозный, который был замечательным теоретиком самодержавной монархии, учил, что царь должен не только управлять государством, но и спасать души. Интересно отметить, что в московский период в Русской церкви было наименьшее количество святых. Лучший период в истории Русской церкви был период татарского ига, тогда она была наиболее духовно независима, и в ней был сильный социальный элемент».

Владимир Вячеславович Малявин – философ, историк, китаевед, доктор исторических наук, профессор Института изучения Европы Тамканского университета (Тайвань)

Для чего Евразия?

О евразийстве, пустынничестве и макиавеллизме в политике

Евразийский разворот России

Евразийцы первого поколения называли свою программу «предчувствиями и свершениями». Корабль русской истории плывет медленно (отчего русские интеллигенты, как известно, страдают нетерпением мысли). Понадобилось почти сто лет, чтобы свершились, по крайней мере, предчувствия евразийцев. Сегодня Россия медленно, но неотвратимо разворачивается в сторону Азии. Это происходит не по чьей-то воле, а просто в силу объективного хода вещей. Интерес русской публики к Европе угасает на глазах. Обнаружилось, что за пределами дипломатического пустословия и кухонной перебранки русским просто не о чем разговаривать с европейцами. Не видно прежнего блеска в глазах русских туристов, все еще по привычке наезжающих в европейские города. К поездкам они теперь относятся по-деловому: приехали, отметились, купили – и домой. Их знакомство с европейской жизнью никак не отразилось на общественном сознании в России.

Но примечательно и то, что нынешняя перемена в международном положении России не вызвала сколько-нибудь заметного интереса также в российском обществе, если не считать нападок на нее – естественных и ожидаемых – либералов-западников. Удивляться тут нечему: все действительно объективное непостижимо для субъективного ума и служит для него источником смутной тревоги и всевозможных страхов. Человеку вообще свойственно меньше всего замечать как раз то, что составляет его самое глубинное естество, и это, наверное, относится также к целым народам. Европа по-

Николай Рерих. Земля Славянская. 1943 год

тому и претендует на роль всемирного образца, что смогла выработать – единственная из всех мировых цивилизаций – последовательно критическое – в сущности, надкультурное – самосознание. Насколько эта любовь к критике оберегает от лицемерия – другой вопрос. И еще более важный, тревожный вопрос: не означает ли ясность и натренированность критического взгляда на самом деле утрату чувства реального, слепоту как раз к тому, что составляет самое важное и существенное измерение человеческой жизни?

Россия, то ли зависшая между Западом и Востоком, то ли обнимающая, вмещающая в себя весь мир, критического самосознания не выработала. У нас вместо критики – печалование, насмешка, гласность, брань, бунт и гражданская война. А интеллигенция, к такому самосознанию стремящаяся, почему-то никак не может срастись с собственным народом, остается инородным телом в собственной стране. Впрочем, и сама власть, которой по определению предписано как-то отмобилизоваться и определить себя, установить некий единый правопорядок, тоже живет больше своими корпоративными интересами, упорно отделяет себя от того целого, что мы называем Россией, и... проваливается в пустоту безбрежно-аморфной страны. Повторю уже не раз сказанное: русская история есть результат систематического непонимания образованной элитой общества основ русского уклада. Говорю об этом без иронии. Непонимание, наивность – великая и даже спасительная сила и в жизни, и в истории. Очень поучителен пример Америки – страны, по сути, постисторической, которая, не умея и не желая договариваться с миром, пребывая, так сказать, в неведении о мире, тем не менее, а может, как раз благодаря этому, стала мировым гегемоном. Не менее показателен и пример русской революции. Валериан Муравьев чувствовал себя «оскорбленным антиисторичностью» революционеров, а вот Федор Степун уже в первый революционный год справедливо подметил, что сила большевиков заключалась как раз в том, что они ничего не желали знать о действительной жизни. Теперь можно добавить, что КПСС подписала себе смертный приговор, когда по недоумию ее вождей взялась пропагандировать успехи «реального социализма».

Перед лицом и Запада, и Востока Россия бессознательно утверждает третий – асистемный – путь миропознания. Она ищет свою правду по ту сторону всех ценностей культуры и постулатов разума, всех диалектических приемов и критических методов. Ее идейное оружие – искренность сердца, ее действительность – вечная утопия.

Перед лицом и Запада, и Востока Россия бессознательно утверждает третий – асистемный – путь миропознания. Она ищет свою правду по ту сторону всех ценностей культуры и постулатов разума, всех диалектических приемов и критических методов. Ее идейное оружие – искренность сердца, ее действительность – вечная утопия.

Проблема евразийского взгляда на современную Россию состоит именно в неспособности его сторонников подняться над злобой дня и сиюминутными интересами. Нынешние официальные доклады и дискуссии о перспективах Евразийского союза убеждают в том, что наши властные и околовластные мужи попросту не представляют себе, о чем идет речь, и по разным – но всегда частным и случайным – причинам ничего не хотят делать для сближения России с ее азиатскими соседями. Разговоры вертятся вокруг трюизмов географии, таможенных пошлин, валютных расчетов, в лучшем случае – культурных стереотипов и надуманного, мертворожденного «диалога религий». Интеллектуалы и общественные деятели, называющие себя евразийцами, Азию знают плохо и, в сущности, остаются интеллигентами европейской формации.

Не лучше положение и на Западе. Даже серьезные и симпатизирующие евразийству исследователи, вроде американского профессора Кристофера Бекуита, который в своем последнем труде, посвященном империям Шелкового пути, расточает филиппики против западного Модерна и мечтает о возрождении того, что он называет «центральноазиатским культурным комплексом», не находят ничего лучше, чем посоветовать государствам Центральной Азии объединиться в конфедерацию по образцу Европейского союза. Но объединенная Европа – наследница многовековой традиции гражданского права, критической мысли и гуманитарного знания, у нее есть свои четкие мировоззренческие установки. А на чем может стоять объединенная Евразия? Не дав ответа на этот вопрос, нельзя надеяться и на политическую консолидацию евразийского пространства. И европейский опыт здесь вряд ли пригодится.

Но если евразийская идея совершенно естественна для России, не означает ли это, что осмысление ее требует не выработанных в Европе методов предметного и рационального познания, а какого-то иного и даже противоположного по форме и целям познавательного метода – быть может, некоего «просветленного незнания»? Гуманитарная истина всегда относится к чему-то очевидному и возможному. Правда жизни есть нечто сокровенное и невозможное, ибо она свидетельствует о реальности, которая не может не быть именно потому, что она по всем правилам логики не может быть. Такова правда России.

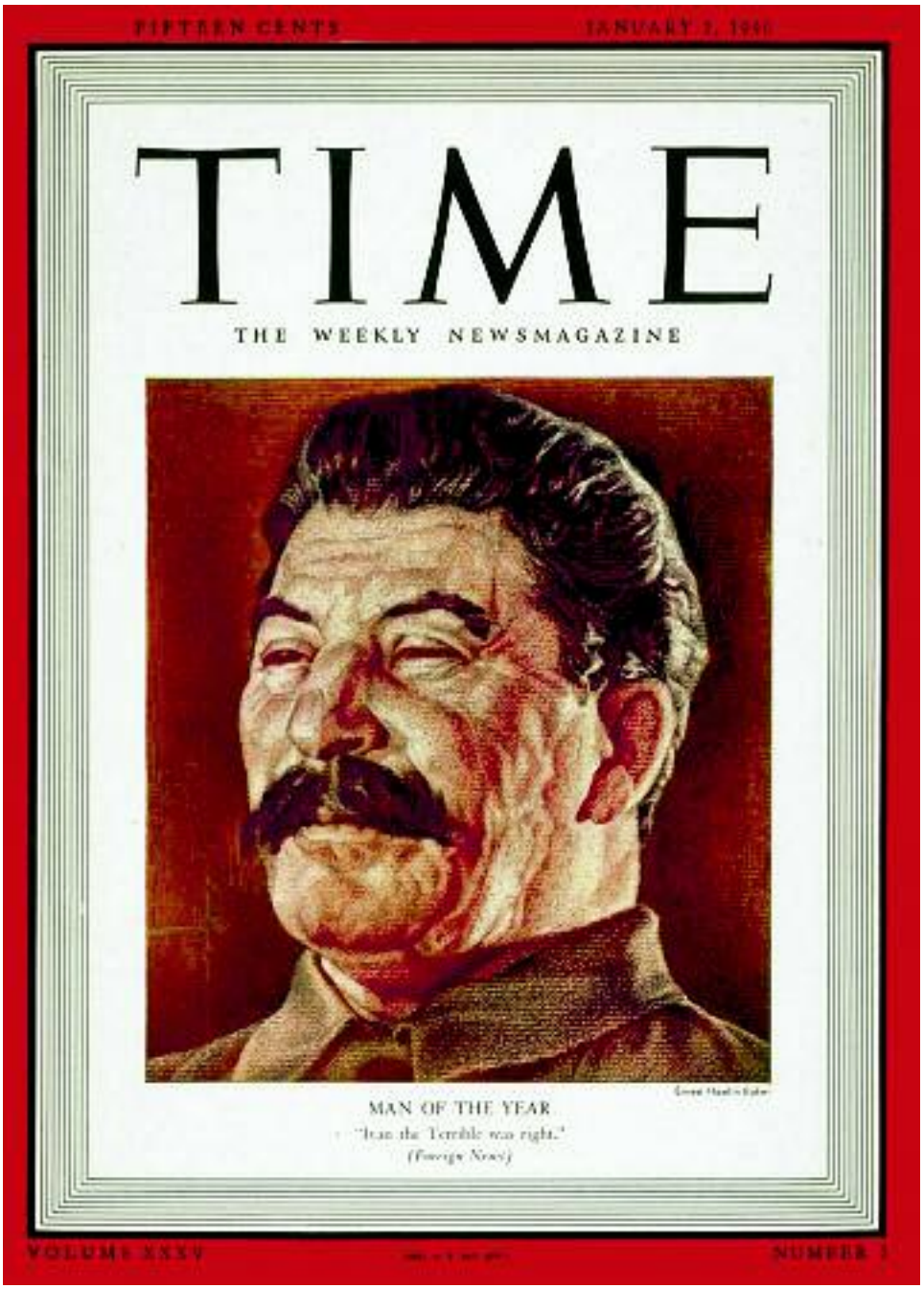
«Нам необходимо глубже и сокровеннее осознать двойной принцип нашего национального существования. <...> До сих пор <...> мы чересчур походили на учеников, стремящихся несуразными оправданиями смягчить гнев своего учителя». Писано о России Федором Тютчевым еще в 1843 году. Под учителями русских великий поэт подразумевал, конечно, европейских авторитетов. Примечательно, что приведенные слова Тютчева были написаны за границей. Там же позднее возникло и евразийское движение. В самой России евразийство или не привлекало к себе внимания, или находилось под строгим запретом. Многим оно казалось чем-то экзотическим и чуждым, очередной интеллектуальной модой. Лет двадцать назад журналисты даже щеголяли выражением «евразийство парижского разлива»... Может быть, оттого многие и сторонятся евразийской идеи, что видят в ней еще одно поверхностное интеллигентское увлечение и тайное желание еще раз поклониться иностранным учителям – на сей раз, может быть, одновременно западным и восточным?

Грустно, но факт: со времен Тютчева положение не изменилось. Представители Европы и сегодня разговаривают с Россией, как с нерадивым учеником. Как всегда, они упрекают Россию в авторитарной природе русского политического режима и сопутствующих авторитаризму ущемлениях прав и свобод личности. А в ответ слышатся, как всегда, несуразные оправдания: с одной стороны, демократические институты мы, вроде бы, завели по всей форме, а с другой стороны, реальной демократии, вроде бы, нигде нет и быть не может. Вот и пойми этих русских...

Что же касается евразийских мотивов в русской мысли, то они, в сущности, так и не вышли из области смутных «предчувствий». Евразийская тема рождена русской революцией, катастрофическим разломом в русских умах, в русском обществе и в русской истории. Такова романтическая утопия скифства, но таково же было и претендующее на научность заграничное евразийство. Как детище революционной эпохи евразийство не могло не быть захваченным мутным потоком, несшим Европу к тоталитарщине и всеобщей войне. Упование – за неимением других идеалов – на «идеократию» привело евразийское движение к быстрому и бесславному концу. Тоталитаризм проглотил евра-

зийство не разжевывая, ведь оно было для него, в сущности, – или, точнее, в исторической потенции – инородным телом.

Здесь следовало бы задержаться и высказаться подробнее. Критики основоположников евразийства обвиняли их прежде всего в непонимании свободы личности, масштабов и трагизма этой свободы, ее значения для культурного творчества. Они упрекали евразийцев в желании «свести тяжелые задачи действительной жизни к внешнему общественному строительству и даже простой организации» (Георгий Флоровский). Надо признать, что евразийство первой волны, пытаясь найти определения «органической цельности» народной жизни, сформулировать «народный дух» на языке партийной программы, попало в общий для всех модернистских идеологий капкан избыточного, догматического, духовно разрушительного рационализма, который устанавливает жесткие, «единственно правильные» связи между понятиями и вещами. В этом отношении евразийство было не лучше и не хуже интернационализма ВКП(б) или национализма Белого движения. Но упрек Флоровского имеет и более глубокий смысл. Он лежит в рамках традиционной для западной литературы антитезы европейского Просвещения и азиатского, характерного также для русского православия культа духовной «просветленности». Первое, как подчеркивал еще Кант, воспитывает морально зрелого и ответственного гражданина. Второе оставляет личность в состоянии инфантильной и, по сути, асоциальной и даже антисоциальной слитности с миром, обрекая ее на подавленность, агрессию и вездесущее, какое-то онтологическое лукавство, когда «люди врут без пользы, цели и смысла» (отзыв Владимира Бибихина о русских нравах, прямо отсылающий к их гипотетическим азиатским корням). С этой точки зрения азиаты могут иметь только безнадежно коррумпированное государство.



Сталин на обложке журнала «Тайм» в 1940 году. Подпись под портретом: «Человек года: "Иван Грозный был прав"»

Представители Европы упрекают Россию в авторитарной природе русского политического режима и ущемлениях прав и свобод личности. А в ответ слышатся, как всегда, несуразные оправдания: с одной стороны, демократические институты мы, вроде бы, завели по всей форме, а с другой стороны, реальной демократии, вроде бы, нигде нет и быть не может.

Историческому евразийству, как и предшествовавшим ему попыткам создать собственно русское мировоззрение, действительно свойственно эклектическое смешение азиатского «всеединства» и европейской аналитической ра-

циональности. Неудивительно, что его программа, подобно наследию тех же славянофилов, осталась собранием разрозненных наблюдений и интуиций, часто интересных и глубоких, но по-настоящему не оцененных и даже едва ли понятых. Фундаментальные исследования евразийского движения скудны и выходят за рубежом. А в России? Вошло ли в обиход отечественной науки оригинальное понятие «месторазвитие» у евразийцев? Кого-нибудь интересует предложенное евразийцами различие между демократией и демотией? Кто-нибудь попытался определить значение для истории и теории культуры тезиса Николая Трубецкого о неразрывном единстве власти, религии и быта у кочевых народов Евразии и в Московской Руси? По-прежнему евразийство остается только заявкой на будущие открытия или, как выразился один его ранний критик, «настроением, желающим быть философией». По-прежнему сильно стремление оправдаться перед европейскими учителями, даже отвергая универсалистские претензии Европы. Тот же Лев Гумилев потратил немало времени и сил, чтобы доказать, что у Евразии была не менее богатая история, чем у Европы, и были там почти такие же, как в Европе, философы. Но надо бы внимательнее посмотреть, какая история могла быть в Евразии и каких философов она могла вырастить.

Достаточно самого беглого знакомства с евразийским миром, чтобы понять: законы его организации и развития кардинально отличаются от принципов, обуславливающих единство европейской Ойкумены. Географически Евразия есть прежде всего большое пространство, великий простор, во всех отношениях представляющий прямую противоположность Европе – этому своеобразному мысу – или «носу» – Евразии, сующемуся в дела всего мира, подставляющему себя всем его ветрам – и отстраняющемуся от них. Европейское пространство – относительно замкнутое, воспитывающее чувство четкой, пластически законченной формы. Такие корифеи постмодернистской мысли, как Жак Деррида или Жан-Люк Нанси, настаивают на том, что Европа обладает всемирными притязаниями именно в силу своей принципиальной исключительности, постоянного поиска в себе «иного начала». Остается только догадываться, каким образом этот поиск своей инаковости согласуется с требованием самотождественности познающего, изначально заложенным в европейском *ratio*. И насколько в таком случае этот поиск свободен от интеллектуального лицемерия, которое, возможно, и есть подлинная причина западного нигилизма. Ясно, по крайней мере, что исторически указанный поиск – искренний или игровой – есть единственный способ избежать срыва в тоталитаризм – антимир всеобщей самотождественности.

Если Европа – это мир вне мира, то Евразия есть скорее мир в мире – все в себя вмещающий и в себе скрытый: актуальность отсутствующего, не-сущее, все в себе несущее. Соответственно о Евразии нельзя говорить в выработанных Европой понятиях национальной идентичности, исторических формаций, общественности и ее институтов, гражданского сознания и т.п. Скажем больше: таинственные ритмы Евразии невозможно выявить инструментарием европейских общественных наук – этнографии, археологии, даже истории и социологии. В этих ритмах проявляются какие-то неизвестные европейской мысли глубины человеческой природы, здесь представлена какая-то иная антропологическая матрица. Недаром Гумилев в поисках объяснения этих ритмов в конце концов обратился к астрофизике. Но, полагаю, нет необходимости уходить так далеко. Достаточно заглянуть в себя – в то, что ближе всего каждому человеку.

Любой разговор о Евразии в европейских категориях сразу же породит столько коллизий и недоумений, что, по правде сказать, его лучше не заводить вовсе. Единство евразийского пространства никогда не отменяло розни и ожесточенных войн между населявшими это пространство народами и даже внутри этих народов. Западные политики, пытающиеся перекроить евразийский мир по образцу европейских национальных государств, не ведают (или слишком хорошо знают), что творят. Распад СССР показывает, что национальный сепаратизм, представляющий сегодня наибольшую опасность для многонациональных государств вроде России или Китая, не решает никаких политических, экономических и общественных проблем – наоборот, только резко обостряет их и порождает *failed states*, «несостоятельные государства». Попытки наспех сколотить национальную идентичность из «заветных преданий темной старины», а то и вовсе без всяких преданий, по чистому произволу власти, выглядят анекдотическими. И тем не менее единство евразийского пространства, несомненно, существует.

Одним словом, страны Евразии не могут быть ни вместе, ни врозь. Всестороннее осмысление этого факта и есть подлинное задание евразийской идеологии. Для начала следует сделать один простой шаг: по примеру Европы при-

Николай Рерих. Знаки Христа. 1924 год

Подлинная стихия Евразии – забвение, которое пробуждает способность к теофании в ее исконном смысле – как видения запредельного в его близости. Это забвение превосходит все фантазии. Евразия – это не историческая почва, а сокровенная прапочва, не данность знания, а заданность изначальной интуиции бытия.

знать как данность существующие государственные границы. Однако нужно помнить и понимать, что евразийская общность – реальность иного порядка, нежели национальная политика, государственный суверенитет или даже хозяйственно-культурный тип. Вот первая истина евразийского простора: Евразия – пустыня, все вмещающая и ничего не удерживающая, не имеющая самообраза и потому не перерабатывающая актуальные события в идеологические дискурсы. В этом заключается фундаментальная слабость евразийского мировидения перед Западом. Роль евразийского простора в истории – иная и в своем роде чисто практическая, функциональная: он позволял и культурным артефактам, и идеям, и целым народам с легкостью перемещаться во всех направлениях, то враждуя, то сотрудничая, но в любом случае свободно общаясь и смешиваясь. Ситуация, надо заметить, хорошо знакомая по истории продвижения русских на восток (которое, кстати сказать, повторило древнейшую волну миграции в Евразии). Эспер Ухтомский очень точно описал природу этой экспансии в своей брошюре «К событиям в Китае», когда отметил, что русские первопроходцы «на каждом шагу открывали не новый мир, но зачастую с детства знакомый инородческий люд, с которым вовсе не трудно было – смотря по обстоятельствам – сражаться или ладить. <...> К их дорожному или сторожевому костру по ночам без робости и отчуждения приближалась мало чем от них отличавшаяся фигура инородца. У общего котла и ему очищалось место, в общей незатейливой беседе и его голос получал иногда решающее значение».

Подлинной основой Русского мира, помимо имперского *Pax Russica* и отчасти даже в оппозиции ему, стала эта естественная готовность признать за каждым человеком право не просто на формальные гражданские права, но на полноту бытийных возможностей жизни, что и делает личность подлинно единственной и неповторимой. Эта готовность русского увидеть родного в инородце, что означает ведь (учитывая родство слова «иное» итальянскому *uno*, немецкому *ein* и т.д.) «единородный», есть дело любви к ближнему и веры в право каждого на счастье.

В конечном счете Евразия – пространство не соприсутствия отдельных вещей, а со-

вместности, сообщительности событий. Это вселенский проходной двор, в котором гуляют все сквозняки мира. Но как раз поэтому есть все основания утверждать, что Евразия более чем какой-либо другой регион земного шара способствовала формированию идеала единого человечества и его истории.

Историки, как все интеллектуалы, обычно мыслят историю в масштабе индивидуальных жизней и убеждений. Их пониманию с трудом даются большие, неохватываемые субъективным умом величины истории, ее вечно живые силы, такие как душа и судьба народов или цивилизаций. Но Евразия превосходит даже этот – еще доступный романтическому взгляду – уровень. Она имеет отношение к реальности еще более глубокой и величественной – к неким метаисторическим, всегда скрытым от субъективного взгляда условиям самого появления истории, к бездне хаоса, шевелящегося под коркой «уснувших дум». Этот субстрат азиатского бытия аполитичен и даже асоциален, он не вмещается в прокрустово ложе идеологий. Нелегко принять его «смиренную наготу», ему *предназначено* облекаться в одежды истории, и другой судьбы у него не может быть. Но история остается в Евразии именно покровом до- и метаисторического. Неизъясним этот спор истории с хаосом на евразийских просторах, и некому разрешить его. Но только обратив внимание на метаисторическую глубину истории, мы сможем преодолеть догматизм того, что я называю избыточной рациональностью, которая выстраивает жесткие соответствия понятий и вещей.

Поистине человеческие устремления и дела, все «слишком человеческое» несоразмерны евразийскому простору, последний предъявляет живым лишь забытые следы, молчащие руины далекого прошлого. То ли оттого, что сухая земля и сухой воздух Евразии, не слишком благоприятствуя процветанию актуальной жизни, на удивление бережно хранят памятники незапамятного прошлого. То ли оттого, что в этом пространстве повсюду разлито какое-то патетическое безмолвие и духовному слуху всюду слышится немой зов высших сил, евразийская пустынность с особенной остротой заставляет ощутить реальность отдаленного и забытого. Так в потоке чистой воды особенно ясно и четко видно его пребывающее в недосягаемой глубине дно.

Подлинная стихия Евразии – забвение, которое пробуждает способность к теофании в ее исконном смысле – как видения запредельного в его близости. Это забвение возвращает к жизни в ее непостижимом многообразии и потому превосходит все фантазии. Евразия – это не историческая почва, а сокровенная прапочва (прав был Тютчев, призывая к «более сокровенному осознанию» России), не данность знания, а заданность изначальной интуиции бытия. Ее единство запредельно всякой исторической предметности и превосходит цивилизационную специфику. Оно требует, по сути, метацивилизационного подхода, что, конечно, не лишает ее особой и в высшей степени устойчивой системности. Те же степные империи отличаются не только очевидной преемственностью с доисторическими культурами этого ареала, но и целым рядом общих черт, переходящих от одного эфемерного государственного образования к другому. В известном смысле Евразия – чрезвычайно стабильный в историко-культурном отношении регион, даже если он не представляет единой и четко оформленной цивилизации. Она и Европе дана как ее прапочва, ведь Европа эпохи варварских нашествий была частью Евразии. В более поздние времена евразийское начало Европы живет в романтических видениях незапамятной древности, скрытой в глубинах опыта, но не исчезнувшей первозданной мощи жизни.

Чтобы понять Евразию, требуется, повторим еще раз, совсем особенная, превосходящая все исторические горизонты перспектива и новая, еще неизвестная европейской антропологии система понятий. Ее истоки следует искать в двух изначально заданных логических – а в историческом плане метацивилизационных – возможностях духовного самопознания. Первая представлена отождествлением сознания с его предметным содержанием, вторая – с самим пределом опыта, что делает реальность вездесущим превращением, а сознание – неисчерпаемой действенностью. Первая возможность стала выбором Запада, вторая получила развитие в духовных традициях Востока. В этом отношении евразийский мир представляет собой самый смелый и сильный вызов европейскому мировоззрению. Но, пожалуй, самое интересное состоит в том, что, как мы увидим ниже, евразийская идея в известном смысле не отрицает европейское наследие, а скорее дополняет его и даже, можно сказать, придает ему завершенность.

У Евразии есть свой единый субстрат – безымянные культуры эпохи неолита и бронзы, а в более позднее время – великие степные империи или просто сообщества давно исчезнувших или неузнаваемо изменившихся народов. Прошлое Евразии, по сути, археологично, и это заставляет по-новому взглянуть на про-

Будда из Юнганга

блему смычки, сопряжения археологии и истории. Первое не может сойтись со вторым каким-либо формально-рациональным и тем более органическим способом. Встреча того и другого выявляет некий неустранимый разрыв, зазор в опыте, какую-то травму сознания, которая заполняется горячкой культурного мифотворчества, образами и сюжетами столь же случайными, произвольными, сколь и притязающими на нормативность. Мифология указывает на то, что значимо отсутствует в любом человеческом самообразе, выявляет границы человеческой истории и по той же причине определяет, делает возможным историческое время. Хотя евразийский миф, переходя в историю, может мутировать в идеологию, в конечном счете он утверждает неустранимость простейшего факта самой жизни – ее вечно отсутствующей и непреходящей актуальности.

Только в пустыне могла расцвести жизнь, целиком ориентированная на духовное просветление. Только пустота пустыни дает быть великому изобилию и силе жизни прежде и превыше ее материальных форм. Изобилие жизни воспитывает равнодушие к ее материальным следам и исторической памяти, к избирательности в образе и обстоятельствах существования.

Правда пустыни

Итак, вот первая истина Евразии: это мир большого пространства, которое вмещает, пропускает через себя всякий человеческий материал, не удерживая его. С незапамятной древности десятки – если не сотни – народов промчались по его бескрайним степям и канули в Лету, оставив после себя невнятные, почти неотличимые от творений самой природы следы своей жизни. Для евразийского культурного комплекса это не случайность. Здесь кроется его подлинное основание.

У большого пространства свои законы и даже своя стихийная диалектика. Его необъятная разомкнутость и всевместимость с какой-то сверхлогической, подлинно бытийной предопределенностью оборачиваются предельно замкнутым, чисто внутренним пространством глухого угла, пещеры, затвора, сокровенной клети сердца. Инобытие, инаковость, сознание заброшенности в чистой, анонимной вещественности есть сама его природа. Точно так же предельное эмоциональное напряжение затворнической жизни срывается в безмятежный покой и само питается им. Этот вечный круговорот инобытности бытия превосходит все личное и социальное, всякое гуманитарное знание и все «слишком человеческое», не допускает самонаблюде-

Такова реальность живого тела, предел одухотворенной чувствительности, то есть дух, наполнивший собой мир и обращающий все «слишком человеческое» в мертвые следы духовного преображения. Евразия просто не может не быть миром забытых культур и развалин давно опустевших городов.

ния и индивидуальной рефлексии и потому не дает развиться психологизму и натурализму в культуре.

Отрицание оппозиции разума и материи, духа и тела, субъекта и объекта не есть примитивизм и дикость. Такая позиция на самом деле есть подлинное условие духовного бодрствования. Она направляет внимание к тому, что можно назвать живым телом, или телесным сознанием, каковое и составляет подлинное содержание чистого опыта, действительный субстрат личной идентичности, и это условие всякого существования, жизненность всякой жизни есть как раз то, что отсутствует в предметности нашего знания и опыта. Понятие живого тела здесь отчасти соответствует принятому в феноменологии после Мориса Мерло-Понти выражению «переживаемое тело» (*corps vécu*), но кажется более предпочтительным вследствие его активной и творческой природы. Речь идет о реальности, которая опознается только интуитивно, непосредственным образом и скрытно предопределяет наше восприятие пространства и времени, наш образ мира. Поскольку в ней нет ничего сущностного или идеального, в восточной мысли она соотносится с пустотой чистого зеркала, которое в отличие от «зеркала разума» в западной традиции служит выявлению не содержания мышления, а мира в его исконном состоянии – как динамической, бесформенно-пустотной и потому как бы сферической цельности несотворенного, самодостаточного, текучего и непреходящего тела жизни. Знание этого сокровенного условия всякого опыта, или, говоря точнее, неопределимого зазора, символической дистанции между миром вещей и бытием (то есть пустотно-текучим присутствием живого тела), составляет подлинную мудрость в духовных традициях Востока.

Примечательно, что в центре Евразии и, осмелюсь сказать, в сердце ее живого тела лежит пустыня. Эта пустыня окружена гигантским поясом степей, подобно тому как в живом теле его костная основа объята мягкой плотью тканей. Но природа живого, одухотворенного тела – не анатомия, а сама открытость миру. Евразия есть мир, открытый... миру, или, точнее сказать, встреча открытости сознания с открытостью бытия, встреча двух зияющих бездн. В ней все вмещает в себя другое и все в другое вмещается. Концентрическая конфигурация ее пространства обуславливает и совершенно особенную иерархию социокультурных форм в евразийском ареале.

Пустыня, вообще говоря, есть место духовного подвижничества, освобожденности от плена материального мира, а равно умозрительных понятий как раз там, где есть только чистая имманентность материи. Клин клином вышибают не только на лесоповале, но и в духовной жизни. Мир вещей побеждается не идеями, а самой вещественностью мира. Если в Европе пустыня и пустынножительство находились на периферии цивилизованного мира или сосредотачивались в изолированном пространстве монастырей (что и создавало возможность для корреляции мысли и материи, управляемой таинством «логико-грамматического паралле-

лизма»), то в Евразии пустыня и ее откровения составляют подлинный центр Ойкумены. Примечательно, что скит и старчество, столь важные для православной традиции, знаменуют перемещение пустыни в пространство социума. Аналогичным образом Иерусалим в библейской истории не столько противостоит пустыне, сколько пребывает в ее тени. Оба эти примера принадлежат, несомненно, евразийскому культурному пространству. Но, пожалуй, самое убедительное подтверждение божественной природы вещного бытия дается в столь важном для евразийского миросознания мотиве спонтанного проявления знаков духовной силы на лице Земли – все эти «самопроявившиеся» образы богов, священные письмена и символы. В Евразии свято место как таковое, и сама Земля в ее неисчерпаемом разнообразии и немолкнущем многоголосии есть не что иное, как прообраз божественной мудрости.

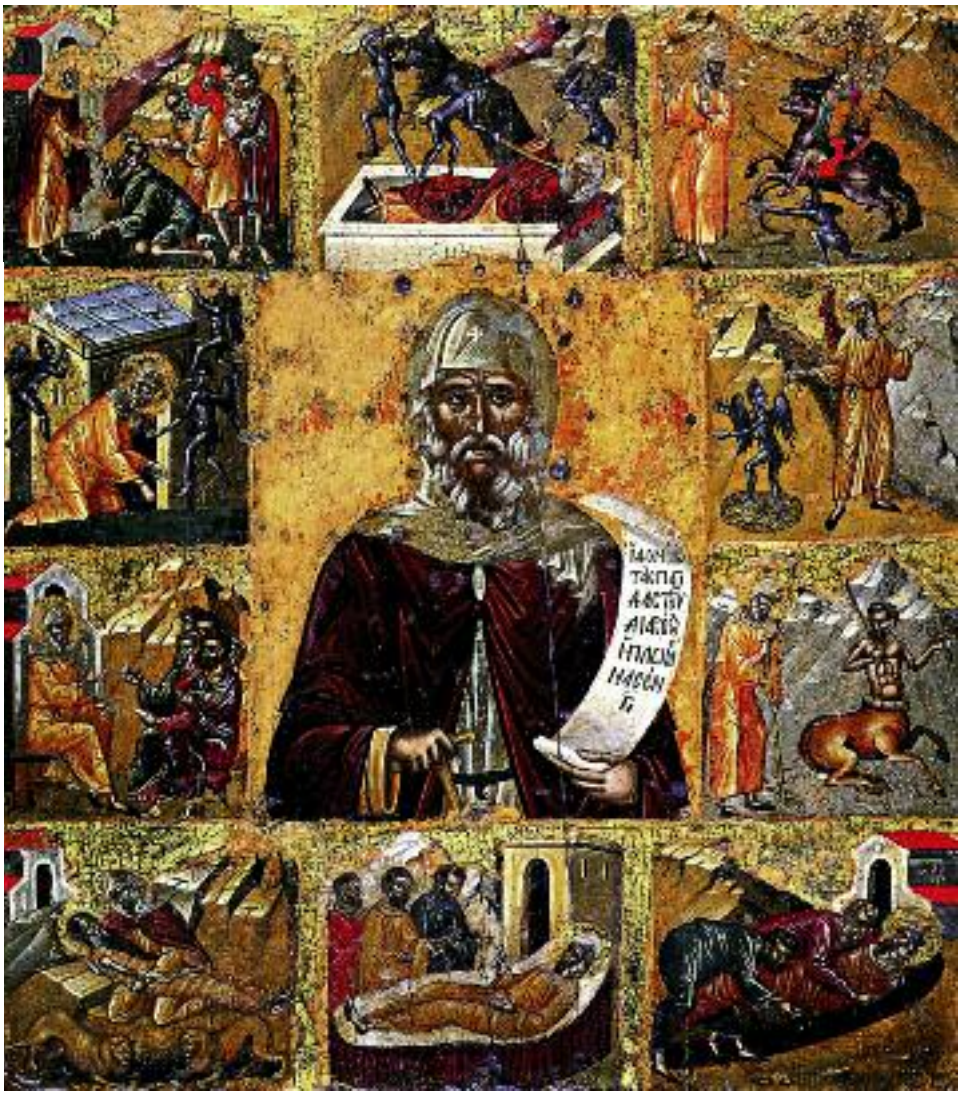
Случайное и случайно уцелевшее собрание рукописей в захолустном Дуньхуане на краю великой пустыни и немногие, столь же случайно сохранившиеся памятники местного изобразительного искусства свидетельствуют об интенсивной и даже, пожалуй, не имевшей себе равных по интенсивности во всем средневековом мире духовной жизни в этом пустынном краю. Только в пустыне могла расцвести эта жизнь, целиком ориентированная на духовное просветление, то есть познание реальности, предшествующей опыту и знанию – и значимо отсутствующей в них. Только пустота пустыни дает быть великому изобилию и силе жизни прежде и превыше ее материальных форм. Изобилие жизни воспитывает равнодушие к ее материальным следам и исторической памяти, ко всякой избирательности в образе и обстоятельствах существования. Здесь всякий опыт может служить источником духовной школы, всякое дело может стать искусством, а исчезновение этих школ и искусств не является поводом для огорчения, ибо не отменяет уверенности в появлении новых, ведь правда разлита в самом разнообразии жизни, а мудрость и мастерство так же неисчерпаемы, как сама жизнь. Может быть, поэтому в Евразии не было институтов консервации памятников культуры, не говоря уже о типично европейской одержимости «оригинальностью», «подлинностью» культурных артефактов. В евразийской перспективе все свидетельства истины, даже канонические тексты, обнаруживаются «случайно», спонтанно проявляются, в ней жизнь наполнена восхитительным ожиданием невообразимых событий.

Кто скажет, что пустынник – личность менее зрелая и стойкая, чем представитель кантовского просвещенчества? Просто просветленность духа – плод долгого духовного пути и рефлексии, обращенной не на себя, а на преодоление себя и, следовательно, на свое отношение к миру. Это свойство умудренной и нравственно-взыскательной души, пережившей «переворот ума» и полностью открывшейся бытию, преисполненной любви к миру, если понимать любовь как бдение согласно изречению Сведенборга: «Любовь никогда не спит». Мир расцветает в пустоте любящего, в уединении бдящего сердца, которое сотворило, со-зиждило себя тем, что опустошилось, раз-делалось с собой и в неуловимый миг самоотсутствия пред-оставило всему свободу быть. Да, мир всем обязан вечноотсутствующему подвигу само-оставления...

Просветление возвращает к неизбывному постоянству существования, великой обыденности жизни. Оттого подвижничество пустынника есть собственно культивирование неподвижности как архетипического жеста, символа или, говоря языком восточных традиций, «материнской формы» всех движений: сидячая медитация в буддизме, столпничество в восточном христианстве. Оттого же в Евразии мистические тайны духа, «небесное откровение» – часть быта и тем более политики. Такова, повторим, реальность живого тела, предел одухотворенной чувствительности, то есть дух, наполнивший собой мир и обращающий все «слишком человеческое» в мертвые следы духовного преображения. Евразия просто не может не быть миром забытых культур и развалин давно опустевших городов.

Жить духовной чувствительностью – значит жить творческими метаморфозами мира, быть сопричастным своей инаковости и непрестанному обновлению бытия. Евразийцы и не подозревали, как они были правы, когда отдавались своим «предчувствиям свершения», ибо евразийское дело требует жить именно предчувствием – предвосхищением грядущего, опознанием *родной чуждости*, метанойей, все предваряющей именно в силу ее абсолютной естественности. Это дело есть именно пред-приятие мира. Восстановление связи между предметным и небесным, то есть допредметным, мирами и есть подлинное задание религиозных ритуалов на Востоке. Более всего ему соответствует та мучительная и радостная устремленность человека к небу, когда, по слову поэта,

Кричит душа, изнемогает плоть,
Рождая орган для шестого чувства.



Икона святого Антония Великого с житием

Пустыня стирает все следы, не знает ни прошлого, ни будущего, не имеет истории развития и как раз поэтому дарит жизни ее великое изобилие и ее вечность. Основоположник пустынножительства Антоний Великий после нескольких десятилетий жизни в пустыне, по словам его биографа, «совершенно не изменился обликом, ибо во всем следовал естеству».

И это не тяга к аномалии, не искушение экстравагантностью, а подлинно царственный «средний путь» по ту сторону оппозиции активного делателя и пассивной материи, своего и чужого, метаморфозы и постоянства.

Внимательный взгляд позволяет обнаружить на удивление полное и точное соответствие между географической и культурной конфигурациями евразийского мира. Всевместительная пустота мирового круговорота (не)возвращения бытия к себе, или, можно сказать, абсолютного события как вселенской со-бытийности, есть реальность одновременно человеческая и природная, микро- и макрокосмическая. И в тантристской традиции, и в древнекитайском даосизме мы встречаем очень сходные представления о реальности как несотворенном бескрайнем просторе. Это чистое пространство составляет природу всех живых существ и самого сознания, которое в этом качестве не имеет количественных характеристик, а представляет собой чистую текучесть без начала и конца. Аналогичным образом реальное время существует «до всякого времени». Оно есть всевременность мгновения, лишенного длительности.

Отсюда следует, что подлинное пространство есть отсутствующее, но всевместительное средоточие всего сущего, одновременно мировая среда и вездесущая точка мировой центрированности. В ней нет ни тождества, ни различия чего бы то ни было. В ее свете образы движения и покоя в равной мере иллюзорны. Недаром в восточной литературе романы о паломничестве или путешествии на небо с течением времени приобретают откровенно фантасмагорический характер, ведь подлинное странствие свершается внутри подвижника и доступно только символическому обозначению.

Пространство евразийского мира, одновременно природное и экзистенциальное, есть событие, функциональность всех функций, действенность всех действий, в котором сходятся действие и реакция, причины и следствия, предвосхищение и воспоминание. Его нужно мыслить по образу сферы или двойной спирали, где всякое явление предполагает сокрытие и каждому внешнему движению соответствует внутреннее, сокровенное противодвижение.

Каким же образом пустыня и ее духовные плоды входят в плоть культуры и общественной жизни? В силу особенного внутреннего динамизма, присущего пустынническому бытию. Пустыня по самой своей природе не может не опустошаться, отсутствовать в себе и, следовательно, превосходить себя в собственной имманентности. Она не может не оборачиваться собствен-

ной противоположностью, оставаясь собой.

Пустыня *грезит миром*. Трансцендентность пустынничества сущностно имманентна: жить пустынником – значит просто *оставлять* себя, предоставляя себе свободу быть и тем самым... возвращаться к подлинности своего существования. Пустынное пространство Евразии не имеет образа или формы именно потому, что постоянно ускользает от самого себя, обращается в свое инобытие и оставляет после себя, как свет отбрасывает тень, необозримый сонм образов, океан миражей. Его бог – это все, чем богат мир, абсолютная единичность, «таковость» каждой вещи, каковая вовсе не тождественна ее предметным характеристикам, но составляет скорее невещественный предел существования, внутренний импульс бытийных метаморфоз. Вот почему образы в восточном искусстве всегда стилизованы и так часто экспрессивны до гротеска, каковой, однако, не имеет отношения к юмору и комизму: речь ведь о чем-то совершенно серьезном – о способе бытийствования всего сущего. Эти образы начинены взрывчатой силой бытия. Подобно тому как восточный социум есть плод *инстинкта* культуры – вещи, неизвестной и непонятной на Западе, – восточное искусство в конечном счете утверждает *естественность стиля* – не слишком устойчивый, периодически распадавшийся под действием «упростительного смесительства» *ratio* синтез реализма и экспрессии.

Мир, рассыпавшийся грандиозной мозаикой, сведенный к собственному декоруму, предстает фантомом, бесконечным миражом. Пустыня стирает все следы, не знает ни прошлого, ни будущего, не имеет истории развития и как раз поэтому дарит жизни ее великое изобилие и ее вечность. Недаром основоположник пустынножительства Антоний Великий после нескольких десятилетий жизни в пустыне, по словам его биографа, «совершенно не изменился обликом, ибо во всем следовал естеству».

Пустыня чеканит прочные, причастные вечности типы, поэтому она стоит в начале всего сущего и всякой жизни. Недаром в русском фольклоре она почтительно зовется «мать-пустыня». Пустыня не допускает общественности, не дает быть обществу. Народы могут лишь промчаться сквозь нее или раствориться в ней. Пустыня требует пустынножительства. Но она предъявляет невероятно высокие требования к тому, кто решился принять ее вызов: оставить все, до девственной белизны очистить сердце, стяжать безмерную мощь жизни в духе. Именно присутствием пустыни объясняется повсеместное распространение в Азии (глубоко вошедшее также в восточное христианство) идеала духовного прозрения, духовного бодрствования, которые открываются в сокровенной глубине повседневности, в чистой имманентности жизни (вспомним тезис Трубецкого о слитности религии и быта в евразийском укладе). И речь идет именно о крайностях трансценденции и имманентности: прозрение превосходит всякий опыт и знание, а имманентность этого откровения лежит прежде и глубже любой эмпирической или умственной данности. В евразийском пространстве нет общественности и политики, но есть, так сказать, метаполитика и метасоциальность – реальность, нетематизируемая, не имеющая своего предмета, данная только в серии событий как вариациях неформулируемой идеи.

Ясно, что евразийская конфигурация миросознания и общественной жизни не вмещается в формально-логическое единство, ей чужд параллелизм понятия и вещи, знака и означаемого. Она ищет излишки во всяком сложении и неделимый остаток во всяком делении: нечто недоступное объективации, но постигаемое в состоянии полного покоя, «самооставленности» духа. В ее свете форма ничего не выражает и не обозначает, но на самом деле служит *сокрытию* себя, словесность оправдывается безмолвием, сознание сводится к осознанию собственного предела – глубины неосознаваемого. Отсюда центральная для азиатской мысли философема недуальности, то есть одновременно нетождественности и нераздельности сознания и бытия, идеи и вещи.

Пожалуй, наиболее яркое выражение идеи недуальности, лежащей в основе евразийского миросознания, мы встречаем в мотиве преемственности «человеческого» и «небесного» начал при их очевидном несходстве и даже противостоянии. Этот мотив проявляется в очень разных исторических формах и притом обеспечивает внутреннюю целостность евразийского культурного комплекса. Его древнейшие образцы дают доисторические лики в камне, восходящие к неолиту и распространенные по всей Восточной Азии, или бронзовые лики божественных предков цивилизаций Шан и Саньсиндуй в Сычуани. О том же свидетельствует распространенный по всему евразийскому пространству культ священных камней, менгиров, «каменных баб», каменных куч и т.п. Повсюду этот культ имеет отношение к поклонению «великому предку», то есть родовой полноте жизни, одновременно чужой и род-

Маска. Саньсиндуй

Ясно, что евразийская конфигурация миросознания и общественной жизни не вмещается в формально-логическое единство, ей чужд параллелизм понятия и вещи, знака и означаемого. Отсюда центральная для азиатской мысли философема недуальности, то есть одновременно нетождественности и нераздельности сознания и бытия, идеи и вещи.

ной, хранящей тайну бессмертия. Евразийское мировоззрение, как уже говорилось, не приемлет ничего субъективно-личного. Лики, не столько выступающие из камня или бронзы, сколько *врастающие* в них, смутны, стерты, погружены в себя, как реальные лица обитателей Евразии, но имеют большие, выступающие вовне, всевидящие глаза. Эти лики искусно стилизованы и свидетельствуют о большом мастерстве их создателей. В них с удивительной точностью передано живое движение, внутренняя энергия тела, которая как бы ритмически рассеивается в фактуре камня, так что дух становится плотью. Имеем ли мы дело с грудами камней, мало-помалу за много веков выросших на паломнических тропах, или менгирами, пришедшими из незапамятной древности, нам предъявлена спонтанная смычка, встреча человеческих усилий и нерукотворных созданий природы. Часто – и особенно в центре Азии – невозможно даже определить, видим ли мы перед собой развалины древних поселений или чисто природный ландшафт.

Тема встречи с первопредком стала питательной почвой для восточной философии и получила утонченное развитие в центральных для восточных традиций мотивах постижения своего «изначального облика», «небесного человека», «тела Будды» и т.п. А из образа божественного предка постепенно выделился ряд социальных типов – царя, мудреца, шута, колдуна. Тот же мотив ярко заявляет о себе в распространенных по всей Восточной Азии театральных представлениях в масках, составляющих неотъемлемую часть религиозного ритуала как среды и силы бытийных превращений. В конце концов, игра – лучший и даже, пожалуй, единственный способ поведать о единении заведомо несходного.

«Когда свершится Путь Человека, Путь Неба свершится сам собой», – гласит китайская

поговорка. Как известно, Восток (Восточная Азия) не знает идеи трансцендентного божества. В восточных традициях человеческая деятельность и просто человеческий быт неотделимы от высшей реальности, подобно тому как в евразийском метакультурном пространстве заключают в себе полноту божественного, на них сами собой проявляются знаки божественной мудрости и лики богов. Поистине не-мыслимая (не)встреча небесного и человеческого составляет подлинную сердцевину евразийского миросознания и обуславливает преемственность всех исторических форм и уровней евразийского культурного комплекса от первобытных культов до утонченных построений буддийской логики и метафизики. Ей соответствует и общеевразийский миф культурного героя, рожденного от Неба, открывающего в себе полноту жизненной мощи благодаря своей способности соединять, собирать духовным взором земной и потусторонний миры. Причем последним словом этого мифа является именно возвращение героя из потустороннего – небесного или подземного – мира в гущу земной жизни. Утверждение духовного и религиозного смысла повседневности (фактически имманентности жизни), праздничность быта как такового составляют центральный сюжет евразийской мифологии с самых древних времен. Итак, небесное начало в евразийской мифологии есть именно предел, полнота человеческого и наоборот. Природа в Евразии может делать работу человека, когда, как принято, например, в буддийском мире, горные ручьи крутят молельные барабаны, а ветер, развевая молельные флажки, разносит по окрестностям небесную благодать. Человек в свою очередь призван завершать работу Неба. Другими словами Небо здесь можно определить как своего рода подлинное человечество в человеке, родное-родовое начало жизни в смысле, завещанном Николаем Федоровым: родная инаковость верховного предка, «небесного человека». В евразийском мифе человеку обещано небесное совершенство, и о нем судят по его решимости достичь этого совершенства. Соответственно человеческое своеволие, оно же духовная лень и «тайна беззакония», караются с беспощадной строгостью, пугающей европейцев. В сущности, демоническое начало в восточном миросозерцании равнозначно отсутствию сообщительности между Небом и Человеком, каковая созидается все-таки человеческой деятельностью. Вот почему в явном – но в действительности только кажущемся – противоречии с отмеченным выше тезисом о божественной природе имманентности бытия предельная пассивность, изначальная косность материи, уже недоступная человеческому воздействию, наделяется в восточном фольклоре демоническими свойствами. Показательно отождествление Земли в тибетской мифологии с демоницей Линму, стреноженной и буквально придавленной стоящими на ее теле буддийскими монастырями. Не менее примечательно и широко распространенное на Востоке представление о том, что вещи, давно вышедшие из употребления и потерявшие свои полезные качества, приобретают демонические свойства.

Евразийское миросознание полностью удерживает изначальную двусмысленность понятия сакрального – реальности, одновременно божественной и демонической, священной и святотатственной. В структурном отношении преемственность того и другого удостоверяется их разрывом. Заметим, что и самое понятие хаоса – центральное в восточном миросознании – отличается такой же двусмысленностью. Существуют первозданный хаос и хаос посткультурный, плод досконально эстетизированной жизни. Оба вида хаоса не имеют ничего общего между собой, но равнозначны чистой текучести.

Синергия Неба и Человека служит удобным критерием для выстраивания типологии цивилизаций евразийского ареала. Так, китайцы считают главной особенностью их цивилизации признание первенства, доступного только человеку *предупредительного* действия, соответствующего дорефлексивному, или чистому, сознанию, оно же «забытье», положительное незнание, не-мыслие и т.д. В китайской литературе эта особенность китайского мировоззрения нередко именуется, если перевести буквально соответствующее понятие, «антропофундаментализмом» (*жэньбэнь чжуи*). Такова же основа учения чучхе Ким Ир Сена. Напротив, тибетская традиция с ее теократическим принципом отдает приоритет Небу. В цинскую эпоху, например, правители Восточного Тибета, обращаясь к китайскому императору (он же маньчжурский богдыхан), называли его «небесным богом». Но не надо забывать, что в Восточной Азии все боги произошли от людей, и тот, кто для образованной элиты общества был высоконравственным мужем, среди простонародья слыл божеством.

В масштабе всей Восточной Азии взаимодействие небесного и человеческого начал действительно характеризуется их попеременным главенством и в конечном счете – равновесием. Вот показательный при-

Китайский герой Сунь Укун

Поистине не-мыслимая (не)встреча небесного и человеческого составляет сердцевину евразийского миросознания. Ей соответствует и общеевразийский миф культурного героя, рожденного от Неба, открывающего в себе полноту жизненной мощи благодаря своей способности соединять, собирать духовным взором земной и потусторонний миры.

мер. Первый далай-лама Тибета получает свой титул от монгольского правителя Алтан-хана, а впоследствии далай-ламы выступают патронами правителей Монголии и освящают их власть. Тот же Алтан-хан заключил мир с Китаем и был прославлен в истории как реставратор «великого государства» Чингизидов – великого, помимо прочего, наличием в нем симфонии светской и духовной властей. Его преемники ради сохранения величия их государства даже подавляли выступления монголов против Китая.

В свете идеала «великого царства» претензии нынешнего китайского руководства на полный контроль над религиозными общинами вплоть до создания параллельной иерархии в тибетском ламстве под главенством панчен-ламы – не более чем новейшее издание традиционного китайского «антропофундаментализма». Но уже нетрудно предвидеть, как избранный с помощью нынешнего панчен-ламы новый далай-лама будет благословлять руководство КНР.

Возможны, конечно, и иные политико-цивилизационные типы. Например, история Японских островов, подобно истории европейского «полуострова», являет пример постепенного сведения имперства к локально-национальной форме общественной жизни. Соответственно японская культура отличается смешением – весьма неорганичным, надо сказать, – националистических и имперских элементов. В свою очередь современный Тайвань ввиду явной нехватки культурного ресурса для строительства монолитной нации просто заменил традиционную ориентацию на имперское начало идеалом глобализации, противоположным полюсом которой выступает не столько собственно национальный, сколько стихийно-локальный уклад.

В любом случае равновесие небесного и человеческого не дает той архимедовой точки опоры, с помощью которой субъективный разум смог бы перевернуть мир. Вот почему творческое начало в евразийском мире равнозначно не созиданию, не активному воздействию, но и, разумеется, не реакции на какую бы то ни было данность, а *следованию* изначально заданной реальности, которая опознается как извечное самоотсутствие (что соответствует, напомним, вер-

шине сознательности в евразийском модусе познания). Здесь кроется вся тонкость восточной (с наибольшей полнотой разработанной в Китае) стратегии с ее принципом: уступить, чтобы победить. Следование дает стратегическую инициативу именно потому, что оно, предваряя все явленное и представленное, есть действие, сущностно предупредительное, то есть опережающее шаги противника, и вместе с тем любезное, исключающее конфронтацию и насилие. Безупречная социализированность и духовная просветленность на Востоке продолжаются друг в друге, культурные нормы имеют истинно бытийное основание. Видимая же пассивность «недеяния» представляет собой условие предельной активности.

Кроме того, следование снимает оппозицию истинного и ложного именно потому, что предшествует всем умозрительным оппозициям. Оно представляет собой, согласно классической китайской формуле, «правду обмана». Искусный стратег, принимая полноту бытийного круговорота, где актуальное и виртуальное измерения бытия уже неразличимы, не имеет необходимости выбирать, но заставляет противника сделать выбор – и неизбежно ошибиться. Стратегия следования, таким образом, равнозначна творческой двусмысленности. Она предполагает то, что некоторые теоретики стратегии называют «свободно конвертируемыми отношениями», когда контакт с другим в равной мере допускает и дружбу, и вражду.

В культурной практике стратегически оправданному «следованию» соответствует ритуальное действие в его исконном смысле на-следования вечносущему, возобновления непреходящего. Поскольку (на)следование в действительности пред-восхищает мир вещей, пред-оставляет всему живому пространство жизненного роста и служит источником власти над миром. Постороннему взгляду оно предстает рассеиванием, растворением, которое есть в действительности признак или след преображения и самовосполнения. Таково подлинное событие – реальность, нефиксируемая и вечноотсутствующая, взрыв без разрыва. Философема (на)следования предопределила, помимо прочего, понимание техники на Востоке. При отсутствии оппозиции субъекта и объекта, сознания и материи человеческая деятельность может осознаваться только как беспредметная, спонтанная и протекающая под знаком «оставленности» и даже «забытья», в котором человеческое сходится с небесным. Здесь нет проповеди человеческой пассивности и квиетизма. К примеру, традиционная ирригация основана на том, что человек следует естественным свойствам воды, и в этом смысле осуществляет «небесное начало» в человеческой жизни. Но и современные информационные технологии используют естественные свойства материи, пусть даже на уровне микромира. Отличие от западного понимания техники здесь в том, что на Востоке техническая деятельность воспринимается под знаком «забытья» как условия сохранения бытийной цельности. Это вполне согласуется с реальным положением вещей: современная техника функционирует почти без вмешательства человека и даже без понимания человеком природы ее процессов, оставаясь хотя бы по своему происхождению продолжением человеческого тела.

В психологическом отношении жизнь в пустоте пустыни предстает как первичный фантазм, то есть нечто пребывающее вне присутствия и отсутствия, или, точнее, данное в самом факте своего отсутствия, длящееся в сокрытости и, следовательно, единственно непреходящее и неизбывное в бездне мировых метаморфоз. Все явления и в равной мере художественные образы в восточном понимании есть не что иное, как «превращения иллюзии», или, если угодно, превращенная иллюзия. Только в свете идеи реальности как фантазма открывается подлинный смысл изречения Гете: «Все есть только подобие», – и становится возможным задание метанойи: освобождение от плена иллюзии.

Эта феноменология подобия имеет особенную актуальность в современном мире. Информационные технологии дают возможность «изобретать историю» и превращают образы в симулякры, вообще стирают различие между видимостью и действительностью. В таком случае современность ставит перед человеком задание перейти от фантомов мифологизированной («изобретенной») истории к правдивой «истории фантомов», вместо изучения всевозможных «кодов культуры» исследовать само желание кодирования реальности. Выполнить это задание – значит открыть в субъективно-случайных образах мира общий для всех порядок *родной инаковости*, взрастить в человеке его человечество.

Исторически экспрессия и гротеск, эти знаки повышенной рефлексивности и обостренной чувствительности, были в восточном искусстве средством борьбы против постепенного сращивания симулякра с его реальным прототипом. Мы открываем здесь еще одну причину для отмеченного выше постепенного усиления фантасмагорическо-

го колорита восточной повествовательной прозы: игра в культурах Востока все больше сращивалась с бытием. Классические же для восточной литературы жанры афоризма и анекдота, которые выражают внутренний предел, самоупразднение словесности, указывают на сущность абсолютного события как самосокрытия. В совокупности два эти измерения евразийской литературной традиции разрешают центральную и логически необъяснимую коллизию исключительности духовного прозрения и его растворения в обыденности существования. «Обыкновенное сознание – вот высшая истина», – гласит буддийская максима. Просветленность духа может быть всеобщей, потому что она доступна каждому, кто возвращает себе первозданную чистоту сердца, просто дает жизни быть. Она недостижима лишь для ума расчетливого, себялюбивого и потому обособляющегося от мира.

Фантазмический субстрат евразийского начала по необходимости уступает себя истории, как древние русичи уступили свою «великую и обильную» землю варягам, но продолжает пульсировать под покровом исторических обстоятельств и определять сам способ их осознания, введения в историю. Эта тайна творческого начала жизни порождает неисповедимые ритмы Евразии, мощные вулканические взрывы, которые разносят племена, языки и культуры до дальних пределов Евразийского континента.

Евразийский Макиавелли

Какие последствия для политики и понятия власти имеют описанные выше мировоззренческие посылки?

Власть здесь есть прежде всего тайна, ибо она воплощает самоскрывающуюся явленность вселенского События и в пределе – со-бытийности всего сущего. Она воздействует исключительно косвенным и скрытным образом, присутствует в своем декоруме, во внеположенных ей признаках, но коренится непосредственно в творческой энергии жизни. Тот, кто ею наделен, являет – или, лучше сказать, таинственно источает – в мир взрывчатую силу самих вещей, ужасающую мощь самораспада, вечно отсутствующего в себе хаоса.

Отсюда проистекают две на первый взгляд несовместимые грани властвования в евразийском культурном универсуме.

С одной стороны, власть часто предстает «восточным деспотизмом», или, попросту говоря, ничем не ограниченным самовластьем. В этом качестве она представляет из-быточность жизненной, или небесной, трансценденции, каковая соответствует имперскому началу в политике. Повсюду в Евразии власть верховного правителя происходит от Неба и превосходит кланово-племенную организацию и традиционные привилегии знати. Подлинный визави правителя на Востоке – пустынник, превозмогающий индивидуально-человеческое в себе ради своего человечества. Оттого же власть в Евразии требует от каждого подданного максимального усилия самопревосхождения и сурово наказывает за нерадивость в исполнении своего призвания.

С другой стороны, власть сама подчиняется принципу следования и уступания. Она не вправе вступать в конфронтацию или даже напрямую воздействовать на что-либо, оправдывается своим инобытием, непроизвольным следованием силе со-бытийности, несет в себе глубину невластвования и потому не позволяет замкнуться мысли в ее самотождественности. Она допускает лишь текучие, ролевые, символические по своей природе идентичности. В сущности, она неотделима от ритуала и самой игры бытия и именно поэтому разыгрывается с полной серьезностью. Это обстоятельство нередко побуждает либеральных критиков говорить о «масках авторитаризма» и утверждать, что деспот получает тайное удовольствие, оттого что маскирует свое всевластие. Предположение и вообще труднодоказуемое, а применительно к евразийскому «авторитаризму» являющееся, как мы только что видели, чистым недоразумением. С уверенностью можно сказать, что психологизация власти, свойственная современному либеральному Западу, не имеет ничего общего с реальностью властных отношений на Востоке.

Итак, власть в Евразии оправдывается уже известным нам евразийским мифом и сопутствующим ему ритуализмом. Она абсолютна и неделима, потому что имеет небесный исток, то есть, как мы уже знаем, предваряет, пред-восхищает все явления, выступает условием всякого существования, дает всему быть. Сопротивление такой власти равнозначно отрицанию мирового и притом глубоко нравственного порядка, а потому должно караться смертью. В то же время эта власть несводима к самотождественной сущности и тем более лицу, ее представляющему. Ее природа – со-бытийность всего сущего, или, говоря другими словами, сообщительность несоизмеримых величин, всевместительность самоотсутствия. В единстве этих двух измерений она точно соответствует общему для всех религиозных традиций Восточной Азии и, пожалуй, самому специфически евразийскому понятию «таковости». Послед-

Нгаванг Лобсанг Гьяцо. Далай-лама V. XVII век

няя представляет одновременно всеобщий метафизический принцип и исключительность каждой единичности, принцип множественности бытия. Ибо власть, как уже было сказано, есть сила рассеивания, но также преображения всего сущего. Ее природа – связь, сообщительность единичного и всеобщего, неразличение двух указанных выше аспектов «таковости», то есть самого бытийствования бытия.

Легко видеть, что сообщительность превосходит внешние и формальные способы коммуникации. Она есть принцип связи не просто отдельных вещей, или внутреннего и внешнего измерений существования, но именно крайностей универсального и конкретного, скрытой глубины опыта и чистой явленности декорума, фактичности факта и всеединства пустоты. Как воплощенная самоизменчивость, абсолютное событие она никогда не равна себе, пребывает в собственном отсутствии, таит в себе первозданный динамизм жизни, предваряет любой опыт. Ее можно как подлинную власть

В масштабе всей Восточной Азии взаимодействие небесного и человеческого начал действительно характеризуется их попеременным главенством и в конечном счете – равновесием. Первый далай-лама Тибета получает титул от монгольского правителя Алтан-хана, впоследствии далай-ламы выступают патронами правителей Монголии, освящают их власть.

назвать источником жизни, жизненностью жизни. Именно метафизикой со-бытийности держался трансцендентный, «небесный» символизм евразийских империй, воплощавших в себе *избыточность бытия* и в то же время прочность быта, стихию повседневности по ту сторону этноспецифических форм культуры. Эти два аспекта политики в евразийском мире несопоставимы, непрозрачны, даже неприметны друг для друга. Согласно постулатам такой политики, людей объединяет тьма в глубине всякого сознания, предел сознавания. Эта глубина опознается медитативным усилием духовных подвижников, каковое определяет религиозное искусство всех регионов Евразии.

Почему имперский фактор играл такую важную и даже, без сомнения, главенствующую роль в евразийской политике? Потому что он уходил своими корнями в самые глубокие слои жизненного опыта – в реальность пустотно-изобильного живого тела как чистого превращения прежде оппозиций сознания и материи, субъекта и объекта. Прежде чем осознать себя индивидами, мы уже имеем опыт со-присутствия-в-мире, находимся в отношениях с *подобными себе*. Сознание всегда предполагает знание со-присутствия другого-родного. Обращая свет сознания в исток нашего опыта, мы всегда улавливаем, или, как говорили на Руси, «узреваем», присутствие некоего Предка, Отца – того, кто «пришел первым» и пребудет вовеки. В Азии духовное озарение называют «сердечной встречей»,

Джузеппе Кастильоне. Император Айсиньгёро Хунли. 1758 год

Власть воздействует исключительно косвенным и скрытным образом, присутствует в своем декоруме, во внеположенных ей признаках, но коренится непосредственно в творческой энергии жизни. Тот, кто ею наделен, таинственно источает в мир взрывчатую силу самих вещей, ужасающую мощь самораспада, вечно отсутствующего в себе хаоса.

но опыт встречи есть прежде всего встреча с незапамятным и невообразимым. Кто овладел этой техникой сообщительности с несоизмеримым себе, тот может – или, лучше сказать, достоин – править людьми.

Техника сообщительности имеет дело не с орудиями, а с человеческим сердцем, с задушевной глубиной чувств и мыслей и ее поразительной силой воздействия на человеческую душу. Имперский техницизм, столь ярко проявляющийся в административной планиметрии и грандиозных строительных работах имперских государств, имел, напомним, божественную, «небесную» природу. Империя питалась духовным зерном архаического ритуала, или другими словами – символическим ресурсом культурной практики. Она лишь вычленяла из символики ритуального действия символизм как таковой, подкрепляла знание ритуальных предметов знанием предмета ритуала. Операция логически последовательная и исторически неизбежная: мысли о предмете уготовлено рано или поздно стать предметом мысли. Оттого же евразийские империи, в отличие от античного полиса, не порывали с первобытным мифом и ритуалом, но включали их в свой «мир», подчиняя их своей «небесной», но уже человеком установленной символологии. Поэтому властители империй всегда мыслили себя высшими авторитетами в делах божественных, даже более высокими, чем главы собственно религиозных организаций.

Отметим попутно основные этапы исторического развития имперского принципа сообщительности в его техническом измерении. Возникновение империи обозначено переходом от пиктографии, то есть чисто фиксирующего, напоминательного письма, к письменности коммуникативной, по необходимости стилизованной, ибо всякое общение требует стилизации и типизации. Кризис империи совпадает с распространением книгопечатания и гравюры, подменивших символизм схематизмом, духовную чувствительность – интеллектом, а смысл – предметным значением. Новейшие этапы развития коммуникации отмечены изобретением фотографии и кино, а затем появлением информа-

ционных технологий. Каждое из этих событий отличается глубокой двусмысленностью: оно одновременно делает коммуникацию более доступной и все более скрывает ее символическую глубину. Кино и в особенности телекоммуникации, творя мир виртуальных симулякров и распространяя духовную слепоту, одновременно воспроизводят и побуждают опознать ту первозданную синергию жизни, которая лежит в основе и «сердечной сообщительности», и «великого стиля» империи.

В анонимных сетевых сообществах символизм коммуникации заново примиряется с актуальностью опыта. В нем оппозиции бытия и небытия, даже угнетения и освобождения теряют смысл. Стирание всех и всяческих кодов остается последним, прощальным жестом евразийского политического человека, призванного погрузиться в бездну (без глубины) умопомрачительного откровения повседневности. Но не значит ли это, что человеческая свобода теперь должна быть определена в терминах все той же сообщительности, той или иной модализации отношений и что, следовательно, нарождающееся глобальное сообщество не сможет обойтись без имперского начала?

Империя – и никакое другое государство – утверждает возвышенные качества жизни и, как уже говорилось, требует от своих подданных духовного свершения, даже совершенства. Это требование легко угадывается в изобразительном искусстве древних империй, которое представляет нам бесконечную череду подданных, потомков или учеников, застывших в одинаковой, бесконечно воспроизводящейся церемониальной позе. Весь мир вовлекается здесь в один и единый ритуальный жест, а человек берется в его родовом начале – как первопредок, прорастающий в истории коленами рода. Но этот человек имеет и духовное измерение – вечнопреемственность внутренней глубины сознания, самой по себе неосознаваемой. «Умей не сознавать свое сознание» – вот девиз евразийской мудрости, выстроившей свою традицию на идее превращения, события. Что же касается человеческой индивидуальности, то она возводится здесь к правителю как универсальному человеческому типу – «единственному из людей», воплощению изначального «прародителя».

Политика в конечном счете важна и ценна тем, что в ней на кону стоит свобода духа. Еще предстоит опознать и осмыслить оппозицию двух видов свободы: сущностно негативистскую западную идею свободного выбора и евразийскую – в основе своей положительную – идею возвращения к полноте типового существования, к пред-бытийной нераздельности сущего и не-сущего, трансцендентного и имманентного, божественного и человеческого. Такая свобода предполагает политику не публичного соперничества и примирения, а сокровенного преемствования духовной просветленности.

Мы вновь убеждаемся в том, что в евразийском миросознании, приравнивающем бытие к со-бытию, власть в действительности может оправдать себя, лишь скрывая себя, обращаясь к своей инаковости. Культ церемонной обходительности, нарочитого самоумаления на Востоке служит самым наглядным примером подобного взгляда на природу власти. В этом культе, конечно, нет никакого лицемерия. Он есть единственный способ удостоверить и оправдать власть.

Легко видеть, что в перспективе евразийского миросознания имперская общность идеологического и географического пространств не упраздняет культурного своеобразия и уникальности отдельных мест. Империи всегда искали себе оправдание в ландшафтном и культурном многообразии, но также в некоем согласии, равновесии, симфонии общественных сил, единстве несопоставимого. Империя дает миру мир – *Pax Romana*, *Pax Sinica*, *Pax Russica*. Вопрос в том, не есть ли ее холодный, вроде бы, всем чуждый «вечный мир» пострашнее самой ожесточенной войны? С древности империи предъявлен скандальный счет: «Делают пустыню, называют это миром». Ниже мы увидим, что имперская традиция хранила в себе ответ и на эту неувязку. Но в процитированном афоризме верно угадана внутренняя слабость имперского уклада: последний имеет основанием разрыв в знании и опыте и утверждает, что внутри видимого и исчислимого порядка вещей имеется превосходящий его – или, точнее, *обратный* ему и вместе с тем изначальный – порядок. В библейской традиции идея такого порядка выражена, например, в загадочном уподоблении Небесного царства «колесу в колесе». В Восточной Азии широко распространена идея возвратного, инволюционного движения Дао, емко

Имперский техницизм, столь ярко проявляющийся в административной планиметрии и грандиозных строительных работах имперских государств, имел божественную, «небесную» природу. Империя питалась духовным зерном архаического ритуала, или символическим ресурсом культурной практики.

Император Чжу Хоуцун на лодке. Около 1538 года

Империя утверждает возвышенные качества жизни и требует от своих подданных духовного свершения, даже совершенства. Это требование угадывается в искусстве древних империй, которое представляет бесконечную череду подданных, потомков или учеников, застывших в одинаковой, бесконечно воспроизводящейся церемониальной позе.

выраженная в даосской сентенции: «Кто движется поступательно, тот будет обыкновенным человеком. Кто движется наоборот, тот будет небожителем». В даосском каноне «Дао-Дэ цзин» (глава 65) сказано, что мудрый способен «облагодетельствовать людей, двигаясь обратным ходом», и что в этом внутреннем противодвижении он осуществляет «великое пособление» (*да шунь*). Ведь именно в этом взаимном наложении или неразличении поступательного и возвратного движения, актуального и виртуального измерения существования состоит природа Великого Пути – мировой спирали самовосхождения одухотворенной жизни. Наконец, в даосском каноне «Чжуан-цзы» духовное прозрение описывается словосочетанием «свертывание-уступление», создающим образ погружения в глубину, как бы встраивания, ввинчивания в исток всего происходящего. Речь идет не о восхождении к метафизическому единству, а, как уже говорилось, о саморассеивании, *само-оставлении*, слиянии с взрывчатой силой бытия, ужасающей в своей хаотически-безмерной мощи. Итак, власть, как само бодрствование духа, происходит из этого первозданного, смутно-сокровенного, как первичный фантазм, не допускающего разделения идеального и материального, актуального и виртуального измерений существования, исполненного тончайшего трепета духа, всегда цельного образа мира. Пребывание в этом круговороте вне – или, точнее, до – времени и пространства дарит свободу и безопасность, поскольку оно предваряет, пред-восхищает предметный мир. В нем сходятся вольность всякой воли и нормативность всякой дисциплины ума и тела.

Потребность власти в самоотрицании ради самоутверждения составляет главную коллизию политического строя в Евразии. Она объясняет странное на первый взгляд предпочтение, отдаваемое властью – по крайней мере, в Восточной Азии – относительно автономным религиозным институтам (например, буддийской сангхе) перед откровенно провластными религиями (даосизм в Китае, бон в Тибете, тенрианство в Центральной Азии или даже синтоизм в средневековой Японии). Здесь же, вероятно, следует искать причины симпатии власти в этом регионе к чужеземным и экзотическим вероучениям (иудаизму, манихейству, христианству, отчасти даже исламу), что позволяло царскому двору четко отделять себя от традиционного общественного уклада и водворять религиозный мир на подвластной территории, хотя и могло служить источником гибельных для самой власти общественных конфликтов.

В любом случае апелляция к трансцендентному авторитету, как мы уже знаем, не может отменить имманентной, самовластной природы власти в имперском государстве. Такова, надо думать, глубинная причина регулярных гонений царского двора на буддийские институты (но не веру как таковую) в условиях, когда сангха становилась слишком могущественной и самостоятельной, вольно или невольно посягая на прерогативы верховного правителя.

Как бы там ни было, евразийское миросознание не знает ни гражданских прав, ни общественности, ни политики как публичного соперничества. Политика в евразийском ареале базируется на иерархии особого рода, исключающей открытое противостояние и тем более конфликты. Это иерархия, как сказано в том же «Дао-Дэ цзине», «добрых», или «искусных», и «недобрых» («неискусных»). Первые сумели преодолеть свое себялюбие и потому достойны власти, тогда как вторые остаются в плену своего эгоизма. Невежды названы в этом тексте «богатством», или «ресурсом» мудрого. Может быть, потому что они дают мудрому возможность удостоверить свою мудрость? Задача же мудрого правителя состоит в том, чтобы «умиротворить», «смирить» эгоистов, «рассеяв» их «чрезмерные желания» в «первозданной цельности бытия». Как сказано в том же «Дао-Дэ цзине», «люди напрягают зрение и слух» (ведь они живут своим субъективным умом), а мудрый правитель, понимающий наивность и вместе с тем неизбежность здравого смысла, основанного на чувственном восприятии, «привечает их, как детей».

Мерой власти, которая в данном случае равнозначна моральному авторитету, оказывается степень открытости миру, способность соответствовать переменам, приводить к равновесию, гармонизировать любое противостояние. Эта открытость мудрого не сводится к трансцендентному принципу или идее, а представляет собой, скорее, сам факт сообщительности, врожденной жизни, безупречной соотнесенности со всем сущим в его непрерывной изменчивости. Ее главное качество – предельно обостренная чувствительность духа, способного воспринимать реальность в микромасштабе, на уровне мельчайших, еще не имеющих собственно физических измерений метаморфоз (отсюда символически-цветистый, всегда иносказательный язык восточных традиций, но речь идет об иносказательности неизъяснимого). Такая соотнесенность хранит полноту существования всех вещей и потому является в своем роде всеобщей и притом, как принцип соотношения вещей, нравственно значимой. Одним словом, мудрость управления есть точное «соответствие моменту», которое в идеале восходит до со-ответственности – опять-таки нравственно обязывающей – всего живого.

Тема предельности как условия бытия имеет прямое отношение к государственности евразийского типа. Принято судить об империи по ее столице, говорить об эксплуатации имперским центром своей периферии. Между тем потенциал и привлекальность имперского начала сильнее всего сказываются именно на окраинах империи, в точках ее сообщения с внешним миром, превозмогания исторической «действительности». Центр Евразии есть именно такое пространство универсальной сообщительности, оставаясь далекой периферией великих цивилизаций. В евразийской геополитической модели периферия оправдывает центр. Конфуций не стал бы, как его называют в Китае, «учителем десяти тысяч поколений», если бы он в своих странствиях не достиг южных границ китайской Ойкумены. Его самому известному древнему последователю Мэн-цзы принадлежит фраза: «Если ритуал утерян, ищите его среди дикарей». Лао-цзы, по преданию, написал свой «Дао-Дэ цзин» на западной пограничной заставе.

Именно в пограничных областях империй складываются протоимперские симбиозы культур, дающие жизнь новым великим государствам. Здесь свободно гуляют по степям, пустыням и плоскогорьям мечты об империи, творящие единое пространство разных культурных традиций – достаточно вспомнить особенно популярный во внутреннем круге евразийского пространства образ «парящей небожительницы», этой своеобразной музы межкультурного общения. Тем же вниманием к внешнему миру и упованием на мировую гармонию объясняется болезненно жгучий интерес властителей восточных империй к дипломатическим миссиям из дальних стран.

Государственность в евразийском ареале структурируется по вертикальной оси личного совершенствования – или, точнее, самопреодоления. Она декретирует политику метанойи, «превосхождения ума», укорененную в «за-душевном общении». В своем пределе она есть имперское государство, возвышающееся над племенными общностями и оправдываемое «небесной» глубиной человеческого бытия. Другой ее полюс – чистая актуальность практики, анонимная повседневность, лежащая по ту сторону права и даже обычая. Первое соответствует пределу трансценден-

Иезекиилево колесо на фреске в храме Иоанна Предтечи в Кратове (Македония). 1830 год

Имперский уклад имеет основанием разрыв в знании и опыте и утверждает, что внутри видимого и исчислимого порядка вещей имеется обратный ему и вместе с тем изначальный порядок. В библейской традиции идея такого порядка выражена, например, в загадочном уподоблении Небесного царства «колесу в колесе».

ции, второе – пределу имманентности, и между ними существует неопределимая, но нерасторжимая внутренняя связь – связь в стихии первозданной, еще не загнанной в политику свободы, некая – если воспользоваться примером из русской истории – тайная смычка царского самодержавия и казачьей «вольной воли». То и другое есть начало праднично-избыточное, исполненное всепокоряющей жизненной мощи. И неслучайно в придворном искусстве изображения пышных дворцовых церемоний соседствуют с картинами народных и храмовых празднеств.

Империя предусматривает существование локальных культур, но не позволяет последним формулировать свою идентичность, опрокидывает общественное сознание в еще не опознанную, не усвоенную сознанием актуальность переживания. Локальность в империи неотделима от чистой практики повседневности. Лишь благодаря постепенному срастанию духовных ценностей и материальных форм быта локальное своеобразие жизни усваивает себе значение национально-политической, идеологизированной общности. Последняя, впрочем, способна долгое время имитировать имперские формы (ср. примеры Германии и Японии). Империя периодически встает из многообразия локальных культур, созидаемая упованием небесной полноты жизни. И с такой же регулярностью неудержимо растворяется, уходит в песок чистой актуальности быта. Примечательный, имеющий свою метафизическую глубину факт: правителям империи было свойственно прятать свои могилы. Однако речь идет, повторим еще раз, о двух полюсах одной оси жизненного сознания. Распад империи не устранял предпосылок к ее возрождению.

Легко видеть, что политика метанойи не сводится к той или иной политической общности. Она есть явление, по сути, метаполитическое, неосознаваемое условие всякой политической формы, то самое Дао, о котором в китайском каноне «Книга Перемен» сказано, что «люди пользуются им каждый день, а того не ведают». В пространстве метаполитики власть утверждает «таковость» всякого существования – реальность одновременно универсальную и конкретную – и тем самым *восполняет* все сущее. В восточных языках управление

означает выправление. Поэтому на Востоке властвующий, как сказано в «Дао-Дэ цзине», «все превосходит, будучи сам по себе», но в этом состоянии само-превозмогания оказывается воистину состоятельным, ибо в нем он со-стоятелен с миром, со-относится с динамизмом всего живого и, добавим, со-ответствен со всеми живыми существами. Властитель восточной империи повелевает миром именно потому, что им оправдывается бесконечное разнообразие жизни. Ближайшим прообразом этого разнообразия является стихия повседневности – столь же необозримая и необъективируемая, как и «небесная высь» верховной власти. То и другое доступно не наблюдению и изучению, а интуитивному постижению. Как сказано в «Дао-Дэ цзине», «о лучших правителях древности знали только то, что они существуют». В рамках этого (мета)политического уклада отсутствующая в себе, «пустотная» власть и общество, лишенное форм и принципов, растворенное в актуальности бытия, друг для друга непрозрачны, друг друга не замечают и все же взаимно преемственны и друг от друга неотделимы, ибо принадлежат изначальной цельности всеобщей совместности и даже, можно сказать, со-вместительности всех вещей.

Лао-цзы

Евразийское миросознание не знает ни гражданских прав, ни общественности, ни политики как публичного соперничества. Политика в евразийском ареале базируется на иерархии особого рода, исключающей открытое противостояние и тем более конфликты. Это иерархия, как сказано в «Дао-Дэ цзине», «добрых», или «искусных», и «недобрых» («неискусных»).

Евразийская метаполитика обращена к предельным горизонтам опыта. Она не имеет установленных форм, значимо отсутствует в общественном сознании, но является условием всякой деятельности человека. В известном смысле она соответствует понятию политического в смысле неустранимого, не поддающегося регулированию разрыва в человеческом опыте, который делает возможными все виды политики.

Здесь самое время вспомнить политическую философию Никколо Макиавелли. Этот великий флорентинец навлек на себя гнев благонравных писателей Европы тем, что указал на невозможность полного равенства и взаимопонимания и, следовательно, честности в политике. В делах управления, утверждал он, можно либо управлять другими, либо быть управляемым другими, но нельзя иметь какой бы то ни было ясной и объективной договоренности. Макиавелли не был циником. Напротив, он был на редкость честным мыслителем, стремившимся понять, как делается политика, какова она на самом деле. Но его открытие имело чрезвычайно важные последствия как раз для политической теории. Оно фактически не оставляет места для какого-либо

Конфуций. Около 1770 года

Центр Евразии есть пространство универсальной сообщительности, оставаясь далекой периферией великих цивилизаций. В евразийской геополитической модели периферия оправдывает центр. Конфуций не стал бы, как его называют в Китае, «учителем десяти тысяч поколений», если бы он в своих странствиях не достиг южных границ китайской Ойкумены.

всеобщего принципа или идеи политической жизни, вообще для любого общественного консенсуса. Тем самым оно отрицает политику в европейском смысле – как публичное согласование человеческих интересов, – но оправдывает евразийское понимание политики как управления, недоступного пониманию управляемых и притом без применения насилия в отношении этих последних. Вспомним сентенцию даосского канона о том, что мудрый правитель неприметно *смиряет* подданных, рассеивая их «избыточные желания» (то есть требования благ для себя, потакания личной корысти) в «первозданной цельности» бытия и, следовательно, устраняя предпосылки общественного нарциссизма и самой идеи идентичности. Главная заслуга доброй власти – целомудрие ее подданных, пусть даже оно часто кажется простодушием. Итак, евразийская традиция государственности дает образец метаполитической общности, выявляемой по ту сторону всех «основополагающих принципов» и частных форм политики. Метаполитическое измерение социальности соответствует собственно безусловной открытости человека миру – или, точнее, самому зиянию бытия. Именно таков мудрый правитель, согласно «Дао-Дэ цзину»: он «все вбирает в себя, как мутный поток». Чистота самоопустошившегося сознания наполняется всеми красками и звуками мира. Отсутствие принципов есть условие применения всех принципов. Политическое в строгом смысле относится к неустранимому зазору, извечной трещине между данностью мира и открытостью миру. Его невозможно ни определить, ни выразить, ни даже обозначить, эта трещина бытия охватывает собой, растворяет в себе всякий порядок существования. Но как раз поэтому делает возможной человеческую социальность.

Мировая со-вместительность превосходит всякое формальное единство. Ей, как уже говорилось, соответствует опыт первичного фантазма, который сам предстает не чем иным, как ускользающей совместностью актуального и виртуального измерений опыта. Как плод само-оставления сознания, она указывает на

безусловную сообщительность человеческих жизней по ту сторону всех общественных институтов и политических режимов. Она есть самое надежное обещание вселенской значимости человека, предчувствие и предвестье *небесного человечества*.

Как пустота мирового фокуса, разрыв, творящий вселенскую гармонию, евразийское пространство допускает со-владение миром, содружество как *commonwealth* в том смысле, что мы разделяем совместительность, она же – богатство мира, именно тогда, когда разделяем мир. Или, как говорится в том же «Дао-Дэ цзине» как раз по поводу устроения административной иерархии, «в великом разделении ничего не разделяется» (глава 28). Почему? Хотя бы потому, что бесконечное деление выявляет высшую цельность бытия. Так со-отнесенность вещей обеспечивает полноту каждого существования и самодостаточность каждого момента времени. Оттого же социальность в евразийском укладе, питаясь мудростью всеобщей центрированности, остается политически нейтральной, все-вместительной.

Очевидная слабость имперского уклада кроется в невозможности предотвратить забвение символической глубины культуры как *декорума истины*, что ведет к отождествлению виртуальных и эмпирических измерений опыта, духовной правды и законов материи, к господству «логико-грамматического параллелизма» в познании и подмене символической пользы «техники сердца» материальной эффективностью техники орудий. Это и произошло на исходе Средних веков, в момент зарождения массовой культуры как в Европе, так и на Дальнем Востоке.

Тем не менее наследие евразийской метаполитики обретает новое дыхание в информационной цивилизации, ставящей прагматическую пользу сообщительности выше «объективных истин». Более того, сегодня оно неожиданно смыкается с новейшими открытиями политической мысли Европы, где приобретают все большее распространение идеи постосновательной (*postfoundational*) политики. Это новейшее течение политической философии делает акцент на различии политического и конкретных форм политики, или – в духе Хайдеггера – онтологического и онтического измерений человеческой практики. Соответственно оно реабилитирует макиавеллистский момент в политике и несовпадение (вообще говоря, составляющее сущность стратегии) цели и средства в политическом действии. Но стратегия в данном случае смыкается с нравственным императивом самопознания. Сообщительность как неартикулируемый разрыв в опыте выявляет подлинный исток человеческой социальности по ту сторону всех ее формальных и лицемерных определений.

После работ Клода Лефора считается, что постосновательное в политике соответствует господству «радикальной демократии» в обществах Запада, поскольку оно является на самом деле условием возможности всех оснований политического действия. Но в таком случае, кажется, оно больше подходит для уже явственно надвигающегося постдемократического общественного уклада, по сути, политически нейтрального.

Не нужно обладать большой проницательностью, чтобы видеть: указанные выше условия евразийской метаполитики полностью соответствуют законам – пусть даже неписаным – и тем более практике политического уклада на просторах России и всего СНГ. Но пока что отсутствует понимание природы этого уклада и, что особенно важно, его нравственной необходимости и ценности. Мы думаем не так, как живем. И, может быть, наша задача состоит не в том, чтобы устранить разрыв между тем и другим, а в том, чтобы научиться этот разрыв понимать и даже – кто знает? – пользоваться им.

Нельзя не видеть, однако, что принятие макиавеллистской и именно поэтому – а не вопреки поверхностно понятому макиавеллизму – нравственно обязывающей без-принципности политики позволяет предвидеть в будущем появление двух очень разных по своим историческим посылкам и антропологическим основаниям, но все же дополняющих друг друга глобальных содружеств Европы и Азии. Оба они станут свидетельствами бытийной всевместительности, которая будет опознана как существенный (читай: «небесный») признак человеческого бытия. Или, если угодно, печать человечества в человеке. Не получит ли понятие Евразии в этом евро-азиатском метарегионе свой подлинный, еще неопознанный смысл? И не станет ли сосуществование двух указанных содружеств основой реальной и справедливой в некоем метацивилизационном смысле глобальности?

Политика метанойи не сводится к той или иной политической общности. Она есть явление, по сути, метаполитическое, неосознаваемое условие всякой политической формы, то самое Дао, о котором в китайском каноне «Книга Перемен» сказано, что «люди пользуются им каждый день, а того не ведают».

Антонио Грамши

Из заметок «Тюремные тетради»

«Существуют два типа “партии”. Один тип ее может представлять собой элиту, деятелей культуры, функции которых заключаются в том, чтобы с позиций культуры и общих идеологических принципов осуществлять руководство широким движением родственных между собой партий (которые являются в действительности фракциями одной и той же органической партии). Второй тип, появившийся в более близкий к нам период, представляет собой не элиту, а массовую партию, причем политическая роль массы заключается только в том, что она должна (подобно армии) во всем следовать и доверять открытому или скрытому политическому центру (открытый политический центр часто является механизмом управления в руках тех сил, которые стремятся остаться в тени и действуют косвенно, через посредников и через “посредническую идеологию”). Масса служит здесь попросту средством для “маневра”, и ее “занимают” моральными наставлениями, сентиментальными внушениями, мессианскими мифами о наступлении легендарной эпохи, во время которой сами собой будут разрешены все бедствия, устранены все противоречия современности.

Вопрос о том, когда можно считать партию сформировавшейся, то есть имеющей ясную и постоянную цель, вызывает оживленную полемику и часто, к сожалению, порождает даже партийную спесь, не менее смешную и опасную, чем “национальная спесь”, о которой писал Вико.

Трудно допустить, чтобы какая-либо политическая партия (представляющая господствующую группу, а также и подчиненные социальные группы) не выполняла также и полицейскую функцию, то есть функцию защиты определенного узаконенного политического порядка».

■

«Цезаризм является отражением такой ситуации, когда борющиеся между собой силы находятся в состоянии катастрофического равновесия, то есть такого равновесия, при котором продолжение борьбы может иметь лишь один исход: взаимное уничтожение борющихся сил.
Цезаризм всегда служит выходом из историко-политической ситуации, характеризующейся таким равновесием сил, которое грозит завершиться катастрофой; этот выход принимает форму “арбитража”, доверенного великой личности. Цезаризм прогрессивен, когда его вмешательство помогает восторжествовать прогрессивной силе – хотя бы и с помощью определенных компромиссов и условий, ограничивающих значение одержанной победы; цезаризм носит реакционный характер, когда его вмешательство помогает восторжествовать реакционной силе также с помощью компромиссов и ограничений, но имеющих в этом случае иной смысл, иную силу, иное значение. Цезарь и Наполеон I служат примерами прогрессивного цезаризма. Наполеон III и Бисмарк – цезаризма реакционного. Впрочем, цезаризм – это полемико-идеологическая формула. <…> Обстоятельства могут привести к установлению цезаризма без Цезаря, без великой “героической” и представительной личности».

■

«Что служит исходным пунктом этого нового порядка, которым чревата действительность? Мир производства, труд. В основу всякого анализа нравственных и идеологических установлений, которые предстоит создать, и принципов, которые предстоит распространить, должен быть положен критерий максимального утилитаризма; коллективная и индивидуальная жизнь должна быть организована на базе максимального использования производственного аппарата. Развитие экономических сил на новых основах и прогрессивное развитие новой экономической структуры излечат противоречия, которые не могут отсутствовать, и откроют новые возможности для самодисциплины, то есть и для индивидуальной свободы».

Из работы «Формирование интеллигенции»

«Однако всякая “существенная” социальная группа, выходя на историческую арену из предшествующего экономического базиса как продукт его развития, находила – по крайней мере, так было в истории до сих пор – ранее возникшие категории интеллигенции, которые даже выступали как представляющие непрерывность исторического развития, не нарушаемую даже самыми сложными и радикальными изменениями социальных и политических форм. Наиболее типичной из этих категорий интеллигенции являются церковнослужители, монополизировавшие в течение длительного времени (на целую историческую эпоху, которая и характеризуется частично этой монополией) ряд важных областей общественной деятельности: религиозную идеологию, то есть философию и науку эпохи, включая школу, воспитание, мораль, правосудие, благотворительность, общественную помощь и т.д. Категорию церковников можно рассматривать как категорию интеллигенции, органически связанную с земельной аристократией: она была юридически уравнена с аристократией, наравне с которой она пользовалась правами феодальной собственности на землю и государственными привилегиями, связанными с собственностью. Но монополия церковнослужителей (во многих языках неолатинского происхождения или испытавших через церковную латынь сильное влияние этих языков слово chierico имеет также возникший отсюда широкий смысл – «интеллигент», или «специалист» с соотносительным ему laі-co в смысле невежды, неспециалиста) в сфере надстроек удерживалась не без борьбы и отнюдь не оставалась неограниченной; это связано с рождением в различных формах (которые подлежат конкретному исследованию и изучению) других категорий, росту которых способствовало усиление центральной власти монарха вплоть до абсолютизма. Так мало-помалу шло формирование аристокра-

тии тоги с ее собственными привилегиями, слоя администраторов и т.д., ученых, теоретиков и философов – нецерковнослужителей и т.д.
Так как эти различные категории традиционной интеллигенции, объединенные "корпоративным духом", чувствуют свою непрерывную историческую преемственность и свои "особые качества", то они и считают себя самостоятельными и независимыми от господствующей социальной группы. Эта позиция самообособления не остается без далекоидущих последствий в области идеологии и политики».

Из статьи «Наука и "научные" идеологии»

«Важнейшая проблема, которая требует своего решения в рамках концепции науки, следующая: может ли наука "подтвердить", и каким образом, объективное существование так называемой внешней действительности? Для обыденного сознания подобной проблемы не существует; но откуда взялась уверенность обыденного сознания? В основном – из религии (по крайней мере на Западе – из христианства); но религия представляет собой идеологию, наиболее устойчивую и распространенную идеологию, а отнюдь не является проверкой или доказательством. Возможно, было бы ошибкой требовать от науки проверки объективности действительности, так как эта объективность является мировоззрением, философией и не может быть научным фактом».

■

«Собственно "объективное" означает только следующее: объективным бытием, объективной действительностью считается та, которая удостоверяется всеми людьми вне зависимости от различных особых либо групповых точек зрения. Однако в конечном счете и это утверждение является особым мировоззрением, то есть идеологией. Тем не менее данное мировоззрение, взятое во всей целостности и с учетом его направленности, может быть принято философией практики, а позиция обыденного сознания должна быть отброшена, хотя она фактически приводит к тем же выводам».

■

«Положить науку в основу жизни, превратить науку в мировоззрение по преимуществу, освобождающее от всяких идеологических иллюзий, ставящее человека перед действительностью как таковой, означало бы вернуться к представлению, что философия практики нуждается в философских опорах, находящихся вне ее. На самом деле науку тоже следует отнести к надстройке, к идеологии. Тем не менее можно сказать, что в учении о надстройке наука занимает привилегированное место, поскольку ее обратное воздействие на базис имеет особый характер, становясь все более широким и непрерывным, в особенности после XVIII века, когда наука заняла принадлежащее ей место в ряду общих ценностей. Тот факт, что наука принадлежит надстройке, подтверждается тем, что она переживала целые периоды затмений, будучи задавлена господствующей идеологией, то есть религией, утверждавшей, что наука является частью ее самой: именно поэтому наука и техника арабов казались христианам чистой магией. Кроме того, наука, несмотря на все усилия ученых, никогда не будет набором чисто объективных сведений: она всегда имеет оболочку из какой-либо идеологии и конкретно представляет собой синтез объективных фактов и гипотез или систему гипотез, которые надстраиваются над чисто объективными фактами».

■

«Понятие "идеология". "Идеология" была одним из аспектов "сенсуализма", или, что то же, французского материализма XVIII века. Ее первоначальное значение было "наука об идеях", а так как анализ был единственным признанным и применяемым наукой методом, то она означала "ана-

лиз идей", то есть "исследование происхождения идей". Идеи раскладывали на их конечные "элементы", и эти последние могли быть не чем иным, как "ощущениями": идеи происходят от ощущений. Но сенсуализм мог без особого труда соединяться с религией, с крайностями веры в "могущество духа" и "бессмертие его судьбы". Так произошло и с Мандзони, который даже после своего обращения в католическую веру (или возврата к католицизму), даже когда он писал "Священные гимны", оставался принципиальным приверженцем сенсуализма до тех пор, пока не познакомился с философией Розмини.

Самым влиятельным литературным пропагандистом идеологии был Дестют де Траси (1754–1836) благодаря доходчивости и популярности языка его работ; другим – доктор Кабанис с его "Соотношением физического и нравственного" (Кондильяк, Гельвеций и др. были философами в более узком смысле). Следует отметить и связь идеологии с католицизмом: Мандзони, Кабанис, Бурже, Тэн (Тэн является родоначальником по отношению к Моррасу и другим авторам католического направления), с "психологическим романом" (Стендаль был учеником де Траси и т.д.). Главным произведением Дестюта де Траси является его книга "Элементы идеологии", которая в более полном виде вышла в итальянском переводе (во французском тексте отсутствует целый раздел – вероятно, раздел о любви; Стендаль ознакомился с этим разделом по итальянскому переводу книги и соответственно использовал его).

То, как содержание понятия идеологии изменилось и вместо "науки об идеях", "анализа происхождения идей" под ним стали подразумевать определенную "систему идей", следует изучить исторически, ибо логически этот процесс легко понять и объяснить.

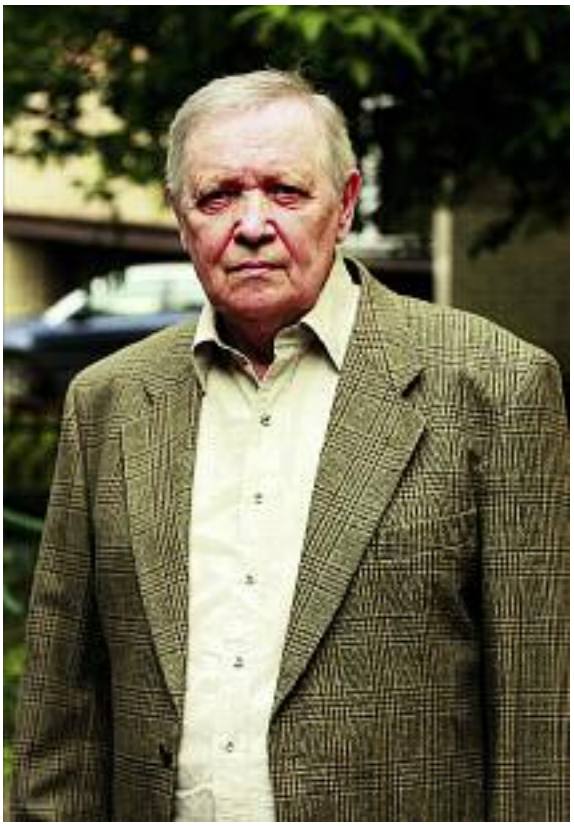
Можно утверждать, что Фрейд был последним из идеологов и что "идеологом" был также Де Ман, отсюда "восторг" Кроче и крочеанцев по отношению к Де Ману мог бы показаться более чем странным, если бы у этого восторга не было "практического" оправдания.

Следует проследить, как автор "Популярного очерка" застрял в идеологии, в то время как философия практики отчетливо преодолевает идеологию и исторически противостоит именно идеологии. Само значение, которое термин "идеология" приобрел в философии практики, подразумевает мысль об уменьшении ценности идеологии. Оно исключает самую мысль, что основоположники философии практики могли искать происхождение идей в ощущениях и, следовательно, в конечном счете, в физиологии: в соответствии с философией практики эта самая "идеология" должна рассматриваться исторически, как надстройка».

■

«Один из элементов ошибки, совершающейся при анализе значения идеологий, объясняется, помоему, тем фактом (факт этот, впрочем, неслучаен), что идеологией называют как необходимую надстройку определенного базиса, так и произвольные измышления определенных индивидов. Худший смысл слова получил расширительное толкование, и это изменило и извратило теоретический анализ понятия идеологии. Процесс формирования этого заблуждения можно легко восстановить: 1) устанавливается отличие идеологии от базиса и делается утверждение, что не идеологии изменяют базис, а наоборот; 2) делается утверждение, что определенное политическое решение (предполагающее возможность изменить базис) является "идеологическим", иначе говоря, недостаточным для изменения базиса; делается утверждение, что это решение бесполезно, глупо и т.д.; 3) совершается переход к утверждению, что всякая идеология есть лишь "чистая" видимость, бесполезная, глупая и т.д.

Необходимо, следовательно, различать исторически органичные идеологии, то есть необходимые определенному базису, и идеологии произвольные, рационалистические, "надуманные". В той мере, в какой идеологии исторически необходимы, они имеют действенность, "психологическую" действенность, они "организуют" людские массы, служат той почвой, на которой люди движутся, осознают свои собственные позиции, борются и т.д. В той мере, в какой они "произвольны", они только и создают, что индивидуальные "движения", полемику и т.д. (но даже и эти идеологии не являются совершенно бесполезными, потому что как бы представляют то заблуждение, которое, будучи противопоставлено истине, утверждает ее)».



Александр Евгеньевич Разумов –
старший научный сотрудник Института философии РАН

Никто желанной воли не найдет
До той поры, пока не подойдет
К пределам жизни и искусства.

Микеланджело

Каменистая тропа **свободы**

Предлагаю начать разговор о путях свободы, вспомнив о гении Микеланджело Буонарроти, чтобы сразу же оказаться на одной из вершин истории. Для темы моего повествования важно то, что архитектор, скульптор, живописец и поэт Высокого, затем Позднего Возрождения явился ярким носителем той главной, самой фундаментальной из всех человеческих свобод, которая сопровождает человека весь его путь к «пределам жизни».

Об этой свободе поговорим в конце, не стоит забегать вперед.

■

Позвольте вначале внести некоторую ясность в постановку вопросов. Подобно другим общим понятиям свобода вбирает в себя многие смыслы, отличается большим числом допустимых истолкований, не всегда между собою согласных и совместимых.

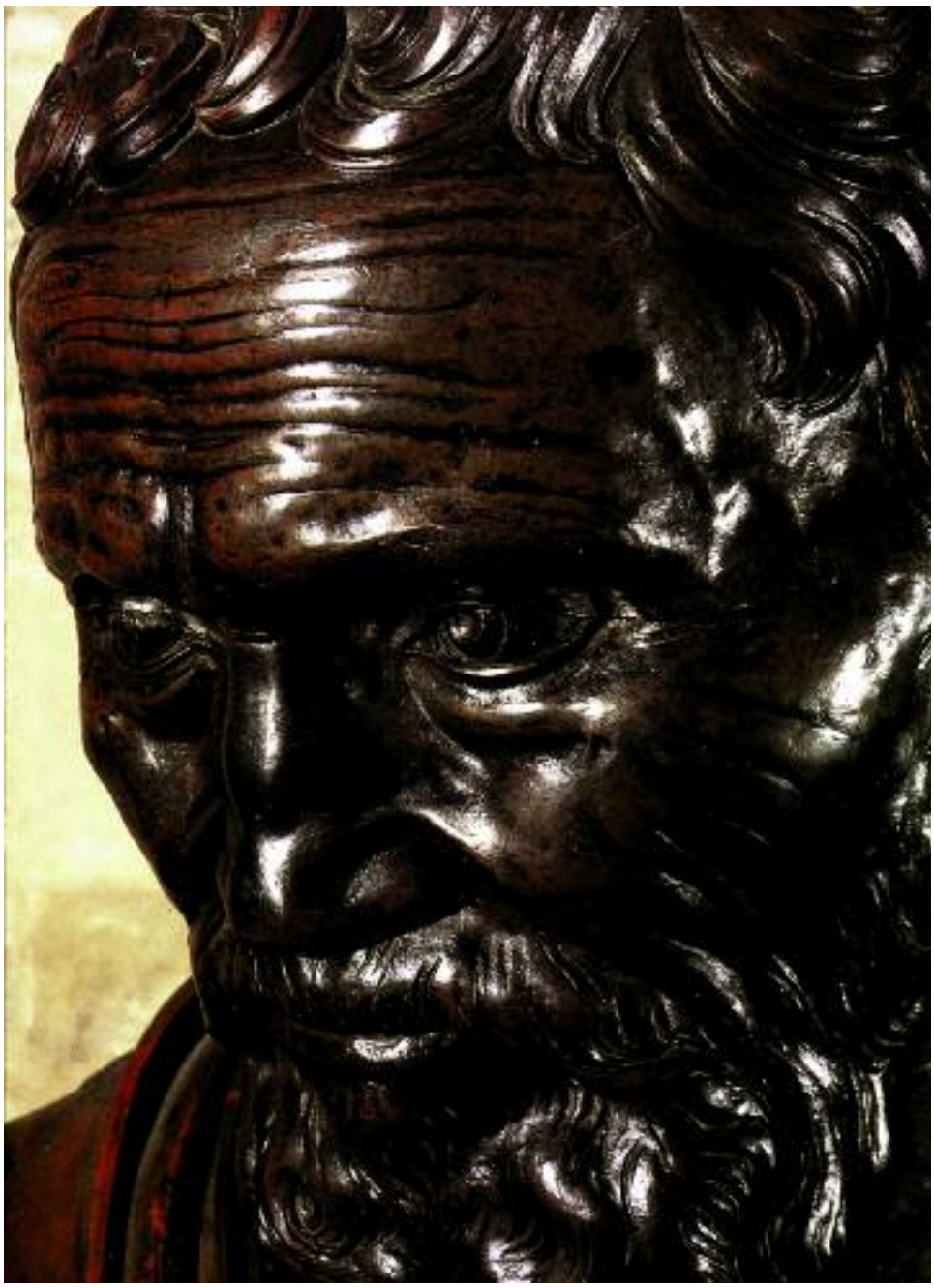
Свобода воли, свобода выбора, свобода слова, свобода совести, свобода мысли, «свобода от» и «свобода для» – это все разные свободы. В России еще недавно свобода слова замещалась простой болтовней, а раньше бывало, что и «орево стояло» (Всеволод Мейерхольд), причем не только в театре. Свобода шествий, митингов, собраний, свобода выборов провозглашалась Конституцией во времена самой махровой деспотии. Стремление освободиться от давящего гнета государства может обернуться непредвиденным «хамодержавием» (Константин Станиславский). Замечательная свобода совести может сопровождаться плясками девиц в храме. Так что коль скоро история предлагает разные

толкования свободы, то и мне следует соблюдать аккуратность в употреблении этого понятия. Бесспорно то, что для пользы свободы следует ограничить ее некоторой необходимостью, логикой мысли, если получится, и строгими, неизменными, когда это возможно, значениями принятых терминов. Но надлежит разобраться не только с этим. Следует проникнуть в глубинный смысл понятий и в эволюцию смыслов.

Станем считать свободой возможность преодоления любых форм и видов внешней по отношению к «я» детерминации, возможность человека-субъекта принимать решения, затем действовать с целью достижения желаемых результатов и возможность отказываться от любых действий. Необходимо различать свободу как объективную характеристику определенных деятельных форм человеческой активности и свободу как состояние личности, как ее субъективные переживания. Популярная у нас «свобода как осознанная необходимость» – частный случай свободы и понимания свободы.

Толкование свободы, которое обязано охватить феномен в целом, стремится включить самые разные свободы, часто противоречащие друг другу экзистенциальные смыслы. Поэтому соединить все фрагменты можно только в какой-нибудь абстрактной модели, в теоретическом построении, где многозначные, паранепротиворечивые логики и истины будут соседствовать с вероятными результатами. Правда, в практической полезности подобной конструкции позволю себе усомниться.

Конечно, во все, что касается собственных свобод, человек привносит факторы веры и интуиции, исторически и ситуационно изменчивую личную и групповую мотивацию,



Даниэле да Вольтерра. Микеланджело. 1560 год

Микеланджело Буонарроти, архитектор, скульптор, живописец и поэт Высокого, затем Позднего Возрождения, явился ярким носителем той главной, самой фундаментальной из всех человеческих свобод, которая сопровождает человека весь его путь к «пределам жизни».

а значит, дополнительную неопределенность. Мотивация может отклонять поведение от статистически ожидаемого. Она способна подвигнуть на поступки, которые станут отличаться от прогноза, основанного на анализе «объективных причин». Особенно если имеющиеся неопределенности дополнить, подключив к ним политические, экономические, финансовые, идеологические мотивы и измерения свободы. Мотивы вносят дополнительные вероятности в анализ поведения. Все так. И все же историческая наука мало похожа на квантовую механику. События истории совсем не напоминают причудливые танцы элементарных частиц, внезапные появления из пустоты и исчезно-

XX столетие является пока чемпионом истории по количеству смертоубийств. Человек страшнее всех видов оружия, которые сам он придумал, опаснее термоядерной «слойки» гуманиста Андрея Сахарова, ибо он не останавливается на достигнутом.

вения неизвестно куда. События истории более определенны и доступны сознанию. Если правы те, которые сомневаются в существовании Абсолютного Наблюдателя, то человек полностью несет ответственность за дарованную ему Природой свободу. Понятно при этом, что свобода человека может быть тем полнее, чем глубже он познанием проник в физику, биологию, социологию окружающего, в психологию своего внутреннего мира. Хотя если существует Абсолютный Наблюдатель, он также не снимает с нас задачу, используя синтетические знания, проникать в тайны Природы, или Творения.

■

Вместо абстрактных всеохватных конструкций, отслеживая неоспоримые достижения и пытаясь понять исходящие от свободы угрозы, следует привлечь к изучению проблемы философию как представительницу синтетического знания, историческую память и саму историю.

Можно вспомнить, скажем, такие достижения в познании необходимости и такие угрозы собственной экзистенции, о которых знали наши далекие предки времен только еще утверждавшегося философского мышления. Этот путь зовет нас в глубину веков, к разным культурам и цивилизациям, к истокам формирования личности и морали. Историческая память возвращает нас во времена перехода от массово-архаических, коллективистских, этнических или локальных религий к религиям личностного спасения, к феномену, который мы называем мировыми религиями. Уже тогда наши предки старались ограничить свободу моралью, чтобы сделать ее более приемлемой и безопасной.

Интересно, что поиски моральных регуляторов поведения происходили в разных, иногда мало, иногда вовсе не связанных взаимовлияниями культурах, что указывает на закономерный общечеловеческий исторический характер проблемы. «Поступай по отношению к другому так, как ты хотел бы, чтобы он поступал по отношению к тебе» – это золотое правило морали встречается уже в ранних памятниках многих культур – у Конфуция, в «Махабхарате», в Библии. Аналоги золотого правила можно найти у Гомера в «Одиссее» и в «Этике» Аристотеля, они присутствуют в буддизме, в исламе, конечно, в христианстве. Потом в потоках истории свободы мысли все это трансформируется в похожие системы морали, но разные теории и разные практики. Вспомним, скажем, «априорный категорический императив» Канта, споры с ним и классовое несогласие,

«моральный кодекс строителя коммунизма» и т.п. Случались времена «свободы от» – вплоть до торжества свободы от морали и совести в России во времена сначала борьбы с «привилегиями», затем весьма инициативной приватизации «ничейной собственности», введения (едва ли не указами президента РФ) в стране демократии и гражданского общества, а также строительства правового цивилизованного (некоррумпированного) государства. Всегда до конца не ясно, какую из свобод человек предпочтет в итоге. А в итоге всех этих усилий образовался и существует правящий слой, которому, по слухам, обязаны своим сегодняшним благоденствием сельские врачи, школьные учителя, научные работники и представители других слоев граждан. Власти слухи не опровергают.

■

Свобода творит особую, специфическую историю. В ней не существует ничего однажды пройденного, к чему не стоит возвращаться мыслью. История, благодаря существованию свободы, – это сложный многомерный генезис, а не линейная последовательность этапов развития. Здесь следует не выбирать, а разыскивать проблемы.

История ведет человека каменистой тропой свободы, и камни на пути разбрасывает сам человек, его антропология. Пока главным врагом человека является сам человек. Новое порождение эволюции выпадало из общего порядка вещей. Речь не только о появлении сознания – феномена и предпосылки свободы. Речь о том, что генетическому Адаму не возбранялось в большом, всевозрастающем количестве истреблять собратьев по генетике, по «творческой эволюции», чего в животном мире до него не случалось, но что он до сих пор проделывает. XX столетие является пока чемпионом истории по количеству смертоубийств. Человек страшнее всех видов оружия, которые сам он придумал, опаснее термоядерной «слойки» гуманиста Андрея Сахарова, ибо он не останавливается на достигнутом. Нетрудно предположить, что ныне специалисты исполняют заказ правительств по совершенствованию нанобомбы и психотронного оружия.

Не убежден, что к такому порождению эволюции можно прилагать понятие прогресс. По сообразительности, положим, австралопитек с синантропом уступали мне и моему современнику. Зато им никогда не пришло бы в голову хранить впрок тонны возбудителей бубонной чумы и сибирской язвы, годами сберегать емкости с ипритом и люизитом, с другими подобными практическими приложениями биохимии, а также загружать в моря ржавеющие емкости с отравляющей дрянью. Иногда возникает желание откорректировать международным законодательством неудержимое стремление познать мир. Тем более что, как выясняется, биологическая эволюция (трансмутация) человека продолжается и затрагивает даже тонкие структуры мозга. Унаследовав у животного мира способность к агрессии, мы раскрасили «архаику» цветами собственной мысли и изобретательства.

Свободу насилия и убийства генетического брата пытаются ограничить моральные заповеди, опирающиеся на авторитет Бога. «Не убий», «не укради», «люби ближнего твоего, как самого себя». Последнее, правда, относится только к «сынам народа твоего». Жалко, что замечательные заповеди адресованы прежде всего своим – своим по религиозной, этнической, национальной и иной групповой принадлежности. Задание с симпатией относиться к другому со временем осложнилось тем, что между собратьями утвердилось разделение видов деятельности, форм и способов присвоения результатов физического, а затем и умственного труда, социальных групп, групповых интересов и группового сознания. А все это вместе сильно затруднило и до сего дня затрудняет дорогу к общей свободе и сильно отодвигает торжество ноосферы, как ее понимали, к примеру, Владимир Вернадский или Тейяр де Шарден. Пока человек больше способствует деградации окружающей среды, приближая неотвратимость экологической катастрофы. Об этом не уставал предупреждать Никита Моисеев, оставляя открытым вопрос: «Быть или не быть... человечеству?» Климатические аномалии последних лет происходят явно не без участия антропогенных факторов.

Моисеев и другие ученые предупреждали о возможном «парниковом эффекте» и глобальном потеплении в результате выброса в атмосферу большого количества диоксида углерода. Надо бы в этом случае ограничить, а лучше устранить свободу выбора вовсе. Проделать это, однако, совсем не просто. Здесь в тугой узел завязались индустриальный путь цивилизаций (главный поставщик диоксида), сверхприбыли монополий, мировые финансы, а также блага, которые несет индустрия. Так что упрощать проблему не следует, но осознать ее как одну из главных проблем глобализма – надо. Поддаваться алармистским настроениям не стоит, но что-то слишком вяло вмешивается в поиски возможных вариантов решений всечеловеческий

Илья Репин. Пахарь. 1887 год

Творчество образует главный смысл жизни. Творцами могут быть кузнец и хлебороб, созидающий гармонию звуков, красок и слов, гармонию в камне и бронзе, познающий мир и стремящийся его сохранить или переделать к лучшему.

Коллективный Разум – Мировой Нус, так сказать. Как этот мировой ум активизировать – не знаю, но ясно, что течение эволюционного процесса следует направить в другое русло. Необходимо пробудить в мировом разуме новое политическое и экологическое мышление. К этому, разумеется, следует привлечь авторитет и влияние определенных организаций.

■

Свобода от диктатуры внешних причин и обстоятельств не может быть независимой от целого ряда организаций. Даже самая интимная из всех человеческих свобод, а именно – свобода мысли, в отдельном «я» существует только вместе с незримо присутствующим в нем человечеством. И зависит она от того, что «я» успел ухватить, странствуя мыслью по мирам времен и пространств. Роль организаций при этом трудно переоценить. Они ограничивают сферу моего свободного поиска, задавая его направления, и рисуют картину мира, где я обретаюсь, то есть весь мой Космос.

Организации (семья, школа, вуз, исследовательские и художественные школы, Академия наук и пр., Церковь, государство, политические партии и др.) формируют и воспитывают человека, предоставляя ему возможность соучастия в поисках истины и свободы. Правда, организации могут при случае не только прищемить мою индивидуальность мнением большинства или параграфом устава, но и в пыль растереть мою личность на какой-нибудь скрижали веры. Реакция организации бывала особенно свирепой, если ее слуги начинали отрицать написанное на идеологических знаменах. Как это произошло, например, с «Героическим энтузиазмом» поэта и философа Джордано Бруно или со свободомыслием Галилея. Чтобы организации имели возможность участвовать в синергии, в самоорганизации, в бифуркации и свободе выбора, как утверждал лауреат Нобелевской премии Илья Пригожин, желательно привнести в историю нравственную ценность субъективных, личностных свобод. Хорошо бы, чтобы задача освобождения личности стала целью всякой организации, но сегодня это слишком напоминает прекрасную утопию.

■

Еще недавно в России к Карлу Марксу многие обращали свои религиозные чувства. Считаю его выдающимся аналитиком и не имею ничего против того, чтобы «свободное

развитие каждого стало условием свободного развития всех». Но тогда идеологи с восторгом цитировали: «Сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей действительности она есть совокупность всех общественных отношений». Трудно вообразить больший вариант обезличивания, чем тот, когда из человека изымается его сущность. Такая идеологема может служить подножием для любой тоталитарной системы. В этом смысле Сталин был вполне правоверным марксистом. Обезличенный человек шагает по всей политической истории Страны Советов. Мнение такого человека можно не принимать в расчет при выборе политических стратегий. Не потому ли ушла власть, и страна развалилась? Может быть, не столько от бескормицы и бедности, сколько от оскорбленного постоянным враньем чувства собственного достоинства граждан? «Все политические партии умирают, подавившись собственной ложью», – утверждал Марк Твен. КПСС подавилась ложью своих вождей – их чрезмерной свободой слова, если по нашей терминологии.

■

Для восстановления утраченного равновесия между человеком и природой, для проникновения в глубины Мирового Разума использовать влияние организаций непросто. Но сегодня положение меняется. Растет политическая активность народов, усиливается их независимость от произвола властей. Мы еще несем на себе родимые пятна прошлого, но уже начинаем понимать, что вершина политической власти редко бывает вершиной политического ума. И не только в нашей стране. Протестные движения, правда, не всегда оправданны и разумны, и путь к свободе не близок. Как утверждал Лаоцзы: «Дорога в тысячу ли начинается с одного шага». Можно начать с проблем сохранения условий для жизни, с экологии. Тем более что грозят неконтролируемый рост населения, истощение запасов питьевой воды и вызванные этими причинами вооруженные конфликты...

■

Мы начали с адресации к Микеланджело, сказав, что он явился носителем самой фундаментальной из всех человеческих свобод, потому что высшей из свобод является свобода творчества.

■

Творчество является главной отличительной особенностью, основополагающим началом, атрибутом личности. Человек в той степени является личностью, в какой в нем присутствует и реализуется творчество. Творчество образует главный смысл жизни, в нем содержатся ответы на вопросы, зачем «я» явился в мир и что хочу рассказать о себе другому. Творцами могут быть кузнец и хлебороб, созидающий гармонию звуков, красок и слов, гармонию в камне и бронзе, познающий мир и стремящийся его сохранить или переделать к лучшему. Не всякая личность являет себя миру в одинаковой степени. Одна проникает в глубины сознания, другая плещется на мелководье. Есть личности разных масштабов.

Но я знаю и верю, что пока сохраняется способность человека-личности к творчеству, смысл жизни для многих не будет сводиться только к пропитанию, карьерному росту и обладанию. Они продолжат свой долгий путь к свободе, на них мои главные упования и надежды.

Николай Бердяев писал о «безначальной свободе творчества», которая существует вне и независимо от Бога, о свободе как о внутреннем переживании свободы. Свобода для этого русского философа, которого называли философом свободы, «первичнее бытия», она лежит в основании его личности.

■

Завершаю свое повествование, сознавая при этом, что уместить неохватную проблему свободы в короткий текст невозможно, обозначу свой замысел как предложение методологии дальнейшего изучения темы, большого числа ее разнообразных составляющих.

Философия ищет стройность и простоту, взаимозависимость и гармонию всех слагаемых частей проблемы, независимо от разрывов, нестыковок и противоречий жизни. Нужна методология постижения проблемы свободы. Методология как система правил мышления, когда при рассмотрении проблемы можно обоснованно получать разные результаты и когда отсутствуют окончательные решения. Генезис и движение, эволюция смыслов, история и свобода, опасности и надежды – вот лишь неполный список относящихся к теме вопросов.

■

Экзистенция, жизнь вносят коррективы и дополнения, свои толкования абстрактных понятий. Будущее непредсказуемо, потому что идущие за нами сами выберут свои дороги. Но, может быть, будущее сотворимо совместными усилиями? Создать условия для свободных усилий наших потомков – может быть, в этом заключается наша роль, в том числе и наших интеллектуальных усилий в постижении путей свободы?

Слева направо: Дмитрий Пожарский, царь Михаил Федорович и Кузьма Минин. Фрагмент памятника «Тысячелетие России» Михаила Микешина и Ивана Шредера в Новгороде. 1862 год

Иван Сусанин

Иван Сусанин (последняя треть XVI века – 1613) – русский национальный герой, крестьянин из села Домнина (примерно в 70 верстах к северу от Костромы).

400 лет

Иван Сусанин – одно из самых известных имен русской истории. То, как это имя становилось почитаемым на протяжении столетий, какую идеологическую нагрузку оно несло при самых разных, в том числе и взаимоисключающих, политических режимах, являет собой поучительный пример того, как прошлое может служить дню сегодняшнему.

Подвиг Ивана Сусанина не является строго документированным историческим событием. О самом Иване Сусанине достоверно мало что известно. Основной документ, описывающий подвиг, – это жалован-

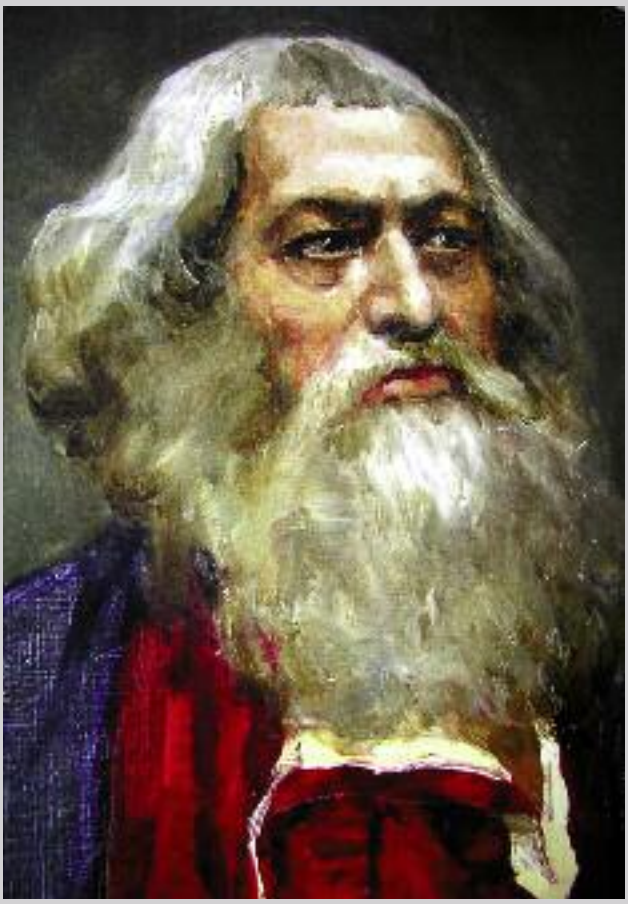
ная грамота царя Михаила Романова, выданная 30 ноября 1619 года, то есть спустя шесть лет после события. Грамота выдана зятю Ивана Сусанина – «Богдашке Собинину за службу к нам и за кровь, и за терпение тестя его Ивана Сусанина: как мы, великий государь, царь и великий князь Михайло Федорович всея Руси, в прошлом 121 (7121 году от сотворения мира, или 1613 году от Рождества Христова. – *С.Б.*) году были на Костроме, и в те поры приходили в Костромской уезд польские и литовские люди, а тестя его, Богдашкова, Ивана Сусанина в те поры литовские люди изымали и его пытали великими, немерными пытками и пытали у него, где в те поры мы, великий государь, царь и великий князь Михайло Федорович всея Руси, были, и он, Иван, ведая про нас, великого государя, где мы в те поры были, терпя от тех польских и литовских людей немерные пытки, про нас, великого государя, тем польским и литовским людям, где мы в те поры были, не сказал, а польские и литовские люди замучили его до смерти». С этого события и началась известность Ивана Сусанина за пределами своей семьи и деревни, а спустя еще полтора столетия пошли создание и разрушение легенд о нем.

Реконструкция наиболее вероятного хода событий, ставших подвигом Ивана Сусанина, может выглядеть следующим образом. Родители будущего царя – Федор Никитич Романов и Ксения Ивановна, урожденная Шестова – подверглись опале при Борисе Годунове и были насильно в 1600 году пострижены в монахи под именами Филарет и Марфа. В период Смуты Филарет, оставаясь монахом, принимал активное участие в политической жизни. При Лжедмитрии I он был как его якобы родственник назначен митрополитом Ростовским, при Лжедмитрии II стал «нареченным патриархом», вел борьбу с Василием Шуйским, стал активным сторонником «семибоярщины», участвовал в переговорах с польским королем Сигизмундом III, однако, отказавшись подписать вариант договора, предложенный польской стороной, был ими в 1611 году пленен и оставался под стражей до 1619 года.

В это время малолетний Михаил находился с матерью – инокиней Марфой – то в своей вотчине в Клину, то в Москве. А уже после освобождения Москвы от поляков Мининым и Пожарским в 1612 году они удалились в свои костромские

Парсуна с изображением Михаила Федоровича. XVII век

владения, находясь некоторое время в селе Домнине, где и проживал Иван Сусанин, бывший, по некоторым данным, вотчинным старостой, лицом, управлявшим владением от имени Романовых. Этим объясняется возможный интерес поляков именно к Сусанину, поскольку староста должен был знать, куда направились его господа и где они находятся. Михаил и Марфа, недолго побыв в ноябре 1612 года в Домнине, отправились в Макариев монастырь на Унже, а потом в Кострому, в Ипатьевский монастырь. Мотивы, по которым «польские и литовские люди» искали Михаила Романова, могут быть связаны как с желанием пресечь его возможное восшествие на престол, на чем настаивает официальная версия, так и с менее значительным поводом: взять в плен сына и жену Филарета, продолжавшего играть большую роль в политике, для его шантажа. Иван Сусанин мог понимать возможные политические мотивы поиска Михаила, а мог и просто защищать своего юного шестнадцатилетнего барина как вотчинный управляющий. Причем защищать не от непосредственной опасности – Михаил и Марфа находились не в Домнине, а достаточно далеко, скорее всего, уже в Костроме, но в связи с желанием предупредить возможную опасность, выиграть время.



А. Левитин. Осип Петров – первый исполнитель роли Ивана Сусанина в опере Михаила Глинки «Жизнь за царя». 1855 год

По всей видимости, Иван Сусанин повел поляков из Домнина в село Исупово напрямую через Исуповское – теперь чаще называемое Сусанинским – болото, послав своего зятя к Романовым предупредить, что их ищут. Поляки, придя с ним в Исупово, заподозрили подвох, начали пытать Сусанина и, в конце концов, изрубили его там же на глазах у всего села. Происходило это, скорее всего, поздней осенью 1612 года, а вовсе не той глубокой и снежной зимой (1613 года), которую описывают и изображают в художественных произведениях: зимой и весной все эти леса и болота абсолютно непроходимы.

В марте 1613 года Михаил Романов были избран, а в июне венчан на царство. Было ли известно Романовым о подвиге Сусанина по горячим следам или же они узнали об этом лишь шесть лет спустя – неизвестно. Вполне возможно, что тему подвига Ивана Сусанина было невыгодно поднимать до момента освобождения Филарета из польского плена в 1619 году: сразу после этого и появилась упомянутая «грамота».

В 1767 году Екатерина II посетила Кострому, путешествуя по Волге на галере «Тверь». 15 мая на шлюпке императрица была доставлена к пристани Ипатьевского монастыря, где была встречена делегацией местного дворянства и епископом Костромским и Галичским Дамаскином (Аскаронским), который и произнес слова о подвиге: «Блаженныя памяти предок вашего императорского величества, Михаил Феодорович, от литовских и польских людей искомый <…> крестьянином Иваном Сусаниным утаен бысть». Начиная с этого времени о Сусанине стали писать и говорить все чаще и чаще. Среди авторов следует указать Н.С. Сумарокова, М.И. Хераскова, А. Щекатова – составителя «Словаря географического Российского государства», в котором помещен рассказ о подвиге Сусанина, наконец, С.Н. Глинку, опубликовавшего в 1812 году рассказ об Иване Сусанине, послуживший толчком для последующих художественных образов в музыке, живописи и литературе.

Интерес к Ивану Сусанину в конце XVIII века подогревался политическими событиями. Последняя четверть века наполнилась тремя разделами Польши, подавлением многочисленных польских восстаний. В связи с этим напоминание о польско-литовской интервенции XVII века и грозившей тогда Русскому государству опасности было необходимой исторической и идеологической опорой и в какой-то мере оправданием современной политики. А подвиг Ивана Сусанина давал образец подлинного патриотизма и преданности. Именно в этом качестве образ Ивана Сусанина формировался на протяжении двухсот последующих лет.

Беспрецедентное место в истории прославления подвига Ивана Сусанина занимает гениальная опера М.И. Глинки «Иван Сусанин» – именно так ее называл автор. Названия «Смерть за царя» и «Жизнь за царя» были предложены одним из министров двора уже во время репетиций весной 1836 года. Композитор сопротивлялся, но, в конце концов, согласился на «Жизнь», но не на «Смерть». Интересно, что в то время уже существовала и двадцать лет шла в петербургском Большом театре опера «Иван Сусанин», написанная дирижером и композитором Катерино Кавосом. Некоторое время после премьеры оперы Глинки в театре попеременно шли обе, причем Кавос дирижировал и той и другой.

Именно опера Глинки стала основным «информационным источником», на основании которого подавляющее большинство знает об Иване

Сусанине и его подвиге. О том, что драматургия оперы, да и официальная версия не вполне соответствуют исторической реконструкции вероятных событий, писали многие. Особенно яростным критиком легенды об Иване Сусанине выступал историк Н.И. Костомаров, издевательски анализировавший разного рода несоответствия и домыслы официальной версии событий. Впрочем, версия Костомарова была ничуть не более обоснованной и достоверной, поскольку достоверных источников не существовало. Однако политическое, воспитательное значение и самой легенды, и оперы было – и остается до сих пор – столь значительным по своему воздействию, что все «поиски исторической правды» никому, в сущности, не нужны.

После революций 1917 года опера с таким названием идти не могла и не шла. Спустя годы возник замысел корректировки либретто. Причем простой перемены названия и возвращения исходного «Ивана Сусанина» было недостаточно. Была предпринята попытка изменить и само существо сюжета: Иван Сусанин совершает свой подвиг не ради спасения царя Михаила Романова, а ради спасения «гражданина Минина». Известный поэт С. Городецкий, которому было поручено написать новое либретто, весьма остроумно и квалифицированно заменил царя на гражданина во всех исторических эпизодах: Минин представлял реальную угрозу полякам, собирая против них ополчение, именно Минина надо было полякам уничтожить и т.д. Так что сюжет Городецкого не слишком сильно противоречил историческим событиям, создавая при этом «уточненный» образ русского патриота, гибнущего не «за царя», а «за Отечество». Впоследствии, однако, особенно в период сталинского «ренессанса» русской истории в конце тридцатых годов, классическое либретто было возвращено на сцену, и долгие годы опера шла под названием «Иван Сусанин». В разгар перестройки – в 1988 году – в Большом театре был возобновлен первоначальный вариант оперы безо всяких цензурных поправок, и почти десять лет опера стояла в репертуаре театра под названием «Жизнь за царя», а в новой постановке 1997 года ей снова было возвращено название «Иван Сусанин».

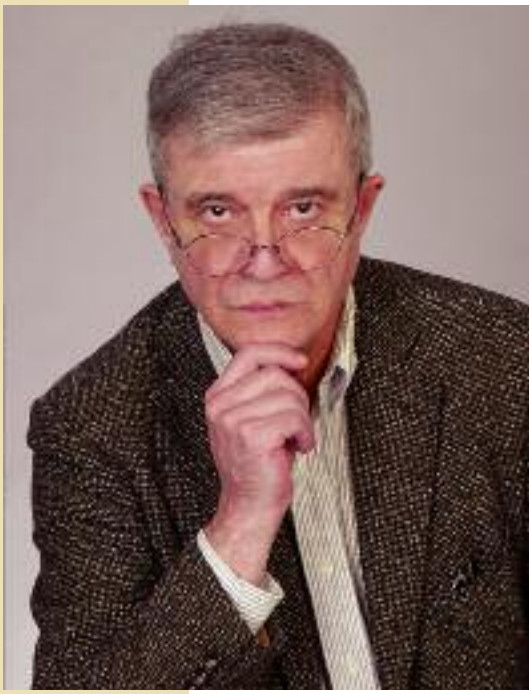
Память об Иване Сусанине увековечена и в памятниках. Первый бюст был установлен, разумеется, в Костроме еще в 1851 году, венчая собой ансамбль Сусанинской площади вплоть до 1918 года. Украшавшая памятник надпись: «Ивану Сусанину, за царя – спасителя веры и царства – живот свой положившему. Благодарное потомство», – не смогла пережить революцию, и памятник был снесен наряду с другими памятниками «царям и их прислужникам». В 1967 году на той же площади был установлен величественный памятник «тому же лицу и по тому же поводу», но по другим мотивам: не как «царскому прислужнику», а как народному герою, о чем свидетельствует и надпись: «Ивану Сусанину – патриоту Земли Русской». Иван Сусанин был также включен и в галерею персонажей памятника «Тысячелетие России» в Новгороде в 1862 году, и в ансамбль памятника к 300-летию дома Романовых в Костроме, который до революции так и не был завершен и от которого ныне остался лишь постамент, занятый крайне неудачной – и в художественном отношении, и по выбору места – скульптурой В.И. Ленина.

Использование образа и легенды об Иване Сусанине успешно используется для патриотического воспитания вот уже третье столетие, переживая при этом «колебания» и «борьбу школ»: одни считали, что Иван Сусанин отдал жизнь «за царя», другие – «за Родину». Доминирующей идеологии в наши дни не особо интересен ни тот ни другой вариант. Вот если бы можно было подать подвиг Ивана Сусанина как борьбу «за права человека и либеральные ценности»… Но пока это никому не удалось. Поэтому при случае можно лишь лягнуть Сусанина и русский народ «за холопство и рабскую покорность».

Вспоминая сегодня 400-летие подвига Ивана Сусанина, постараемся избежать политических крайностей и пропагандистского рвения, а просто отдадим благодарственную дань памяти обо всех людях Земли Русской, любивших ее и готовых трудиться и воевать ради ее блага.

При подготовке очерка использовалось весьма обстоятельное исследование современного костромского исследователя-краеведа Н.А. Зонтикова «Иван Сусанин: легенды и действительность» (Кострома, 1997).

Сергей Белкин



Карен Араевич Свасьян –
доктор философских наук, с 1993 года живёт в Швейцарии, где занимается лекторской и издательской деятельностью при Forum für Geisteswissenschaft Zürich, автор многочисленных книг на русском и немецком языках

Habemus Papam

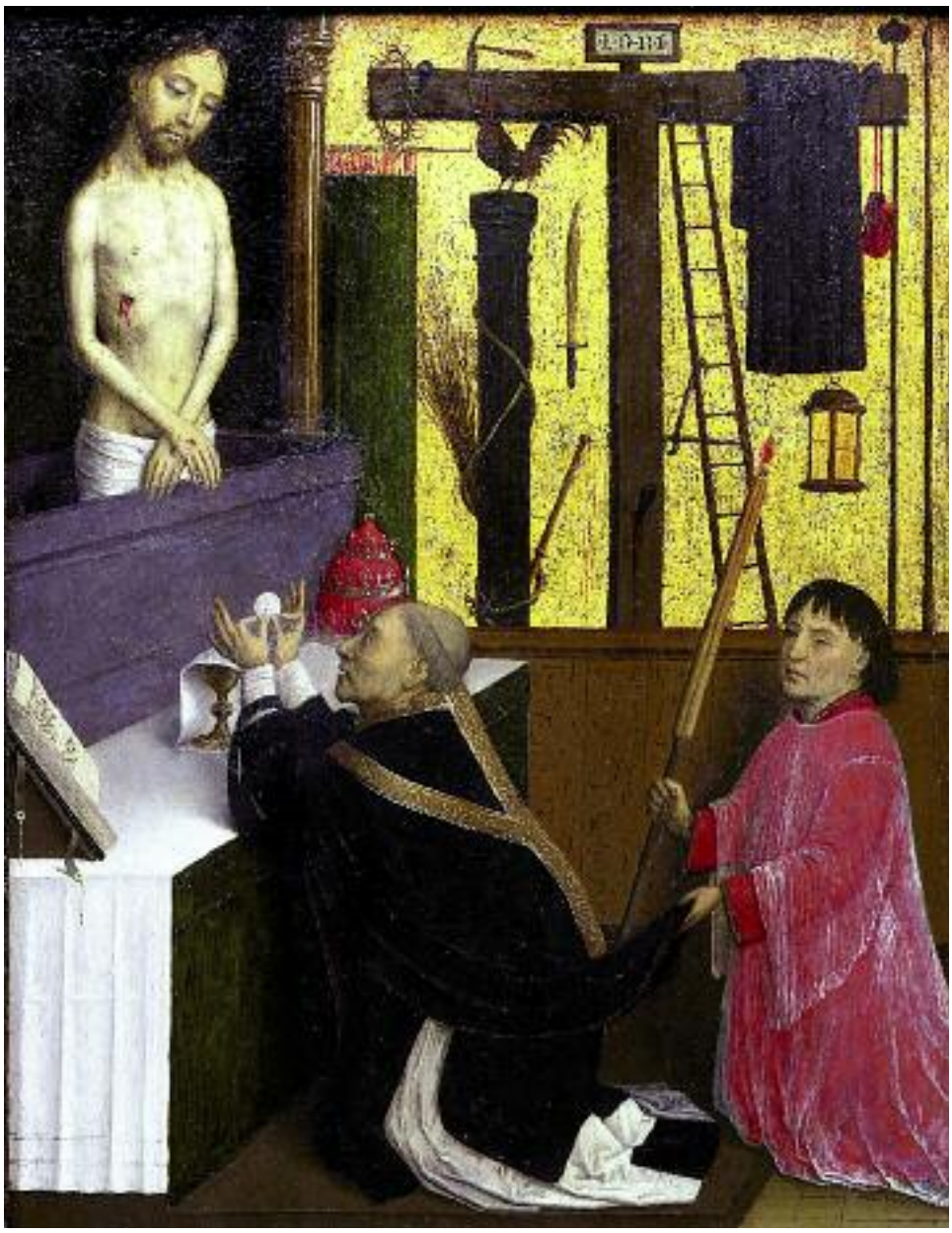
1

Наверное, начать надо будет с уяснения сути религиозного – лучше всего на примере христианства. Посыл предельно прост и ясен: это вера, *sola fide*, с которой начинается, на которой держится и без которой кончается всякая религия. Но вера – это один (субъективный) полюс религиозного, другой (объективный) полюс которого – Откровение. По модели известной феноменологической формулы: вера есть всегда вера во *что-то*. «Что-то» веры называется Бог, а способ, которым Бог себя обнаруживает, – Откровение. Само по себе Откровение не есть религия. Это мистерия, событие, если угодно, некий факт трансцендентной значимости, который как *факт* должен, а как *трансцендентный* не может быть воспринятым. Таким образом, вера оказывается верой в невоспринимаемый факт. Бога, по словам самого Бога, нельзя увидеть, не умерев. Понятно, что для устранения этого противоречия и соотнесения обоих полюсов – фактического незримого Бога и веры в Бога – требуется некое посредничество, своего рода *tertium comparationis*, переносящий факт из трансцендентного в земное. Посредником выступает Церковь, опирающаяся на традицию в лице немногих отцов (*patres ecclesiae*). Церковь и осуществляет перенос факта Откровения из онтологического в филологическое, из события – в рассказ о событии, после чего Слово как Сущее уступает место Сущему как слову – в зыбких поначалу, но неотвратимых перспективах будущего номинализма. Рассказ о событии (Писание и уже вся совокупность священнослужения) лишь усугубляет невоспринимаемость *факта* его непонятностью: образами, символами и загадками, в которые обычный человеческий рассудок упирается рогом непонимания. Богослов объясняет: непонимание здесь не дефект, а естественное состояние. *Потому что понять умом это нельзя*. В это можно только верить сердцем. Причем так, что чем непонятнее уму, тем доступнее сердцу. Там, где высокомерный ум застревает в себе, как в тупике, вера сдвигает горы и делает блаженным.

2

Понятно, что в этом раскладе составляющих – Откровение–Церковь–

вера – решающая роль принадлежит посреднику. Между *«Богом на небе и тобою на земле»* (формула Карла Барта) вклинивается богослов как своего рода *управделами*, или *опекун*, или *поверенный*, скорее всего, и то, и другое, и третье, а по сути, *всё*. Он и есть активная креативная сторона, устанавливающая правила религиозного поведения, причем, что особенно интересно, для обеих сторон. Потому что прежде чем верить, надо же знать во что, а чтобы знать во что, надо же прежде определиться с самим *«что»*. История первых веков христианства демонстрирует в этом отношении подлинный шедевр политического креационизма, не только выдерживающий любые сравнения с собственно политической (мирской) историей, но и – в ряде существенных случаев – задающий ей тон. Нужно подумать о том, среди какого количества самых пестрых и противоречивых верований, суеверий, сект формировался будущий катехизис, догматика вообще и каких нечеловеческих усилий стоило противопоставить этим центробежным духосмесительным практикам единый столп веры. Еще раз: правильная вера – это когда верят в правильного Бога, а правильный Бог – это тот, существование и поведение которого регламентировано богословским протоколом: сначала в спорах с чужими, а потом и между собой. Неслучайно, что история христианства с самых ранних времен протекает в линии непрекращающихся войн и погромов, где по одну сторону находятся *«свои»*, а по другую – еретики, или инакомыслящие – *«диссиденты»* (см.: 1 Кор. 11: 19). Параллельно: где по обе стороны находятся *«свои»*: правильные *«свои»* и неправильные *«свои»*. Разумеется, о том, как функционирует механизм, не принято говорить, не принято даже догадываться. Всё выглядит так, как и должно выглядеть: наверху Бог, внизу *«мы»*, а посередине Церковь как своего рода коммутатор (*religio*). Тем любопытнее оказываются редкие свидетельства вроде следующей проговорки из пастырского послания зальцбургского архиепископа Иоганнеса Баптиста Катчталера от 2 февраля 1905 года. Здесь чествуются (католические) священники, оказывающиеся более могущественными, чем Бог: «Воздайте честь священникам, ибо они обладают властью освящать дары. – Силу освящения и рукоположения, эту чудесную власть, имеет католический священник, и только он, а не протестантские пасторы. – Власть освящать дары, являть Тело Господне с драгоценной Кровью во всей полноте Его святой человечности и Его



Симон Мармион. Месса святого Григория. Около 1460–1465 годов

Иоганнес Баптист Катчталер:

«Католический священник может не только явить Христа на алтаре <…> он может даже принести Его, вочеловеченного Сына Божьего, в бескровную жертву живым и мертвым. Христос, единорожденный Сын Бога-Отца, который сотворил небо и землю и на котором держится вселенная, покоряется здесь воле католического священника».

Божественности в виде хлеба и вина; превращать хлеб и вино в истинное Тело и драгоценную Кровь Господа нашего, какая высокая, возвышенная, чудесная власть! Где, ради всего святого, есть еще власть, подобная власти католического священника? У ангелов? У Матери Божьей? <...> Католический священник может не только явить Христа на алтаре, запереть Его в дарохранительнице, снова извлечь Его оттуда и протянуть верующим для вкушения, он может даже принести Его, вочеловеченного Сына Божьего, в бескровную жертву живым и мертвым. Христос, единорожденный Сын Бога-Отца, который сотворил небо и землю и на котором держится вселенная, *покоряется здесь воле католического священника* (курсив мой. – *К.С.*)».

3

Парадокс религии, её бомба замедленного действия – альтернативность веры и знания. Тертуллиан во втором веке провел водораздел в формуле *«Афины или Иерусалим»*: «Итак, что общего между Афинами и Иерусалимом, между Академией и Церковью, между еретиками и христианами? Наше учение происходит из притвора Соломонова, который и сам учил, что Господа надлежит искать в простоте сердца своего. Что из того, если вам вздумается выдумывать стоическое, или платоническое, или диалектическое христианство! Нам же после Христа Иисуса, после того как нам возвещено Евангелие, нет никакой надобности учить чтолибо или исследовать. Если мы верим, то мы не желаем ничего, что было бы больше веры». Эффективность этой установки, за редкими исключениями, засвидетельствована всей ранней историей христианства – от поджога библиотек до изгнания философов. Когда потом спустя века изгнанное знание начнет возвращаться в христианскую Европу, оно уже будет нести на себе логотип не столько Афин, сколько Багдада, а его глубоко антихристианский характер окажется лишь свидетельством того, что маятник качнулся в другую сторону и что абсолютизация одной крайности не могла не спровоцировать абсолютизацию другой. В формуле *«Верую, ибо абсурдно»* центр тяжести лежит в причинном *«ибо»*, соединяющем *«веру»* и *«абсурд»*. Откровение оттого и абсурдно, что на него посягают силами мышления, полагая, что могут понять и объяснить *непонятное* и *необъяснимое*. Совсем другое, когда в непонятное и необъяснимое верят, и верят тем сильнее, чем нелепее оно являет себя в оптике знания. Знание – соблазн, грех и гордыня: извечный исследовательский грант Люцифера, получив который стипендиат рассчитывает познать Бога, а познав его, стать им (по апофтегме Мейстера Экхарта: *«Бог и я суть одно в познании»*). Дьявол искушает вопросами, на которые у веры нет ответов и от которых она обороняется запретами, отлучениями и кострами. Впрочем, при случае и оплеухами – в романе «Братья Карамазовы»: «Как-то однажды, всего только на втором иль на третьем уроке, мальчик вдруг усмехнулся. “Чего ты?” – спросил Григорий, грозно выглядывая на него из-под очков. “Ничего-с. Свет создал Господь Бог в первый день, а солнце, луну и звезды на четвертый день. Откуда же свет-то сиял в первый день?” Григорий остолбенел. Мальчик насмешливо глядел на учителя. Даже было во взгляде его что-то высокомерное. Григорий не выдержал. “А вот откуда!” – крикнул он и неистово ударил ученика по щеке. Мальчик вынес пощечину, не возразив ни слова, но забился опять в угол на несколько дней». На несколько веков. Когда он потом вышел из угла, уже не как мальчик, а как ученый муж, он сам стал загонять в угол вчерашнего насильника, даже не подозревая о том, насколько прилежно он усвоил повадки и замашки последнего.

4

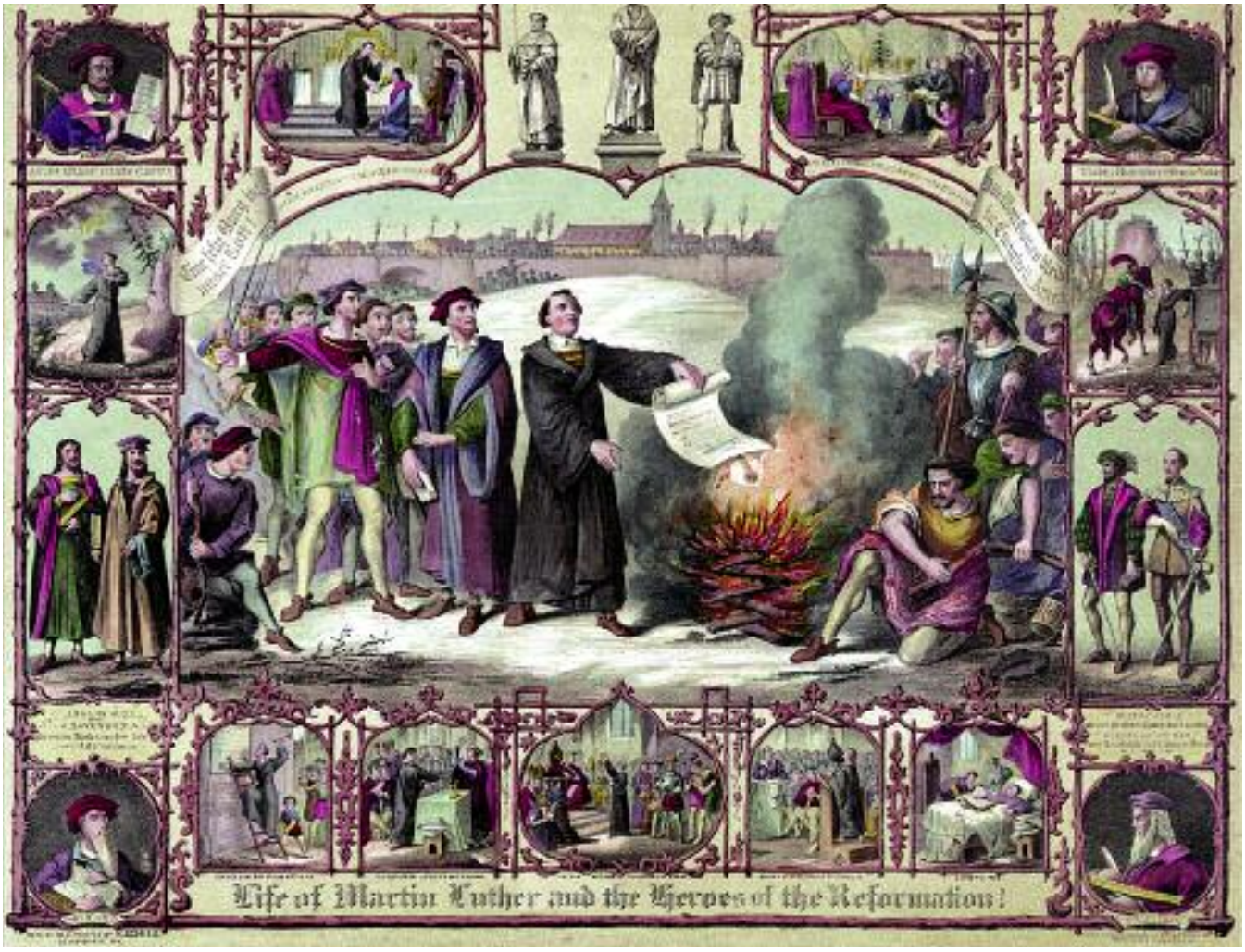
Хотя Римско-католической церкви и удалось удержать натиск Реформации, а большей частью даже и отбить его, это не могло уже иметь никакого значения на общем фоне вытеснения религиозной парадигмы иными парадигмами – политической, гражданской, научной. В борьбе против Лютера (в широком смысле – против *германства* как такового), от Тридентского собора до Тридцатилетней войны, религиозному фактору была отведена роль фигового листка, тщетно прикрывающего прагматические одержимости. По существу, Реформация разыгралась в плену той же ложной оптики, что и итальянский Ренессанс – рождение нового оба раза было принято за возрождение бывшего: христианского бывшего и античного бывшего. Лютеру, потрясенному масштабами разложения Церкви, казалось, что он её возрождает, тогда как в действительности он её уничтожал: вопреки Ницше, в пароксизме страсти ругавшему его за то, что он её спас. Можно было как угодно нападать на протестантизм и искоренять его всеми возможными и невозможными средствами. Решающим оставалось то, что, борясь с ним и даже побеждая его, не замечали, что находятся в его же силовом поле и действуют в рамках им же заданной секуляризации. Только уже не по течению, а против течения, и значит, оборо-

няясь от повального обмирщения и пытаясь спасти хоть какие-то реликты сакрального среди сплошных санационных работ и строительных лесов расколдовываемого мира. Лютер очищал Церковь от *«сатирикона»* и *«декамерона»*, открывая, сам того не желая, дверь совсем иным реалиям. Прежнее религиозное *призвание* (*vocatio*, *Berufung*) стало после Лютера *профессией*, *профессиональным призванием* (*Beruf*) на основе *знания*. И уже в скором времени выяснилось, что если с теми, прежними (семью или больше), грехами можно было еще – пусть позорно, пусть провально, – но жить, то от этого не было уже никакого спасения. Знание, перенесенное в мир веры, разъедало веру как ржавчина, и тут не помогли даже нечеловеческие усилия иезуитов, пытавшихся уже с начала XVII века перехватить инициативу, чтобы лишить дьявольских немцев монополии на знание. Между тем дьявольщина была в другом. Знание, вторгаясь в мир веры, обнаруживало себя как неадекватное и агностичное. Чего оно хотело, так это быть *опытным знанием*, но если опыта его вполне хватало еще на наблюдение и объяснение свободно падающих тел, то к мирам *«души»* и *«духа»*, нечувственного вообще у него, за отсутствием соответствующего опыта, просто не было доступа. Западный мир шумно и ликующе приобщался к теориям и практикам номинализма, и не было ничего удивительного в том, что ни богословы с их *«научным богословием»*, ни склонированные с них атеисты с их *«научным атеизмом»* и слышать не хотели о гнозисе – не старом, фантастическом, а новом, научном. Протестанты оказывались в этом отношении лишь прилежными учениками католиков, а в ряде случаев обнаруживали даже большее рвение, чем учителя. Образовавшийся тупик впечатлял тупостью аккуратного в него попадания. С одной стороны, хотели знания, с другой – блокировали каждую тенденцию его быть адекватным. Теологии, даже не мечтавшей тягаться по строгости и точности метода с естествознанием, не оставалось ничего иного, как равняться на филологию, а со временем и становиться филологией. Первой жертвой этого абсурдного превращения стал протестантизм. Уже с XIX века протестантская экзегеза удивляет мир кропотливейшим учетом букашек при полном пренебрежении к слону. Началось с того, что принялись рубить сук, на котором сидели сами, а кончилось тем, что, упав, даже не почувствовали ушибов и переломов. Давид Фридрих Штраус задал тон своей «Жизнью Иисуса», и с этого

Юлиуш Нисле. Договор с дьяволом. Фауст и Мефистофель. Около 1840 года

Парадокс религии, её бомба замедленного действия – альтернативность веры и знания. Знание – соблазн, грех и гордыня: извечный исследовательский грант Люцифера, получив который стипендиат рассчитывает познать Бога, а познав его, стать им.

Жизнь Мартина Лютера и герои Реформации. Раскрашенная гравюра XIX века



По существу, Реформация разыгралась в плену той же ложной оптики, что и итальянский Ренессанс – рождение нового оба раза было принято за возрождение бывшего: христианского бывшего и античного бывшего. Лютеру, потрясенному масштабами разложения Церкви, казалось, что он её возрождает, тогда как в действительности он её уничтожал.

момента приходилось лишь гадать о степени растяжки и жизнестойкости маразма. В начале XX века в Берлине ведущие теологи уже дискутировали на тему «Жил ли Иисус?», причем так, что позавидовать им могли бы самые отмороженные атеисты. Потом пришло время теологии кризиса, а еще позже, уже в наши дни, начались церковные перформансы и биеннале. Профессор богословия Герд Людеманн назвал воскресение Христа величайшей нелепостью мировой истории. Епископесса Гамбурга Мария Епсен предложила заменить на церквах крест яслями, мотивируя это тем, что крест мрачен и напоминает о смерти, а при виде яслей хочется улыбаться и быть добрым. Наконец, в представленном лютеровским городом Виттенбергом списке номинантов на Лютеровскую премию (в протестантском мире это примерно то же, что Ленинская премия в мире советском) за 2012 год фигурировали три московские дебилки, отплясавшие молебен в Храме Христа Спасителя. Характерно, что номинация была поддержана Марго Кэссманн, бывшей председательницей Совета Евангелической церкви Германии и алкоголичкой, приобретшей скандальную известность за вождение автомобиля с 1,54 промилле в крови. Не следует только спешить с окончательной оценкой случившегося. Нелепость того, что такая номинация вообще могла иметь место, совсем не исключает другой нелепости, пусть не столь очевидной, зато не менее нелепой: того, что её в последнюю минуту отклонили.

5

Если Католическая церковь не дотянулась до этой рекордной планки, то прежде всего в силу своей несоизмеримо большей привязанности к традиции. Её беда в том, что со временем сама традиция

всё меньше вписывалась в современность, а после Второй мировой войны и уже ближе к нашим дням, когда мировоззренческий гегемон Средней Европы был вытеснен более удачливым англосаксонским гегемоном, и вовсе стала отторгаться ею. Диспозицию конфликта лучше всего удастся понять, если представить себе её в противостоянии *души ощущающей* (вместе со служащей ей *рассудочной душой*) и *души сознательной*. Это и есть противостояние веры и знания, где первая возникает на стыке невнятных ощущений и соответствующих им рассудочных представлений с перерождением тех и других в религиозное *чувство*, а второе – в элементе сознания. Нужно будет представить себе некий трансплантат средневекового мира с более чем миллиардным населением, вживленный в плоть современности, или нагляднее: Локка и Джефферсона, беседующими о первой поправке, толерантности и однополых браках с папой Иннокентием III и братом Джироламо Савонаролой. Понятно, что успешность диалога может зависеть исключительно от степени сдачи позиций одной из сторон, то есть от того, насколько один из участников способен молча кивать головой, слушая беспрерывно говорящего другого. Нет ни малейшего сомнения в том, что скорее верблюд пройдет сквозь игольное ушко, чем либерал признает, что скотоложество, к примеру, – это извращение. Либерал *верит* в абсолютность своих сверхсовременных прав и свобод с исступленностью, аналоги которой впору искать у религиозных фанатиков Средневековья, в то время как католик шаг за шагом сдает свои святыни под чудовищным прессом либеральной прессы. *Он уступает*, потому что не может не уступать. Его часы отстают на пять или шесть веков. Правда, уступает он нехотя и часто скрежеща зубами, в отличие от своего протестантского подельника, который по части уступчивости демонстрирует такую прыть, что от нее порой передергивает самих заказчиков. Но факт остается фактом, как бы парадоксально это ни выглядело: католицизм сегодня настолько же либеральнее либерализма, насколько этот последний, в свою очередь, католичнее католицизма. Они кричат о толерантности и готовности отдать жизнь за право их врага высказать свое мнение, но сборища их скорее напоминают хлыстовские радения или беснования флагеллантов. Католики тем временем больше заняты скелетами в шкафах собственного прошлого и приносят извинения за содеянные бесчинства веры: от Джордано Бруно, сожжение которого кардинал Ратцингер, будущий папа, назвал *«нашей тяжелейшей виной»*, до туземных народов Океании, у которых Иоанн Павел II попросил (через Интернет) прощения за преступления, совершенные католическими миссионерами.

6

В отмеченных рокировках ясно обнаруживается иллюзорный характер противостояния: призрачного прошлого, силящегося во что бы то ни стало вписаться в настоящее, и столь же призрачного будущего, выдающего себя за настоящее. Различие призраков в том, что один из них просрочен, а другой преждевременен. Один наследует некогда могущественную реальность, другой, за неимением никакой, сам создает таковую. Католицизм мнемоничен, загружен памятью и традицией. Либерализм футуристичен, конструктивен и чист, как локковская доска. Душа ощущающая первого в сочетании с рассудочностью реальна, хотя и помечена задним числом, тогда как сознание второго – начисто отсутствующий феномен: это – сознание, в котором от сознания нет ничего, кроме имени и понятия, и которое есть только потому, что его называют и о нем говорят. Сила либерализма в том, что он толерантен по форме и тоталитарен по сути: настоящая практическая магия средствами не ребяческих пугалок, а высоких технологий, структурирующих информационное пространство. Здесь оглашаются *слова*, абсолютно пустые фразы, которые *post hoc ergo propter hoc* (после этого, значит, вследствие этого) магически уплотняются в органы восприятия реального. По сути, либерализм – это политический номинализм. Реальность тут не просто сведена к словам, но творится словами. Всё, что есть, есть слово, через слово и после слова. Оттого правилом номер один является здесь говорить – без умолку, до хрипоты, до беспамятства и в беспамятстве. Потому что *эта* реальность существует в той мере, в какой о ней говорится, и мгновенно исчезает, как только перестают о ней говорить. В этом и заключается более глубокий смысл парламентов (по-русски – говорилен), но прежде всего – свободной прессы, о которой еще Гёте заметил, что никто не кричит о ней громче, чем тот, кто хочет ею злоупотреблять, а Шпенглер добавил, что в чем мы действительно нуждаемся, так это не в свободе для прессы, а в свободе от прессы. Либерализм – не выдумка просветителей и антиклерикалов Нового времени, противопоставлявших средневековому «мракобесию» «свет» Разума и Прогресса, а всё то же «мрако-

бесие», только теперь уже в модальности не теизма, а атеизма, и значит – на службе у Разума и Прогресса. Это мрак, объявляющий себя светом и оттого воспринимаемый как свет. Противопоставленность традиции и консерватизму (в данном контексте – католицизму) – просто ложная оптика, рассчитанная как раз на тех, о свободах и правах которых пекутся конституции и поправки к конституциям. По сути, речь идёт не о вере и знании, а о *вере* и *вере*, одна из которых действительно вера, а другая – вера, прикидывающаяся знанием. Но в том и заключается особенность нынешнего времени, стоящего под знаком *души сознательной*, что в самой сознательной душе на этом этапе её становления нет ни *души*, ни *сознания*, ни *знания*, а есть всё та же прежняя астральность, прячущаяся под множеством рассудочных симулякров, которые, повторим это, за неумением познавать вещи *как есть*, заново конструируют их, выставляют напоказ и до тех пор внушают, что *так это и есть*, пока это в самом деле так и есть. Можно, конечно, без всякой примеси пессимизма и пораженчества говорить о конце. И в частности словами Карла Барта, последнего теолога мирового масштаба: «Не устранением греха, а устранением самого грешника устанавливается порядок, и не подношением лекарства, не хирургическим вмешательством оказывается тут помощь, а умерщвлением пациента». Но можно, и опять без той же примеси, видеть в этом не конец, а некую необходимость, *conditio sine qua non* (обязательное условие) сознания. Прийти к сознанию (не к словам о сознании, а к *самому*) – большой мировой риск, если знать, что сознание – *само* – достигается не иначе, как через свободу. Причем уже не на прежний лад героического ницшеанства, а совсем иначе. Нужно только представить себе старое библейское: *«И будете как боги»*, – выкрикиваемое в микрофон где-нибудь на стадионе, площади, дискотеке или в университетской аудитории, после чего свежеиспеченным богам-подросткам только и остается, что сдвигать черту предела в параболическом приближении к беспределу. Что значит: в состоянии буйного умственного помешательства, называемого в психиатрии *«амок»*, а в конституционных правах *«свободой»*, искажать и обессмысливать мир Божий до неузнаваемости, до той самой черты, после которой либо мир проваливается ко всем чертям, либо – *если бесноватый остановится и придет в себя* – черти проваливают из мира, но уже такого мира, где больше нет места братьям-двойникам: тому, чья вера в Бога есть просто вера в какого-то небесного фокусника, и тому, кто с полным на то правом объявляет этого фокусничающего Бога несуществующим.

7

После нулевого 1945 года мир в нарастающих темпах сдвигается под знак французского 1789 года. Разумеется, в англосаксонской редакции. Это новый акт Творения, нечто вроде Шестоднева в измерении истории: экранизация мира по просветительскому сценарию в соавторстве – Ламетри–Руссо–Сад (автор идеи и продюсер – Джон Локк). Можно предположить, что худшего испытания Католической церкви не выпадало со времен распада Каролингской империи и после Реформации. Но если тогда ей удавалось решать проблемы и даже выходить из них обновленной (в клюнийском движении, а после и в Контрреформации), то на этот раз всё оказалось гораздо сложнее. Особенностью прежних испытаний был их имманентный характер. Конфликт назревал и разражался внутри церковно положенной гомогенной атмосферы, за отсутствием чего-то, что выходило бы за её пределы. Короли и императоры могли иметь какую угодно власть и какие угодно амбиции; решающим оставалось то, что мир, в котором и которым они правили, был христианским, то есть католическим, а сами они – христианами и, значит, католиками, что позволяло папству, если не *de facto*, то, по крайней мере, *de jure* сохранять приоритет и выкручиваться из самых плачевных ситуаций (вроде авиньонского пленения или пощечины, данной Бонифацию VIII французским министром Гийомом де Ногаре). Иначе и сложнее было это в случае Лютера, посягнувшего на саму имманентность, которая, в его немецкой оптике первохристианина, перестала быть христианской. Лютер провел водораздел в самом христианском мире, разделив его сперва на собственно христианский (свой) и антихристианский (римский), а потом уже в своём всё больше и больше стирая границы между церковным и секуляризованным. Это было серьезным ударом, и если Риму удалось выдержать его и даже отыграться, то не иначе как тому острослову из комедии Ожье, который в течение месяца семь раз переболел насморком и оправился от всех разов, кроме первого. Конец католического тоталитаризма был предначертан не внутрицерковным разделом, а возникновением *гетерогенного* мира, если и связанного всё еще с Церковью, то преимущественно по воскресным дням. Между тем

сила и харизма Римской церкви на том всегда и держалась, что её мир, давно переставший быть христианским *по сути*, продолжал оставаться таковым *по форме*. Старая политическая теология двойного тела короля сохраняла свою значимость в применении и к папскому телу. Патологические бесчинства духовенства по всей иерархической лестнице сверху донизу не только не составляли никакой тайны еще со Средних веков, но и были общим местом (педофилия сегодняшних клириков не должна удивлять, если воспринимать её в знаке преемственности); иные сценки с участием всего персонала, от пап до рядовых монахов, казались списанными с петрониевского «Сатирикона», и уже с XIV века девизом кутил и пьяниц было «*bibere papaliter*» (пить по-папски). Это порочило отдельных святых отцов, но не само *папство*, которое именно в качестве номена оказывалось реальнее своих эмпирических носителей. Говоря грубо, но точно: бессмертие католического Кащея заключалось в том, что из него некуда было деться: даже от ада откупались прижизненно (по ценнику Тетцеля отцеубийство обходилось в 4 дуката, а содомия в 12), а попав в него, чувствовали себя всё еще дома (пусть в подвальном этаже, но всё же дома). После Реформации стало наконец возможным переселяться в альтернативную действительность протестантских Церквей, а от них уже было рукой подать до абсолютно гетерогенного мира. Современный либерализм в раскачке самореализации от Эйнштейна, Фрейда и Чаплина до взбесившихся панк-политиков и гендеро-жижеков есть лишь окончательное приведение к нелепости старого католического вия, от которого сегодня только и осталось, что фантомные формы и скелеты в шкафу.

Нужно только представить себе старое библейское: *«И будете как боги»*, – выкрикиваемое в микрофон где-нибудь на стадионе, площади, дискотеке или в университетской аудитории, после чего свеже-испеченным богам-подросткам только и остается, что сдвигать черту предела в параболическом приближении к беспределу.

Эдуард Швойзер. Генрих IV перед Каноссой. 1869 год

После нулевого 1945 года мир в нарастающих темпах сдвигается под знак французского 1789 года. Разумеется, в англосаксонской редакции. Это новый акт Творения, нечто вроде Шестоднева в измерении истории: экранизация мира по просветительскому сценарию в соавторстве – Ламетри–Руссо–Сад (автор идеи и продюсер – Джон Локк). Можно предположить, что худшего испытания Католической церкви не выпадало со времен распада Каролингской империи и после Реформации.

8

«Как тяжело ходить среди людей / И притворяться непогибшим» (Александр Блок). И даже: не притворяться, а мертвым продолжать жить. Как раз оттого, что не знаешь, что мертв. Консерватизм (любой) тягостен не тем, что он бесповоротно обречен, а тем, что он никак не хочет осознать свою обреченность, мертвой хваткой вцепляясь в жизнь и не отпуская её даже там, где её уже нет. Это призраки, которые ровно столько времени маячат перед глазами, сколько нужно, чтобы – быть. Они и *есть*, все эти гламурные глянцевые укрупненные величества и высочества, только уже не в том же мире, что их анекдотические псевдоподданные, а в некой медийной проекции, очерченной границами цифровых онтологий. Им (особенно отпрыскам) дозволяются даже маленькие шалости из обширного ассортимента свобод и прав. Они носят джинсы, едят бигмаки, пьют пиво, курят марихуану, пляшут на дискотеках, дебоширят, блудят, гибнут в автомобильных катастрофах – разумеется, в рамках фокусного расстояния объективов. Либеральные хозяева жизни ведь на то и либеральные, чтобы давать жить даже галлюцинациям, при условии что либеральны и сами галлюцинации, вопреки собственным геральдикам и родословным. Характерно, что из обеих зарегистрированных у Данте властей (*duplex potestas*) Средневековья, *королевской* и *папской*, до наших дней дожили обе. Чтобы понять их, не понадобится никаких особых усилий – только способность к адекватному восприятию и крупица здравого смысла. Нужно быть действительно покинутым всеми демонами душевного здоровья, чтобы обнаружить в статусе сегодняшней коро-

левской власти что-либо еще, кроме мишуры, дизайна и шутовства. С папством обстоит хоть и намного сложнее, но по существу всё в той же топике сенильности. (Есть, правда, еще и третья – тоже средневековая – власть, уже с момента своего появления заставившая потесниться обе первые, а со временем в совершенстве перенявшая их замашки: *университет*. Но о ней придется поговорить как-нибудь в другой раз.)

9

Судьба Римской церкви после Второго Ватиканского собора (1962–1965) напоминает затяжную осаду крепости, защитникам которой дан единственный шанс на спасение (сохранение лица): самим снять осаду и, приветливо улыбаясь толпам репортеров и зевак, распахнуть двери, подземелья, хранилища, сейфы – при условии, конечно, что случившееся будет поднесено не как поражение, а как приверженность демократическим ценностям и готовность к диалогу. Главное: они могут только обороняться, даже не думая о том, чтобы атаковать самим. Притом что жертвовать приходится самым важным – тем, на чем всегда держалась эта могущественнейшая твердыня западной истории: *закрытостью* и *тайной*. Либерализм с его культом абсолютной проницаемости не терпит никаких тайн и истребляет их силою медийной маго-мафии. Это мир культивируемых относительностей, не признающий никакого абсолюта, кроме самой культивируемости относительного. Его конец, по аналогии со смертью Кащея Бессмертного, на конце иглы, которая, минуя сказочный реквизит яйца, утки, зайца, сундука и дерева, – в *свободной прессе*. Оттого и держится он столь яростно за свободу прессы, что малейшая уступка по этой части ознаменовала бы начало его конца. Речь идет о некоем альтернативном аналоге Творения: мире, ежемгновенно возникающем из *слухов* и *новостей* и исчезающем со *слухами* и *новостями*, скорость которых приближается к скорости света. Особенность этого мира в его *абсолютной выставленности напоказ*: старое библейское *игольное ушко*, которое при случае расширяется до неба, потому что легче верблюду пройти через него, чем иному двуногому попасть на небо, пародируется здесь *замочной скважиной*, расширенной до дверей, стен, домов, городов, стран, пространств, вселенной. В этом мире снесенных перегородок есть свои маленькие и большие региональные онтологии: кухни, соединенные с гостиными; маленькие голландские дома с огромными освещенными окнами без занавесок (потому что занавески ущемили бы право случайных прохожих видеть и знать, как там живут); голландские же улицы с множеством открытых кабинок-писсуаров; реальное телевидение справления нужды, случек или ковыряния в носу, после чего рейтинги передач зашкаливают за все возможные пределы; онлайн-трансляции выяснения отношений, заканчивающиеся мордобоем; шоу-показ скелетов в шкафах в режиме реального времени. Наконец, гигантская карикатура таинства исповеди, где исповедуются уже не исповеднику в окошко исповедальни, а миллионам френдов и телезрителей в формате блога или в микрофон. Вынудили же американского президента-шалуна краснеть на весь мир при оглашении мельчайших подробностей его сношения с одной практиканткой, которое, как определили юристы, вовсе не было сношением, потому что сношение – *«это когда...»*, а тут было без *«когда...»*. Даже цюрихская масонская ложа *Modestia cum Libertate* провела несколько лет назад день открытых дверей, чтобы каждый желающий мог прийти и убедиться, что никакие *«мы»* не заговорщики, а просто – масоны. Потому что сам заговор сегодня – это всё те же голландские окна без занавесок: *open conspiracy*, как это еще в 20-е годы прошлого столетия внушал Герберт Уэллс, фабианец, фантаст и филантроп. Ну и каково же Ватикану с его тысячелетними тайнами сопротивляться этой, говоря словами Альваро д'Орса из одного письма к Карлу Шмитту, *«порнодемократии»*! В эпоху планетарной течки и утечки информации под техническим названием *«викиликс»*. Второй Ватиканский собор – характерно его синхронное протекание с коммунистическим XXII съездом – подвёл итоги и поставил точки над «и». Церковь, писал в 1983 году Йозеф Ратцингер, «в приступе эйфории и оптимизма» открылась современности. Согласно другому – более правдоподобному – диагнозу, это было приступом не «эйфории и оптимизма», а отчаяния и безысходности. В предпосланной собору энциклике 1959 года *Ad Petri Cathedram* недвусмысленно говорится о его цели: приспособлении (*accommodatum*) к нуждам и обычаям нашего времени. Под знаком обновления, или осовременивания (*aggiornamento*), – почему бы не сказать «перестройки»? – Церкви. Вопрос: что это за обычаи *«нашего времени»*, к которым готова приспособиться Церковь, сама веками творившая обычаи? Из длинного перечня таковых назовем немногие и основополагающие – те, которые возникали параллельно и на глазах: в религии четырех голосистых лемуров, объявивших себя популярнее Иисуса

Это слияние «черного» и «белого» пап в одном лице – симптом необыкновенной важности, указывающий, как кажется, на то, что время блаженных блажей осталось в прошлом и что Церкви придется решительнее заботиться о своей вменяемости. Вот только рассчитывать при этом на какой-нибудь успех – в атмосфере всеобщей, изо дня в день нарастающей мировой невменяемости – она вряд ли станет, а играть роль самоубийцы ей просто не дадут, даже если бы она дошла до этого.

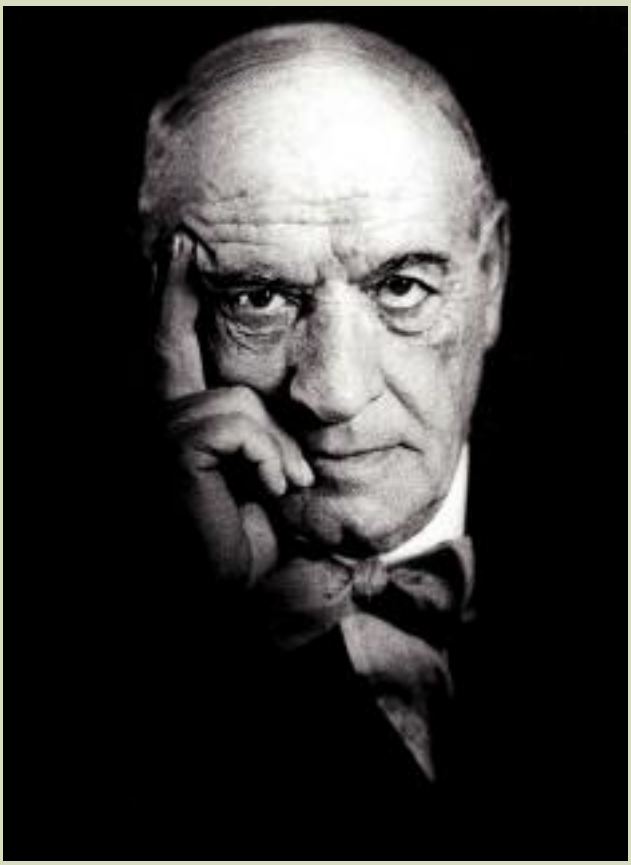
Христа, в бойкотировании опрятности и элементарных гигиенических норм, в студенческих уличных буйствах, в свальном греху студенческих же коммуналок. Словом – в *воцарении босяка*. Вот какой современности открылась Церковь, и вопросом было не только: как далеко это могло пойти, но и: как долго это могло продлиться.

10

Не секрет, что люди прессы решают, *кто есть кто* и *что есть что*, после чего меченые *«кто»* и *«что»*, получив свое второе – *«политическое»* – тело, катапультируются в пространство публичности. Это правило значимо для всех ниш социального и не знает исключений. Сюда относятся миллиардеры и футболисты, писатели и боксеры, эстрадные певцы и парикмахеры, принцы и портные, президенты и дирижеры, политики и бандиты, телеведущие и серийные убийцы, педофилы и адвокаты, философы и феминистки, при случае даже домашние животные: собаки, кошки, лошади, кролики, хомяки, попугаи – в зависимости от дома и степени раскрученности хозяев. Понятно, что свое место отведено здесь и Церкви, прежде всего высокому духовенству, раскрутка которого ведется всё в том же привычном режиме температур и давлений. В романе Гюго «Собор Парижской Богоматери» есть сцена, где священник Клод Фролло, глядя сквозь окно своей кельи на собор, переводит взгляд на лежащую перед ним книгу и произносит: «Это убьет то». Книга убьет здание. В сегодняшней редакции фраза выглядит иначе. Место собора заняла здесь книга, а место книги – убивающий её экран персонального компьютера. Со Второго Ватиканума Римская церковь стремится сократить разрыв, как бы невольно имитируя протестантские практики с дискотеками в церквях и Богом в роли диск-жокея. Что она сокращает на деле, так это лишь сроки своей смерти. Блаженный папа Иоанн Павел II добился здесь внушительных успехов. Нужно только вспомнить его покаяния и извинения: за бесчинства крестоносцев, инквизицию, расколы и войны, Варфоломеевскую ночь, суд над Галилеем. Несомненно, это был первосвященник как раз по вкусу либеральной публики, и если его время от времени заносило в неуступчивость, то

это с лихвой компенсировалось эксцентрикой его демаршей, вроде присутствия в качестве слушателя на концерте рок-звезд в Болонье в 1997 году или провозглашения святого Исидора Севильского покровителем Интернета. Его немецкий преемник, которого пресса невзлюбила с самого начала (немец – это вообще аллерген Запада, а немец-папа – чёрт знает что), оказался в этой связи гораздо менее удачливым. Ему не прощали и доли того, что прощали его блаженному предшественнику, потому что в его решениях и реакциях, хоть и столь же половинчатых, не было блажи, а были пусть едва слышимые, но явные нотки старого ненавистного немецкого протеста. Чего стоит уже одна ссылка на Мануила II Палеолога, вызвавшая бурю негодования в исламском мире: «Покажите мне, что нового принес Мухаммед, и вы найдете злые и бесчеловечные вещи вроде повелений мечом насаждать проповедуемую им веру». Или снятие отлучения с четырех епископов-лефевристов, отлученных предшествующим папой, в том числе и с Ричарда Уильямсона, известного своим отрицанием газовых камер и Холокоста. Добровольный уход Бенедикта XVI был, конечно, вынужденным, и если он мотивировался состоянием здоровья, то речь, скорее всего, шла не столько о личном недуге, сколько о недуге самой Церкви; со здоровьем Иоанна Павла II никоим образом не обстояло лучше, но этот папа предпочел уйти не на покой, а в блаженство, где только и делал, что демонстрировал готовность к диалогу, целуя Коран и выпуская музыкальные компакт-диски. В этом – разумеется, с соответствующими поправками – было что-то от Брежнева, вернее, не самого Брежнева, а Брежнева из анекдотов о Брежневе. Журналисты, захлебываясь от восторга, писали о понтифике, «еще раз доказавшем, что Католическая церковь идет в ногу со временем», что хоть и было сильным преувеличением, но достаточно точно передавало тенденцию. Эти промахи и пытался нейтрализовать немецкий папа, робко напоминая *urbi et orbi*, что Церковь – не место встречи молокососов, в том числе и поседевших, а нечто *серьезное*. По существу, это был транзитный папа, взявший на себя бремя перехода от католической Реформации Второго Ватиканума к чаемой столь многими католической же Контрреформации. Выбор, павший после его ухода на аргентинского кардинала Бергольо, говорит в пользу этого предположения. Франциск I, или просто Франциск («Франциск, и баста!» – как закрыл тему один кардинал), оказался, по всей видимости, лучшим кандидатом на эту роль. Он – не немец, а значит, не отягощен врожденным пороком вины и необходимостью всё время извиняться. К тому же он именно Франциск в ауре ассизского *«беднячка»*: в момент провозглашения его понтификом он появился просто в белой сутане и с надгрудным железным крестом вместо шелковой столы и золотого креста, а в бытность кардиналом жил в маленькой квартире и ездил на общественном транспорте. Его давнишний конфликт с либеральным аргентинским правительством, охарактеризовавшим резкое неприятие им однополых браков как «Средневековье», дает ему еще один козырь в возможной реорганизации и радикализации позиций. Наконец, он *иезуит*, то есть член той самой военно-монашеской организации, которая была создана во время Тридентинума и на фоне которой официальное папство стало больше походить на *«потемкинскую деревню»*, чем на престол. Это слияние *«черного»* и *«белого»* пап в одном лице – симптом необыкновенной важности, указывающий, как кажется, на то, что время блаженных блажей осталось в прошлом и что Церкви придется решительнее заботиться о своей вменяемости. Вот только рассчитывать при этом на какой-нибудь успех – в атмосфере всеобщей, изо дня в день нарастающей мировой невменяемости – она вряд ли станет, а играть роль самоубийцы ей просто не дадут, даже если бы она дошла до этого. Церковь, насчитывающая более миллиарда приверженцев, *нужна во всех смыслах* – экономическом, политическом, культурном, и более чем очевидно, что никто ей не даст деградировать *полностью* и *окончательно*. В общем пасьянсе мировой колоды карт ей отведена роль диалектически необходимого контраста: некоего хранителя традиции по воскресным и праздничным дням. Портить и пачкать её не имеет смысла, потому что кто же сделает это лучше нее самой. Просто грязь должна подаваться в строго дозированных порциях – так, чтобы на *«меньше»* тут всегда было *«больше»*, а на *«больше»* – *«меньше»*. Главное, чтобы степень маразма не превышала критический (заранее установленный) уровень: можно было бы условно назвать его *«планкой Кароля Войтылы»*. Не исключено, что новому иезуитскому папе будет даже позволено подергаться сильнее обычного в обличении пороков и язв современного мира. Когда он умрет, его просто причислят к святым.

Базель, 28 апреля 2013 года



ра – возделывание и строительство, сеющие среди людей мир. Социализм – строитель великого мира на земле. Как же мне не потрудиться во имя того, чтобы социализм в основе своей перестал наконец означать враждебность, отрицание, борьбу? Нет, нет, мы, социалисты, отнюдь не только враги наших врагов, у нас есть идеал неисчерпаемого творения, вокруг которого люди группируются и объединяются, к которому они причащаются и который помогает им научиться жить вместе.

Не знаю, возможно, то, что я скажу, удивит вас: ведь вас учили, что главная формула социализма – борьба классов. Поэтому я и не вступил в вашу партию, хотя мое сердце сочувствует вам. Нас разделяет только одно определение: вы социалисты-марксисты, а я – не марксист».

■

«Карл Маркс никогда не говорил, что человеческая история состоит лишь из экономических

Хосе Ортега-и-Гассет

Из работы «О социализме без берегов»

«Социализм – самое весомое и благородное, боговдохновенное слово в современном этическом словаре, в этом понятии не может заключаться лишь одно отрицание. <…> Социализм для меня не абстрактная категория, подобная научным терминам, это не нечто вне меня, что я могу допустить или исторгнуть из своей души. Для меня социализм – новое слово, слово евхаристическое – слово причастия, причащения, символизирующее все те добродетели, которые несут в себе обновление, все плодотворные устремления и созидание. Для меня социализм и человечество – два слова-синонима, два разных названия одной и той же высшей идеи. И когда они произносятся энергично и с убежденностью, тогда сам Бог является во плоти и поселяется среди людей.

Социализм для меня – это культура. А культуреальностей. Да и как он мог такое сказать, если для него экономическое было только царством средств? Да, единственным объектом интереса было царство средств, но он никогда не отрицал царства целей. Имеют ли они смысл без средств? Могут ли существовать средства, которые не являлись бы средствами для чего-то еще? Вся экономика – это в чистом виде средство для того, что экономикой не является.

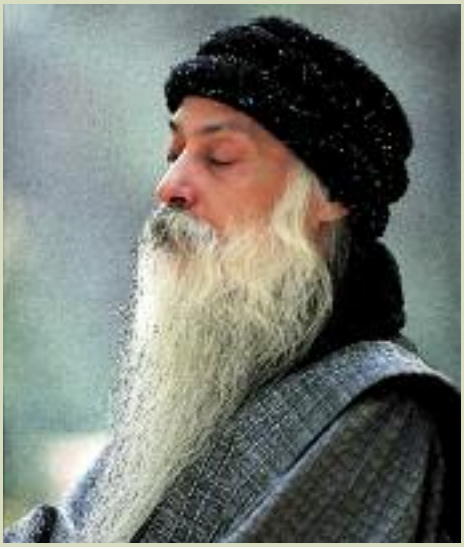
Интерес Карла Маркса заключался в том, чтобы раз и навсегда определить, что все составляющие социальной человеческой истории – религия, политика, мораль – всегда выступают как формы экономической реальности и не имеют смысла без их соотнесения с экономической сферой».

Ошо

Из книги «От медицины к медитации»

«Думайте о себе только как о человеческом существе. Если у вас есть интеллект, думайте о себе просто как об обычном человеческом существе. А когда ваш интеллект вырастет еще немного, отбросьте даже прилагательное “человеческий”. Вы будете думать о себе только как о сущности. А понятие сущности включает все: и деревья, и горы, и реки, и звезды, и птиц, и животных. <…> Но вы думаете, что живете в великих идеологических системах. Вы не живете в великих идеологических системах, потому что не существует великих идеологических систем. Не бывает идей достаточно больших, чтобы вместить человеческое существо, бытие не может содержаться в какой-либо концепции. Все концепции калечат и парализуют.

Не будьте католиком или коммунистом, просто будьте человеческим существом, а те понятия – просто яды, просто предрассудки. Настоящая свобода – это свобода от идеологии. Неужели вы просто жить не можете без идеологии? Является ли идеология необходимой? Почему идеология является настолько необходимой? Она нужна, потому что она помогает вам продолжать оставаться глупым, она нужна, потому что она помогает вам оставаться неумным. Она нужна, потому что снабжает вас готовыми ответами и вам не нужно находить их самому.



По-настоящему умный человек не примкнет ни к одной идеологии, да и для чего?»

Из книги «Алмазная Сутра»

«Будда Гаутама родил вид духовности, которая является неподавляющей и неидеологической. Это – очень редкое явление. Обычный вид духовности, культивированная ее разновидность, очень подавляюща. Она зависит от подавления. Она не преобразует человека, а лишь уродует. Она не освобождает человека, а порабощает. Она насильственна, уродлива.

Будда неидеологичен, он не дает никакой идеологии, так как все идеологии от ума. А если идеологии от ума, они не могут вывести вас за пределы разума. Ни одна идеология не может проложить мост для достижения запредельного разума. Все идеологии должны быть отброшены, только тогда будет отброшен разум. Будда не верит ни в какие идеалы, так как все идеалы создают в человеке напряженность и конфликт. Они разделяют, они творят горе. Вы – это одно, а они хотят, чтобы вы были чем-то иным. Между этими двумя точками вы и растянуты, разорваны на части. Идеалы творят несчастья. Идеалы создают шизофрению. Чем больше идеалов, тем более шизофреничны люди, тем больше они расщеплены. А если вы расщеплены, как можете вы быть счастливы? Как можете вы быть в тишине? Как можете вы знать что-то о мире, о покое?

Идеологическая личность постоянно борется с собой. Конфликт присутствует в каждый момент. Человек живет в конфликте, живет в разочаровании, так как не может решить, кем он в действительности является – идеалом или реальностью. Он не может себе верить, он начинает себя бояться, он утрачивает доверие. А раз человек утратил доверие, он теряет всю славу. Тогда он готов стать рабом кого угодно: любого жреца, любого политикана. Тогда он готов и ждет того, чтобы попасться в ловушку. Адольфы гитлеры, иосифы сталины и мао цзэдуны будут появляться вновь и вновь, пока не будут отброшены все идеологии. И помните: когда я говорю “все идеологии”, это значит – все идеологии. Я не делаю никакого различия между благородными идеологиями и не такими благородными. Все идеологии опасны. В действительности благородные идеологии более опасны, так как обладают соблазнительной мощью, они более убедительны. Но идеология, как таковая, это болезнь, точнее нездоровье, так как вы становитесь раздвоенными: идеал и вы. И тогда вы, как вы есть, проклинаетесь, а вы, которыми вы не являетесь, восхваляетесь. Так вы попадаете в беду. Теперь, раньше или позже, вы станете невротичны, психопатичны или что-нибудь в этом роде».

Александр Иванович Неклесса – руководитель Группы «ИНТЕЛРОС – Интеллектуальная Россия», председатель Комиссии по социальным и культурным проблемам глобализации, член бюро Научного совета «История мировой культуры» при Президиуме РАН, заместитель генерального директора Института экономических стратегий, директор Центра геоэкономических исследований (Лаборатория «Север–Юг») Института Африки РАН

О чудо... Сколько вижу я красивых созданий!
Как прекрасен род людской...
О дивный новый мир, где обитают такие люди.

Уильям Шекспир «Буря»

Неопознанная культура

Гностические корни постсовременности

Некогда, гуляя светлым утром по кампусу Стэнфордского университета, набрел я на удивительную скульптурную группу, созданную Роденом, в которой присутствовал знакомый «Мыслитель», правда, в измененных пропорциях и своеобразном окружении, чем-то напоминающем скульптурную группу, воздвигнутую в Москве в глубине Болотной площади. Нечто странное, даже тревожное чувствовалось в этом на редкость впечатляющем творении мастера. Гравитационным же центром композиции было другое изваяние – гигантские медные двери, притягивающие взоры скульптурных персонажей. В подобном хоре «Мыслитель» выглядел иной персоной, нежели привычное восприятие его образа. Скульптурный ансамбль, выстроенный на площадке калифорнийского кампуса, являл собой то самое, сакраментальное: «Оставь надежду, всяк сюда входящий...» И не Данте изображал сидящий у приотворенных врат «Мыслитель».

Трансмутация истории

Не имея возможности направиться в высшие сферы, я двинулся к Ахеронту.

Вергилий

Роберту Музилю принадлежит любопытная сентенция: «Ощущение воз-

Огюст Роден. Врата ада (фрагмент)

можной реальности следует ставить выше ощущения реальных возможностей». Действительно, трансформация существующего в возможное, а возможного в действительное нередко ограничена оценкой пределов вероятного. Прочтение реальности неадекватно реальности, но для человека, обитающего в пространствах опыта, то есть прошлого, первое доминирует над вторым. Ситуацию можно сравнить с наблюдаемым звездным небом, отражающим уже недействительное положение вещей. Мастерство мировидения – это способность в текущем улавливать настоящее, которое есть будущее, удерживаемое омозоленным сознанием в коросте прошлого. Востребованным оказывается умение видеть неочевидный, неописанный, неосвоенный ландшафт, что напоминает уникальное качество гоголевского Вия, могущего в мире живых узреть недоступное обычным духам. Далеко не всегда, однако, удается вовремя проверить предсказания оракулов, разгадать неявный смысл, извлечь прогноз из двусмысленных и подчас лукавых советов.

Что есть гностицизм, его внутренняя картография применительно к (пост)современному кругу проблем, проклюнувшемуся мироустройству, экономической и политической практике, ценностям и мотивациям в новом мире? Каким видится влияние идей и – шире – этого специфического мировидения, утверждаемых им постулатов и прочтений бытия? Какова соответствующая его духу и логике модель социального универсума?

Отличительная черта данного мировоззрения – особый статус материального мира как области несовершенного, случайного, пространства плохо сделанного космоса, которому присущи произвол, инволюция, самоотчуждение. Бог обезличивается и обособляется от чуждого творения, трансформируясь, по сути, в аристотелев перводвигатель. Миру придается тот же механицизм, что и у язычников, нет лишь страха и пиетета перед ним.

Отличительная черта гностического мировоззрения – особый статус материального мира как области несовершенного, случайного, пространства плохо сделанного космоса, которому присущи произвол, инволюция, самоотчуждение. Гностицизм серьезно подошел к проблеме зла, решив ее через призму негативного восприятия вселенной и умопомраченного творца.

Для него характерна онтологизация зла, презумпция отдаленности и неучастия «светлых сил» в земных делах при близости и активном соучастии «сил темных», а также вытекающий из подобной трагической, фатальной ситуации деятельный пессимизм. Гностицизм серьезно подошел к проблеме зла, решив ее через призму негативного восприятия вселенной и умопомраченного творца. Пытаясь отыскать простое (линейное) и понятное (рациональное) разрешение метафизической тайны – генезиса разлада между могуществом и благостью, – адепты учения усложняют по форме, но упрощают по сути модель мира и саму проблему, придавая ей скорее механистический, нежели метафизический привкус дурной бесконечности. И порождают представление о творце/творении – редуцированное, прагматичное, жесткое, неблагое. Еще один родовой признак – эзотеризм, эволюция степеней посвящения, практика скрытой власти, действующей параллельно официальной, особых структур управления, используемых и во вполне прагматичных целях. Немаловажное свойство – абстрактное мышление, стремление к строительству бесконечных миров, нумерологических систем, изощренные операции в дигитальном космосе.

Александр Кабанель. Венецианский купец. 1881 год

Контур нового класса, равно как изменения в статусе мира, проступали в дерзких исканиях мысли, нетрадиционных торгово-финансовых замыслах, пересечении прежних норм и границ – как географических, так и нравственных, в областях теории и практики.

Нельзя не упомянуть о его тяге к христианству, особенно к наиболее напряженной практике – исихазму, о двойничестве-оборотничестве, состязательности, соприсутствии на территории абсолютной религии подчас одних и тех же душ и умов. Гностицизм по-своему близок христианству как основной оппонент, «близнец». Иногда различие кажется столь тонким, словно из сферы субстанции перетекает в область акцентов. В Древнем мире гнозис оказался своеобразным предшественником христианского века, зачинателем осевого времени, будучи метафизически глубже и деятельнее язычества традиционных культур. Он свидетельствует о христианстве, как полноценная тень свидетельствует о светиле, он что-то знает о христианской истине, но по слишком многим причинам предпочитает собственный ответ, в котором разъята триада любви, творчества, свободы. Гностик – безумец, несчастливо соприкоснувшийся с отраженной истиной, ставший пленником иллюзорного зазеркалья: «Мы восстанавливали человека, но когда это существо восстало, оно оказалось мало похожим на человеческое».

Рискую сказать, что гностицизм – своего рода упрощенное христианство (эрзац, исключивший жертву), что, однако, влечет совсем не простые следствия. Но как раз этой стороной данное мировоззрение наиболее близко современному человеку, развращенному потребительской логикой, эманациями массовой культуры, обожающему именно эффектные, эффективные упрощения. Особенно если можно заменить трагедийное усилие не слишком обременительными спекуляциями, имеющими, как всякое средство комфорта, в данном случае душевного, коммерческую составляющую. Проекты именно класса *a la* интеллектуальный поп-арт, ориентированные на поддержание иллюзии принадлежности к высокой культуре (*haute culture*), духовный материализм и душевное утешение оказываются перспективным товаром.

В облегченной модели искушениям открывается головокружительный простор для эксплуатации слабостей. Гностицизм в своей основе есть действенная иллюзия и в практике – энергичная попытка умопостижения абстракции, обретения свободы без самоуничижающей любви. Порой создается впечатление, что наиболее характерная черта данного мироощущения – присущая лишь ему удивительная смесь элитаризма и вульгарности, по своему выражающая *Zeitgeist* уплощения цивилизации и освобождающейся дикости.

■

Адепты лжеименного учения подменяют личное и жертвенное сочетание свободы и любви в реальном мире соединением свободы и универсального, но обезличенного знания в мире иллюзий. Их бог – не личность, ибо гностическим даром, утешением можно уверенно обладать и обогащаться, управляя как силой, что подчас сближает гностицизм с магией. Различие двух ответов на тайну бытия проявляется в отношении к несовершенствам: гностицизм, копя в хрониках перфекционизм и нигилизм, отрицает жизнь и, тяготея к силам искусства, изобретает неподлинное, несуществующее (плодит протезы и утопии), в то время как христианство приходит в падший мир, чтобы попытаться его спасти.

Смысл христианского творчества не спиритуалистичен, но реалистичен, конкретен и персоналистичен. Его цель – не искусство как апогей процесса, а спасение как торжество результата. Не идеальный проект отделяется от какофонии случайного, но личность отъединяется от греха и следствий (искажений), так что солидарное творчество охватывает в конечном счете весь мир. Не предрешая, но воплощая результат в соответствии с экзистенциональной близостью/сопричастностью живого и милосердием икономии спасения. Проще говоря, гностицизм склонен уничтожать несовершенное, а не исцелять. Но и гностицизм, и христианство – оба пребывают в трансцендентальном отношении к обыденности, сталкиваются в метафизических пространствах и деятельных душах. Хотя, конечно же, земное пространство распространения гностицизма, универсалистский дух которого проклевывается еще в буддийском нигилизме и зороастрийском дуализме, не ограничено иудео-христианским миром.

Гностический дуализм предопределил особую антропологию. Речь идет не о сложных кодах сочетания двух природ в Богочеловеке, как в дохалкидонской полемике, а о неравном достоинстве двух пород, о жестком разделении человечества на избранных и отверженных. Проявление чего – радикальный, обостренный элитаризм и подспудная тектоника проклятых. Представление о дуальности мира проявилось в разделении людей на настоящих, обладающих гнозисом, что бы под этим ни подразумевалось, и ненастоящих, имеющих лишь обличье человека, но являющихся по существу разумными животными. Гностический универсум делится, таким образом, на виртуальную сферу настоящих свойств (сакральный Север) и материальный мир поделок (десакрализованный Юг).

И в той же купели переосмысливается кровоточивый вопрос Иова о вселенской справедливости, местопребывании блага при манифестации зла: «Где ты был, Господи?» Вопрос, болезненный для людей, ощутивших глубину «зияющих высот» в теологии после ГУЛАГа и Освенцима, Кампучии и Руанды.

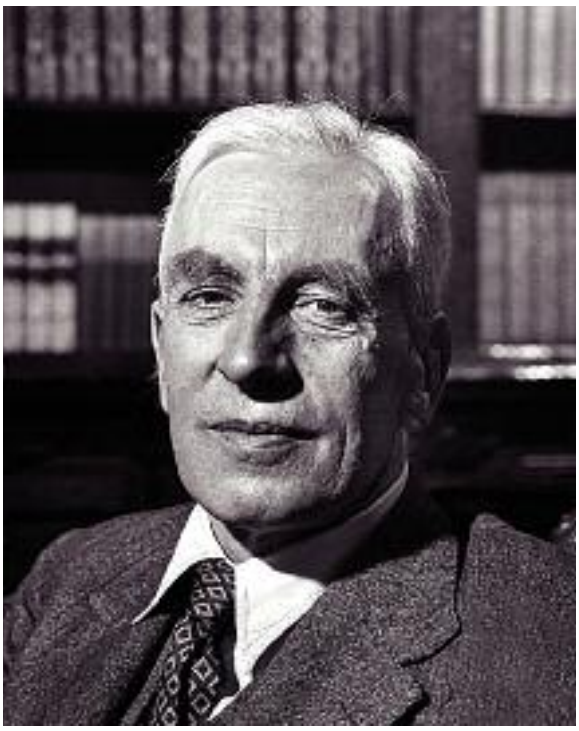
Сложноподчиненная конструкция мирового Севера и мирового Юга может быть истолкована как пародийное переосмысление дихотомии Страшного суда, всего корпуса христианской эсхатологии. Можно вспомнить слова Сергия Булгакова о «переложении иудейского хилиазма <...> на язык политической экономии» или провести параллель со «священной борьбой прогрессивного пролетариата и ретроградной буржуазии». И даже шире. Почти фарсовое сближение апокалиптического противостояния избранных и подлых дополнилось в наши дни противопоставлением «рыцарского союза демократий Севера мировому плебейству Юга», квинтэссенция которого – идея финального для истории конфликта со странами-изгоями и последующее связывание (либо развязывание) демонов мировой анархии.

Иначе прочитывается и тезис о конце истории. Если мир и большинство его обитателей не вполне настоящие (механические объекты), то действия в отношении них лишены реального груза моральной ответственности. Тогда высшее состояние юдоли зла – ночь творения: распад и аннигиляция, освобождающая избранные души от власти материи. Ночь истории – что на протяжении творения человеком своего мира тенью соприсутствует как изнанка свободы и шанс первобытного хаоса, – предчувствуя исполнение сроков, готовится к реваншу, стремясь повернуть время вспять ко временам архаики и протоистории.

В то же время миллионы людей соотносят драматичные события с приближением «нового неба и новой земли» постисторического бытия, символизируемого образом идеального града – горнего Иерусалима, «стана святых и города возлюбленного».

■

Оставим за пределами рассуждения мандеев и ессеев, Симона Мага и Саторнила, Василида и Валентина, офитов и каинитов, сифиан и архонтиков. И даже таких важных для темы фигур, как Маркион и Мани. А также калейдоскоп околомусульманской мистики, иудейской каббалистики, имевших, пожалуй, даже бóльшие возможности полулегального существования в космосе средневековой Европы,



Арнольд Тойнби:
«Я полагаю, что во всех странах, где максимальная частная прибыль выступает как мотив производства, частнопредпринимательская система перестанет функционировать. Когда это случится, социализм в конечном счете будет навязан диктаторским режимом».

образовывавших симбиотические конструкции со структурами повседневности. Читая о событиях Темных веков, задаешься вопросом: какой могла бы стать европейская ночь после Великого переселения народов, если бы в ней не засияла звезда Рождества, то есть отсутствовал бы христианский идеал и вектор истории?

Если сжать время и выделить отправную точку феноменологического дискурса – когда многовековой подспудный процесс выходит на поверхность, значимо проявляет себя и социализируется, – то интерес представляет предыдущий *fin de millenium*, а точнее первые века второго тысячелетия. Тогда после тектонического раскола универсального пространства спасения, массового перемещения людей и ценностей, войск и народов, велись, как и сегодня, разговоры о новом мировом порядке, даже словосочетание употреблялось то же – *Novus Ordo*. К XIII веку стали явственны девиации духовного порыва, кризис ожиданий, связанных с половодьем крестовых походов, сопровождавшихся культурной трансгрессией, социокультурной диффузией, привнесением в европейский круг даров и пороков восточного наследства. То же относится к процессу Реконкисты и к обретению наследства византийского.

В этот период наряду с утверждением христианского мира как генерального субъекта действия – цивилизации универсалистской и прозелитической – к древу истории прививается побег, произраставший из зерен аверроистской версии аристотелизма, специфического антропоцентризма и гностических ересей. Эта ветвь, разрастаясь и укрепляясь, произвела мутацию могучего организма, создав в числе иных следствий экономистичный универсум. Амальгама европейского ума соединила стремление к ясности, демифологизацию мира с уступкой механицизму линейной логики, проявившись, в частности, в дискурсивном пространстве поздней схоластики, а затем – в феномене сциентистского мышления, развитии эффективных технических инструментов, породив ряд характерных для современной цивилизации явлений. И предопределив ее глобальную экспансию.

Что же такое «новый порядок» в реалиях того переходного периода?

Это было время распада империоцентричной системы и приватизации власти, что нашло выражение в феномене кастелянства/феодализма. Затем последовала аграрная революция, сопровождавшаяся ростом населения, чуть позже – урбанистический взрыв. Начиналась эпоха Великих географических открытий, усиливались миграция, колониальная экспансия, менялись торговые пути и финансовые схемы. В сущности, уже тогда возникают всполохи Реформации, зарождается пассионарный толчок, направленный против эксцессов и духовного оскудения Рима, складывается динамичная общность новых людей и светских интеллектуалов.

Несколько позже распад мироустройства привел к формированию национальных государств, в которых идеал *Universum Christianum* – единого христианского народа – нашел замену в альтернативном чувстве патриотизма. Впоследствии модели вселенской общности рассматривались в иной системе координат: сначала как движение к «союзу наций», а в наши дни – как преодоление государственной власти. Кстати, *Novus Ordo* переводится не только как «новый порядок», но и как «новое сословие» («сословие» и «порядок» – одно слово на многозначной латыни). Проблема глубока и многомерна, она осознавалась и схоластически осмысливалась в начале второго тысячелетия, у истоков современной эпохи. Хорошо известны стереотипы трех сословий, хуже – четвертого. Между тем полемика велась не один век, и в теме проявилась квинтэссенция динамичного, транзитного состояния, смены, ломки мировоззрения Средневековья. Контур нового класса, равно как изменения в статусе мира, проступали в дерзких исканиях мысли, нетрадиционных торгово-финансовых замыслах, пересечении прежних

норм и границ – как географических, так и нравственных, в областях теории и практики. Диапазон представителей четвертого сословия – от ростовщиков и купцов до фокусников и алхимиков, от «дворянства мантии» до школяров и городского плебса. Так, «в немецкой поэме XII столетия утверждалось, что четвертое сословие – это класс ростовщиков (*Wucher*), который управляет тремя остальными. А в английской проповеди XIV века провозглашалось, что Бог создал клириков, дворян и крестьян, дьявол же – бюргеров и заимодавцев» (Жак Ле Гофф).

И здесь мы вплотную подходим к исторической загадке капитализма. К той области, в которой бытует множество стереотипов, мифов, мистификаций. Капитализм – не просто метод эффективной хозяйственной деятельности, естественным образом возникающий в лоне рыночной экономики. Феномен нередко отождествляется с буржуазным строем, рожденным городской революцией, совмещающим образы буржуа (горожанина, гражданина, бюргера) и капиталиста. В определенном смысле капитализм – это выход за пределы экономики в пространства хрематистики, интеллектуальный, психологический, социальный прорыв, малодоступный язычнику и человеку традиционной культуры. От рынка капитализм, впрочем, отличает не столько предмет деятельности, сколько способ мышления, масштаб, цели. Это не рынок *per se*, но его особая организация. Фернан Бродель, описывая непростое явление, назвал его «противорынком», поскольку суть «в явно другой деятельности», «в неэквивалентных обменах, в которых конкуренция, являющаяся основным законом так называемой рыночной экономики, не занимает подобающего места». Арнольд Тойнби выразился еще резче: «Я полагаю, что во всех странах, где максимальная частная прибыль выступает как мотив производства, частнопредпринимательская система перестанет функционировать. Когда это случится, социализм в конечном счете будет навязан диктаторским режимом».

И даже привычно поминаемая «веберовская модель» дает сбои. Макс Вебер, исследуя становление современности, рассуждал о протестантских корнях капитализма. Но если внимательно вчитаться в его работы, можно извлечь существенные уточнения. Речь, к примеру, идет не столько о протестантских корнях вообще – тем более в масштабах всей Европы, а не преимущественно Германии, – сколько о кальвинистских истоках и о влиянии американских пуританских сект. Разница, впрочем, на первый взгляд не столь значительная. Более существенна оговорка Вебера о применимости рассуждений лишь к определенной фазе денежного строя, а не к процессам XX века: «<...> в настоящее время действительно не может быть и речи о какой-либо обязательной связи между <...> хрематистическим образом жизни и каким-либо целостным мировоззрением». И далее провозглашается уже нечто радикальное: «<...> капитализм, одержав победу, отбрасывает эту ненужную ему больше опору».

Загадка капитализма

Кто дал вам губку, чтобы стереть небосвод?
Фридрих Ницше

Успехи почти двухтысячелетней цивилизации Большого Модерна коренятся в христианском сознании, отношении к достоинству человека, высоком и равном статусе человеческой личности, созданной по образу и подобию Творца. Христиане еще на заре новой эры называли себя *moderni*, отличая от людей предшествовавшего, ветхого мира – *antiqui*. Рожденная общностью социальная галактика реализует собственную траекторию исторического полета. Ее успехи в экономике связаны с изменившейся ролью творческого дара, феноменом новоевропейской науки, техническим прогрессом, расширенным воспроизводством.

Родовые гнезда Модернити – города-государства, области Италии (Венеция, Генуя, Ломбардия, Тоскана), а также побережье Северного моря (города Ганзейского союза, Антверпен, позже – Амстердам). Противолежащие в лотарингском лимитрофе миры Нидерландов и Венеции объединяет одно обстоятельство – это в прямом смысле рукотворные миры. В земноводье Соединенных провинций рождается альтернативная политическая конструкция, основы которой провозглашены в Генте в 1576 году делегатами 17 провинций: «Не народ создан для государя, а государь для народа. Если государь поступает с гражданами, как с рабами, то перестает быть государем и становится тираном». Принципы, заложенные в декларации, реализовывались в борьбе за Английскую республику, обретались в политконструкции Соединенных государств Америки, воплощались в ходе Великой французской революции.

Сообщества граждан-горожан, бюргеров-буржуа – объединения людей, не только сознающих общность (*res populi*) перед лицом внешнего мира и потому заинтересованных в правильном управлении коммунальным (общим) хозяй-

ством, но также развивающих новый тип хозяйственной деятельности: интенсивное промышленное производство, приводящее со временем в числе прочих новаций к феномену города-фабрики. Варварское состояние Европы, вся сумятица Темных веков перемалываются на жерновах одолевающей упадок, преображавшей себя и человечество городской культуры. Той культуры, которая, отвергнув мир феодальных доменов, сословного общества, породила гражданство, политическую нацию, национальное государство.

Дорожная карта Нового времени начинает отсчет маршрута именно от них – производительных городов-государств, коммунальных сообществ, проложивших путь от средоточия политических функций и экстенсивной торговли к расширенному воспроизводству мануфактур и фабрик, городскому праву и муниципалитетам, соединенным провинциям и республиканскому общежитию. Горожане-граждане формируют институты выборной власти (представительной демократии): местную магистратуру/муниципалитет, то есть избирают членов городского совета, депутатов (*deputatus* – посланный, заместитель) в парламент (*curis regio in parlemento*). С течением времени функции парламента менялись, в результате его прерогативой, помимо установления налогов и законодательных функций, стало также формирование кабинета министров (*minister* – слуга, служитель), отвечающих за различные сферы деятельности. Создаются юридические, судейские органы, в частности, парламент выступает порой в качестве суда высшей инстанции, основные же правовые положения закрепляются в конституции. Кстати, в ряде стран сам статус горожанина освобождал от феодально-ленных связей, отменяя в том числе крепостную зависимость. Возникают политические союзы городов, насчитывающие порою десятки членов (Рейнский союз объединял свыше сотни городов).

Сумма подобных социально-политических молекул образует распределенную структуру – своего рода закваску национальных государств, перенося логику и правовые основания собственной организации на прежнюю систему правления (отчасти сливаясь с ней) и на обширные пространства, соединенные «непрерывным плебисцитом».

Такова общая формула генезиса современного (национального) государства, то есть государства эпохи Модернити как определенной исторической модели политического объединения.

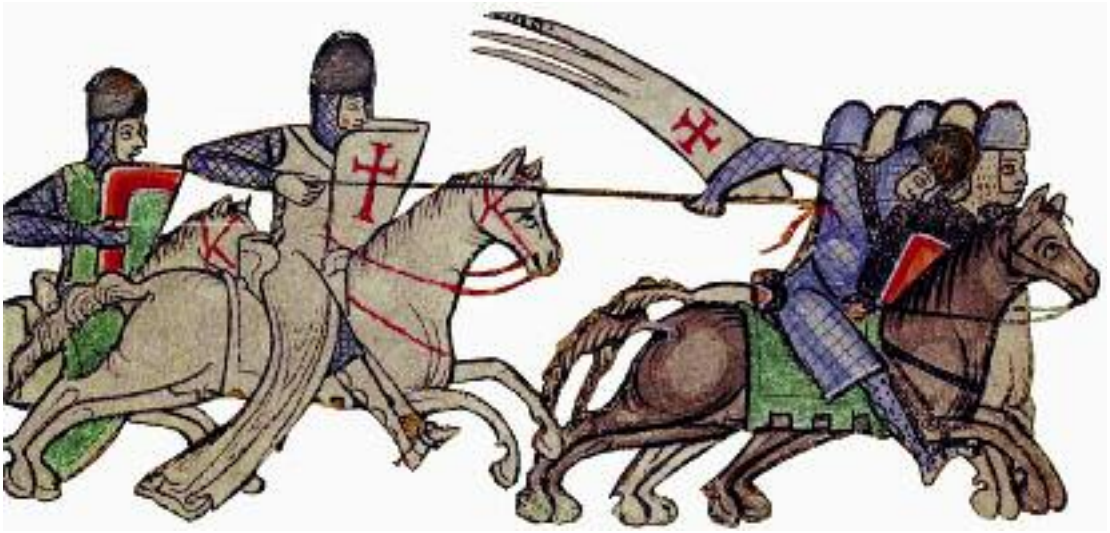
Новая эра утверждает личность самодеятельного гражданина и права общества в перманентной полемике с обстоятельствами.

■

С некоторого времени политические и хозяйственные механизмы начинают входить в противоречие с христианским историческим вектором и социальным идеалом. Вспоминается высказывание Ральфа Дарендорфа о природе экономического плюрализма: «Было бы неправильно предполагать, что <...> все мы движемся к одной конечной станции. Экономические культуры имеют столь же глубокие корни, как и культура языка или государственного устройства». Действительно, вглядываясь в перипетии политэкономического калейдоскопа, начинаешь замечать, как сквозь игры повседневности проступает облик некой *неопознанной культуры*, влияющей на события.

Питательная среда капитализма, его магнитное поле, силовые линии складываются в сплетении торговых сетей, финансовых трансакций и трофейной экономики крестовых походов преимущественно в приморских ареалах Европы (исключение – «сухопутный порт» ярмарок в Шампани). Капитализм – энергичная субстанция, целостная идеология, замысел и сценарий специфичного мироустройства, стратегия денежного строя, сутью которого являются не само производство и торговые сделки, но комплексные операции, направленные на контроль над рынком и обстоятельствами, имеющие целью перманентное извлечение системной прибыли (сверхприбыли). Он обретает универсальную власть не через административные, национальные структуры, но посредством интернациональных экономических механизмов. Такая власть по своей природе не ограничена государственными границами и распространяется за их пределы, рассматривая Ойкумену как пространство, потенциально открытое для деятельности.

В итоге параллельно проекту построения на земле вселенского пространства спасения – *Universum Christianum* – мир-двойник создает собственный амбициозный проект, выстраивая глобальный *Pax Oeconomicana*. «Аналогия с империей в данном случае оправданна, потому что система мирового капитализма управляет теми, которые к ней принадлежат, и из нее нелегко выйти, – описывает положение интеллектуал-миллиардер Джордж Сорос. – Более того, она имеет центр и периферию, как настоящая империя, и центр получает выгоды за счет периферии. Еще важнее то, что система мирового капитализма проявляет империалисти-



ческие тенденции. <...> Она не может быть спокойна, пока существуют какие-либо рынки или ресурсы, которые еще не вовлечены в ее орбиту. В этом отношении она мало чем отличается от империи Александра Великого или Аттилы Гунна, а ее экспансионистские тенденции могут стать началом ее гибели».

Важным ингредиентом капитализма становятся разноконфессиональные толки и союзы, свободные от ограничений, налагаемых ортодоксальными институтами, прямо или косвенно оплодотворившие сложные соцветия Реформации. С развитием городской культуры, торговых, финансовых, военных коммуникаций подобные учения, сообщества, культурные коды активно распространяются в Европе: эстафета передается от павликиан и богомилов к патаренам и альбигойцам, то есть к общинам катаров и вальденсов, сопрягаясь с движением идей, людей, артефактов после катастрофы, постигшей Византийскую империю. Это также тамплиеры, активно занимавшиеся финансовой деятельностью, трансграничная организация которых – впечатляющий прообраз будущих ТНБ, ТНК и корпораций-государств.

Особо интересны в русле рассуждения вальденсы, определение которых разнится от «еретической секты манихейского толка» до «дореформационной протестантской конфессии», но, возможно, тут нет противоречия. В годы гонений, последовавших за альбигойскими войнами, вальденсы разделились, радикальная часть, отказавшись принести покаяние, переселилась в германоязычные страны, в Голландию, Богемию, Пьемонт, Западные и Южные Альпы, где обитали общины, уходившие от государственного христианства со времен IV века: бунтари-багауты и «состязающиеся с дьяволом» агонистики. Но и в городском многоголосье, и в труднодоступных горных местностях – местах ссылок, своего рода европейской Сибири, в суровой борьбе за выживание, пребывая под угрозой обрушения быта, утраты жизни, формируется дух протестантизма, отмеченный особым отношением к труду, повышенным вниманием к обстоятельствам, личным аскетизмом, энтузиазмом, самоотречением, скрупулезностью, корпоративизмом. Развивается институт тайного прозелитизма, охвативший со временем едва ли не всю Европу – вплоть до Скандинавии и Тартарии-Руси (преимущественно через торговое пространство Великого Новгорода). Бывшие «лионские бедняки» активно внедряются в оптовую и розничную торговлю, что позволяет свободно перемещаться и устанавливать множественные связи. Контакты с вальденсами приписываются практически всем значимым фигурам дореформационного протестантизма – от Джона Уиклифа до Яна Гуса. Сектанты, изгнанные из легального мира, вынужденные жить в масках, общаться непрямым образом, обнаружили, что именно вследствие данных обстоятельств обладают серьезными конкурентными преимуществами и великолепно подготовлены для системных операций. Иначе говоря, владеют механизмом сговора, контроля над ситуа-

Важным ингредиентом капитализма становятся разноконфессиональные толки и союзы, свободные от ограничений, налагаемых ортодоксальными институтами, прямо или косвенно оплодотворившие сложные соцветия Реформации. Это, например, тамплиеры, активно занимавшиеся финансовой деятельностью, трансграничная организация которых – впечатляющий прообраз будущих ТНБ, ТНК и корпораций-государств.

Община вальденсов. Миниатюра из трактата Иоанна Тинктора «О секте вальденсов». 1460 год

В городском многоголосье, и в труднодоступных горных местностях – местах ссылок, своего рода европейской Сибири, в суровой борьбе за выживание, пребывая под угрозой обрушения быта, утраты жизни, формируется дух протестантизма, отмеченный особым отношением к труду, повышенным вниманием к обстоятельствам, личным аскетизмом, энтузиазмом, самоотречением, скрупулезностью, корпоративизмом.

цией, столь необходимым для разработки и реализации многотактовых проектов, крупных, часто коллективных, капиталовложений, заключения неформальных доверительных соглашений, требующих долгосрочного оборота средств и деятельного соприсутствия в разных точках земли. То есть располагают инструментарием и инфраструктурой энергичного *private market* в рамках аморфного *public market*.

Эффективность механизма, многократно проверенная, со временем была усилена союзом прежней («воинской») и новой («денежной») аристократий, воплощена в феномене компаний-государств (наподобие Ост- или Вест-Индской), подтверждена развитием усовершенствованных аналогов. Доверительные корпоративные альянсы, своего рода «клятвенные союзы» различной природы продолжали существовать, модифицироваться в секулярном мире, когда прежние причины подобных форм поведения перестали существовать.

■

В XIV и XV веках происходит разделение ересей в социальном отношении. Процесс развивается параллельно с созреванием городской культуры, обустройством специфических корпораций, фемических судов, коммун, гильдий. Выделились плебейские ереси – народные религии, своего рода крестьянский *New Age* с хилиастическими ожиданиями и социалистической перспективой, ереси бюргерские и университетские. Их интеллектуальные композиции, культурные, социальные интенции проявились к концу второго тысячелетия в генезисе таких идеологических и политических конструктов, как коммунизм, фашизм, неолиберализм. (Любопытно приблизительное совпадение ареалов преимущественного распространения данных идеологий с определенными христианскими конфессиями: коммунизма и православных стран, фашизма/корпоративизма и стран католических, неолиберализма и протестантских обществ.)

В XVI веке «буржуазная религия» выходит на поверхность в феномене Реформации – второй глубокой схизмы христианской Ойкумены. Развитие

евангелического движения посвоему легитимирует ряд подспудных течений, включив в социокультурный круг протестантских объединений. Но интерес представляет не только генезис (в том числе географический), к примеру, гугенотов и кальвинистов, не менее плодотворным мог бы стать анализ конфиденциальных торговых и финансовых соглашений Нового времени, включая историю следующего поколения тайных обществ, чье мировоззрение и практика прямо противопоставляются вполне определенному «вероучению толпы».

Распространяется мироощущение, характерная черта которого – деятельный фатализм, рассматривающий земное богатство в качестве зримого доказательства призвания, а успех – как признак харизмы. В средневековой Европе между тем доминировала иная логика: при обязательности труда подчеркивалось противопоставление необходимого – *necessitas* – избыточному – *superbia* – с соответствующей моральной оценкой. А стремление к наживе оценивалось как позор (*turpitudo*), и даже сама деятельность профессионального торговца воспринималась как едва ли угодная Богу. Но для человека, придерживающегося новых взглядов, деньги имеют символическое значение: порой они не столько богатство или средство платежа, сколько десигнат статуса и орудие действия в чужеродном мире, инструмент управления. Экономика при данном мировидении вторична, психологически ближе оказывается рафинированная аристотелева хрематистика, но облагороженная и очищенная от низкой алчбы. (Как по несколько иному поводу категорично высказалась Маргарет Тэтчер: «Экономика – это средство. Целью же является изменение души».)

Гностицизм провоцирует искушения, сближающие практикантов с еретиками и адептами тайных наук. Романтика и горизонты дигитальной культуры сливаются с каббалистикой и алхимией: экономика оказывается логистикой хрематистики, а формулы финансовой математики создают невозможные в прежней логике источники неисчерпаемого богатства – наподобие кредита последней инстанции (колонизация будущего), глобального страхования рисков (капитализация альтернативных сценариев), n-мерных производных финансовых инструментов (пространства трансфинитной экономики). Рожденные в подобном союзе инструменты и технологии становятся источниками силы, обладающей властью над поведением, судьбами, характером, душами людей.

Горизонт планирования раздвигается, что позволяет со временем развернуть поколение высоких геоэкономических технологий.

■

Учение о предопределении – характерная черта новой веры. Именно здесь ощутимо присутствие дуализма: жесткость и отчасти механистичность новой антропологии, формирующей собственную аристократию успеха. Еще у Лютера прочитываются соответствующие категорические пассажи, причем не только в школярских черно-белых антитезах («если в нас Бог, то места для сатаны просто нет, следовательно, мы можем стремиться только к добру, если в нас нет Бога, значит его место занимает дьявол и все наши побуждения будут направлены ко злу»), но и в редких, замысловатых рассуждениях о двойственной воле Творца. О том, к примеру, что помимо явной воли Бога, которая «ищет спасения для всех людей <...> есть и другая, несоизмеримая с первой и представляющая собой непостижимую тайну. Этой волей творится жизнь и смерть людей, этой же волей изначально решается, кому из людей будет даровано спасение, а кого ждет вечное проклятие».

Сомнения в возможности подвига преображения, трансценденции греховного статуса, человеческой и божественной синергии превращают личность в индивида, упрощающего сознание, эффективно практикующего ту или иную земную функцию в стремлении достичь максимального результата как доказательства избранности. Предопределение нивелирует трагизм личного усилия – попытка преодоления нарушенной природы теряет смысл, подменяясь деятельным гаданием. В результате индивид рискует фатально сузить понимание промысла и попасть в беличье колесо фетишизации успеха. Уместно вспомнить призыв к подвижничеству: «Царство Небесное силою берется, и употребляющие усилие восхищают его» (Мф. 11: 12), – в сопоставлении с другой логией из Нового Завета: «Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит?» (Мк. 8: 36).

Критерий предназначения – синергия промысла и упования – является аспектом «лествицы в миру», подпадая под подвижнический завет: «Много званных, а мало избранных» (Мф. 22: 14). Однако тема избранничества сужается из-за коррупции тезиса о возможности свободного сотрудничества личности и промысла (предложенных житейских обстоятельств) в общем замысле о судьбе мира. И как результат – сужение категории спасения до верификации в категориях житейского благополучия. Между тем помимо реализации таланта как

профессионального мастерства призвание проявляется в наделении творческим даром *per se* вне рамок мирского успеха. Промысел, обладая совершенно иным горизонтом и уровнем свободы, предполагает судьбы, суть которых (подобно уделу Иова) может оказаться непостижимой человеческому уму, а дарованные и обретаемые таланты – пребывать вне реестров успеха и мастерства. Причем наиболее драгоценное достояние – обладание высшим даром любви – в земных обстоятельствах нередко сопряжено с уделом жертвенности и благословляется венцом мученичества.

При механистичной рационализации неисповедимого подчас промысла мир людей оказывается безнадежно расколотым, и для определения статуса в вечности – принадлежности к сообществу спасенных либо проклятых, к избранному народу *Ubermenschen* или сонмищу *Untermenschen* – требуется не восхождение лествицей духа, но лишь испытание земной состоятельности. При этом милость к падшим сменяется почти ритуальным к ним презрением. «Когда-то Евангелие вызвало к жизни новую человеческую расу, – писал Эразм Роттердамский. – О том, что зарождается сейчас, я бы предпочел умолчать». В данных конструктах можно различить эскиз мира, когда произойдет, по словам Збигнева Бжезинского, «постепенное формирование все более контролируемого и направляемого общества, в котором будет господствовать элита. <...> Освобожденная от сдерживающего влияния традиционных либеральных ценностей, эта элита не будет колебаться при достижении своих политических целей, применяя новейшие достижения современных технологий для воздействия на поведение общества и удержания его под строгим надзором и контролем».

Погружаясь в эти неблагие пространства, испытываешь, однако, тягостное ощущение, что в жестких эсхатологических проекциях, пусть в искаженной форме, присутствует некая значимая для души реальность: предчувствие действительного – но не земного, а иного – вселенского разделения. И черты космогонии геенны: огненного мира метафизически отверженных – мира, лишенного прежней сотериологии.

■

Но вернемся к перипетиям становления капитализма.

Его зарождение, первую – торгово-финансовую – фазу связывают с XV–XVII веками, хотя по ряду параметров истоки можно датировать и более ранним временем. Расцвет связан с эпохой Великих географических открытий, изменившей экономическую картографию, сместившей центр тяжести из Средиземноморья в просторный Атлантический (океанический) мир. Растущий приток драгоценных металлов, экзотичных товаров, других ценностей провоцировал изощренные формы кредитно-денежных отношений, сдвигая вектор активности в область финансовых операций и рождая такие эпохальные изобретения, как банк, вексель, ассигнация. Совершается ползучая легитимация ростовщичества. Взимание ссудного процента запрещено в Библии, осуждается исламом, подвергалось резкой критике Аристотелем, который сравнивал людей, занимающихся подобными делами, с «содержателями публичных домов». Но если первоначально в кальвинизме взимание ссудного процента приравнивалось к воровству (Гейдельбергский катехизис, вопрос 110), то в дальнейшем происходит оправдание, развитие и распространение результативной финансовой технологии. Окончание торгово-финансовой фазы капитализма совпало с упрочением национального государства, которое забирает наиболее прибыльную часть деятельности – кредитование стран и правителей, приступает к самофинансированию путем выпуска государственных ценных бумаг и эмиссии валюты, особенно в форме банкнот. Капитализм успешно преодолевает кризис, занимая нишу, порой прямо отождествляемую с ним, – индустриальное промышленное производство, – что порождает ряд аберраций.

Эта сфера хозяйственной активности развивалась в тот период по стремительно восходящей линии, с лихвой оправдывая практически любые капиталовложения и создавая на основе характерных для христианской цивилизации радикальных инноваций, перманентного технического прогресса все более обильный прибавочный продукт. От подобного стратегического союза получало выгоду также государство, чьи инфляционно-эмиссионные риски, как правило, оправдывались интенсивным промышленным развитием, ростом национальной экономики. В общем энтузиазме эпохи, звездном часе демократии, утвержденной городской революцией, временно растворяются, отходят на второй план многие негативные черты денежного строя, а особенности капитализма, действующего в христианском обществе, принимаются за черты самого феномена и наоборот.

Однако в завершающем второе тысячелетие веке индустриализм пережил как стремительный взлет, так и серьезный кризис. Сказалась ограниченность платежеспособ-

ного спроса по сравнению с резко возросшими производственными возможностями. Обилие «дешевых вещей», не уравновешенное платежеспособными спросом, вело к кризису перепроизводства, избытку рабочей силы, напряжению в обществе и как следствие – поиску средств для стимуляции потребления, развитию искусственных потребностей и взлому ограничивающих их моральных норм, культурных стереотипов, созданию механизмов массовой деструкции материальных ценностей. А также к разрушению тарифных барьеров, глобальной экспансии с целью вовлечения в процесс расширенного потребления все новых групп потребителей.

Обозначились со временем и границы хозяйственной емкости биосферы, возникла перспектива серьезного ухудшения ее качества, возможность исчерпания критически важных видов сырья. Но опасения в значительной мере были снижены, если не преодолены, за счет становления высокотехнологичной и постиндустриальной экономики. Инновационная экономика ослабляет значение подобных ограничений, а экономики информационная и финансовая («канторовская») их практически не имеют. В результате рост потребления природных ресурсов замедляется за счет повышения эффективности, миниатюризации и оптимизации промышленных механизмов, к тому же творческий дар в отличие от сырьевых и биосферных ресурсов возобновляем и неисчерпаем. В традиционной индустрии научно-технический прогресс нарушает систему взаимосвязей, оказывая двусмысленное воздействие на норму прибыли, в частности, из-за перманентного перевооружения основных фондов вследствие их быстрого морального устаревания. Но что более серьезно, неконтролируемые инновации, открывающие и закрывающие технологии способны выбивать почву из-под ног сложившихся экономических организмов, целых отраслей.

Кевин Тонг. Иллюстрация обложки издания Фридриха Ницше «Так говорил Заратустра» 1988 года

При механистичной рационализации неисповедимого подчас промысла мир людей оказывается безнадежно расколотым, и для определения статуса в вечности – принадлежности к сообществу спасенных либо проклятых, к избранному народу Ubermenschen или сонмищу Untermenschen – требуется не восхождение лествицей духа, но лишь испытание земной состоятельности.

Однако и в пространствах постиндустриальной экономики, ряд отраслей которой имеет виртуальный характер, таятся непростые проблемы. Здесь сталкиваются две тенденции: *оптимизационная*,

Романо Гвардини:
«В отношении христианина к Новому времени оставалась постоянная неуверенность. Повсюду обнаруживал он идеи и ценности несомненно христианского происхождения, но объявленные всеобщим достоянием. <…> Теперь, однако, двусмысленности приходит конец. Там, где грядущее обратится против христианства, оно сделает это всерьез. Секуляризованные заимствования из христианства оно объявит пустыми сантиментами».

связанная с развитием информационных, финансово-правовых технологий, каталогизацией мира, становлением глобального управления; и опирающаяся на творческий дар *инновационная*, сопряженная с обретением нового знания, ведущего к качественным, скачкообразным изменениям. Со временем в инновационной динамике происходят перемены: параллельно с возрастанием роли интеллектуальных технологий фундаментальные открытия – *radical innovations* – замещаются рационализациями открытий – *progressive innovations*, происходят технологизация науки, расцвет оптимизационных по своей природе дигитальных информационных и финансовых технологий, социальных и других «мягких» новаций.

Порог миллениума оказался пограничной территорией, на которой кристаллизовались стратегические замыслы конкурирующих сил. С этого времени интересы капитализма и промышленного производства, судя по всему, больше не совпадают.

Глобализм и дигитальная культура

К. прибыл поздно вечером.
Франц Кафка

Момент истины XX века – это, пожалуй, 1968–1973 годы, эпицентр социокультурной революции, обозначившей рубеж трансформации протестантского мира и выхода на поверхность, реабилитации подспудных течений. Граница периода охарактеризована социальными мыслителями как «мировая революция» (Иммануэль Валлерстайн), «вступление в фазу новой метаморфозы всей человеческой истории» (Збигнев Бжезинский), «великий перелом» (Рикардо Диес-Хохлайтнер).

В условиях позолоченного века, материального торжества цивилизации и раскрепощения человека от многих природных и социальных тягот в мировом сообществе происходят системные изменения. Светскость *per se* предстает универсальной наследницей, основанием цивилизации, ее осью и естественным пределом, носительницей политически корректной версии культуры. На глобальных просторах утверждаются нормы поведения, соответствующие данной системе. Универсальное признание суверенитета личности, вселенская деколонизация, борьба за мультикультурное общество прочитываются как процесс постмодернизационной трансформации. Секулярность же в условиях полудобровольного наложенного эмбарго в отношении глубинных истоков, не имея энтузиазма прежней традиции, подвергается пассионарному воздействию со стороны как неоязычества, так и фундаментализма различных толков.

В трансформации глобального капитализма выделяются несколько существенных факторов. Это появление «новых денег» (логическое завершение многовекового процесса порчи монеты), превратившихся в меру символического капитала и инструмент управления. Доллар, утратив рудименты золотого стандарта, мутирует в не обеспеченный ликвидностью алхимический кредит последней инстанции. Реализуются масштабные финансово-правовые технологии: перманентный глобальный долг, программы структурной адаптации, производные финансовые инструменты, экзотичные дигитальные операции, экспансия систем управления рисками и нематериальными активами, высокотехнологичная деструкция... Разворачивается революция в микроэлектронике, телекоммуникациях, информатике, произведя на свет не ограниченный физическими пределами виртуальный космос. Появляются сеть ARPANET как прообраз Интернета, система глобальной биржи, спутники связи, микрочип, персональный компьютер, мобильная телефония, универсальные коды (UPC-A, EAN-13) – эскизы глобального каталога

объектов собственности, товаров, людей. Происходит перестройка социального космоса на основе неолиберальной идеологии, предполагающей эмансипацию экономики из-под суверенитета государства, создание новой политической оболочки планеты.

Специфику новой формулы мировой (теперь «глобальной») экономики можно определить следующим образом: если до некоторого момента она представляла сумму национальных экономик, которые были самостоятельными субъектами, действовавшими на глобальном поле, то теперь ситуация переворачивается. Появляется глобальный субъект – штабная экономика, – которая, действуя на национальных площадках, превращает их в объекты. Вскоре утверждается практически единый тип хозяйствования, формализуется глобальный рынок, складывается эффективная система перераспределения мировых ресурсов и доходов.

Все эти тенденции позволяют очертить контур третьей (после торгово-финансовой и промышленной) фазы капиталистической мир-экономики – геоэкономической. Ее стратегическая цель – радикальное освобождение экономики от гнета этатистких политий, а в сфере экономической практики – получение системной прибыли не столько за счет теряющего привлекательность промышленного производства (как когда-то произошло с торгово-финансовыми операциями), сколько в результате развития многообразных форм контроля над хозяйственной деятельностью в глобальном масштабе. Форм, позволяющих собирать обильную квазиренту со всех видов практики (наиболее простым, хотя и частным, примером чего могут служить знаменитые ножницы цен).

Происходит инверсия, возврат на глобальном уровне к алгоритмам торгово-финансовой фазы. Это позволяет осуществлять системные операции в едином пространстве, реализовывать коды управления в мировом масштабе. Технический прогресс и финансовые технологии вкупе с обновлением организационных схем придают капитализму второе – если не третье – дыхание. Этатистский («социалистический») эксперимент XX века получает несколько неожиданную перспективу: опыт коммунистического Постмодерна можно рассматривать как футуристический порыв – отрицание публичной власти ради полуанонимной, законодательно нечетко фиксированной, но фактически тотальной власти организации – треста или госкорпорации, – которая через назначаемых управляющих (номенклатуру) контролирует пространство страны, региона, мира. Ситуация, когда крупная транснациональная корпорация направляет деятельность марионеточного правительства третьего мира, оказывается как будто лабораторной процедурой.

Создавшееся положение – своего рода завершение гегелевской триады становления глобального капитализма, где роль антитезы сыграл его временный союз с христианской инновационной динамикой и промышленной революцией. Институциональный финал триады может произвести конвергенцию стилей, проявив их неочевидную сегодня типологическую родственность, вскрыв интригующие горизонты корпоративного, рукотворного универсума. Моделью выстраиваемой геоэкономической конструкции (геокона) может послужить многоярусный китайский шар – своеобразный аналог гебдомады гностического космоса.

Геокон последовательно соединяет хозяйственные диады (сизигии) в единую сложноподчиненную конструкцию экономистичного универсума.

На нижнем – географически локализуемом – уровне: добыча сырья и его использование природозатратной индустриальной экономикой. Другой – более высокий – локус: производство интеллектуального продукта и его высокотехнологичное освоение. На транснациональном ярусе – производство финансовых ресурсов вкупе с технологией универсальной процентной дани в качестве механизма управления экономическими и другими объектами, в свою очередь плодящими потребность в данных ресурсах. Но трансгранична также изнанка геоэкономической конструкции: сдерживаемый цивилизацией порыв к деконструкции – инволюционному, хищническому проеданию созданного человеком или предоставленного природой потенциала с целью извлечения краткосрочной прибыли, – а также контроль над асоциальной практикой. Отсюда в легальный сектор продвигаются правила игры, выходящие за пределы обозначенных Адамом Смитом ограничений «невидимой руки», в которых правовой (и тем более моральный) контекст утрачивает значение. Наконец, на верхнем этаже расположена все еще пребывающая в становлении паутина штабной экономики.

Система глобального управления метаэкономикой утверждает регламенты «самой большой игры», финансово-правовое и специфическое силовое регулирование. Ее цель – унификация источника легальных платежных средств, тотальный контроль за их (равно как и ресурсных потоков) движением, интеграция и глобальная диверсификация

налоговых платежей. Всё это позволяет превратить земли геоэкономического универсума в плодородную ниву – волшебный источник обильной квазиренты.

■

Торжество денежного строя, его влияние и амбиции стать мерой человеческой практики свидетельствуют о кризисе христианского универсума, но также и об истощении прежней пассионарной доминанты атлантической цивилизации – ее протестантского вектора.

Идеалы меняются: строители уходящей в дурную бесконечность конструкции говорят на едином для стран и народов языке финансовых операций, обретающих силу естественных законов бытия. А социальная анатомия демонстрирует принципы и цели, в прошлом неразличимые, смутно предчувствованные под флером христианской культуры. Прежние ценности переживают не столько девальвацию, сколько коррупцию, выступая в роли симулякров, скрывающих под ставшими ветхими одеждами иные смыслы. Семантическое двоевластие, возможно, продлится недолго: «В отношении христианина к Новому времени оставалась постоянная неуверенность. Повсюду обнаруживал он идеи и ценности несомненно христианского происхождения, но объявленные всеобщим достоянием. Повсюду он сталкивался с тем, что было изначально присуще христианству, а теперь обращено против него. Откуда было ему взять уверенности и упования? Теперь, однако, двусмысленности приходит конец. Там, где грядущее обратится против христианства, оно сделает это всерьез. Секуляризованные заимствования из христианства оно объявит пустыми сантиментами», – писал более полувека назад Романо Гвардини.

Спекулятивный характер финансовой деятельности переворачивает с ног на голову архитектуру хозяйственной пирамиды. И повергает в прах как логическую эквилибристику Кальвина, так и забытую оговорку Адама Смита: «Каждому человеку, *пока он не нарушает законов справедливости* (курсив мой. – *А.Н.*), предоставляется совершенно свободно преследовать по собственному разумению свои интересы и конкурировать своим трудом и капиталом с трудом и капиталом любого другого лица и целого класса». Замечание о «законах справедливости» – ключ к аксиологии невидимой руки, под которой подразумевалась не безличная, механическая сила, но рука Божия.

Финансовый успех – уже не просто признак благодати, но сама благодать, проистекающая из единого центра – квазиплеромы кредита последней инстанции, перераспределяемой нисходящими божествами-архонтами – управляющими средне- и краткосрочными сценариями. При этом нижнее божество использует ее в низменных и преступных целях. В трансфинитной среде виртуальных операций, круговороте обретающих плоть цифр и множеств, взвешенных устремлений и просчитанных порывов финансовые ресурсы, заменив харизму, определяют статус индивида, диапазон легальных возможностей, положение в обществе, да и само общество, претендуя стать творческими энергиями – источником созидания/уничтожения.

Финансовый успех в качестве мерила личности и главного критерия общества становится универсальной шкалой, но по-настоящему крупный успех выше личных и социальных

Абраксас – верховное гностическое божество, олицетворяющее единство времени и пространства

Финансовый успех в качестве мерила личности и главного критерия общества становится универсальной шкалой, но по-настоящему крупный успех выше личных и социальных усилий, он за пределами труда и морали и является признаком особой благосклонности воплощенного Абраксаса.

усилий, он за пределами труда и морали и является признаком особой благосклонности воплощенного Абраксаса. Все это – по крайней мере, в эстетических категориях – напоминает строительство вселенского лабиринта – опрокинутой в глубины мирской плоти эшеровской версии вавилонской башни. Или воссоздание мистифицированного кафкианского Замка, чей центр невидим, а власть – везде. Кодовым же ключом к конструкции земных иерархий является та самая модель политкорректного Севера – мирового града – в обрамлении прóклятых земель мировой деревни с не вполне легитимной и подведомственной властью.

Ценности Постмодерна (ярлык транзита) не удается свести к наличествующей на рынке идеологии, влиятельному мировоззрению или культурному кругу. Мы присутствуем при зарождении исторической альтернативы с иным мировидением, аксиологией, историческим горизонтом, логикой институтов. Но в таком случае происходящее есть не что иное, как «вертикальное», диахронное столкновение цивилизаций: не с культурами, известными и засвидетельствованными летописцами, но с неопознанным призраком, бродящим по планете. Иначе говоря, истинный оппонент Модерна – неопознанная культура, идущая то ли из сокрытых земель будущего, то ли из подсознания человечества и полузабытых глубин истории.

Дистопия

Динамизм новых миров всегда свидетельствует об их превосходстве над страной исхода: они осуществляют идеал, который остальные втайне лелеют как конечную и недостижимую цель. <...> Внезапное появление подобного общества на карте сразу упраздняет значение обществ исторических.

Жан Бодрийяр

Токи культурной деколонизации, глобальной революции масс пронизывают не только внешнее пространство Модернити, но и внутренние территории. На планете набирает силы творческая деструкция, чьи симптомы видятся в нарастании суммы цивилизационных рисков, моральном релятивизме, высокотехнологичном произволе, кадмовых зернах неоархаики.

Будущее – особое пространство: существует исключительно в потенции, меряется разной мерой, обладает оригинальными атрибутами. Даже время – субстанция, столь органичная для данной категории, – понимается несхожим образом, да и течет для разных субъектов с различной скоростью. Перемены – синкопы живой тектоники в засушливых землях практики, чья телесность предопределена конъюнктурой цен на кровь, сырье, урожаи. Настоящее – не слишком предсказуемая, но улавливающая помехи нить осциллографа, прошлое – истрепавшийся каталог проб и ошибок.

Антагонист существующей формулы власти – пассионарная, суверенная констелляция людей, нередко асоциальная по отношению к существующим формам общественных связей, или, по крайней мере, критически к ним настроенная, либо иным образом отделяющая себя от прежней среды, объединенная дерзновенным прочтением топографии будущего. Это субъект, агент перемен, «малая динамичная общность», закваска, с пользой для себя впитавшая достижения проектной культуры, совершающая масштабную социальную революцию, переиначивающая форматы повседневности и смысловые пространства уходящего мира.

Человек новой культуры выходит за пределы религиозного патернализма, социального,

Питер Брейгель Старший. Пейзаж с падением Икара. 1555–1558 годы

Культура смерти обретает глобальную геометрию. Гибельный восторг и азарт не жертва, но особая мания. Этот огненный призрак – протуберанец клоаки, согласившейся воспеть гимн чуме, восславив деструкцию как главную, финальную и желанную цель творения.

культурного контроля «над разумом и языком», за пределы прежних форм культурного и психологического программирования действий. Он расстается при этом не только с оболочкой обрядности и суеверий, подавлявших волю, но со всем прежним прочтением традиций, реализуя практическую и метафизическую свободу, равно как свободу выбора существования вне какого-либо зримого метафизического модуса. Это позволяет по-своему перетолковывать основы бытия, выявлять и проявлять истинную сущность, какой бы та ни оказалась.

Люди становятся суверенами, деятельно формирующими пространства культурной и социальной картографии, произвольно очерчивающими рубежи театра будущих действий, который в одном из важнейших аспектов можно определить как власть без государства.

■

Диапазон прочтений будущего весьма широк, что естественно для проявлений свободы, выплескивающейся за очерченные прежде рамки. Сегодня можно разглядеть перспективы, неведомые историческим ландшафтам. Террористическая активность, индивидуальный акт деструкции становятся спутниками в новом мире, будучи в основе извращением тенденций к децентрализации и индивидуальной свободе: это своего рода обугленный остов обостренной гражданской инициативы в тотально недружелюбной, агрессивной среде. Фрустрированная личность, отчужденная от общества, но наделенная социальным инстинктом, сама отчуждает подобный мир от бытия, пусть даже ценой аннигиляционной вспышки. Дело не в полной смене цивилизационного кода, но в изменившихся обстоятельствах и возможностях масштабной реализации внутреннего выбора. Это совершенно иной модус цивилизации, лишенной привычных нравственных границ.

Во что превратится мир, когда «империи рухнут и армии разбегутся»? Станет ли *Novus Ordo* всеобщим благом – мирным соседством льва и лани, согласно провидению (апокалипсису) Исайи? Или нынешний транзит – пролог иного по духу эона, воскрешающего сохраненные в глубинах подсознания сюжеты?

Токи культурной деколонизации, глобальной революции масс пронизывают не только внешнее пространство Модернити, но и внутренние территории. На планете набирает силы творческая деструк-

ция, чьи симптомы видятся в нарастании суммы цивилизационных рисков, моральном релятивизме, высокотехнологичном произволе, кадмовых зернах неоархаики. Локомотив же модернизации, подорванный на очередном перегоне, грозит увлечь состав под откос. Прежний мир развоплощается, диверсифицируется, его обитатели утрачивают статус, социальные, политические, финансовые, знаниевые институты трансформируются в облачные комплексы – суммы взаимодействий, реализуемых все чаще неформальным образом.

Возникает призрак диффузной среды, в которой конфессии замещаются сектами, толками, тайными орденами, политика пронизывается операциями спецслужб, политтехнологов, коммандос, экономика конкурирует с финансовым производством, оперирующим актуальной бесконечностью и новыми платежными средствами, культура вытесняется индустрией электронных и химических грез, гравитацией комфорта, иллюзиями.

■

В чем тут уголек? Гностическая культура отрицательно относится к жизни как таковой, рассматривая уничтожение земного бытия как акт освобождения. Ее метафизические мотивации устремлены к тотальной деструкции, поскольку адепты несут в себе божественные искры, которые могут быть освобождены посредством уничтожения тел.

Эпизоды сценария проглядывают сквозь прорехи былых утопий. Перспектива деконструкции цивилизации все чаще рассматривается наряду с иными версиями сюжета: у темной культуры свои интимные аспекты, способные радикально менять траекторию жизни, перевернуть привычную шкалу ценностей.

Проклюнувшаяся культура смерти – выходящая из глубин подсознания в сферу практики тяга к массовой деструкции и самодеструкции. Влечение, носящее, казалось бы, иррациональной характер, однако использующее достижения технической цивилизации, симптоматика же проявляется в диапазоне от событий 11 сентября до эпидемии перепоясанных смертью вестников. «Одни верят в жизнь, другие – в смерть. Я верю в смерть», – слова «живой бомбы», которой помешали сопроводить смерть в центр Москвы.

Культура смерти обретает глобальную геометрию. Это не только война сильных против бессильных или слабых против сильных, но всех против всех. На планете разворачивается пространство операций по контролю и распределению котирующегося на мировом рынке товара – ресурса смерти. Для многих обитателей Земли жизнь и карьера – почти синонимы, цель – комфорт и безопасность, то, что укладывается в прагматичные, подчас незатейливые формы существования. Но отринувшей житейский флер культуре чуждо подобное восприятие повседневности: вершина ее карьеры – амбициозная, эффектная и эффективная гибель, потенциально с невиданными последствиями. И это не пустая геростратова амбиция, темное дерзновение скреплено чувством, которое не требует ярмарочного признания. Гибельный восторг и азарт не жертва, но особая мания. Этот огненный призрак – протуберанец клоаки, согласившейся воспеть гимн чуме, восславив деструкцию как главную, финальную и желанную цель творения.

Конструкции прежней цивилизации поколеблены, покрылись трещинами, надломились. Из щебня, обломков извергаются кочующие астероидные кланы. Пережив неустойчивость родной почвы, устремленные в неизвестность осколки планет врезаются в тела иных стран и весей. Этаж за этажом выстраивается вертикаль вселенского олимпа, собирается воздушный флот Новой Лапутании, на летучих островах которой заключаются симпатические сделки, образуются химеричные альянсы, справляются алхимические свадьбы. Мы наблюдаем мерцание блуждающих звезд, слияние подвижного, синкретичного сообщества, но все это – фрагменты футуроистории и лишь отчасти видимой картины.

История, нанося удары, творя зигзаги и прорывы, ускорения и перестройки, расплачивается особой валютой – опытом. Прочерчивая картографию постсовременного глобуса, исследователь задумывается над вопросом: что принесет утверждение новых ценностей, что за правила сложатся на планете? Станет новый век постхристианским эоном, или ситуация двусмысленного транзита – лишь причудливая метаморфоза той же цивилизации? Как будут сочетаться разноликие реальности в одном эоне? Можно ли сохранить личность в космосе Нового Ренессанса – в хаосе свободы для страстей и разобщенности вне героического утешения?

Завершая экскурс, посвященный опознанию корней Нового мира, начал его аксиологии и дальней границы, экскурс, нитью которого явилось стремление скорее очертить проблемные поля, нежели дать ответы, замечу, отталкиваясь от формулы Чеслава Милоша о причинах и свершениях: временами пристальный взгляд, брошенный в прошлое, позволяет узреть фрагменты невероятного будущего.

Вадим Борисович Прозоров –
заместитель главного редактора научного и общественно-политического альманаха «Развитие и экономика»

Nihil novi, или Носорог секуляризма

1

Как простец, дивясь смене понтификов в Ватикане, я полагал бы, что папа Бенедикт ушел именно по той причине, которую он назвал, – преклонный возраст и немощь. К этой немощи можно, разумеется, пристегнуть разные идеологические и политические мотивировки отречения или назвать его проявлением идеологической и политической немощи, паралича воли. Кардинал Ратцингер и не стремился занять кафедру святого Петра. Когда ему исполнилось 70, он, будучи префектом важной конгрегации Римской курии, просил Иоанна Павла II освободить его от тягостного бремени и отправить туда, где он всегда чувствовал себя привольно, – в Ватиканскую библиотеку, чтобы он мог «посвятить себя исследованию интересных документов и материалов <...> подлинных шедевров, способствующих раскрытию истории человечества и христианства». Впоследствии папа Бенедикт вспоминал это прошение и сокрушался от того, что оно не было удовлетворено. Стремясь избежать избрания, Йозеф Ратцингер выступил истинным григорианцем, следуя примеру, явленному преемникам святого апостола Петра отцом Церкви и римским епископом Григорием Великим, который, по легенде, даже бежал из Вечного города, чтобы не стать папой и не утратить заветное равновесие, обретенное в уединенной созерцательной жизни. Но, как и в случае с Григорием, для Ратцингера все было предрешено.

Через 7 лет после избрания папа Бенедикт продолжал помнить о последних годах понтификата Иоанна Павла II и, страдая от своей немощи и не желая подвергать Церковь испытанию в высокотоксичной среде секулярного мира, запросился на покой. Он ушел, а новым преемником святого апостола Петра избрали кардинала и архиепископа Буэнос-Айреса Хорхе Марио Бергольо. Это прелат давно известный, уважаемый в Новом и Старом свете, простой и правильный, умеющий принимать взвешенные, благотворные и порой нелицеприятные решения.

Избрание Хорхе Марио Бергольо никоим образом не должно привести к большим переменам в Католической церкви, положить начало всеохватывающим реформам или означать появление новой парадигмы папства. Да и нужды такой нет для Католической церкви, которая по-прежнему твердо стоит на скалистом основании, невзирая на бушующие вокруг штормы.

Его избрание никоим образом не должно привести к большим переменам в Католической церкви, положить начало всеохватывающим реформам или означать появление новой парадигмы папства. Он не из тех, которые рубят с плеча и увлекаются химерами. Да и нужды такой нет для Католической церкви, которая по-прежнему твердо стоит на скалистом основании, невзирая на бушующие вокруг штормы.

Пока складывается впечатление, что все останется как прежде – в русле традиционной политики Римской церкви, определенной Вторым Ватиканским собором и скорректированной постсоборными понтификами, а комиссии по реформам, усовершенствованиям и обновлениям в определенных областях всегда были и будут создаваться впредь для того, чтобы выполнять свои частные задачи с той или иной долей успеха, например, реформировать Институт религиозных дел – так называемый Банк Ватикана, хотя он и без того приносит Святому престолу стабильный и немалый доход. Наблюдатели-конспирологи, насочинявшие занятные истории о связях масонских лож, мафии, Ватикана и недавно символично усопшего «черного папы» Джулио Андреотти, придают этому банковскому делу ключевое значение в устроении будущего Католической церкви. Для папской же канцелярии это рутинная процедура финансового тюнинга, практикующаяся со времен позднеантичных латеранских казначеев-аркариев.

2

Если вообразить себя посвященным и попытаться читать знаки, которые были поданы Ватиканом в последнее время, то может предстать такая картина. Поверим педофилам пера, насилующим младенческое чистодосочное сознание современного мира картинами грядущих мировоззренческих и социальных катастроф, и вообразим себе Католическую церковь в преддверии клацающей острыми зубищами необъятной пасти дьявольски секулярного мира. В такой ситуации нужно накопить силы, сосредоточиться, сплотиться, чтобы противостать адскому врагу – духу разобщения, индивидуализма, ненависти, одиночества и «спиритуальной светскости».

Некогда один великий папа, вступив на римскую кафедру в пору жесточайшего мора, на-

Процессия Григория Великого. Часослов герцога Беррийского. XV век

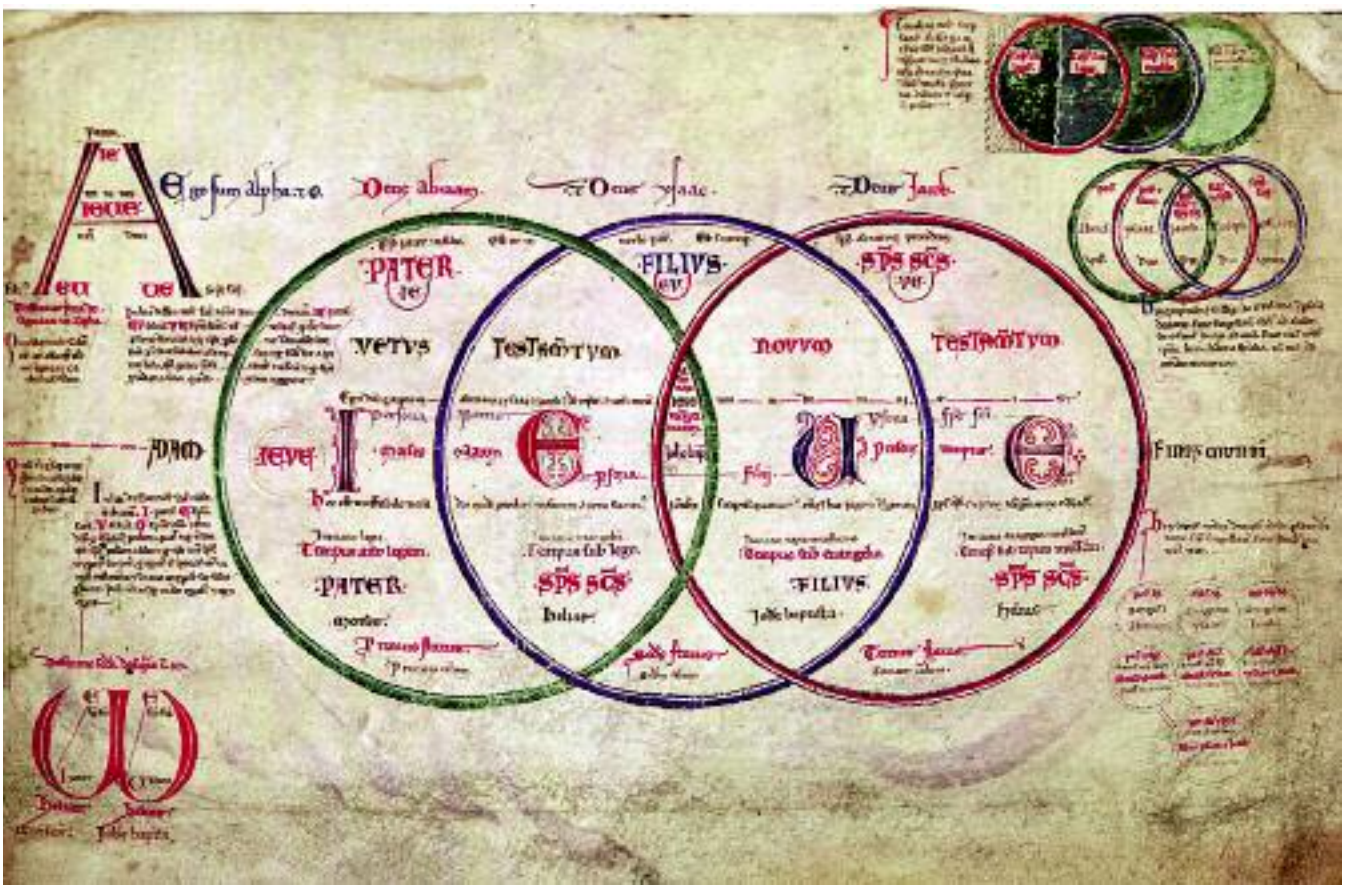
Когда папа поравнялся с мавзолеем Адриана, воздвигнутым на берегу Тибра, над гробницей императора (теперь здесь Замок святого ангела) появился архангел и вложил свой меч в ножны, подав тем самым знак, что мольба римлян, вновь ощутивших себя единым телом, услышана на небесах. Чума прекратилась. Подобного подвига могут ждать католики от нынешнего папы.

шествия иноплеменных и прочих напастей, вывел весь Рим на крестный ход. Процессия двигалась через Вечный город от Латерана к старой базилике Святого Петра. Многие падали замертво. Живые продолжали брести, вознося свои моления Богу. Когда папа поравнялся с мавзолеем Адриана, воздвигнутым на берегу Тибра, над гробницей императора (теперь здесь Замок святого ангела) появился архангел и вложил свой меч в ножны, подав тем самым знак, что мольба римлян, вновь ощутивших себя единым телом, услышана на небесах. Чума прекратилась. Подобного подвига могут ждать католики от нынешнего папы. Ватикану понадобятся чудесные силы, чтобы сладить с секулярной смутой и оправдать надежды миллионов верных.

Новый папа, как неоднократно подчеркивалось, иезуит. В связи с этим возникает (по крайне мере, в моем воображении) определенная апология его понтификата, зиждущаяся на мистическом основании католической традиции. В XII веке в Южной Италии жил один цистерцианец. Его считали мистиком и визионером, подозревали в ереси и милленаризме, он же утверждал, что он ученый, пытающийся вывести исторические законы на основании Священного Писания.

Он предложил разные варианты интерпретации истории, один из которых предусматривал ее разделение на три эпохи, отчасти накладывающиеся друг на друга так, как это было изображено в его «Книге фигур». Это была проекция божественного триединства на человеческую историю. Соответственно первый этап – это эпоха Отца, второй – Сына и третий – Духа Святого. Эпохи перекрещиваются, взаимно проникают друг в друга, и потому их границы оказываются размытыми. Недоброжелатели ученого цистерцианца видели в последнем периоде тысячелетнее царство Божие на земле, предваряемое невиданным доселе столкновением добра и зла.

Каждой эпохе в этой троице были свойственны свои движущие силы – новые люди, деятельность которых формировала общественный строй и церковный порядок. Именно они прокладывали пути евангелизации в христианский период. Такими силами этому средневековому монаху представлялись монашеские ордена, выражавшие главные чаяния своего времени и способные отвечать на его вызовы. Последующая неискоре-



Иоахим Флорский. Книга фигур. XIII век

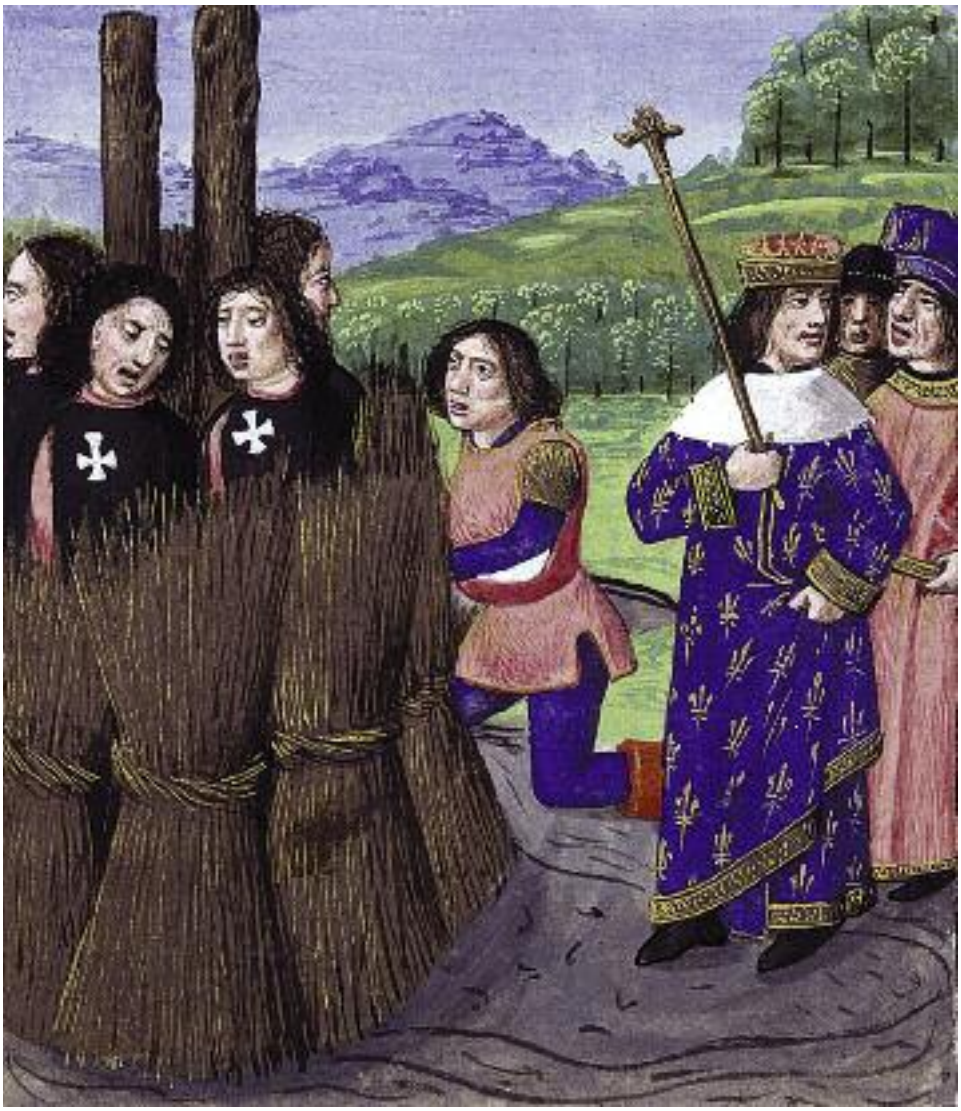
Иоахим Флорский предложил разные варианты интерпретации истории, один из которых предусматривал ее разделение на три эпохи, отчасти накладывающиеся друг на друга так, как это было изображено в его «Книге фигур». Это была проекция божественного триединства на человеческую историю. Соответственно первый этап – это эпоха Отца, второй – Сына и третий – Духа Святого. Эпохи перекрещиваются, взаимно проникают друг в друга, и потому их границы оказываются размытыми. Недоброжелатели ученого цистерцианца видели в последнем периоде тысячелетнее царство Божие на земле, предваряемое невиданным доселе столкновением добра и зла.

нимая традиция связывала первую эпоху после Боговоплощения с трудами святого Бенедикта Нурсийского, его последователей бенедиктинцев и цистерцианцев, преображавших мир вокруг созерцательным уединением, молитвой и трудом. Вторую же ассоциировали с проповедью, простотой и нищетой жизни святого Франциска Ассизского и его братьев. Миноритыявились тогда, когда завершилась эпоха умилительного сезонного нищенства крестьян, которые, чтобы добыть звонкую монету, приходили туда, где расточительная знать исправно выполняла свою обязанность – охотно давала подаяние. Настала пора модернового нищенства со всеми ужасами и уродствами современного его типа. Францисканцы взяли на себя попечение о таких же нищих, как и они сами.

Что касается последней эпохи или того ее сегмента, который оказывался на пересечении трех эпох, то, пожалуй, именно иезуитов стоит благодарить (или, быть может, винить) за то, что католицизм выглядит ныне так, как есть. Иезуиты идеально совместили в своих трудах созерцательный порыв бенедиктинского монашества и деятельную проповедь францисканцев, исполнив завет папы Григория Великого, который видел идеал церковного служения в постоянной балансировке между созерцательным и активным модусами жизни, неустанным возвращением от одного полюса к другому.

Иезуиты своей миссионерской, пропагандистской и образовательной деятельностью создали католицизм Нового времени в Старом и Новом свете. Иезуиты, давно отвечающие за разработку папской идеологии, богословскими и организаторскими трудами способствовали успешной работе Второго Ватиканского собора, акты которого многие посторонние наблюдатели воспринимают как сдачу Католической церковью своих фундаментальных позиций под давлением секулярного

Сожжение тамплиеров. Миниатюра из рукописи Джованни Боккаччо «О несчастиях знаменитых людей». Около 1479–1480 годов



Возможно, иезуитам предстоит выступить одновременно проповедниками-францисканцами XXI века и администраторами-тамплиерами, некогда преданными и уничтоженными «проклятым» глумливым французским монархом и папой-основоположником «авиньонского пленения». Кстати сказать, против тех тамплиеров использовалось излюбленное оружие секулярного мира – обвинения в финансовых махинациях и плотских извращениях: тогда это была содомия, теперь же Церковь терзают подозрениями в укрывательстве священнослужителей-педофилов.

мира, а сочувствующие – как очередное проявление живительной идеи реформы, духа усовершенствования и обновления, присущего западному христианству и не раз явленного в его истории.

Один из архитекторов Второго Ватиканского собора – крупнейший католический богослов, кардинал-иезуит Анри де Любак – написал двухтомное сочинение о духовном влиянии упомянутого выше монаха-цистерцианца, высоко оценивая его исторические изыскания, наблюдения и прозрения. После Второго Ватиканского собора де Любак упрекал Ратцингера за то, что его лоббистское рвение уничтожило одну из важнейших конгрегаций Римской церкви – Священную канцелярию, возглавляемую папой и являвшуюся главным инструментом управления Католической церковью. Она превратилась в конгрегацию вероучения, префектом которой с 1981 по 2005 год был кардинал Ратцингер. И вот теперь хорошо знавший де Любака его единомышленник и собрат Хорхе Бергольо сменяет на кафедре святого апостола Петра папу Бенедикта. Бенедикта заменяет Франциск. Должны ли мы видеть в этом сознательном выборе нового папы не только знак почитания великого святого, залог простоты и доступности римского епископа (именно так – а не папой – предпочитает титуловаться Франциск) и сигнал о его особом попечении о бедных, но и указание на то, что на смену созерцательно-ученому понтификату Ратцингера идет активно-проповеднический понтификат Бергольо, в котором иезуитам суждено еще раз сыграть роль «новых людей», движущей силы новой эпохи?

3

Пока папой Франциском заданы две цели для этой новой эпохи – евангелизация и реформа ватиканской администрации, а точнее – обновление апостольской конституции «Добрый пастырь» 1988 года, которая преобразила конфигурацию центрального управления Католической церкви, сложившуюся после Второго Ватиканского собора. Нет сомнений в том, что обе задачи имеют первостепенное значение для Церкви и взаимосвязаны, ибо без четкой коммуникации центра и регионов, без взаимного уважения и доверия в их взаимоотношениях невозможно создать благоприятные условия для евангелизации.

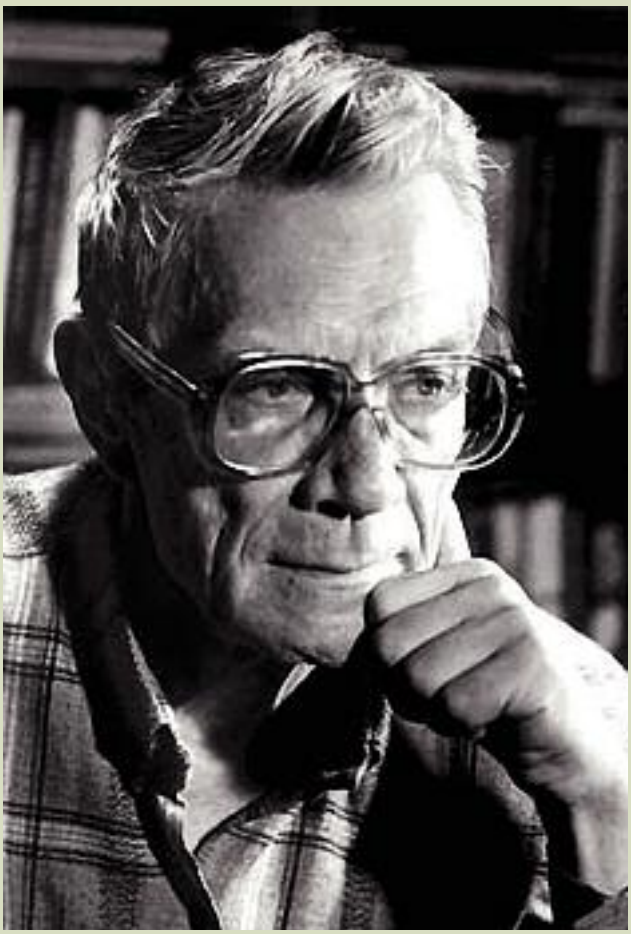
В истории папства широкомасштабные административные реформы часто станови-

лись предвестниками серьезных преобразований и потрясений европейского масштаба. Например, замена мирян монахами в администрации римского епископа при Григории Великом, ревностном сторонике и пропагандисте монастырского устава святого Бенедикта, ознаменовала формирование того средневекового христианского Запада от туманного Альбиона до Геркулесовых столбов, к которому мы все привыкли и который нам мнится между строк на пергаменте древних рукописей. Административные реформы в Римской церкви XI века послужили началом жестокого столкновения империи и папства, стремившегося обуздать «носорога светской власти». Победа папского единоначалия над соборным коллегиальным управлением на Базельском соборе разожгла костры Реформации. Что сулят административные реформы на этот раз? Удастся ли Католической церкви стреножить носорога секуляризма? Ответ на этот вопрос зависит от того, насколько успешным будет претворение в жизнь призыва папы Франциска к новой «сладостной и отрадной радости евангелизации». На этом поприще Западная церковь достигла впечатляющих результатов, и хотя значительная часть Европы последние полвека диссидентствует, тут у папы все же есть основания для оптимизма. Воинствующий секуляризм жизнеспособен до тех пор, пока его адепты пресыщены и потому сохраняют особую индивидуальность, «духовную светскость», завоеванием которой так гордится современный мир. Как только этот чумной пир закончится и наступят иные времена, церковное общение будет восстановлено и здесь. Новому варварству не удастся выскоблить пергамент, на который нанесены сакральные письмена прошлого. Это явление не органическое, оно силиконовое. В нем, как будто в силиконе, болтаются обрывки идей, мыслей, вопросов и ответов, но из этой каши не родится целостное мировосприятие, отсюда вытекает неспособность современности к идейным диспутам, ее готовность к шельмованию и травле.

Что же касается Нового света, представителем которого является и сам Франциск, то здесь католическая вера доказала свою стойкость в условиях жестоких диктатур и в столкновениях с прельстительными идеями «теологии освобождения», которой, тем не менее, даже политические колоссы типа Чавеса не помогли скрестить носорога с единорогом. И здесь иезуиты проявили и проявляют себя с самой лучшей стороны.

В архиве конгрегации пропаганды веры на Пьяцца-ди-Спанья в Риме хранятся бесчисленные тома донесений иезуитских миссий и служб из разных уголков мира. Свойственные им четкость и трезвость, глубина анализа и взвешенная вариативность предлагаемых действий свидетельствуют о том, что иезуиту по плечу исполнить обе задачи, стоящие ныне на повестке дня. Возможно, иезуитам предстоит выступить одновременно проповедниками-францисканцами XXI века и администраторами-тамплиерами, некогда преданными и уничтоженными «проклятым» глумливым французским монархом и папой-основоположником «авиньонского пленения». Кстати сказать, против тех тамплиеров использовалось излюбленное оружие секулярного мира – обвинения в финансовых махинациях и плотских извращениях: тогда это была содомия, теперь же Церковь терзают подозрениями в укрывательстве священнослужителей-педофилов. Сильным подспорьем в евангелизации является социальное учение Католической церкви, основанное на идеях социальной справедливости, милосердии и солидарности. Для осуществления этого учения недостаточно одних институтов и орденов. Хотя они неустанно стараются воплотить его в жизнь. Например, Мальтийский орден, созданный некогда для охраны и врачевания паломников к иерусалимским святыням, продолжает исполнение своей миссии в современном мире – в разных его концах и в любых, порой самых невероятных, условиях. Исполнение многих социальных программ ООН возложено именно на Мальтийский орден, обладающий прекрасно отлаженной инфраструктурой в мировом масштабе. Поэтому назначение рыцаря этого ордена главой так называемого Банка Ватикана воспринимается в католическом мире как добрый знак дальнейшего переосмысления Ватиканом задач социального служения Церкви.

Исполнение социальной программы требует всеохватности, здесь следует навалиться всем миром. Если уж рассуждать совсем идеалистически, то Католической церкви нужен папа-харизматик, который в каком-то смысле явил бы чудо, провозгласил бы крестовый поход за милосердие и социальную справедливость, который сплотил бы католиков во имя спасения добрыми делами. Иными словами сейчас необходим не замечательный святой Фома Аквинат в лице Йозефа Ратцингера, а святой Франциск, который вдохновенно и прозорливо сможет поднять католиков – прежде всего европейцев – на дела благотворительности, милосердия и христианской солидарности для их же спасения.



Вадим Кожинов

Из книги «Черносотенцы и революция»

«Тот очевидный факт, что сегодня так или иначе продолжается политическая и идеологическая борьба, начавшаяся на рубеже XIX–XX веков (например, если выразиться наиболее кратко и просто, борьба между “капитализмом” и “социализмом”), побуждает прийти к существенному выводу: история России XX века (в отличие от истории XIX и предшествующих веков) еще не стала для нас в истинном смысле слова прошлым, мы еще в сущности не можем смотреть на нее из действительного будущего – то есть из иной, “новой” исторической эпохи, наступающей тогда, когда итоги предыдущей так или иначе подведены и о них в самом деле можно судить беспристрастно.

Всякое государство организуется и строится своим ведущим слоем, живым отбором своих правящих сил. Всегда и всюду правит меньшинство: в самой полной и последовательной демократии – большинство не правит, а только выделяет свою “элиту” и дает ей общие, направляющие указания. И вот судьбы государств определяются качеством ведущего слоя: успехи государства суть его успехи; политические неудачи и беды и беды народа свидетельствуют о его неудовлетворительности или прямо о его несостоятельности – может быть, о его безволии, безыдейности, близорукости, а может быть, о его порочности и продажности. Такова судьба всех народов: они расплачиваются унижениями и страданиями за недостатки своего ведущего слоя. Однако эти унижения и страдания являются не только тягостными последствиями совершенных ошибок или преступлений; они являются в то же время подготовкой будущего, школой для новой элиты; они длятся лишь до тех пор, пока эта новая национальная элита не окрепнет религиозно, нравственно и государственно. В этом – смысл исторических провалов, подобных русской коммунистической революции: в страданиях рождается и закаляется новый дух, который в дальнейшем поведет страну».

Александр Зиновьев

Из книги «Русская трагедия (гибель утопии)»

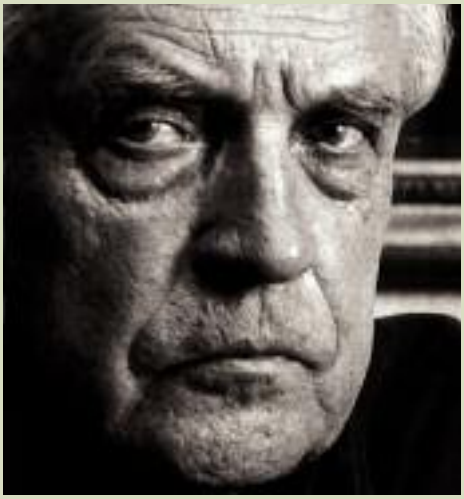
«Сложившаяся на планете ситуация с полной очевидностью обнаруживает то, какую огромную роль в жизни, в эволюции человечества играет идеология. Без коммунистической идеологии была бы невозможна победа революции и построение коммунистического социального строя в нашей стране, была бы невозможна победа в войне с Германией, было бы невозможно превращение страны в сверхдержаву. Спад и кризис советской идеологии стал началом и одной из главных причин краха Советского Союза и советского социального строя. Холодная война Запада, возглавляемого США, против нашей страны велась прежде всего как война идеологическая. Идеология антикоммунизма была одним из оснований интеграции стран Запада в единое западнистское сверхобшество».

■

«Когда речь заходит об идеологии, обычно имеют в виду лишь один компонент этого социального объекта, а именно – определенную совокупность идей, выражаемых словами, фразами, текстами. Буду употреблять для их обозначения выражение “идеологические учения”. Но эти идеи (учения) не возникают, не существуют и не распространяются сами по себе. Их изобретают, сохраняют и распространяют определенного рода люди. Назову их идеологами. Совокупность таких людей образует второй компонент идеологии как социального объекта. Назову его идеологическим механизмом».

■

«Не любая совокупность идей образует идеологическое учение (идеологию как учение, короче говоря, идеологию), а лишь особая. Она отличается от политических, юридических, научных, литературных, бытовых и всех прочих текстов комплексом признаков, включающим тип содержания идей, цели, правила построения, структуру, способы распространения, критерии оценки и другие признаки. Идеологических учений было много в прошлом и много существует в наше время. Это явления исторические в том смысле, что возникают, какое-то время живут, то есть овладевают умами и чувствами каких-то множеств людей, и умирают, то есть выходят из практического употребления, забываются и даже исчезают из человеческой памяти бесследно. Одни из них живут недолго и охватывают небольшое число людей, другие живут десятилетия, столетия и даже тысячелетия и охватывают огромные массы людей, многие миллионы. Влияние одних на жизнь людей и на ход истории ничтожно, другие же определяют весь образ жизни людей и характер целых народов и исторических эпох. Примером идеологий глобального и эпохального масштаба являются известные мировые религии и марксизм. Примером маленьких (частных и кратковременных) идеологий могут служить идеологии партий, общественных движений, сект. И по текстуальным размерам одни учения могут состоять из небольшого числа фраз, которые можно записать на нескольких страницах, и могут включать в себя огромное число всякого рода сочинений, на профессиональное изучение которых тратят целую жизнь бесчисленные специалисты.



Специфическая цель (и функция) идеологического учения (идеологии) – не познание реальности, не развлечение, не образование, не информация о событиях на планете и т.д. (хотя все это не исключается), а формирование у людей определенного и заранее планируемого способа мышления и поведения, побуждение людей к такому способу мышления и поведения, короче говоря, формирование сознания людей и управление ими путем воздействия на их сознание. Идеология изобретается для того, чтобы выработать у тех, для которых она предназначена, некоторый априорный и стандартный способ понимания окружающих человека явлений реальности и жизни людей, стандартное отношение к ним (оценку), стандартное поведение в ситуациях определенного вида. Подчеркиваю: идеология учит людей тому, что они должны думать о тех или иных явлениях бытия, как их оценивать и как поступать в тех или иных случаях. Можно сказать, что идеология дает людям априорную систему социальных координат, позволяющую им ориентироваться в социальной среде».

Ольга Николаевна Четверикова –
кандидат исторических наук,
доцент МГИМО (У) МИД России, товарищ председателя Русского экономического общества имени С.Ф. Шарапова

Католическую церковь готовят к **перестройке**

Как «уходили» Бенедикта XVI

Отречение Бенедикта XVI стало исключительным и чрезвычайным событием, но его экстраординарность полностью соответствует незаурядности той ситуации, которую в настоящее время переживает Ватикан. Внутри Святого Престола в последнее время идет интенсивная внутренняя борьба. Она является не просто соперничеством консервативной и либеральной группировок (это было всегда), а отражением более серьезного процесса, направленного на такую трансформацию самой системы управления Ватиканом и его службами, которая сделала бы их прозрачными для структур глобального управления миром, открыто перешедших к заключительному этапу строительства системы надгосударственного суверенитета. То есть речь идет о противоборстве двух концепций существования Ватикана. Одна из них предполагает сохранение его как суверенного образования, а другая – его постепенную перестройку и встраивание в эту сеть глобального управления с оставлением Святому Престолу только тех функций, которые работают на религиозное обоснование его власти. Римский папа видится глобальной элите исключительно как глашатай нового мирового порядка, и именно в этой роли он выступал в последнее время – шла ли речь о необходимости создания наднациональных политических и финансовых институтов или о поддержке «арабской весны», демонстрирующей новые методы управления этим регионом.

Однако в отличие от других государственных образований, которые более или менее легко встраиваются в систему внешнего управления, в Ватикане власть имеет сакральный характер, это абсолютная теократическая монархия, в которой все замыкается на фигуре папы. Поэтому и изменить статус Святого Престола можно, только резко понизив роль понтифика как главы Церкви и государства.

Фактически сегодня мы видим повторение той же схемы, которая была применена в отношении Ватикана в ходе лишения его светской

власти в сентябре 1870 г. Тогда низложение папы революционной итальянской армией стало своего рода спектаклем, призванным скрыть реализацию давно разработанного плана отказа понтифика от светской власти над Папской областью. Эта территория должна была быть передана новому Итальянскому королевству со всеми землями, а заодно и всеми долгами, которые папа не мог выплатить Ротшильдам (около 30 миллионов скудо). Обанкротить папу оказалось невозможным, вот и был разработан план такой реструктуризации долгов, который и волков (Ротшильдов) делал сытыми, и овец (папу и его окружение) оставлял целыми – только постриженными наголо. Правда, папа компенсировал утрату светской власти принятием тогда же догмата о непогрешимости, значительно укрепившего его духовную власть.

Сегодня суверенитет Ватикана также поставлен под вопрос. Встраивание Святого Престола в новый мировой порядок происходит опять же с помощью финансового механизма, на этот раз – путем перевода его финансов под

Борьба внутри Святого Престола является не просто соперничеством консервативной и либеральной группировок, а отражением более серьезного процесса, направленного на такую трансформацию самой системы управления Ватиканом и его службами, которая сделала бы их прозрачными для структур глобального управления миром.

тотальный контроль всемирной банкирской мафии. Это ударяет по святая святым – самой закрытой и неприкасаемой структуре Святого Престола – Банку Ватикана, который представляет собой не официальное учреждение Ватикана, а банк папы, являющегося в определенном смысле его единственным акционером и полностью его контролирующего.

В этом плане на протяжении последних трех лет на Бенедикта XVI оказывалось беспрецедентное давление. Началось оно с публикации в 2009 г. разоблачительной книги Джанлуиджи Нуцци «ООО Ватикан». В ней вскрывались тайные схемы перевода теневых денег Банком Ватикана. Общественный резонанс достиг апогея в мае 2012 г., когда вышло еще более разоблачительное расследование этого же автора «Его Святейшество», положившее начало скандалу «Ватиликс». Теперь на всеобщее обозрение оказалась выставленной уже вся внутренняя кухня самого понтифика. Это было действительно беспрецедентное событие, показавшее полную беспомощность и уязвимость папы в отношении внешних сил. Что это за силы – так никто и не узнал (судили козла отпущения – папского камердинера), но возможности для шантажа сохранились, поскольку в книге излагалась не самая значительная часть закрытой информации, в то время как ее основная часть осталась в руках заказчиков кампании по дискредитации Бенедикта XVI.

Поскольку давление на папу приобрело крайне дерзкие формы и превратилось уже не только в разоблачение деятельности ватиканских институтов, но и в компрометацию самого понтифика, стало ясным: ему подан недвусмыс-

Статуя папы Пия IX (1846–1878) в римской базилике Санта Мариа Маджоре

Римский папа видится глобальной элите исключительно как глашатай нового мирового порядка, и именно в этой роли он выступал в последнее время. Фактически сегодня мы видим повторение той же схемы, которая была применена в отношении Ватикана в ходе лишения его светской власти в сентябре 1870 г.

ленный сигнал – он больше не свой. Действительно, несмотря на все старания идти в ногу со временем и соотносить свою политику с велениями эпохи глобализации, Бенедикт XVI так и остался в глазах глобальной элиты крайне несовременным деятелем. Его консервативные взгляды, исходящие из приверженности традиционным ценностям, плохо согласуются с той стратегией дегуманизации человечества, которую реализуют мировые менеджеры. От него требовали признания модернизированной этики и главное, как это явно дало ему понять агрессивное гомосексуальное лобби внутри Ватикана, – благословения однополых браков. В таких условиях Бенедикт XVI больше не мог продолжать лавировать и оказался перед жестким выбором.

После заявления папы о готовящемся отречении выяснились новые подробности, проясняющие закулисный механизм его «отставки». Как стало известно в конце февраля из публикации в *Intrepid Report* Уэйна Мэдсена (редактора и издателя *Wayne Madsen Report*), за начавшимся в мае 2012 г. скандалом «Ватиликс» стоял руководитель (до августа 2012 г.) Отдела информации и регулируемых вопросов Белого дома Касс Санстейн, считавшийся главным юридическим советником президента Обамы. «Ватиликс» раскручивался по модели «Викиликса», в реализации которого Санстейн сыграл крайне важную роль.

Когда ресурс «Викиликс», взявший, как известно, первоначально под прицел Китай, был только создан (2006 г.), именно Санстейн обеспечил его популяризацию на страницах ведущих американских СМИ. В своей личной колонке в *Washington Post* он тогда написал: «*WikiLeaks.org*, который был основан диссидентами в Китае и других странах, исполнен намерения помещать в Интернете тайные правительственные документы и защищать их от цензуры с помощью “мягкой войны”». Тот же Санстейн в январе 2008 г. в специальной работе, подготовленной для Гарвардского юридического колледжа, рекомендовал правительству США использовать группы тайных псевдонезависимых агентов влияния для «инфильтрации в экстремистские группы», под которыми имелись в виду организации и сайты, насаждавшие, по словам Санстейна, «фальшивые теории заговора». Подобная инфильтрация призвана увести широкую общественность от дискуссий о том, как освободить современный мир от власти олигархов и от нежелательных для руководства США перемен в экономической политике.

По словам Мэдсена, хорошо осведомленные источники *Wayne Madsen Report* в Риме сообщили, что, в мае 2012 г. Санстейн заявил своему близкому окружению: «После “арабской весны” у нас будет “ватиканская весна”». Непосредственным поводом этого заявления стала, как указывает источник, поддержка Ватиканом инициативы стран БРИКС по реорганизации мировой финансовой системы для создания собственной системы расчетов, к которой смогли бы присоединиться страны Латинской Америки и арабского мира. Тогда-то и стал раскручиваться «Ватиликс», в котором в качестве главного злоумышленника был представлен несчастный папский камердинер Паоло Габриэле. Реальными же организаторами этой операции являлись специализирующиеся на информационных спецмероприятиях неправительственные организации и

СМИ, связанные с Госдепартаментом США.

Самому скандалу предшествовали соответствующие показательные акции: сначала финансовый холдинг *J.P.Morgan* в Милане закрыл счет Банка Ватикана под предлогом отсутствия необходимой информации, затем Госдепартамент США впервые включил Ватикан в список стран, уязвимых для отмывания денег. Все это также осуществлялось по команде Санстейна и его коллег из Министерства финансов США. Из того же центра управляли и начатой в мае 2012 г. информационной кампанией, связанной с поиском тела пропавшей еще в 1983 г. Эмануэлы Орланди, дочери сотрудника Банка Ватикана, знавшего о его тайных махинациях. Кампания проводилась под лозунгом: «Эмануэла Орланди была похищена для секс-вечеринок в Ватикане!» В рамках все той же кампании использовали и гей-скандал в Ватикане, когда в СМИ распространили информацию о секретном докладе папе о нетрадиционной сексуальной ориентации представителей высшего католического руководства. Известно, например, какие усилия были предприняты Святым Престолом, чтобы замять скандал вокруг гомосексуальности Марсьяла Масьэля, основателя и руководителя самой что ни на есть «консервативной» конгрегации «Легионеры Христа», одной из главных опор Бенедикта XVI. Только после смерти этого деятеля в 2008 г. было оглашено, что он совершал поступки, несовместимые с католической моралью, и Ватикан начал расследование деятельности «легионеров» по всему миру. Но вот раструбить об этом на весь мир понадобилось именно в тот момент.

Таким образом, информационная война против Ватикана приняла всеобъемлющий характер и затронула все стороны его деятельности – финансовую, административную, политическую и религиозную. Цель этой кампании была одна – доказать несостоятельность руководства Святого Престола и его неспособность управлять Церковью, нуждающейся в коренных переменах.

В самом начале 2013 г. развернулась заключительная стадия подготовки «ватиканской весны». 1 января Банк Ватикана приостановил обработку всех операций по банковским картам и всех электронных платежей на территории Ватикана опять-таки по причине несоблюдения Святым Престолом в полном объеме международных правил борьбы с отмыванием финансовых средств. Считается, что вследствие этого за месяц объем потерь Ватикана составил около 1,7 миллиона евро.

Тогда к делу подключаются ведущие специалисты по переговорным делам – рыцари Мальтийского ордена. 9 февраля в соборе Святого Петра в Ватикане в честь ордена, основанного в феврале 1113 г., открылись торжества, на которые прибыло более тысячи рыцарей и леди для получения благословения Бенедикта XVI. С мальтийцами папа провел несколько часов, а 11 февраля заявил о своем отречении от престола. И буквально на следующий день на территории Ватикана возобновились операции по банковским картам, а 15 февраля (как раз в день рождения ордена) папа принял последнее крупное решение. Он назначил новым директором Банка Ватикана (а эта должность оставалась вакантной с мая 2012 г.) мальтийца, немецкого юриста и финансиста Эрнста фон Фрайберга, являющегося специалистом по слиянию и поглощению финансового бизнеса.

Мальтийский орден, представляющий собой парагосударственное образование со своей конституцией, является одним из наиболее влиятельных католических орденов. Он тесно связан с крупнейшими масонскими ложами и имеет ответвления в различных сферах – торговле, политике, банковском секторе, спецслужбах, армии, образовании и т.д. Многие рыцари Мальтийского ордена являются членами Совета по международным отношениям и других наднациональных теневых организаций и поддерживают силы, активно работающие на новый мировой порядок и в то же время ориентирующиеся на Ватикан. Достаточно вспомнить таких рыцарей Мальтийского ордена, как бывшие директор ЦРУ Уильям Кейси, его заместитель Верной Уолтер и госсекретарь США Александр Хэйг.

Отсюда назначение фон Фрайберга главой Банка Ватикана можно рассматривать как подготовку почвы для перевода финансовой системы Святого Престола под внешний контроль. Симптоматично, что Бенедикт XVI никогда не виделся с новым директором, а сама его кандидатура была предложена известным международным агентством по подбору топ-менеджеров *Spencer&Stuart*. Видимо, такая отстраненность папы от принятия столь важного решения явилась одним из условий соглашения, принятого на его встрече с мальтийцами.

Первый папа-иезуит

С отречением папы первый этап «ватиканской весны» завершился, и 12 марта – с открытием конклава – начался второй этап этого процесса. Хотя явного фаворита среди участников конклава не просматривалось, итальянские эксперты (в частности, Марко Тозатти) главным претендентом считали итальянца – архиепископа Милана Анджело

Скола. Однако последние события в Италии, предшествовавшие конклаву, явно продемонстрировали, что на итальянскую партию осуществляется сильнейшее давление. В начале марта миланский суд приговорил Сильвио Берлускони – влиятельнейшую фигуру итальянского бизнеса – к одному году тюрьмы по обвинению в причастности к раскрытию конфиденциальной информации в деле о покупке страховой группы *Unipol* банка *BNL*. И почти тогда же из окна своего кабинета выбросился Давид Росси – глава пресс-службы старейшего в Италии банка *Monte dei Paschi di Siena*, вокруг которого в январе 2013 г. разразился скандал, когда выяснилось, что банк скрывал информацию об убытках. После этого все руководство *Monte dei Paschi di Siena* было отправлено в отставку, а прокуратура начала расследование. По оценкам экспертов, смерть назначенного козлом отпущения Росси, скорее всего, скрывает за собой целую цепочку событий, связанных с перестройкой управления мировыми финансами. Но опять-таки произошло все это удивительно вовремя.

13 марта новым понтификом был избран архиепископ Буэнос-Айреса Хорхе Марио Бергольо, взявший имя Франциска. Хотя его имени не было среди фаворитов конклава, на выборах 2005 г. он оказался вторым после Йозефа Ратцингера, так что избрание его нельзя считать неожиданным. Судя по рекордно коротким срокам работы конклава, вопрос о новом папе был решен заранее.

Бергольо стал первым понтификом-латиноамериканцем и первым папой-иезуитом. Его латиноамериканское происхождение свидетельствует о том, что в условиях резкого упадка значения католицизма в Европе возрастает роль Католической церкви в Новом Свете. Однако общемировой процесс антихристианизации охватил и Латинскую Америку, включая Аргентину. Показательно, что Аргентина, в которой провозглашена полная свобода вероисповедания, была на момент избрания Бергольо единственной страной Латинской Америки, где узаконены однополые браки (произошло это в июле 2010 г., а в апреле 2013 г. эти браки признаны и в Уругвае). Как заявил бывший епископ Паленсии Николас Кастельянос, согласно исследованиям, проведенным католическим Обществом Святой Марии, среди латиноамериканской молодежи Католическая церковь в настоящее время не пользуется никаким доверием. Сам Ватикан, по утверждениям хорошо знакомых с ситуацией священнослужителей, сегодня не является авторитетом для католиков в Латинской Америке. Так что избрание папой латиноамериканца не столько свидетельствует о силе католицизма в этом регионе, сколько, напротив, призвано укрепить ослабевший авторитет Святого Престола на континенте.

Символично, что произошло это одновременно с уходом из жизни Уго Чавеса, который воплощал собой антиглобалистскую Латинскую Америку. В последние годы Чавес предполагал, что его раковая болезнь была вызвана искусственно. Он считал, что аналогичная ситуация и у аргентинского президента Кристины Фернандес, также борющейся за ускорение южноамериканской интеграции в противовес доминированию США. А отношения Чавеса с Церковью были настолько напряженными, что дело шло к разрыву между Венесуэлой и Ватиканом, поддерживавшим оппозицию президенту. В одном из своих выступлений Чавес высказался о католических священниках следующим образом: «Они все еще думают, что являются господствующей силой в государстве. Забудьте об этом, пещерные обитатели!» У покойного венесуэльского президента был альянс с симпатизировавшей ему «Реформированной католической церковью Венесуэлы». Ее пасторами являются клирики, запрещенные в служении католическими епископами за различные канонические нарушения. «Реформаторы» выступают против целибата, не считают грехом гомосексуализм, допускают развод.

Поэтому приход латиноамериканского папы должен означать начало новой эпохи в истории латиноамериканского католицизма, который хотя и сохранит свою социальную ориентацию, но вместе с тем восстановит пошатнувшиеся отношения с Ватиканом, но главное – сделает риторику местных национальных лидеров безопасной для глобальной элиты. В конце концов, всегда останется возможность списать на проявления местной национальной экстравагантности высказывания наподобие того, которое позволил себе преемник Чавеса Николас Мадура во время своей избирательной кампании: «Мы знаем, что наш команданте достиг <...> высот, он находится напротив Христа. Что-то такое он сделал, чтобы папой стал южноамериканец <...> и Христос сказал: “Пришло время Латинской Америки”».

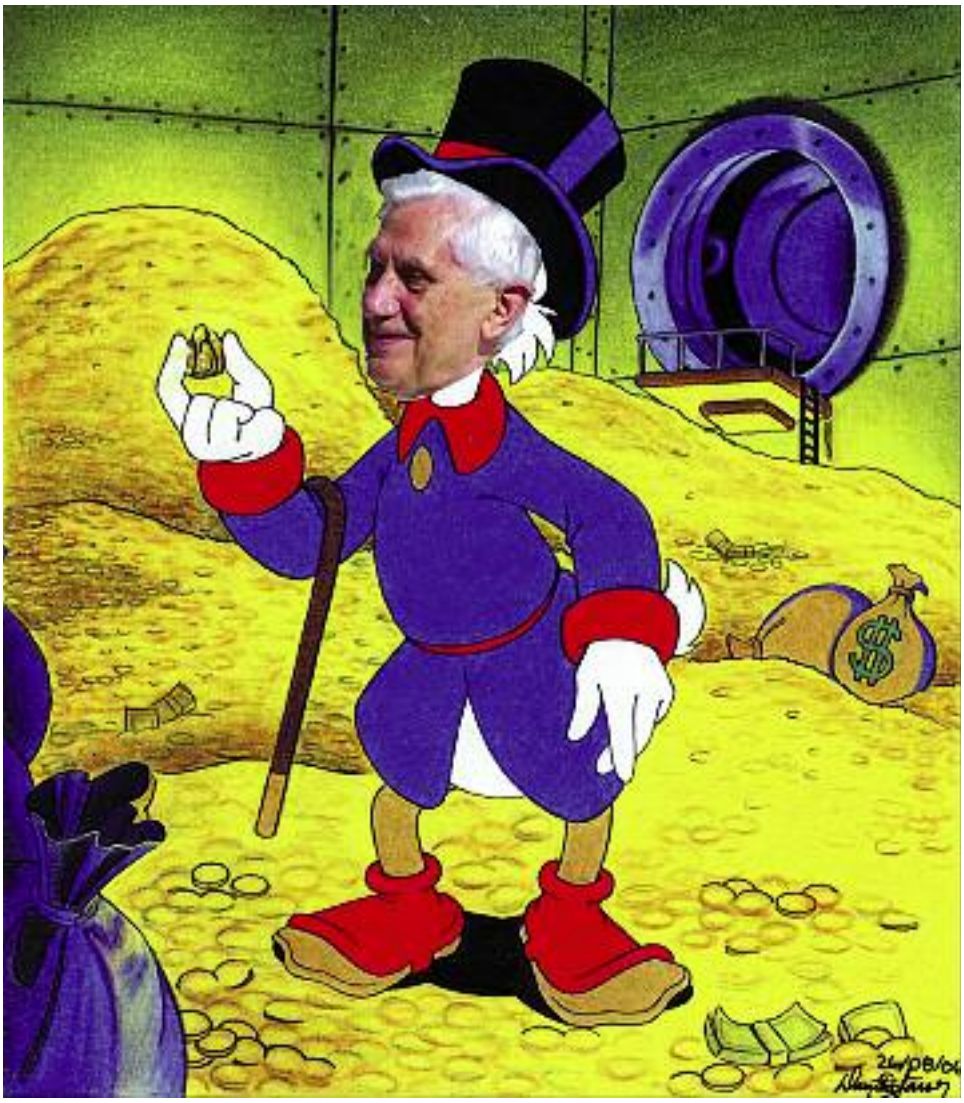
Сенсация о первом латиноамериканце на папском престоле оттенила еще более примечательный факт, что впервые в истории Западную церковь возглавил член Общества Иисуса – самой влиятельной, активной и хорошо структурированной католи-

ческой организации, отвечающей за формирование сознания управленческих элит, способных эффективно действовать в условиях нового мирового порядка. Созданный в самый разгар Контрреформации фактически для спасения папской власти орден иезуитов отличался тем, что к обычным трем монашеским обетам добавил обет беспрекословного послушания и верного служения понтифику. Ему присуща жесткая дисциплина, отточенная система управления и беспрекословного подчинения начальству. Неслучайно генерального настоятеля ордена называют «генералом» или «черным папой» (по цвету сутаны). Главное требование, предъявляемое к иезуиту, – абсолютное послушание. Именно этому учит основатель ордена Игнатий Лойола в своих «Духовных упражнениях»: иезуит «должен смотреть на старшего, как на самого Христа, он должен повиноваться старшему, как труп, который можно переворачивать во всех направлениях, как палка, которая повинуется всякому движению, как шар из воска, который можно видоизменять и растягивать во всех направлениях». Эта иезуитская техника полного подчинения личности привлекла внимание руководителей нацистской Германии. По признанию Вальтера Шелленберга, начальника политической разведки службы безопасности, именно по принципам ордена иезуитов строил организацию СС Гиммлер, о котором Гитлер в свою очередь говорил: «Я вижу в нем нашего Игнатия Лойолу». Орденская структура была заимствована различными спецслужбами.

Свою деятельность орден сконцентрировал на трех направлениях – образовании, миссионерской деятельности и исповедальной практике. Успехом в своей миссионерской деятельности они обязаны выработке уникального метода культурной адаптации и мимикрии, позволяющего им проникать в организации любых религиозных конфессий и приспосабливаться к самым разным социально-культурным условиям. Именно они разработали наиболее гибкие приемы работы с Православными церквами. Особенно на этом поприще прославился французский иезуит Михаил д'Эрбиньи, возглавивший Комиссию *Pro Russia*, созданную в 1925 г. при конгрегации для Восточной церкви в целях подготовки кадров священнослужителей для Советского Союза. При этом особое значение придавалось криптокатолицизму (тайному католицизму), в соответствии с которым на патриарший престол в России планировалось возвести епископа, тайно давшего присягу папе, то есть тайно перешедшего в католичество. Криптокатолицизм удобен тем, что не требует формального разрыва с Православной церковью. Он предполагает негласное принятие духовного лица в сущем сане в лоно католицизма, то есть в евхаристическое общение и в иерархическую связь с римским епископом, и продолжение его служения в Православной церкви с целью постепенного насаждения среди прихожан симпатии к Святому Престолу и католическому учению.

За начавшимся в мае 2012 г. скандалом «Ватиликс» стоял руководитель (до августа 2012 г.) Отдела информации и регулируемых вопросов Белого дома Касс Санстейн (на фото), считавшийся главным юридическим советником президента Обамы. «Ватиликс» раскручивался по модели «Викиликса», в реализации которого Санстейн сыграл крайне важную роль.

Для большей эффективности их деятельности иезуитам разрешается вести светский образ жизни, не афишировать свою принадлежность к ордену, пользоваться широкими привилегиями и нести ответственность только перед своим руководством. Поэтому они легко проникают в масонские и другие оккультные структуры. Визитной карточкой ордена стала знаменитая иезуитская мораль, исходящая из приспособительной теологии, позволяющей произвольно толковать основные религиозно-нравственные требования и подстраиваться под воззрения и нравы людей любого времени и места, оправдывая любой безнравственный поступок – положение «цель оправдывает средства». Именно в системе нравственного богословия иезуитов, воспитавших целые поколения представителей европейской католической (и не только – вспомним об известных просветителях) элиты, можно найти истоки той двойной мо-



В самом начале 2013 г. развернулась заключительная стадия подготовки «ватиканской весны». 1 января Банк Ватикана приостановил обработку всех операций по банковским картам и всех электронных платежей на территории Ватикана по причине несоблюдения Святым Престолом в полном объеме международных правил борьбы с отмыванием финансовых средств.

рали, которая стала одним из ключевых принципов западной дипломатии. Именно поэтому слово «иезуит» приобрело переносное и крайне негативное значение. Как бы ни пытались отдельные сторонники православно-католического диалога преодолевать исторически сложившиеся среди православных верующих крайне отрицательные представления об иезуитах, добиться этого они никогда не смогут. Об этом, в частности, говорилось на встрече в Москве в июле 2010 г. заместителя главы ОВЦС игумена Филиппа (Рябых) с генеральным настоятелем ордена иезуитов Адольфо Николасом.

Впечатляющих результатов достигли иезуиты в развитии образовательных структур и институций. Сегодня они издают более 1100 журналов, которые читают более 40 миллионов человек, руководят 195 университетами во всем мире, среди которых Папский Григорианский университет в Риме, Сент-Луисский, Фордхэмский и Джорджтаунский университеты в США (последний является единственной в США дипломатической школой). Это позволяет им выдвигать своих людей на ключевые посты в государственных структурах не только Европы, но и США. Достаточно напомнить, что иезуитские частные высшие учебные заведения закончили бывшие руководители ЦРУ Уильям Кейси (Фордхэмский университет), Джордж Тенет (Джорджтаунский университет), Роберт Гейтс (Джорджтаунский университет), Леон Панетта (университет Святой Клары). Выпускником Фордхэмского университета является и нынешний директор ЦРУ Джон Бреннан. Укрепление позиций ордена и его генерала, рассматривавшихся как важнейший инструмент в руках Ватикана, со временем позволило иезуитам добиться автономии и начать контролировать уже сам Святой Престол и решения понтифика. Они стали проникать в правительственные структуры разных стран и наднациональные теневые организации, занимаясь под видом приспособления католического учения к реалиям жизни формированием единой мировой религии.

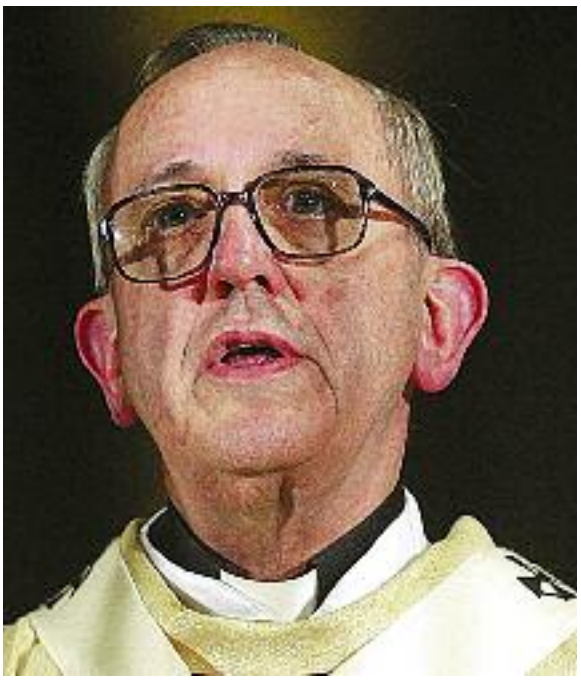
Именно иезуит кардинал Августин Беа, входивший в круг ближайших советников папы и возглавлявший партию прогрессистов, сыграл решающую роль в экуменическом перевороте на Втором Ватиканском соборе (1962–1965). Благодаря личным связям и контактам этого влиятельного масона и теолога-модерниста (он возглавлял иезуитский Международный исследовательский центр, Папский Григорианский университет) произошло сближение Святого Престола со Всемирным еврейским конгрессом

(ВЕК) и организацией «Бнай-Брит», завершившееся полным пересмотром христианского учения об иудаизме и фактическим переходом на позиции иудеохристианства. Специальные работы о теневой стороне деятельности ордена при Павле VI и Иоанне Павле II были написаны бывшим иезуитом Альбертом Ривера и бывшим епископом Жераром Буффаром. Последний в течение 6 лет отвечал за переписку между папой и руководителями иезуитов и назвал общество «настоящим духовным контролером» нового мирового порядка, работающим на создание сетевого транснационального правительства. Об этом же говорят и исследования таких авторов, как Бил Хьюз («Разоблаченный враг» и «Тайна террористов») и Эрик Джон Фелпс («Убийцы Ватикана».) Конечно, данные работы написаны с протестантских позиций, но они очень хорошо выявляют цели и методы ордена иезуитов, позволяющие им оставаться эффективными субъектами мировой закулисы.

Миссия папы Франциска

Избрание папы-иезуита доказало, что вся предшествовавшая этому титаническая работа, направленная на смещение Бенедикта XVI, была проделана не зря. Если раньше ключевые католические ордена действовали в тени, то сегодня они переходят к непосредственному управлению Ватиканом с соответствующим распределением функций. Это позволит встроить Католическую церковь в новый мировой порядок. Финансы Ватикана перешли под контроль мальтийцев (они взяли на себя самую «грязную» работу по «очистке» финансов), а Святой Престол – под прямой контроль иезуитов, которые смогут сконцентрироваться на «миссионерской» деятельности. Главная интрига здесь кроется в нюансах.

Генерал Общества Иисуса Адольфо Николас подчиняется непосредственно понтифику. Но став папой, Бергольо остался членом ордена, так что он будет руководствоваться фактическими отношениями с иезуитами, которые и окажутся его реальными «помощниками». В лице Франциска произошло фактическое слияние власти ордена и власти Церкви. Так что самостоятельность понтифика весьма относительна. Невольно встает вопрос: какой папа будет реально править – «белый» или «черный»? Сам Николас отметил, что характерной чертой ордена является «особое единство» с римским папой, с которыми иезуиты связаны «узами любви и служения», и что избрание Бергольо «открывает для Церкви этап, полный надежды».

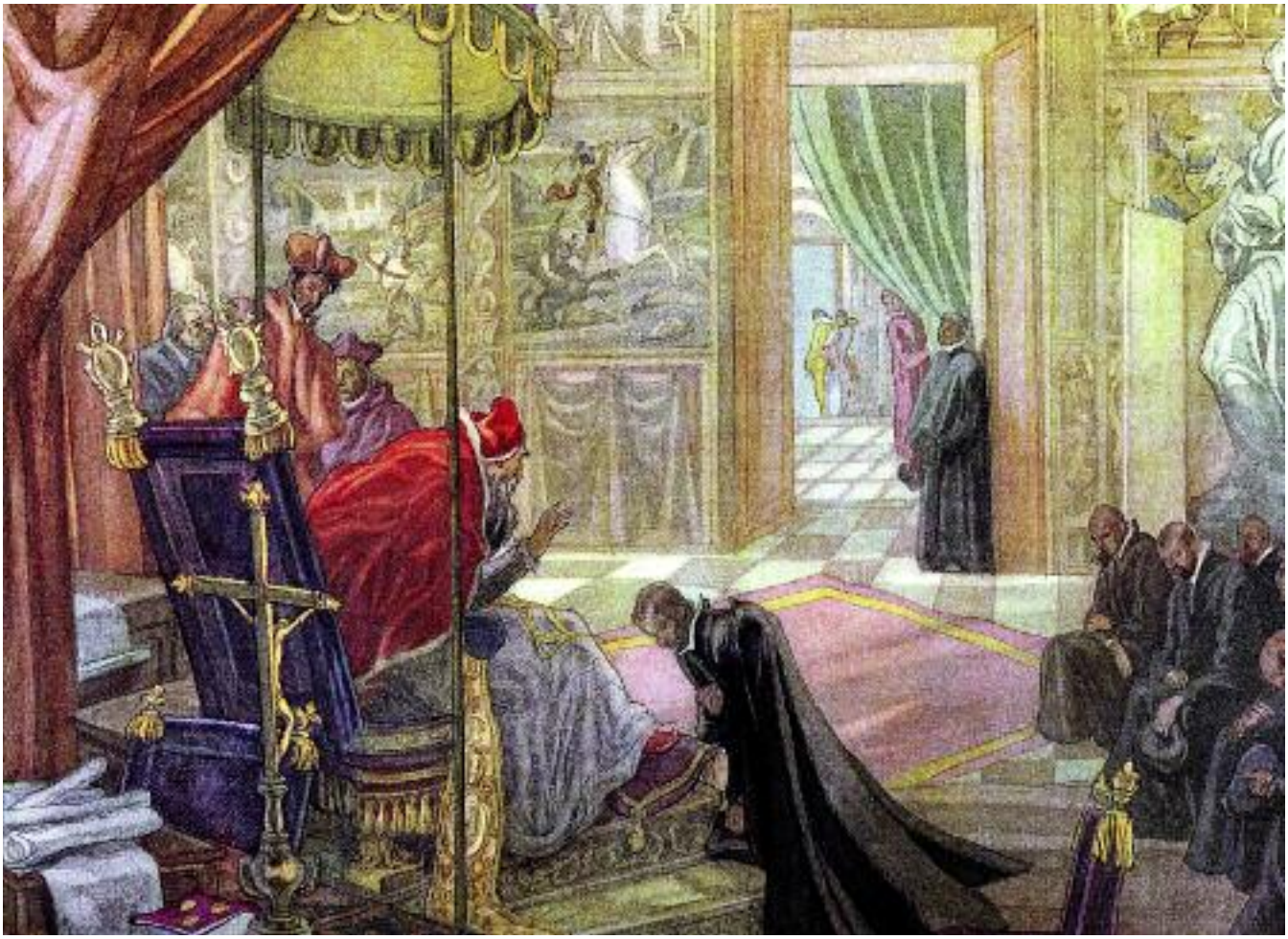


Бергольо стал первым понтификом-латиноамериканцем и первым папой-иезуитом. Его латиноамериканское происхождение свидетельствует о том, что в условиях резкого упадка значения католицизма в Европе возрастает роль Католической церкви в Новом Свете.

По-видимому, главные усилия орден сконцентрирует на перестройке системы управления Святым Престолом в целях выведения его из-под влияния старых внутрицерковных кланов, неспособных адекватно реагировать на ветры мировых перемен. В планах иезуитов – реформирование Римской курии, которое будет заключаться в децентрализации власти и интернационализации руководства, до сих пор считающегося «слишком римским». Вероятно, курия будет сокращена, а ее структура и доступ к папе – упрощены. Это поспособствует укреплению позиций и самостоятельности низовых католических организаций, находящихся под контролем ордена.

Главная же задача нового руководства – так называемая новая евангелизация. Под красивой формулой скрывается старое содержание. Его суть – в экуменической открытости и межрелигиозном диалоге, целью которого является дальнейшее размывание христианства в некоей «единой мировой религии» под началом римского папы, который сам пребывает под внешним управлением. Показательно, как тепло поприветствовал нового папу ВЕК, президент которого заявил, что они знают Франциска, который неоднократно посещал межконфессиональные встречи, организованные ВЕК и латиноамериканским отделением конгресса. Он также подчеркнул, что новый папа всегда открыт для диалога и способен навести мосты между католичеством и другими религиями.

Карлос де Техада. Папа Павел III и Игнатий Лойола



Укрепление позиций иезуитского ордена и его генерала, рассматривавшихся как важнейший инструмент в руках Ватикана, со временем позволило иезуитам добиться автономии и начать контролировать уже сам Святой Престол и решения понтифика.

Глава ВЕК выразил надежду, что понтифик примет меры в отношении тех священнослужителей, которые отрицают Холокост, и что он укрепит связи между Ватиканом и Израилем. А основатель Фонда Рауля Валленберга Барух Тенембаум отозвался о папе еще теплее: «Это человек очень простой, очень скромный и духовный. Как никто другой, он участвовал во всех межрелигиозных встречах. У него множество друзей раввинов, с которыми он публиковал свои книги. Он посещал много синагог. Я говорю не потому, что я иудей, а потому, что это человек, вдохновленный глубоким уважением ко всем личностям, которые имеют право на различия».

Нельзя забывать, что суть иезуитизма – в его фарисействе, в его приспособительной морали, которая приучает верующих под видом исполнения нравственного закона, в сущности, нарушать его. Очень показательна в этом отношении беседа нынешнего «черного папы» иезуитов испанца Николаса в студии сибирского католического телевидения «Кана», в которой он рассказывал о сути служения иезуитов в современном светском обществе. Николас долгие годы работал в Японии, он является активным сторонником сближения разных культур и особое внимание уделяет Востоку. В своем выступлении он даже не упомянул имени Христа, зато подчеркнул необходимость «контекстуализации» и «инкультурации» благовествования, которые являются его главными формами, способствующими диалогу с разными культурами. Поскольку именно в этом диалоге идет «поиск полноты истины», как к этому призывает римский папа. Сказал Николас и о необходимости свидетельствования и веры, только свидетельствовать надо о том, что «наша жизнь – это жизненные реалии», а верить следует в «возможность сохранять полноту человеческой жизни». Наконец, поскольку главную роль играет тот факт, что мы находимся в глобализированном, многообразном и взаимосвязанном мире, этот мир, по

мнению Николаса, нуждается в такой системе управления, которая будет эффективна непосредственно сегодня.

Подобная «гибкая» позиция иезуитов осложняла их отношения с Бенедиктом XVI, который предпочитал опираться на консервативную конгрегацию «Легионеры Христа». Иезуиты же оставались на втором плане. Известно даже, что были составлены своего рода черные списки 250 иезуитских теологов, которым было запрещено преподавать в некоторых университетах. И только падение авторитета «Легионеров Христа» вследствие указанного выше скандала и усугубляющаяся закрытость «Опус Деи» способствовали определенному восстановлению позиций Общества Иисуса, что проявилось в назначении в 2006 г. директора Радио Ватикана иезуита Фредерико Ломбарди главой пресс-службы Святого Престола. Но, как признавались некоторые иезуиты, все равно они «не ощущали себя швейцарскими гвардейцами» и не были склонны рассматривать свой традиционный обет верности папе как синоним слепого подчинения. С избранием Франциска орден не просто взял реванш, он добился полной победы. Новый папа – гибкий иезуит – подходит к выполнению экуменической миссии идеально. Весь этот непривычный новый стиль поведения понтифика, которым так восхищаются СМИ, с его показной скромностью и демократичностью, неофициальностью и даже запанибратством (взять хотя бы его последний телефонный звонок «старому другу» Николасу минуя секретаря) – это составная часть иезуитской методики поведения, предполагающей максимальное погружение в окружающую реальность. В условиях повсеместного назревания социального взрыва сильным мира сего очень нужен «бедный папа», усыпляющий нравственную бдительность верующих. Главная задача иезуитов – обеспечить укрепление власти транснационального класса собственников путем создания иллюзий его чудесного перерождения в спасителя человечества. И пока папа будет создавать «бедную Церковь», богатые должны завершить ограбление народов в целях установления своего тотального господства над миром.

Так что Франциск на Святом Престоле – это и есть *soft power* по-иезуитски.

Экуменизм: «новый курс» Ватикана или старые игры иезуитов?

В середине апреля в Россию приехал глава Папского совета по содействию христианскому единству кардинал Курт Кох, который о цели своей поездки еще в марте заявил следующее: «Отношения между Москвой и Римом, без сомнения, стали лучше, чем в прошлом, хотя некоторые вопросы еще остаются открытыми и из Москвы пока поступает мало сигналов о готовности к встрече между патриархом Кириллом и папой Франциском. Но все будет зависеть от того, удастся ли углубить экуменические отношения и диалог. И конечно, этому послужит мой визит в Санкт-Петербург и в Москву в конце апреля, чтобы осуществить последующие шаги».

Что это значит для нас сегодня?

Напомним, что курс на активный экуменический диалог и на достижение «единства всех христиан» Святой Престол начал проводить со времен II Ватиканского собора. Но сегодня, как указал кардинал Кох в своей недавней статье в *Osservatore Romano*, центральный вопрос экуменического диалога заключается в том, что «различные экклесиологии обладают разными понятиями экуменизма», «нет согласия в том, что означает экуменизм и в чем его цель». «Мы часто не знаем, чего хотим от экуменизма и чего нужно от него ждать». Все это результат плюрализма эпохи Постмодерна. Поэтому, чтобы избежать отдаления друг от друга, «необходимо вновь поразмышлять о конечной цели экуменического пути в свете веры». В связи с этим Кох поясняет, что если сейчас экуменизм рассматривается самое большее как «толерантное признание различий друг друга», то христианский взгляд требует признания единства: «Единство было и остается основополагающей категорией христианской веры».

Однако Кох лукавит, не поясняя, как Святой Престол понимает такое «единство». Но об этом хорошо сказано в документах II Ватиканского собора и в последующих декларациях Католической церкви. Так, в догматической конституции собора о Церкви (*Lumen gentium*) говорится, что Церковь Христова «пребывает в католической Церкви, управляемой преемником Петра и епископами в общении с ним». В ней повторяется «учение об установлении, непрерывности, значении и смысле священного первенства римского понтифика и о его безошибочном учительстве» и утверждается, что «в силу своей должности, то есть как наместник Христа и пастырь всей Церкви, римский понтифик обладает в Церкви полной, верховной и универсальной властью». А далее излагается экуменическая концепция католицизма, в соответствии с которой «те, которые веруют во Христа и должным образом приняли крещение, находятся в известном общении с Католической цер-

ковью, пусть даже неполном, а полное общение возможно только с признанием власти преемника Петра, то есть понтифика Рима».

То же положение подтверждает и документ конгрегации доктрины веры 2007 г. «Ответы на вопросы, касающиеся некоторых аспектов католической доктрины». В нем утверждается, что единая Церковь Христова «пребывает в Католической церкви, управляемой преемником Петра и епископами в общении с ним», ей вверена «полнота благодати и истины». В то же время в других Церквах и церковных сообществах, не пребывающих в полном общении с Католической церковью, Церковь присутствует и действует благодаря только некоторым элементам истины и святости. В отношении Православных церквей сказано, что хотя они и обладают истинными таинствами и достойны называться «отдельными или поместными Церквами», но суть их «страдает от некоего недостатка», поскольку «общение с Католической церковью, видимым главой которой является римский епископ – преемник Петра», – по причине разделения между христианами встречает препятствия. Так что если без лукавства, то подлинное единство христиан, в соответствии с учением Святого Престола, возможно только при условии признания Православными церквами римского папы как преемника Петра и главы Христианской церкви. Это есть и цель, и содержание предлагаемого Кохом единства.

Между тем, несмотря на все усилия Ватикана, по признанию самого Коха, «цель экуменизма не достигнута», и на пути православно-католического диалога католики встречают трудности. Еще в конце 2011 г., говоря о его состоянии, Кох отметил, что с 2005 г. участники этого диалога обсуждают проблему первенства, поскольку Церковь нуждается в «первенствующем», но так и не смогли продвинуться вперед. Главная причина этого, по его мнению, «в разделении в самом православии». Поэтому такое большое значение Ватикан придает проблеме созыва всеправославного собора, на который он возлагает большие надежды, считая, что собор утвердит первенство константинопольского патриарха, уже готового признать папский примат. Как заявил Кох в интервью в январе 2013 г., «я слежу за развитием этого вопроса с большой симпатией, потому что убежден: если дело дойдет до открытия всеправославного собора, то это станет также большим подспорьем для экуменического диалога с нами». Именно в целях ускорения данного процесса Святому Престолу и понадобилось вновь «поразмышлять о конечной цели экуменического пути», акцент здесь переносится на «молитву о единстве». С попыток добиться формального признания главенства понтифика Ватикан перешел к более гибкой форме поиска «единства». Теперь его будут продвигать не путем дипломатии, богословских диалогов и формальных договоренностей, а, как выразился Кох, на человеческом, дружеском, духовном уровне. «В будущее нас поведет не экуменизм “на бумаге”, но единство жизни», – заявил он. На одной из католических конференций было даже сформулировано понятие «низовой экуменизм», что означает контакты между рядовыми священниками, общинами и простыми верующими.

С этой же целью в октябре 2012 г. по случаю 50-летия II Ватиканского собора Бенедикт XVI объявил Год веры – событие, которое наравне с Неделей молитв о единстве христиан (18–25 января) Кох выделил в качестве центрального: «Тем, что нас объединяет больше всего, является таинство крещения, признанное всеми, и апостольское исповедание веры. В этом смысле Год веры – это большой стимул для поиска корней экуменизма, которые находятся именно в вере».

Так что Ватикан не станет теперь так явно навязывать нам обсуждение богословских вопросов, он будет пытаться объединить нас в христианской молитве. В этом – пафос «нового курса». Но парадокс в том, что провозгласивший его папа никак не подходил для его претворения в жизнь. Ратцингер – теолог-доктринер, придерживающийся четких догматических положений и жестких церковных правил. А тут нужен новый революционный подход, осилить который может только тонкий ловец человеческих душ. И у власти оказывается виртуозный папа-иезуит, специалист по экуменической открытости, межрелигиозному диалогу, способный воспринять любую культуру и молиться везде и с каждым.

Но к православию это имеет особое отношение. Как подчеркнул Кох, «в православии богословие находит конкретное воплощение в богослужении, *lex orandi – lex credendi* (закон молитвы – закон веры. – *О. Ч.*)». А ведь новый папа – специалист по восточному обряду, бывший ординарий униатов Аргентины, воспитанник священника-галичанина Степана Чмиля. Как отметил стажировавшийся у него нынешний глава украинских униатов Святослав Шевчук, «он хорошо знает наш обряд и даже помнит нашу литургию», «знает нашу духовность». Таким же хорошим специалистом по восточному обряду является и иезуит Милан Жуст – сотрудник Папского совета по содей-

ствию христианскому единству, отвечающий за отношения с Православными церквами стран Восточной Европы и Грузии. Получив образование в Католическом университете и в православном Свято-Сергиевском богословском институте в Париже, он хорошо изучил православие. Его докторская диссертация была посвящена о. Павлу Флоренскому. Однако о «глубине» проникновения Жуста в понимание православной духовности очень хорошо свидетельствует следующее его заключение: «Не стоит противопоставлять духовность Игнатия Лойолы православной традиции». Конечно, найти общее в идеях ярого паписта, учившего «повиноваться старшему, как труп, который можно переворачивать во всех направлениях, как шар из воска, который можно видоизменять и растягивать во всех направлениях», и в мистике православных святых мог только представитель просвещенного иезуитизма.

Именно Жусту поручена особая миссия по достижению православно-католического «духовного единения», и здесь

Новый папа – гибкий иезуит – подходит к выполнению экуменической миссии идеально. Весь этот непривычный новый стиль поведения понтифика, которым так восхищаются СМИ, с его показной скромностью и демократичностью, неофициальностью и даже запанибратством – это составная часть иезуитской методики поведения, предполагающей максимальное погружение в окружающую реальность.

он добился определенных успехов. Показательно, что если в конце 90-х, по признанию Жуста, его не пустили в Московскую духовную академию, а в других местах принимали явно неохотно, теперь обстановка изменилась. В 2010 г. он посетил Общецерковную аспирантуру и докторантуру имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, где, как заявил митрополит Иларион, создается «новое поколение священнослужителей». Здесь он прочел лекцию «Папский совет по содействию христианскому единству и православно-католический диалог», после которой состоялись «увлекательная беседа» и «плодотворный обмен мнениями» со слушателями. В марте 2011 г. он сопровождал Курта Коха в его поездке в Россию. А в марте 2012 г. совместно с руководителем проуниатского центра *Istina* Иасинтом Дестивелем прибыл в Санкт-Петербург, где встречался с православными иерархами и священнослужителями и посетил Санкт-Петербургскую духовную академию, а затем присутствовал на литургии.

В ходе встречи ректор академии епископ Амвросий Гатчинский поблагодарил Жуста за поддержку петербургских православных студентов, обучавшихся в Риме, и обсудил возможность дальнейших стажировок православных семинаристов и священников в католических учебных заведениях. А Жуст в свою очередь обратился с просьбой рассмотреть возможность обучения католических студентов в санкт-петербургских духовных школах. Вот так «объединяют» православную и католическую духовность, подготавливая «единство в молитве».

Встреча митрополита Илариона с кардиналом Кохом и Миланом Жустом

Иезуит Милан Жуст – сотрудник Папского совета по содействию христианскому единству, отвечающий за отношения с Православными церквами стран Восточной Европы и Грузии – указывает: «То, что нам нужно в первую очередь, – это общение на пастырском уровне, а не только на богословском или иерархическом. Тогда возникает доверие. Всегда можно найти цитату из Писания или отцов, чтобы обвинить другого. Если же есть доверие, то всегда можно найти цитату, чтобы другого оправдать».

Иезуитские корни «нового курса» Коха совершенно очевидны. Он повторяет Жуста, по мнению которого главная проблема в отношениях с православными не в существующих разногласиях и не в разнице в обрядах, а в слабости веры. Но об ответственности папства за оскудение веры на Западе Жуст, естественно, молчит, так же как молчит он и о том, что именно сила веры православных «мешает» им принять Католическую церковь как «сестринскую». Задача иезуитов – привести нашу веру в соответствие с верой католиков, для чего и применяются проверенные веками приемы. Жуст указывает: «То, что нам нужно в первую очередь, – это общение на пастырском уровне, а не только на богословском или иерархическом. Тогда возникает доверие. Всегда можно найти цитату из Писания или отцов, чтобы обвинить другого. Если же есть доверие, то всегда можно найти цитату, чтобы другого оправдать». Это и есть иезуитская мораль – теория оправдания, или теория пробабилизма, в соответствии с которой всякое действие может быть совершено и не будет противно нравственным законам, если в оправдание его можно представить мнение какого-либо авторитетного богослова.

Но какова же цель достижения доверия? Жуст этого и не скрывает, прямо указывая, что через процесс общения и взаимного узнавания в обеих Церквах готовится почва для судьбоносных решений: «Для нас важно, чтобы принятие совместных документов или возможная будущая встреча папы и патриарха не вызывали серьезных протестов. Но пока протесты есть, я первый скажу, что скорее всего время еще не пришло». Вот и вырисовывается логика иезуитов: цель превращается в средство, так как укрепление веры оказывается необходимо, чтобы подготовить встречу между папой и патриархом. Ну а сама встреча должна обеспечить то самое «христианское единство», ту самую «полноту вселенскости», которые только и возможны с признанием римского понтифика главой Церкви.

Иезуитизм, как всегда, совершает идейную подмену, пытаясь примирить непримиримое. Игнорируя богословские расхождения, он отделяет догматику от мистики, в то время как христианство являет собой уникальный пример органической связи всех трех проявлений религиозной жизни – догмата, этики и мистики. Если устранить одну из этих черт из общего учения, оно будет искажено.

Эта мысль с необычайной ясностью и простотой выражена у преподобного Симеона Нового Богослова: «Только тот ум, который соединяется с Богом посредством веры (догмат) и познает Его через делание заповедей (этика), только такой наивернейший сподобляется видеть Его и созерцательно (мистика)». Так же ясно написано об этом и преподобным Исааком Сириным: «Естественное ви́дение, то есть различение добра и зла, вложенное в природу нашу Богом, само убеждает нас в том, что должно веровать Богу, приведшему нас в бытие (догмат); а вера производит в нас страх; страх же понуждает нас к покаянию и деланию (этика). Так дается человеку духовное

ведение, то есть ощущение тайн, которое рождает веру истинного созерцания (мистика)».

Что же касается католицизма, допустившего отступления и в догматике, и в сотериологии, и в учении о таинствах, и многие другие, оно давно определяется православием как ересь. Напомним слова наших святых отцов.

Святитель Игнатий (Брянчанинов): «Папизм – так называется ересь, объявшая Запад, от которой произошли, как от древа ветви, различные протестантские учения. Папизм присваивает папе свойства Христа и тем отвергает Христа. Некоторые западные писатели почти явно произнесли это отречение, сказав, что гораздо менее грех – отречение от Христа, нежели грех отречения от папы. Папа есть идол папистов, он – божество их. По причине этого ужасного заблуждения благодать Божия отступила от папистов; они преданы самим себе и сатане – изобретателю и отцу всех ересей, в числе прочих и папизма. В этом состоянии омрачения они исказили некоторые догматы и таинства, а Божественную Литургию лишили ее существенного значения, выкинув из нее призывание Святого Духа и благословение предложенных хлеба и вина, при котором они пресуществляются в Тело и Кровь Христовы. <...> Никакая ересь не выражает так открыто и нагло непомерной гордости своей, жестокого презрения к человекам и ненависти к ним».

Святитель Феофан Затворник: «Латинская церковь есть апостольского происхождения, но отступила от апостольских преданий и повредилась. Главный ее грех – страсть ковать новые догматы. <...> Латиняне повредили и испортили Святую Веру, Святыми Апостолами преданную. <...> Верить по-латински <...> есть уклонение от Церкви, ересь».

Преподобный Иустин (Попович): «Христа оттеснили на Небо, а на Его место поставили “наместника” – папу; Богочеловека заменили человеком, а любовь – систематическим устранением, уничтожением всего, что не поклоняется папе, даже и через насильственный перевод в папскую веру и сжигание “грешников во славу кроткого и благого Господа Иисуса”».

Святитель Феофан Затворник: «Латинская церковь есть апостольского происхождения, но отступила от апостольских преданий и повредилась. Главный ее грех – страсть ковать новые догматы. <…> Латиняне повредили и испортили Святую Веру, Святыми Апостолами преданную. <…> Верить по-латински <…> есть уклонение от Церкви, ересь».

CV Вильгельма Рихарда Вагнера

Вагнер родился в Лейпциге 22 мая 1813 года. Его отец Карл Фридрих Вагнер – юрист и чиновник лейпцигской полиции – умер в том же году, так и не увидев своего девятого ребенка. Уехав по делам в Берлин, он надолго задержался из-за войны, заболел тифом и умер. Напомним, что в этот период шли Наполеоновские войны, а знаменитая Битва народов произошла близ Лейпцига в октябре 1813 года.

Мать Вагнера – Джоанна Розина, урожденная Паетц, дочь местного пекаря – вскоре сошлась со своим приятелем, актером и художником Людвигом Гейером, и переехала к нему в Дрезден вместе с детьми. Вероятно, Вагнер в молодости считал Гейера своим настоящим отцом. Людвиг Гейер умер, когда Вагнеру было всего лишь семь лет, но еще долгие годы он по документам был Рихард Гейер.

Рихард Вагнер: нарастающее напряжение

Рихард Вагнер (22 мая 1813 года – 13 февраля 1883 года) – немецкий композитор и теоретик искусства.

Познай, где свет, – поймешь, где тьма.

Александр Блок

200 лет

200-летие Рихарда Вагнера, несомненно, событие. И не столько день 22 мая 2013 года, когда счет времени указывает на истечение двух столетий со дня рождения композитора. Событием длиною в двести лет является само существование Вагнера: сперва как ребенка, потом как юноши, затем как деятельного господина, сочиняющего статьи, драмы и музыку, наконец, как самостоятельно существующей Вселенной, наполненной звуками, образами, мыслями и чувствами Вагнера.

Уильям Хант. Риенци оплакивает брата. 1848–1849 годы

В 1827 году семья вернулась в Лейпциг. В январе 1828 года Вагнер впервые услышал Седьмую симфонию Бетховена, а позднее – Девятую. Эта музыка произвела на него громадное воздействие, и Вагнер начал обучаться музыке у кантора местной церкви. А с 1831 года продолжил музыкальную учебу в университете Лейпцига, где в первый же год написал си-бемоль мажорную сонату, ставшую первым «каталожным» произведением (Op. № 1), хотя еще до этого он написал фортепьянное переложение Девятой симфонии Бетховена, ряд других небольших сочинений. Потом была написана до-мажорная симфония, а в 1833 году, уже получив место хормейстера в Вюрцбурге, Вагнер написал свою первую оперу «Феи», которая при жизни автора не была поставлена. В 1834 году Вагнер получил место «мюзик-директора» театра в Магдебурге. Театр вскоре обанкротился, у Вагнера возникли материальные проблемы, однако время, проведенное в Магдебурге, не прошло безрезультатно. Во-первых, он влюбился в актрису и певицу театра Минну (Кристина Вильгельмина) Планер и женился на ней, а во-вторых, сочинил комическую оперу «Запретная любовь» по комедии Шекспира «Мера за меру». Судьба этой оперы вполне благополучна, ее ставят до сих пор: в 2011 году состоялась ее премьера в Москве в театре «Геликон-опера».

В 1842 году в Дрездене состоялась триумфальная премьера оперы «Риенци, последний из трибунов», изменившая его материальное и общественное положение к лучшему. Постановке содействовал покровительствовавший Вагнеру успешный и влиятельный композитор Джакомо Мейербер, происходивший из богатой еврейской семьи. В том же году Вагнер переезжает в Дрезден, а через год становится придворным капельмейстером при королевском саксонском дворе, и тогда же проходит премьера «Летучего голландца». В 1845 году увидел свет «Тангейзер», а на апрель 1848 года запланирована премьера уже новой оперы – «Лоэнгрин». Однако начавшаяся в том же году революция, охватившая многие города Германии, в 1849 году пришла и в Дрезден. Вагнер, как многие люди его круга, был увлечен левыми революционными взглядами, находился под влиянием идей Пьера-Жозефа Прудона и Людвига Фейербаха, к тому же он познакомился и подружился с самим Михаилом Бакуниным – человеком ярким, прирожденным лидером, бывшим одним из руководителей Дрезденского майского восстания. Хотя Вагнер выполнял совершенно незначительные поручения, проявляя, впрочем, отвагу, его участие в восстании привело к выдаче ордера на арест и объявлению его государственным преступником.

Людвиг II Баварский

Премьера «Лоэнгрина» не состоялась, а Вагнеру пришлось бежать сперва в Веймар к Францу Листу, оказавшему политэмигранту горячую поддержку, а в 1850 году в Швейцарию, где Вагнер живет до 1872 года – сначала в Цюрихе, потом в Тишбене близ Люцерена.

Представления Вагнера о революции имеют настолько поэтический характер, что его непосредственное участие в революционных событиях 1848 года выглядят как эмоциональная увлеченность романтического юноши (хотя ему уже 35 лет) занимательным действом, а не как практическая работа. В статье «Революция» (апрель 1849) Вагнер создает ее словесный образ: «Она приближается на крыльях бурь, с высоко поднятым челом, озаренным молниями, карающими и холодными очами, и все же какой жар чистейшей любви, какая полнота счастья сияет в них для того, кто дерзает смелым взглядом посмотреть в эти темные очи! Она приближается поэтому в шуме бури, вечно омолаживающая мать человечества, уничтожая и воодушевляя, проходит она по земле <…> возникают руины того, что в суетном безумии было построено на тысячелетия. <…> Однако за ней открывается нам освещенный ласковыми лучами солнца доныне невиданный рай счастья, и там, где <…> касалась его нога, зацветают благоухающие цветы, и где еще недавно воздух содрогался от шума битвы, мы слышим ликующие голоса освобожденного человечества!» Вагнер, однако, не ограничивает свою роль восторженным воспеванием «бури и руин», он от имени революции высказывает и вполне определенные экономико-политические взгляды: «Я собираюсь уничтожить до основания тот порядок вещей, в котором вы живете, ибо он возник из греха, его цветом является нищета, плодом – преступление. <…> Я хочу уничтожить господство одного над другим <…> разрушить могущество сильных. <…> Собственная воля пусть будет господином человека, собственное желание – единственным законом, собственная сила – только его достоянием <…> я хочу разрушить существующий порядок вещей, разделяющий единое человечество на враждебные друг другу народы, могущественных и слабых, имеющих право и бесправных, богатых и бедных, ибо он делает из всех только несчастных». А.Ф. Лосев, анализирующий эти высказывания Вагнера, характеризует их как «невероятную смесь индивидуализма, космизма и мифологии». Далее он пишет: «После ознакомления со всеми этими материалами революционных увлечений Вагнера 1848–1849 годов читатель получает полную возможность сам ответить на вопрос, чем была революционность Вагнера, какие в ней буржуазные и небуржуазные черты, где в ней политико-экономическое учение, а где полное общественно-политическое и экономическое легкомыслие, где, наконец, зачатки той космической мифологии, из которой в дальнейшем и будет состоять его философско-эстетическое мироощущение».

В цюрихский период он пишет либретто «Кольца Нибелунгов», музыку первых двух частей («Золото Рейна» и «Валькирия») и оперу «Тристан и Изольда». Весьма активна и литературная деятельность: помимо либретто он пишет такие сочинения, как «Искусство и революция», «Художественное произведение будущности», «Опера и драма» и др. Вагнер немало гастролирует по городам Европы, выступая в Париже, Вене, Бадене, Веймаре. В 1862-м Вагнер получил полную амнистию и право на беспрепятственный въезд в Германию и тогда же разошелся со своей женой Минной (она умерла в 1866-м). В 1863 году Вагнер с успехом посетил

Петербург и Москву, где познакомил публику с отрывками из своих опер, дирижируя, кроме того, многими симфониями Бетховена.

В мае 1864 года он получил приглашение от баварского короля Людвига II, пламенного почитателя искусства Вагнера. Будучи неуравновешенным человеком, а по мнению большинства просто психически больным, Людвиг II с фанатической страстью был влюблен в музыку Вагнера и горячо желал поселить Вагнера рядом с собой. На некоторое время Вагнер поселился близ Мюнхена по соседству с летней резиденцией короля, который дал ему средства для удовлетворения кредиторов и для спокойной творческой работы. Однако по настоянию «баварской общественности» Вагнер был выслан из Баварии, тем не менее расположение к нему короля сохранилось, а материальная помощь оказывалась и в дальнейшем. Людвиг II Баварский вошел в историю как «сказочный король» благодаря построенным им замкам, самым знаменитым из которых является Нойшванштайн, идеей строительства которого король делился с Вагнером.

Личная жизнь Вагнера в этот период сфокусирована на романе с Козимой фон Бюлов – дочерью Листа и женой музыкального руководителя Королевской оперы Ханса фон Бюлова, который, впрочем, не изменил своего отношения к Вагнеру в связи с открывшимися отношениями его жены и Вагнера и в 1865-м провел в Мюнхене премьеру «Тристана и Изольды».

Вернувшись в Швейцарию в 1866 году вместе с Козимой, Вагнер через год завершает оперу «Нюрнбергские мейстерзингеры». Первая постановка оперы состоялась в 1868 году в Мюнхене и снова под управлением Ханса фон Бюлова. В 1870 году Козима фон Бюлов и Рихард Вагнер вступят в законный брак, имея уже двоих детей. К этому времени Вагнер завершает музыку предпоследней части «Кольца» – «Зигфрида». Грандиозная тетралогия была близка к окончанию, и Вагнером все сильнее овладевает мысль о необходимости создания собственного театра, специальным образом подготовленного для исполнения его музыкальной драмы. У этого проекта находятся поклонники – создается Общество Рихарда Вагнера, ведущее работу по сбору средств не только в Германии, но и за ее пределами. Разумеется, прямую поддержку оказал и король Людвиг II. В качестве места для строительства был выбран город Байрёйт, где в 1872 году был заложен фундамент фестивального театра.

В ознаменование этого события была исполнена Девятая симфония Бетховена под управлением Вагнера, состоялся банкет, на котором Вагнер произнес речь. С этого времени все дела и мысли Вагнера связаны с Байрёйтом. Сюда переселяется его семья, для чего была построена вилла, названную Вагнером «Ванфрид» (Wahn – мечта, иллюзия, Fried – мир). То есть Вагнер надеялся обрести здесь мир и покой, долгожданную награду после многих лет бегства от неприятностей и погони за мечтой.

Гигантский труд Вагнера над «Кольцом Нибелунгов» был завершен «Гибелью богов» (Götterdämmerung, в точном переводе – «Сумерки богов», иногда переводили как «Закат богов») в 1874 году. Первое представление тетралогии состоялось в Байрёйте в августе 1876 года. Тетралогия шла в течение четырех дней. Первый день – «Предвечерие»: «Золото Рейна». Затем день за днем представлялись «Валькирия», «Зигфрид» и «Гибель богов». На первом фестивале тетралогия была исполнена три раза кряду в течение 12 дней. На торжество приехали музыкальные деятели разных стран: из Веймара приехал Лист, из Парижа – Сен-Санс, из Санкт-Петербурга – Чайковский, из Вены – Брукнер. На фестиваль прибыл и кайзер Вильгельм I, которого туда «направил» канцлер Бисмарк, воздержавшийся от личного присутствия. Вагнер наслаждался достижением цели и признанием, однако полного удовлетворения не было: финансовые проблемы оставались нерешенными, «мероприятие» завершилось огромным убытком и необходимостью продолжить поиск средств для покрытия дефицита в размере 150 тысяч марок.

После фестиваля Вагнер отправился в Италию, где в ходе путешествий он встретился с французским писателем графом Жозефом Артюром де Гобино, создателем расовой теории, и со своим давнишним знакомым и почитателем Фридрихом Ницше. Однако к этому времени Ницше уже разочаровался в Вагнере, это была их последняя встреча. Ницше был раздосадован, в частности, и новым замыслом Вагнера – оперой «Парсифаль», – в которой явственно присутствовало позитивное отношение к христианским ценностям, высказанное Вагнером и в его статьях «Героизм и христианство», «Религия и искусство». Подобный «разворот» был Ницше не по душе. Драма-мистерия «Парсифаль» стала последней работой композитора, поставленной в Байрёйте в 1882 году. На зиму 1882/1883 года Вагнеры уеха-

Ванфрид – имение Вагнера

ли в Венецию, где поселились в палаццо Вендрамин Калерджи на Гранд-канале. 13 февраля 1883 года Рихард Вагнер скончался от сердечного приступа. Его тело было доставлено в Байрёйт, где во дворе своей виллы Вагнер был похоронен. Музыкальное наследие Вагнера составляют 113 работ. Литературное наследие Вагнера огромно: 16 томов прозы и поэзии, а также 17 томов писем. Его труды охватывали широкий круг тем: политику, философию, подробный анализ своих опер, либретто, автобиографические заметки и др.

Супруга Вагнера Козима умерла в апреле 1930 года. В августе того же года скончался Зигфрид Вагнер – их сын, тоже композитор и дирижер, сыгравший значительную роль в сохранении наследия своего отца. Сыновья Зигфрида, внуки Вагнера и правнуки Листа, Виланд (1917–1966) и Вольфганг (1919–2010) стали видными оперными режиссерами. В 1951 году они возродили Байрёйтский фестиваль, прерванный из-за поражения Германии во Второй мировой войне. С тех пор фестиваль проходит ежегодно. Вольфганг был директором Байрёйтского фестиваля с 1967 по 2008 годы. Его дочери Ева и Катарина стали преемницами отца на посту директора Байрёйтского фестиваля.

В последнее время все настойчивее в письменную и устную (!) речь внедряется написание «Байройт» под тем предлогом, что «так по-немецки». Эта тенденция характерна для неофитов, на которых внезапно обрушилась мировая культура, а они не успели подготовиться. В каждом языке, и в русском тоже, существуют сложившиеся написания и транскрибирования географических названий, часто не совпадающие по фонетике с названиями на языке оригинала: Лондон, а не Ландон, Гудзонов залив, а не залив Хадсона, Париж, а не Пари, Рим, а не Рома и т.д. Следование именно сложившейся традиции, а не неуклюжим попыткам воспроизвести фонетику чужого языка, есть для меня культурная норма. В связи с этим Байрёйт – устоявшееся в русском языке название города, а Байройт – тенденция последнего времени, не слишком-то, кстати, и приближающая к немецкому звучанию, ближе было бы Байрёйт, хотя подлинный звук ни так ни эдак русскими буквами не передается. Возможно, тенденция писать и говорить «Байройт» со временем победит, а пока у нас есть, как минимум, выбор.

Круглый стол

По случаю юбилея Вагнера хочется пригласить за круглый стол хотя бы некоторых из числа великих умов, писавших о Вагнере. Ниже представлены лишь отдельные высказывания о Вагнере, в то время как анализу его музыкального и философского творчества посвящено огромное ко-

личество исследований. Влияние Вагнера на мировую культуру ощущалось с такой непосредственной силой, что необходимость высказаться испытывали почти все деятели культуры и политики последних полутора столетий.

Фридрих Ницше

Из книги «Рождение трагедии из духа музыки. Предисловие к Рихарду Вагнеру», 1871:

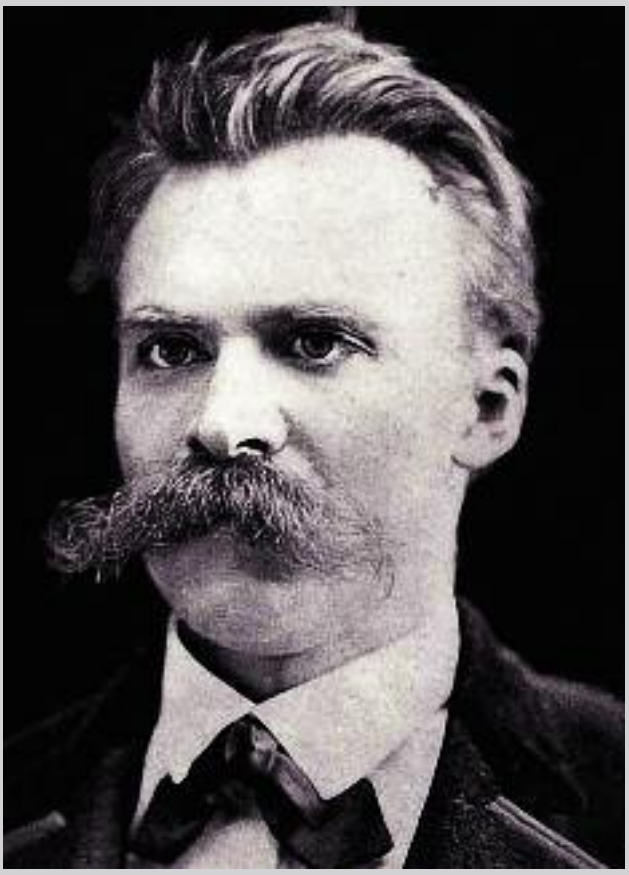
«Лучшее и высшее, чего может достигнуть человечество, оно вымогает путем преступления и затем принуждено принять на себя и его последствия, а именно всю волну страдания и горестей, которую оскорбленные небожители посылают, должны послать на благородное, стремящееся ввысь человечество, – суровая мысль, странно отличающаяся по тому достоинству, которое она придает преступлению, от семитического мифа о грехопадении, где любопытство, лживость притворства, склонность к соблазну, похотливость – короче, ряд женских аффектов по преимуществу – рассматриваются как источник зла. То, что отличает арийское представление, – это возвышенный взгляд на активность греха как на прометеевскую добродетель по существу, причем тем самым найдена этическая подоплека пессимистической трагедии – как оправдание зла в человечестве, причем как человеческой вины, так и неизбежно следующего за ней страдания».

Из книги «Несвоевременные размышления: Рихард Вагнер в Байрёйте», 1876:

«Чтобы событие имело величие, необходимы два условия: величие духа тех, которые осуществляют его, и тех, которые его переживают».

«Для нас Байрёйт имеет значение утренней молитвы в день битвы. Было бы высшей несправедливостью считать, что мы заботимся только об одном искусстве, предполагая, что оно может служить лекарственным средством и наркотиком против всех остальных бедствий. Трагическое художественное произведение, созданное в Байрёйте, являет для нас именно образ борьбы единичных личностей со всем, что выступает против них под видом непреодолимой необходимости, – с властью, знаком, обычаями, договорами и целыми порядками вещей. Для отдельного человека нет прекраснейшей доли, как в борьбе за справедливость и любовь созреть для смерти и пожертвовать собой».

«Поэтический элемент Вагнера сказывается в том, что он мыслит видимыми и чувствуемыми



Фридрих Ницше

событиями, а не понятиями, то есть что он мыслит мифически, как всегда мыслил народ. В основе мифа лежит не мысль, как это полагают сыны искусственной культуры, но он сам есть мышление, он передает некоторое представление о мире в смене событий, действий и страданий. “Кольцо Нибелунгов” есть огромная система мыслей, но не облеченная в форму мысли как понятия».

«О Вагнере-музыканте можно вообще сказать, что он дал язык всему в природе, что до тех пор не хотело говорить. Он не верит, чтобы что-нибудь могло быть немым. Он погрузился в утреннюю зарю, леса, туманы, ущелья, горные вершины, ужасы ночи, блеск месяца и подметил в них затаенное желание: и они также хотят звучать. Если философ говорит, что в одушевленной и неодушевленной природе существует воля, жаждущая бытия, то музыкант прибавляет: и эта воля на всех своих ступенях хочет бытия в звуках».

«В “Кольце Нибелунгов” трагическим героем является бог, все существо которого жаждет власти; гоняясь за ней, на всех путях он связывает себя договорами, теряет свою свободу, и на него падает проклятие, тяготеющее над властью. Он сознает свою неволю, когда видит, что у него нет более средств овладеть золотым кольцом, символом всей земной власти и вместе с тем высшей

Жорж Антуан Рошгросс. Рыцарь цветов (Парсифаль). 1894 год

для него опасности, пока оно в руках его врагов. Им овладевает страх гибели и сумерек всех богов, а также отчаяние от сознания, что он может лишь идти навстречу этой гибели, но не предотвратить ее. Ему нужен свободный, бесстрашный человек, который восстал бы против божественного порядка и сам, без его совета и содействия, по собственной воле, совершил запрещенный богу подвиг. Он не видит его, и именно тогда, когда у него пробудилась новая надежда, он должен подчиниться тяготеющему над ним року. Собственной рукой он должен погубить самое дорогое для него, самое чистое сострадание, к его несчастью, должно быть наказано. Им овладевает, наконец, отвращение к власти, таящей в своем лоне только зло и рабство, его воля сломлена, он сам жаждет конца, грозящего ему издалека. И лишь теперь совершается то, чего он так страстно ждал, – появляется свободный, бесстрашный человек, его рождение нарушает все установленные законы. Его родители несут кару за союз, противный порядку природы и нравственности. Они погибают, но Зигфрид остается жить. При виде его чудного роста и расцвета отвращение покидает душу Вотана. С отеческой любовью и заботливостью он следит за судьбою героя. Как он кует себе меч, убивает дракона, добывает кольцо, избегает лукавого обмана, пробуждает Брунгильду, как проклятие, тяготеющее над кольцом, не щадит и его, все ближе и ближе надвигаясь на него, как он, оставаясь верным в неверности, из любви нанося раны любимому, окружается туманом и мраком преступлений, но наконец выходит из туч чистый, как солнце, и склоняется к своему закату, зажигая все небо своим огненным сиянием и очищая мир от проклятия, – все это видит бог, могучее копье которого сломано в борьбе со свободнейшим; и бог, потерявший над ним свою власть, все же упоен своим поражением и полон сорадости и сочувствия к своему победителю. Его взор, сияя мучительным блаженством, покоится на последних событиях в жизни мира, он обрел свою свободу в любви, он освободился от самого себя.

И теперь спросите сами себя вы, поколения живущих в наше время людей: для вас ли это было создано? Хватит ли у вас мужества поднять руку к звездам этого небосклона, сияющего красотой и добром, и сказать: это нашу жизнь Вагнер вознес к звездам?»

Из книги «Казус Вагнера», 1888:

«Высшее, что я изведал в жизни, было выздоровление. Вагнер принадлежит лишь к числу моих болезней».

«Вагнер половину своей жизни верил в революцию, как верил в нее только какой-нибудь француз. Он искал ее в рунических мифах, он

полагал, что нашел в лице Зигфрида типичного революционера. – “Откуда происходят все бедствия в мире?” – спросил себя Вагнер. “От старых договоров,” – ответил он, подобно всем идеологам революции. По-немецки: от обычаев, законов, моралей, учреждений, от всего того, на чем зиждется старый мир, старое общество. “Как устранить бедствия из мира? Как упразднить старое общество?” Лишь объявлением войны “договорам” (обычаю, морали). Это делает Зигфрид».

«Что в Германии обманываются насчет Вагнера, это меня не удивляет. Меня удивило бы противное. Немцы состряпали себе Вагнера, которому они могут поклоняться: они еще никогда не были психологами, их благодарность выражается в том, что они ложно понимают. Но что обманываются относительно Вагнера в Париже! Где уже почти не представляют собою ничего иного, как психологов. И в Санкт-Петербурге! Где еще отгадывают такие вещи, каких не отгадывают даже в Париже».

«Я устанавливаю прежде всего такую точку зрения: искусство Вагнера больное. Проблемы, выносимые им на сцену, – сплошь проблемы истеричных. Конвульсивное в его аффектах, его чрезмерно раздраженная чувствительность, его вкус, требующий все более острых приправ, его непостоянство, переряжаемое им в принципы, в немалой степени выбор его героев и героинь, если посмотреть на них как на физиологические типы (галерея больных!), – все это вместе представляет картину болезни, не оставляющую никакого сомнения. Wagner est une nevrose. Ничто, быть может, не известно нынче так хорошо, ничто, во всяком случае, не изучено так хорошо, как протеевский характер вырождения, переряжающийся здесь в искусство и в художника. Наши врачи и физиологи имеют в Вагнере интереснейший казус, по крайней мере, очень полный. Именно потому, что ничто не является более современным, чем это общее недомогание, эта поздность и чрезмерная раздражимость нервной машины, Вагнер – современный художник par excellence, Калиостро современности. К его искусству самым соблазнительным образом примешано то, что теперь всем нужнее всего, – три великих возбудителя истощенных, зверское, искусственное и невинное (идиотское)».

«Даю мое понятие современного. Каждое время имеет в своей мере силы также и меру того, какие добродетели ему дозволены, какие запрещены. Либо оно имеет добродетели восходящей жизни – тогда оно противится в силу самого глубокого основания добродетелям нисходящей жизни. Либо оно само есть нисходящая жизнь – тогда оно нуждается и в добродетелях упадка, тогда оно ненавидит все, что оправдывается только полнотою, только чрезмерным богатством сил. Эстетика неразрывно связана с этими биологическими предусловиями: есть эстетика decadence, есть и классическая эстетика; “красота сама но себе” – это химера, как и весь идеализм».

Петр Чайковский

Петр Чайковский

Заметка о Вагнере, написанная в 1891 году для нью-йоркской газеты:

«Меня просят высказать для читателей “Морнинг Джорнал” мое мнение о Вагнере. Я это сделаю со всей прямотой и откровенностью. Но должен предупредить их, что вижу в этом вопросе две стороны. Первая – Вагнер и положение, которое он занимает среди композиторов XIX столетия. И вторая – вагнеризм. Можно сразу увидеть, что, восхищаясь композитором, я питаю мало симпатии к тому, что является культом вагнеровских теорий. Как композитор Вагнер, несомненно, одна из самых замечательных личностей во второй половине этого столетия, и его влияние на музыку огромно. Он был одарен большой силой

Анатолий Луначарский

музыкального воображения, он открыл новые формы своего искусства, он нашел пути, неизвестные до него, он был, можно сказать, гением, стоящим в германской музыке наряду с Моцартом, Бетховеном, Шубертом и Шуманом. Но, по моему глубокому и твердому убеждению, он был гением, следовавшим по ложному пути. <…> Все, что нас восхищает в Вагнере, принадлежит в сущности к разряду симфонической музыки. Большое и глубокое впечатление в его музыке оставляет мастерская увертюра, в которой он рисует доктора Фауста, вступление к "Лоэнгрину", в котором небесные страны Грааля вдохновили его на создание нескольких прекраснейших страниц в современной музыке. "Полет валькирий", "Похоронный марш Зигфрида", голубые волны Рейна в "Золоте Рейна" – разве все это не симфоническая музыка по своему существу? В трилогии и в "Парсифале" Вагнер не заботится о певцах. В этих прекрасных и величественных симфониях они играют роль инструментов, входящих в состав оркестра. Что же сказать о вагнеризме? Какие догмы должно исповедать, чтобы быть вагнеристом? Нужно отрицать все, что создано не Вагнером, необходимо игнорировать Моцарта, Шуберта, Шумана, Шопена. Нужно проявлять нетерпимость, ограниченность вкусов, узость, экстравагантность. – Нет! Уважая высокий гений, создавший вступление к "Лоэнгрину" и "Полет валькирий", преданно склоняясь перед пророком, я не исповедую религии, которую он создал».

Анатолий Луначарский

Из статьи «Путь Рихарда Вагнера (к 50-летию со дня смерти)» («Известия», 13 февраля 1933 года):

«Вновь и вновь ставится перед всем человечеством вопрос о Рихарде Вагнере в связи с 50-летием со дня его смерти.

Но для нас уже слишком ясно, что решать этот вопрос с точки зрения "современного человечества" никоим образом нельзя, ибо никакого такого целостного современного человечества не существует. Решать вопрос приходится по-новому – уже постольку, поскольку дело идет о переоценке Вагнера с точки зрения побеждающего пролетариата и создаваемой им новой социалистической культуры».

«Вагнер с ужасом смотрел на то, во что превращала буржуазия свой театр. Театр становился местом легкого развлечения, театр становился коммерческим предприятием. Это внушало Вагнеру настоящее омерзение».

«Вагнер живет в капиталистическом мире и в ту революционную пору ненавидит крупную буржуазию, начинающую все больше и больше прибирать к рукам мир. Золото кажется ему настоящим ядом. В этом отношении он стоит на той же точке зрения, которую Маркс отмечал и хвалил у некоторых античных поэтов, у Шекспира и т.д.»

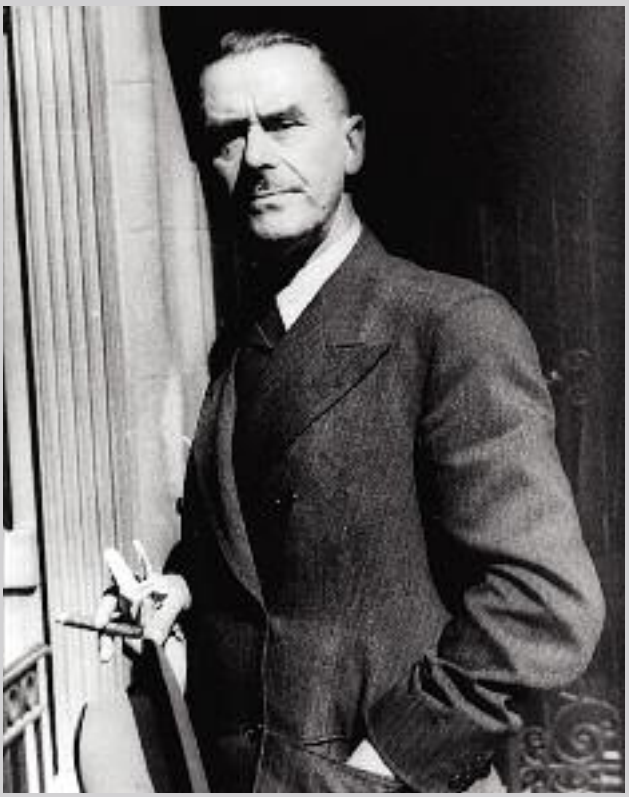
«Метафизическая "воля" Шопенгауэра есть лишь модель капиталистического духа. И Шопенгауэр учит, что эта воля никогда не знает удовлетворения. Она не знает наслаждения, она не знает отдыха. Либо она томится жадностью, либо она томится скукой. Ей нужно мучительное дело, напряженное, болезненное стремление, иначе она ввергается в чуждую ее природе апатию и томится оцепенением.

Но, учит Шопенгауэр, можно вырваться из этого ужаса. Вырваться можно через уничтожение всяких человеческих чувств в себе, через индусское стремление к нирване, и лучшим помощником в этом отношении является искусство, в особенности же – музыка. Музыка есть точное отражение мира во всей его сущности. Когда мы глубоко воспринимаем это отражение, мы освобождаемся от самой сущности. Искусство рас-

колдовывает для нас мир. Сладостно погружаясь в искусство, мы тем самым погружаемся в смерть, в отдых от бытия, которое есть ад. Искусство – искупитель.
Быть может, Вагнер и сам пришел бы к весьма близким к этому выводам, но Шопенгауэр был налицо, и Вагнер примкнул к нему».
«Такова индусская, такова христианская, такова азиатская художественно-музыкальная моральная проповедь Вагнера. Таково черное, губительное "пророчество" нового Вагнера. И он еще ставит точки над "i", когда, постарев, опускается, по выражению Ницше, к подножию креста, когда он в "Парсифале" создает вариант католической мессы.
Круг завершен. Революционер стал реакционером. Взбунтовавшийся мещанин целует туфлю римского папы, стража порядка».
«Дело социалистического освоения Вагнера – чрезвычайно тонкое дело. Горе тому, кто обеднит мир, перечеркнув Вагнера цензорским карандашом. Горе тому, кто впустит этого хитрого волшебника, этот талант, заболевший дурною болезнью, в наш лагерь и кто позволит чумному титану, как Альманзору в известном стихотворении Гейне, прижаться своими устами к лицу молодой пролетарской культуры».

Томас Манн

Из доклада «Страдания и величие Рихарда Вагнера», прочитанного 10 февраля 1933 года по случаю пятидесятилетия со дня смерти Рихарда Вагнера в Мюнхенском университете (незадолго до фашистского переворота):
«Образ [Рихарда Вагнера] видится мне изборожденным всеми чертами века, обремененным всеми его страстями, и мне трудно разграничить любовь к творчеству Вагнера, одному из величайших в своей спорности, многообразнейших и увлекательнейших проявлений художественного гения, от любви к тому веку, большую часть которого заполняет его жизнь, эта беспокойно-скитальческая, полная терзаний, одержимая и непонятная жизнь, завершающаяся в сиянии мировой славы».
«Мы относимся к девятнадцатому веку, как сыновья относятся к отцу: критически, как оно и надлежит. Мы пожимаем плечами и при мысли о его вере – вере в идеи, – и при мысли о его неверии, то есть о его скорбном релятивизме; его либеральная приверженность к разуму и прогрессу кажется нам несколько смешной, его материализм – слишком компактным, его самонадеянное стремление монистически разрешить все загадки мироздания – чрезвычайно поверхностным. Гордость, которою преисполняли этот век его научные достижения, уравновешивается, даже перевешивается его пессимизмом, внутренним его сродством с ночным мраком и смертью, которое, по всей вероятности, когда-либо сочтут наиболее характерной его чертой».


Томас Манн

«Для духовной сущности вагнеровской музыки характерны некая пессимистическая отягощенность, некое медлительное томление, изломанность ритма, борьба за искупление красотой, возникающая из сумрачного хаоса. То музыка тяжко обремененной души, говорящая мускулам не о прелести пляски, а выражающая борение, неуклонное продвижение и устремление вперед, всю мучительность которого чрезвычайно метко охарактеризовал острослов Ленбах, как-то сказавший Вагнеру: "Ваша музыка – да ведь это путешествие в царство небесное на ломовой подводе"».
«Как политик Рихард Вагнер всю свою жизнь был скорее социалистом и утопистом в области культуры, стремившимся к бесклассовому, основанному на любви, освобожденному от роскоши и от проклятия золота обществу, в его мечтах представлявшим собой идеальную публику для его искусства, нежели патриотом, стремящимся к созданию сильного государства. Душою он был с бедными против богатых».

Алексей Лосев

«Вагнер был в достаточной мере политиком, чтобы связать свое дело с империей, созданной Бисмарком: он видел беспримерный успех, присовокупил к нему свой, и европейская гегемония его искусства стала в сфере культуры необходимой принадлежностью политической гегемонии Бисмарка. Великий государственный деятель, с чьим созданием он соединил свое, ровно ничего не смыслил в его творчестве, никогда им не интересовался и считал Вагнера человеком свихнувшимся. Но старик император, тоже ничего во всем этом не смысливший, посетил Байрёйт и сказал Вагнеру: "Я не думал, что Вы добьетесь своего". Творчество Вагнера было объявлено национальным делом, стало официальной принадлежностью империи и в известной мере осталось связанным с этой черно-бело-красной империей, хотя по своей подлинной сущности и даже по своеобразию немецкого духа оно имеет весьма мало общего с каким бы то ни было государством, воплощающим силу и воинственность».

«Еще несколько слов о Вагнере как мыслителе, о его отношении к прошлому и будущему, ибо и здесь в его характере наблюдается двойственность, сплетение мнимых противоречий, соответствующее контрасту в нем немецкого и европейского. Есть в личности Вагнера черты реакционные – черты, свидетельствующие о тяготении к прошлому и темном культе минувшего, пристрастие к мистическому и мифически-пралегендарному; протестантский национализм "Мейстерзингеров" и подлаживание под католицизм в "Парсифале", влечение к Средневековью, к рыцарству и придворному кругу, к чудесам и религиозному восторгу – могут быть истолкованы в этом смысле. И однако для того, кто в какой-либо мере ощущает подлинную, сокровеннейшую сущность этого искусства, мощно устремленного к новаторству, к изменению, к освобождению, совершенно недопустимо понимать его речь и манеру выражаться буквально, а не как то, что они есть: это – наречие художника, язык иносказательный, сплошь и рядом служащий для выражения совершенно иных – революционных – мыслей. Не может дух, обращенный вспять, к благочестивому ли, к жестокому ли прошлому, притязать на этот, при всей своей отягощенности и связанности со смертью, насыщенный жизнью, бурно-прогрессивный творческий дух – на того, кто воспел разрушителя мира, рожденного в свободнейшем любовном союзе, на дерзновенного музыкального новатора, в "Тристане" одной ногой уже ставшего на почву атональности, кого в наши дни, несомненно, назвали бы большевиком в области культуры, на человека, принадлежащего народу, всю свою жизнь искренне отрицавшего власть, деньги, насилие и войну и свой театр для торжественных сценических представлений, пусть и превращенный эпохой в нечто совсем иное, задумавшего как театр бесклассового общества. И в то же время на него может притязать каждый, чья воля устремлена в будущее».

Алексей Лосев

Из статьи «Исторический смысл эстетического мировоззрения Рихарда Вагнера», 1978:

«Идеалом Вагнера, несмотря ни на какие жизненные коллизии, всегда оставалось "свободное объединенное человечество", неподвластное, по словам композитора, "индустрии и капиталу", разрушающим искусство. Это новое человечество, по мнению Вагнера, должно быть наделено "социальным разумом", овладевшим природой и ее плодами для всеобщего блага. Вагнер мечтает о "будущих великих социальных революциях", путь к которым указывает преобразующая роль искусства. Он уповает на человеческую природу, из глубин которой в необъятные просторы "чистой человечности" вырастает новое художественное сознание. Он возлагает надежды на силу "божественного человеческого разума" и

вместе с тем на веру в Христа, пострадавшего за людей, и Аполлона, давшего им радость. Подлинная революционность Вагнера в музыке наряду с этими противоречивыми, но устойчивыми мечтаниями, а также его глубокий антагонизм с буржуазно-торгашеской действительностью привели к борьбе вокруг творчества великого композитора, не утихавшей более ста лет».

«Что же касается его подлинной и интимно переживаемой религии, то она, безусловно, была связана у него с чувством надвигающейся катастрофы мира денежного мешка и капитала, символами которой и были его главнейшие и центральные произведения».

«Чтобы судить о вагнеровской теории денег по ее глубинному существу и по ее глубинной революционной остроте, нужно читать не только трактаты Вагнера 1848–1850 годов, а нужно читать и слушать его тетралогию 1870-х годов "Кольцо Нибелунгов". Здесь вопрос ставится не просто общественно-политически, но космологически; и золото трактуется здесь не просто экономически, но по преимуществу космологически. Вот в этом-то и заключается подлинная революционная сущность вагнеровского творчества, в сравнении с чем его прозаические общественно-политические и экономические высказывания ранних лет являются только наивными попытками выразить то, что в прозаическом слове невыразимо».

Эвальд Ильенков

Из статьи «Заметки о Вагнере»:

«На самом деле "теории", реализованные в его творчестве, вовсе не были результатом схоластического мудрствования. Сами по себе они – очень естественный и очень яркий рефлекс эпохи. Притом эпохи весьма серьезной и содержательной. К тому же дело обстояло совсем не так, будто Вагнер сначала придумывал теорию, а затем реализовывал ее в музыке и текстах своих трагедий. Его теории просто были очень четким и острым выражением того, что он делал в качестве поэта и композитора. Но объяснять его творчество только его теориями никак нельзя. И то и другое объясняется совсем другой системой фактов – той самой действительностью, к которой был органически слеп и Чайковский, и многие профессиональные музыковеды».

«Такой иронический ум, как Б. Шоу, без всякой иронии, на полном серьезе ставит его рядом с

Артур Рэккем. Зигфрид убивает Фафнера. Иллюстрация к либретто Вагнера. 1911 год

Марксом – по всемирно-историческому смыслу и значению его творчества. Он говорил, что Вагнер в качестве художника доказал человечеству то же самое, что сделал Маркс в качестве теоретика, а именно: ни больше ни меньше, чем закономерность крушения цивилизации, основанной на власти золота, на базе товарно-денежных отношений. Он-де показал абсолютную неизбежность ее внутреннего разложения, логику этого разложения, однако не с помощью строгих понятий, а с помощью столь же строгих по своей необходимости чувственно-эмоциональных образов, их движением, их эволюцией, их развитием, совершающимся через столкновения, как внешние, так и внутренние – психологические. <…> Кстати, забавный факт. Один из биографов Шоу познакомился с ним в библиотеке Британского музея так: он обратил внимание на странного человека, который изо дня в день изучал параллельно два фолианта: "Капитал" и партитуру "Тристана"».

«Дело в том, что весь пафос его творчества питался той самой старинной иллюзией, которую разделяли многие великие художники, в том числе Л. Толстой. Заключается эта иллюзия в том, что будто бы средствами искусства можно переделать мир. Не мир в смысле "вселенной", а мир человеческих взаимоотношений: стоит только преобразовать психологию современников, перестроить систему их нравственно-эстетических

Артур Рэкхем. Брунгильда бросается в пламя погребального костра Зигфрида. Иллюстрация к либретто Вагнера. 1911 год

принципов – и они изменят и внешние отношения друг к другу. <…> Но для этого-де нужно воздействовать на самые глубинные корни всей многообразно разветвленной психологии».

«Образ Зигфрида был для него высшим эстетическим идеалом задолго до того, как он начал сочинять "Кольцо". Он и революцию 1848 года воспринимал сквозь призму этого идеала. В 1848 году поэтому-то с ним и случилась крайне забавная вещь: он встретил в жизни "живого" Зигфрида, реальное воплощение идеала. Этим живым Зигфридом оказался не кто иной, как Михаил Бакунин, анархист-гегельянец, руководивший восстанием в Дрездене. Вагнер моментально проникся в него такой же беззаветной верой, какой христиане прониклись бы в Христа, если бы тот снизошел до второго пришествия. <…> Они сразу же стали лучшими друзьями, и в качестве адъютанта Бакунина Вагнер как раз и принял участие в восстании».

«Центральной фигурой "Кольца" чем дальше, тем больше становится Вотан, обобщенно-символическая фигура современного человека. "Посмотри на Вотана – это человек, каков он есть, он похож на вас до неразличимости", – писал Вагнер в письме. И другое забавное указание: "Представь себе в руках Альбериха вместо золотого кольца биржевой портфель с акциями – и ты получишь образ современного мира"».

Галактика Вагнера

Вагнер как миф

Вагнер, несомненно, стал мифом, даже несколькими мифами, он живет в общественном сознании преимущественно в этом качестве. Людей, слушающих музыку Вагнера, конечно, много, но людей, не слушающих ее, гораздо больше. И среди них многие знают о Вагнере, но не знают Вагнера, то есть живут с мифом в рассудке. Но и слушание музыки Вагнера не освобождает от влияния существующих мифов и от самостоятельного их строительства.

Если взглянуть на Вагнера – на его творчество и на миф о нем – как на социальный фактор, то, как и всякое лекарство, он может быть исцеляющим или губительным средством в зависимости от того, верно ли было назначение, учтены ли противопоказания, побочные эффекты и соблюдалась ли дозировка. Большинство людей, познакомившихся не только с музыкой, но и с философско-политическими взглядами Вагнера, с его биографией, рано или поздно встают перед проблемой: как отделить великую, гениальную музыку, которую хочется слушать, от человека, чьи взгляды и многие поступки неприемлемы? (Эта проблема возникает у тех, для которых взгляды Вагнера неприемлемы; надо понимать, что есть люди и иных принципов.) Единого рецепта нет, каждый решает эту проблему по-своему. Израильский дирижер Юрий Аранович, например, управляет оркестром, исполняющим Вагнера, надев белые перчатки, «чтобы не прикасаться еврейской рукой к партитуре». И это не эпатажная поза, не ребячество, а глубоко выстраданный дирижером выход из двусмысленного положения. Аранович считает, что со временем «мы все больше будем удаляться от личности Вагнера и приближаться к его музыке».

Вагнер, несомненно, расширил палитру художественных возможностей, открыв новые формы театрально-музыкального действа. И в зоне нашей ответственности лежит то, как и для каких целей мы этими возможностями воспользуемся. Как открытия радия и реакции деления урана не автоматически приводят к патологической

жестокости уничтожения сотен тысяч мирных жителей Хиросимы и Нагасаки, так и магические возможности музыки Вагнера не автоматически формируют нацистов. И для того и для другого понадобилось активное вмешательство политиков, имеющих собственные цели. Современные альберихи и хоганы, из которых выклевываются нацисты, расисты и прочие претенденты на избранность и членство в «мировом правительстве», вполне надежно формируются под любую музыку, равно как и в полной тишине.

Антисемитизм Вагнера

Мы не можем обойти этот вопрос молчанием. Вообще-то в мировой истории людей, чьи взгляды можно было бы охарактеризовать как антисемитские или юдофобские, немало. Неприязнь к евреям – явление распространенное, в том числе и среди великих композиторов. Но поскольку оно повсеместно считается постыдным, люди с подобными взглядами не выставляют их напоказ, а тем или иным образом находят некий компромисс между своими чувствами и поведением. Лишь некоторые считают возможным манифестировать свое отрицательное отношение к евреям в письменной форме. Вагнер сделал это, опубликовав в 1850 году брошюру «Еврейство в музыке», в которой он пишет не только о «еврействе в музыке», но и о «еврействе в политике, в финансах» и т.д.: «Настоящее положение вещей этого мира таково, что евреи более чем уравнены в правах. Они господствуют и будут господствовать, пока за деньгами сохранится сила, перед которой бессильны все наши стремления и дела. Не нуждается в объяснении, что эту неодолимую силу в руки сынов Израиля дали их исторические бедствия и разбойническая грубость христианско-германских властителей».

Немецкое общество переживало очередной период неустроенности, поисков смысла жизни и причин своих проблем, среди которых одной из наиболее острых была раздробленность немецкой нации на множество мелких государств. Отсутствие единой, общей государственности, стремление к влиятельному положению немецкого народа и его культуры в Европе и мире было – возможно, и остается до сих пор – незаживающей раной немцев. Поиски причин такого положения многих приводили к антисемитизму. Антибуржуазные взгляды часто становились антисемитскими в связи с заметным присутствием евреев в буржуазной среде. Вагнер пишет: «К числу таких весьма значительных в интересующем нас вопросе фактов следует отнести прежде всего глубокое внутреннее нерасположение ко всему еврейскому, которое всем нам знакомо и, присущее всему народу, постоянно и ярко обнаруживается. Впрочем, мы желаем здесь объяснить эту глубокую антипатию народа только по отношению к еврейству в искусстве, а именно – в музыке. Мы обойдем молчанием и область религии, и область политики. В религии евреи давно уже для нас закоренелые враги, недостойные, впрочем, даже ненависти. <…> А в чистой политике <…> мы хотя и не приходили с ними в столкновение, но всегда готовы предоставить им основание нового Царства в Иерусалиме. Да, нам остается только весьма сожалеть о том, что граф Ротшильд весьма остроумно отказался от чести быть королем евреев и предпочел сделаться “евреем королей”».

Композиторов еврейского происхождения вплоть до XIX века было немного. Наиболее заметной фигурой являлся современник Вагнера – Мендельсон. Ему, прежде всего, и досталось: «Все, что мы видели при исследовании нашей антипатии ко всему еврейскому, все противоречия этого существа, вся его неспособность приобщиться к нашей жизни и искусству, вне которых евреи обречены жить, даже несмотря на стремление к созидательной работе, – все усиливается до полного трагического конфликта в характере, жизни и творчестве рано умершего Феликса Мендельсона-Бартольди. Он доказал нам, что еврей может иметь богатейший специфический талант, может иметь утонченное и всестороннее образование, доведенное до совершенства, тончайшее чувство чести. И все-таки, несмотря на все эти преимущества, он не в состоянии произвести на нас того захватывающего душу и сердце впечатления, которое мы ожидаем от искусства, которое мы всегда испытывали, лишь только кто-нибудь из представителей нашего искусства обращался к нам, чтобы говорить с нами. Пусть специальным критикам, которые, может быть, пришли к подобному же выводу, будет предоставлена возможность подробно разъяснить это несомненное свойство мендельсоновских произведений, мы же полагаем для себя достаточным иметь наше общее впечатление от его произведений. В самом деле, мы могли чувствовать себя увлеченными каким-либо произведением этого композитора только тогда, когда для

Артур Рэкхем. Плач русалок. 1911 год

нашей фантазии, обыкновенно любящей развлечения, соединения и сплетения тончайших, весьма гладких и искусственных музыкальных конфигураций, как в переменчивых световых эффектах калейдоскопа, давались такие развлечения. Но мы ничего не испытывали, когда музыкальные образы Мендельсона должны были служить возбуждению более глубоких и сильных чувств человеческого сердца».

Что сформировало весьма устойчивую юдофобию Вагнера? Думаю, как и всякую юдофобию, ее сформировала среда – семейная, общественная, прямое и косвенное воспитание, религия, политические взгляды… Возможно, этому способствовали длительные неудачи композитора, неприятие его музыкальных новаторских идей, крушение иллюзий романтического периода молодости как в музыке, так и в политике. В то же время к моменту написания брошюры Вагнер уже познал триумфальный успех (имевший место благодаря непосредственной поддержке со стороны композитора-еврея Мейербера – sic!) его оперы «Риенци», принял участие в Дрезденском восстании 1848 года, после чего эмигрировал в Швейцарию, где и началась работа над тетралогией «Кольцо Нибелунгов». Философия «Кольца Нибелунгов», как и вообще философия Вагнера, обращена к поиску первопричин мирового зла, каковое он видит в «золоте», в поклонении материальному. В том числе и в связи с этим евреи становятся для Вагнера живым земным воплощением зла: «Все то, что герои искусства с бесконечными усилиями, пожравшими не только их энергию, но и саму жизнь, отвоевали от враждебных искусству темных сил за два злосчастных тысячелетия, – все это евреи обратили в предмет торговли художественными произведениями. Кто увидит в гармонических чертах художественных произведений то, что они создавались тяжелым и священным трудом гения в продолжение двух тысячелетий? А то обстоятельство, что все новое искусство приняло еврейский оттенок, слишком бросается в глаза и выдаст себя чувству, чтобы это надо было утверждать».

Завершая краткий разговор об этой важной стороне личности Вагнера, отметим, что его неприязнь к евреям имела длительный, устойчивый характер, поддерживалась средой и супругой Козимой. Тем не менее он приводит пример «правильного» еврея – Карла Людвига Берне, известного фельетониста того времени: «Еще мы должны будем назвать одного еврея, который выступил у нас в качестве писателя. Из его еврейской обособленности он вышел к нам, ища спасения. Он его не нашел и должен был сознаться, что он может его найти лишь только в нашем спасении – в искренности человека. Для еврея сделаться вместе с нами человеком – значит прежде всего перестать быть евреем. Это и сделал Берне. И Берне учил, что такое спасение недостижимо в довольстве и равнодушном холодном удобстве, но что оно, как и нам, стоит тяжких усилий, нужды, страха, обильного горя и боли. Становитесь же, не стесняясь, – скажем мы евреям, – на правильный путь, так как самоуничтожение спасет вас! Тогда мы будем согласны и в известном смысле неразличимы! Но помните, что только это одно может быть вашим спасением от лежащего на вас проклятия, так как спасение Агасфера – в его погибели».

Этим призывом к евреям перестать быть евреями Вагнер завершает свой памфлет, опубликованный, кстати говоря, сперва под псевдонимом «Вольнодумец». И так, быть может, и осталась бы эта форма политической активности композитора лишь фактом его биографии, особенностью его мировосприятия, если бы не обращение к Вагнеру – и как композитору, и как фило-

софу – немецкого нацизма. А обращение это было глубоким и последовательным. Вагнер стал не просто музыкальным кумиром Третьего рейха – уж чего-чего, а гениальных композиторов-немцев более чем достаточно для безупречной национальной гордости, – а образцом и символом подлинности борьбы за «немецкое дело». Евреи до сих пор не простили Вагнеру не того, что он был любимым композитором Гитлера, а его непосредственного личного развития и оправдания антисемитизма. До сих пор исполнение произведений Вагнера в Израиле вызывает бурные эмоции и осуждение. Однако в последние годы ситуация стала меняться, возникло даже израильское общество любителей музыки Вагнера. Его председатель – адвокат Йонотан Ливни – заявил: «Мы слушаем музыку антисемитов Прокофьева, Шопена и Листа. Карл Орф, автор "Кармины Бураны", входил в нацистское правительство, но его мы тоже слушаем. И Рихард Штраус был нацистом, но с ним у нас проблем нет. Только Вагнера, который умер до прихода нацистов к власти, мы бойкотируем, потому что его любил Гитлер. Но Гитлер любил и Бетховена. Давайте и его бойкотировать!»

Вагнер мифотворец

Вагнер хотел актуализировать немецкий миф. При этом он, скорее всего, хотел уйти от христианской мифологии, как «не немецкой», а, страшно подумать, в основе свой – иудейской! В результате народ получил не миф, а нравоучение о ложном герое, о гибели богов. Золото вернулось в Рейн – сакральную реку народной памяти, хранилище власти народа над собственной судьбой. Не обрел народ этой власти, потому что герой построил свою судьбу на аморальных принципах и делах, он не был подлинно свободным и подлинно чистым! Зигфрид не указал «путь к свету», Зигфрид – не горьковский Данко. Нашлись, однако, политики, которые, взывая к вагнеровским мифам и музыке, приукрашали свои политические доктрины, совершенно безосновательно представляя Зигфрида как национального арийского героя, сверхчеловека. В действительности между Вагнером – философствующим публицистом и Вагнером – музыкантом-мифотворцем отличие существенное.

Вагнер-музыкант переиграл Вагнера-мыслителя, сердце оказалось мудрее ума. Вот что писал размышляющий Вагнер в книге «Моя жизнь»: «В мирной тишине моего дома я познакомился с

Джон Уильям Уотерхаус. Тристан и Изольда. 1916 год

книгой, изучение которой имело для меня громадное значение. Я говорю о сочинении Артура Шопенгауэра "Мир как воля и представление". Как всякий человек, много размышлявший о сущности жизни, я раньше всего искал конечных выводов шопенгауэровской системы. Меня совершенно удовлетворяла его эстетика, в которой я особенно поражался его глубокомысленным взглядам на музыку, но, как это поймет всякий, кому пришлось пережить то, что я тогда переживал, мне стало жутко, когда я выяснил себе, что нравственная философия Шопенгауэра сводится к умерщвлению воли жизни, что в отрицании ее он видел единственный путь к истинному и полному преодолению ограниченности нашего индивидуального ощущения и восприятия мира. Вот с чем я вначале не мог примириться: считая, что радостное эллинское миросозерцание, мечту о котором я вложил в свое произведение "Искусство будущего", коренится во мне глубоко, я не решался сразу от него отделаться. <…> Сознание призрачности мира явлений, так сказал он мне, составляет основную тему каждой трагедии и интуитивно присуще всякому великому поэту, всякому человеку вообще. Я еще раз прочел поэму о Нибелунгах и к своему изумлению понял, что с этим мировоззрением, вызвавшим во мне такое смущение при чте-

Иоганн Генрих Фюссли (Фюзели). Кримхильда бросается на тело мертвого Зигфрида

нии книги Шопенгауэра, я давно уже сжился в собственном творчестве. Только теперь я понял своего Вотана».

Вот что производит на свет умствование Вагнера. А сердце – то есть эмоциональный мир, рождающий музыку, – производит иное. В музыке вовсе не «умерщвление воли жизни», не «Танатос-инстинкт» есть путеводная звезда и водитель жизни. И «призрачность мира явлений» в музыке явлена как бесконечное движение, переменчивость, мимолетность, а не сумерки перед наступлением полного мрака. Музыка – не врет, а «мысль изреченная – есть ложь».

В опере Вагнер «собственными руками автора» убил Зигфрида и ясно объяснил – за что. Беспрецедентный по своей эмоциональной силе траурный марш, звучащий в связи с гибелью Зигфрида, это скорбь, это оплакивание несостоявшегося и несостоятельного героя, это крах всех надежд. Эта музыка гениальна и почти нестерпима: Вагнер доводит слушателей до предела эмоционального напряжения. А ведь могло бы быть и иначе! Будь Вагнер «гитлеровским нацистом», он должен был бы довести своего героя до триумфальной и абсолютной победы, написать такой силы марш, в котором ощущение величия героя, оправданности всех его устремлений и всех поступков не вызывало бы никаких сомнений. Но Вагнер не был «гитлеровским нацистом», он пытался служить пробуждению германского духа в другое время. А вот настоящие гитлеровские нацисты использовали Вагнера как мощнейшую, говоря современным языком, «мягкую силу», тем более что кроме музыки были и статьи Вагнера совершенно недвусмысленной направленности.

Вагнер и развитие

Проблему сегодня составляет не Вагнер и даже не гитлеровские нацисты. Проблемой – политико-философской, мировоззренческой проблемой дальнейшего развития – являются сегодня не прямые наследники и последователи нацизма, а те, которые на словах, да и на деле, порицая нацизм, разделяют некие глубинные, онтологические принципы его философии и его метафизики, сердцевиной которых является сознательный отказ от развития. Не от развития науки и техники, не от развития экономики и разного рода социально-политических конструктов и химер типа «демократии», «гражданского общества» и т.п., а от развития человека, вернее человечества, как целостного духовного существа, стремящегося реализовать свои духовно-

нравственные потенции, таланты, двигаться по пути осознанного роста к обществу всеобщей справедливости, гармонии и чистоты. Если эти стремления людей остановить, ограничить их мотивации лишь материальной сферой, привить им согласие с неравенством людей как не только естественным свойством мира, но и его базовым условием стабильности, то можно построить мировое общество, в котором «на вечные времена» сохранится превосходство одних над другими, сформируются высший слой «абсолютно счастливых» господ и нижние слои «абсолютно удовлетворенных» слуг и работников.

Вагнер и современная Россия

В своей ментально-чувственной сфере мы – «россияне» – находимся в состоянии переменчивой неопределенности. То нам беспечно кажется, что и мы, и страна, и наши ценности вновь переживут все выпавшие на нашу долю беды, что Россия «и не такое превозмогала». Эти ощущения и мысли похожи на смесь искусственного оптимизма с бездумным «авось» и первой частью поговорки «на Бога надейся, а сам не плошай». И взбодренные подобной смесью, мы сдаем один этический рубеж за другим, превращаем свое ценностное ядро в текучий порошок, готовый незаметно улетучиться… А иногда мы впадаем в состояние безнадежного пессимизма, мы принимаем как данность то, что Россия проиграла мировую битву за право быть собой и проектировать свое будущее, что надо в этой ситуации не биться в уже проигранном сражении, а подойти прагматически, сдавая рубежи, выторговать или выбрать для себя не самую плохую участь, променять неясное «светлое будущее» на удобство «нормальной жизни». И та и другая позиция, и то и другое мироощущение губительны для судьбы народа, для страны. Причем тут Вагнер? Вагнер со своей мифологией и, главное, со своим музыкально-эмоциональным ужасом, который он способен породить в самых затаенных уголках души, не просто показывает, а вопиет, что есть предел, за который отступать нельзя, за ним – тьма, и эта тьма ужаснее любого ужаса! Что не только герои гибнут, преступив нравственный закон, но и боги – тоже гибнут! Если понимать, что вагнеровские боги и мифические герои – это не просто иллюстрация к неким «языческим преданиям», а символика реальных исторических процессов и исторических субъектов, можно осознать, что вагнеровский бог – это исторический субъект народа. И он может не просто претерпеть некие повреждения и проиграть некие сражения, если поведет себя неверно. Он может сгинуть, исчезнуть, прекратить всякое существование – если поступится тем, чем поступаться нельзя. И никакой герой не спасет ни себя, ни народ, ни его идеалы, если пойдет по «алгоритму Зигфрида»: рожден в табуизированном греховном союзе, потерял историческую память, утратил чувство ответственности за свои дела и поступки, предал любовь и возжелал власти над миром через обладание золотом, а не любовью. По этому алгоритму прошли германские нацисты – и сгинули вместе со своими богами. Но живы и действуют те, которым неймется переиграть «нравственный закон внутри нас» и погасить «звездное небо над нами».

Не слишком ли много внимания мы уделяем не музыке Вагнера, а тем последствиям в форме влияний на кого-то, которые оказала музыка и личность Вагнера? Не проще ли сказать: вот музыка, в ней все сказано – слушайте и наслаждайтесь. Но не одной лишь усладой слуха является музыка Вагнера – и всякая иная великая музыка. Как вода не только утоляет чувство жажды, но и обеспечивает физиологическую и психическую деятельность всего организма, так и музыка обеспечивает важнейшую часть того, что мы можем, наверное, назвать «метаболизмом культуры».

Разумеется, Вагнера надо слушать, смотреть, исполнять, чувствовать и обдумывать. Его музыка, да и музыка вообще, сама по себе не способна обратить мировое добро в мировое зло. Не может она, к сожалению, произвести и обратную трансформацию. Его музыка может вдохновить и наполнить скорбью, ужаснуть и дать надежду. Но при этом мы сами должны властвовать над миром наших эмоций, а не подчиняться им, мы сами – управители и созидатели своих нравственных ориентиров, а не загипнотизированные безвольные существа, подчиненные исполнению чужих планов и чужой воли. Быть в этом осознанно свободным – одна из величайших возможностей, дарованных человеку. Для чистого сердца и благородных помыслов музыка Вагнера может стать союзником и подмогой. А чужие, да и наши собственные заблуждения перестают быть опасностью, как только они осознаны как заблуждения.

11–18 мая 2013 года

Сергей Белкин

Сергей Георгиевич Кара-Мурза –
доктор химических наук, генеральный директор Центра проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования, главный научный сотрудник Института социально-политических исследований РАН, социолог, политолог, публицист, член Союза писателей России

Выбор стратегии развития – исторический выбор

В августе 2011 года был публикован доклад «Стратегия-2020: Новая модель роста – новая социальная политика». Он был подготовлен большой группой экспертов под руководством ректора Высшей школы экономики Ярослава Кузьминова и ректора Академии народного хозяйства и государственной службы Владимира Мау. Эти две организации – «мозговые центры» реформы, которая ведется в России с 1992 года. Здесь формулируются принципы большой части конкретных программ в разных частях хозяйства и социальной сферы.

Этот доклад, который готовился по поручению Владимира Путина как стратегическая программа для грядущих выборов, заслуживает того, чтобы специалисты его изучили и прокомментировали, а граждане вникли в главные установки и обсудили их между собой. На мой взгляд, этот документ – единственный в своем роде за все время реформ. В нем изложена идеология стратегической доктрины, которую предлагает правительству очень влиятельная группа правящей элиты. Впервые разработчики ее стратегических программ изъяснялись столь откровенно.

Доклад большой, его надо читать и перечитывать. Ведь даже несмотря на то что он не был принят правительством как официальная программа, его установки все равно влияют на политику и негласно внедряются в практику. Нас редко посвящают в планы сильных мира сего – так надо пользоваться случаем. В этом докладе поражает какое-то дерзкое, хладнокровное презрение к истине и тоталитаризм мышления. В начале 90-х годов, когда люди были контужены перестройкой, такие вещи проходили, не до них было. Но теперь, через двадцать лет реформ, подобные доклады странно читать, но надо – это для всех категорий граждан служит необходимым практикумом.

Кратко рассмотрим положения этого документа, претендующего задать основные позиции целеполагания на предстоящее десятилетие.

Проблема «выхода из трансформационного спада» и проблема «преодоления бедности» только сейчас встают в полный рост – когда запасы советских ресурсов подходят к концу. Спад показателей годового ВВП – мелочь по сравнению с износом основных фондов, а также культуры, здоровья, квалификации населения и пр.

Прежде всего доклад так представляет ситуацию в России:

«Цели социально-экономического развития и его условия выглядят совсем иначе, чем они выглядели после предыдущего кризиса 1998 года. Тогда перед страной стояла задача: в экономическом плане – выхода из трансформационного спада, а в социальном – преодоления бедности, которой было охвачено более трети населения страны. Теперь задача в выходе на траекторию устойчивого и сбалансированного роста в целях модернизации и догоняющего развития, перехода к инновационной стадии экономического развития и создания соответствующей ей инфраструктуры постиндустриального общества».

Это ложная трактовка. Ни проблема «выхода из трансформационного спада», ни проблема «преодоления бедности» вовсе не решены после 2000 года. Эти проблемы только сейчас и встают в полный рост – когда запасы советских ресурсов подходят к концу. Спад показателей годового ВВП – мелочь по сравнению с износом основных фондов, а также культуры, здоровья, квалификации населения и пр. Доклад исходит из ошибочных понятий, индикаторов и критериев. Это – фундаментальный методологический изъян.

Говорится:

«В 2000-е годы российская экономика демонстрировала впечатляющие успехи. Динамичный экономический рост 2000-х годов <...>».

Это принципиальная ошибка. В 2000-е годы не было никаких «впечатляющих успехов» и «экономического роста». Было оживление омертвленных в 90-е годы производственных мощностей с точечными мерами по модернизации некоторых производств, старые мощности которых не подлежали восстановлению. Авторы доклада путают разные категории: «поток» (например, годовой объем производства или даже годовой ВВП) и «основные фонды» (база экономики, производственные мощности, кадровый потенциал). Экономический рост – это рост базы, а тут пока преобладают процессы деградации.

Рост базы экономики определяется динамикой инвестиций в основные фонды, а эти инвестиции только в 2007 году достигли уровня 1975 года, а в 2009 году опять упали ниже этого уровня. Вряд ли и до 2020 года они выйдут на уровень 1990 года. Чтобы преодолеть «трансформационный

Структуры постиндустриального производства базируются на мощной промышленной основе, прежде всего на машиностроении и производстве материалов нового поколения, на технологиях с высокой интенсивностью потоков энергии (в том числе новых видов), а вовсе не на «экономике впечатлений» и фантазиях дизайнера с карандашиком в руке.

спад», надо хотя бы вернуть в народное хозяйство изъятые из воспроизводства основных фондов инвестиции, стабилизированные пускай даже на уровне 1990 года (а это уже около 7 триллионов долларов). К тому же авторы не сообщают, что даже «поток» (рост объема производства) в 2000-е годы был более медленным, нежели в 1980–1990 годы – а ведь тогда реформаторы требовали сломать всю экономическую систему из-за «медленного роста».

Россия в докладе постоянно сравнивается с Китаем, Бразилией и Индией, вместе с которыми она якобы готова к «переходу в постиндустриальное общество». Это – ложное сравнение. Те страны завершают двадцатилетний период интенсивной индустриализации на основе современной технологии, а Россия завершает двадцатилетний период деиндустриализации. Оба процесса инерционны, и еще два десятилетия эта инерция будет гнать упомянутые страны и Россию по их расходящимся траекториям. Никакого подобия с Китаем нынешняя Россия не имеет, и ее задачи на 10 лет совсем иные, чем те, которые сформулированы в докладе.

Вообще в докладе концы с концами не сходятся. Утверждается, что

«российская экономика демонстрировала впечатляющие успехи»,

и тут же сообщается:

«В целом динамика структуры занятости отражает неблагоприятные тенденции в российской экономике: отсутствие движения в направлении модернизации и недостаточный рост эффективности производства».

Похоже, разные эксперты, готовившие доклад, не согласовали свои представления.

«Новая модель роста предполагает ориентацию на постиндустриальную экономику – экономику завтрашнего дня. В ее основе сервисные отрасли, ориентированные на развитие человеческого капитала: образование, медицина, информационные технологии, медиа, дизайн, "экономика впечатлений" и т.д.»

Это совершенно ложная цель, а само по себе приведенное сильное утверждение скорее всего имеет идеологический демагогический характер. Известна формула: «Постинду-

стриальная экономика – это гипериндустриальная экономика». Структуры постиндустриального производства базируются на мощной промышленной основе, прежде всего на машиностроении и производстве материалов нового поколения, на технологиях с высокой интенсивностью потоков энергии (в том числе новых видов), а вовсе не на «экономике впечатлений» и фантазиях дизайнера с карандашиком в руке. Прежде чем Россия может позволить себе переориентировать свое хозяйство на «сервисные отрасли», «медиа» и «дизайн», она должна восстановить свою промышленность, подорванную проведенной в 90-е годы деиндустриализацией. А ведь восстановительная программа еще и не начиналась!

В докладе поставлена следующая странная цель:

«Переход от экономики спроса к экономике предложения».

«Экономика предложения» – это благозвучная замена ставшего одиозным термина «общество потребления», потребителей соблазняют разнообразием предлагаемых ему товаров и услуг. Но в бедствующей России нет никаких оснований заменять «экономику спроса» «экономикой предложения». Страна еще не пресытилась жизненно важными благами, чтобы бросить ресурс на изобретение и производство интригующих новшеств. Эти необычные «предложения» элита и так получит от мирового рынка и купит себе любые новшества за границей. В России именно базовый массовый спрос и производства, и потребителей обеспечивает более сильные мотивы к инновациям и развитию, нежели изощренное предложение в пресыщенном обществе потребления.

Далее говорится, что

«переход к экономике предложения невозможен без роста внутренней конкуренции. <…> Только высокий уровень конкуренции может создать реальный спрос на инновации».

Это неверно ни логически, ни исторически, представления доклада о движущих силах развития очень ограниченны и предвзяты. Подъем инновационной активности, как правило, наблюдается именно на стадии выхода из кризиса в обществе, переживающем массовое чувство солидарности разного типа в разных культурах (пример – СССР 30–50-х годов, США после «Великой депрессии», Япония после Второй мировой войны).

В современном российском обществе, которому требуется консолидация для преодоления разрухи, более эффективные формы хозяйства складываются на основе кооперации и взаимопомощи, нежели внутренней конкуренции. Конкуренция – эффективный механизм, который преследует иные цели.

В современном российском обществе, которому требуется консолидация для преодоления разрухи, более эффективные формы хозяйства складываются на основе кооперации и взаимопомощи, нежели внутренней конкуренции. Конкуренция – эффективный механизм, который преследует иные цели, и представление о ней у авторов доклада мифологизировано.

Авторы мыслят в терминах классового подхода. Но они не говорят о той классовой структуре общности трудящихся, которая, по их прогнозам, станет к 2020 году коллективным субъектом «новой постиндустриальной экономики России». Они создают утопический, совершенно нежизненный образ «класса креативных профессионалов», который и станет локомотивом прогресса. Средством срочного создания креативного класса, по мнению составителей доклада, должны служить деньги, «конкурентоспособная оплата труда».

Вот что говорится об этом в докладе:

«Необходимый вклад государства в формирование класса креативных профессионалов – конкурентоспособная оплата труда в бюджетном секторе. Надо довести до конца движение к "эффективному контракту", начавшееся в 2004–2010 годы с государственных служащих и распространившееся в 2011 году на школьных учителей. Задача 2012–2016 годов – "эффективный контракт" с врачами, преподавателями вузов, работниками культуры».

О чем это? Какой «эффективный контракт» распространился на школьных учителей? Причем здесь «класс креативных профессионалов»? Неужели по таким стратегическим программам будет предназначено жить России?

Упование на креативный класс несостоятельно – он пока не стал социальной реальностью, и нет признаков, что станет в обозримом будущем. Вот вывод из большого исследования Михаила Горшкова «Социальные факторы модернизации российского общества с позиций социологической науки» (2010 год): «И в самосознании населения, и в реальности в современной России имеются социальные группы, способные выступать субъектами модернизации, но весьма отличающиеся друг от друга. Принимая в расчет оценки массового сознания, можно

Упование на креативный класс несостоятельно – он пока не стал социальной реальностью, и нет признаков, что станет в обозримом будущем.

сделать вывод, что основными силами, способными обеспечить прогрессивное развитие России, выступают рабочие и крестьяне (83 и 73 процента опрошенных соответственно). И это позиция консенсусная для всех социально-профессиональных, возрастных и т.д. групп.

Если говорить о степени социальной близости и наличии конфликтных отношений между отдельными группами <...> то один социальный полюс российского общества образован сегодня рабочими и крестьянами, тогда как второй – предпринимателями и руководителями. <...> Можно констатировать, что "модернисты" на две трети – представители так называемого среднего класса, в то время как традиционалисты – это в основном "социальные низы", состоящие почти полностью из рабочих и пенсионеров. В то же время, как это ни парадоксально, именно последние в восприятии населения являются одновременно главной движущей силой прогрессивного развития нашей страны».

Нельзя игнорировать столь серьезные исследования.

В докладе говорится:

«Ключевой особенностью новой социальной политики является опора на самодеятельность профессиональных сообществ. Сообщества профессионалов творческого труда – инженеров, ученых, учителей, врачей, юристов – выступают гарантом качества социальных и государственных услуг, профессионального уровня производства в самых разных отраслях экономики».

Каков смысл этих туманных выражений? Как «опора на самодеятельность» может быть «ключевой особенностью новой социальной политики», которая должна перевернуть Россию? Что такое «самодеятельность», например, юристов? Вчитайтесь, ведь это бессмыслица! Почему «сообщество» врачей является «гарантом» «профессионального уровня производства в самых разных отраслях экономики»? Что понимается под «сообществом» и откуда у него магическое свойство быть «гарантом качества социальных и государственных услуг»? И почему это свойство то появляется, то пропадает? Что за странные идеи бродят в головах экспертов правительства?

Если уж говорить всерьез, то профессиональные сообщества РФ как раз рассыпаны реформой. Эти сообщества пере-

живают дезинтеграцию, разрушены их когнитивные матрицы и системы социальных норм. Авария на Саяно-Шушенской ГЭС устранила последние сомнения. Задача государства и общества – восстановить нормативные системы профессиональных сообществ, вернуть им самоуважение и общественный престиж, социальный статус и механизм воспроизводства. А то по всем станциям метро расклеены объявления, а в газетах (например, в «Московском комсомольце» или «Из рук в руки») можно прочесть объявления такого типа: «Кандидатские и докторские диссертации для занятых. Недорого. Быстро».

Что же касается действительно важных положений социальной политики, то вот несколько рекомендаций доклада:

«Принципиальным условием политики, нацеленной на обеспечение условий устойчивого экономического роста, является отказ от попыток регулирования рынка труда (в частности с помощью формальных и неформальных препятствий сокращению занятости)».

Это даже не требует комментариев. Предлагается наш незрелый капитализм превратить в дикий. При этом постоянно проталкивается принятая в неизвестном ведомстве установка на «замещающую этническую миграцию», на завоз в Россию больших масс иммигрантов – при огромной безработице местного населения почти на всей территории страны. В докладе присутствует такой императив:

«Политика повышения иммиграционной привлекательности России, политика привлечения высококвалифицированной и низкоквалифицированной иностранной рабочей силы <...> необходима разработка долговременной стратегии, направленной на превращение России в страну, комфортную для иммиграции».

Если вспомнить приведенное чуть выше требование «отказа от попыток регулирования рынка труда (в частности с помощью формальных и неформальных препятствий сокращению занятости)», то ясно, какая «новая социальная политика» закладывается в «Стратегию-2020». Своих граждан станут без «формальных и неформальных препятствий» увольнять, а вместо них завозить покладистую и дешевую «иностранную рабочую силу».

И ведь все эти целевые установки не вызвали ни слова критики или сомнения ни в правительстве, ни в Госдуме.

Профессиональные сообщества РФ рассыпаны реформой и переживают дезинтеграцию, разрушены их когнитивные матрицы и системы социальных норм. Задача государства и общества – восстановить нормативные системы профессиональных сообществ, вернуть им самоуважение и общественный престиж, социальный статус и механизм воспроизводства.

Во всяком случае, слов критики не было слышно.

В отношении работников бюджетной сферы и пенсионеров предлагаются меры радикальные:

«Предложение: сократить численность госслужащих к 2020 году до уровня 2000 года, то есть примерно на 30 процентов. До 50 процентов полученной экономии средств можно направить на увеличение оплаты труда оставшихся сотрудников. <...> Реформированию пенсионной системы нет альтернативы. <...> Реформирование пенсионной системы позволит сэкономить к 2020 году от 0,69 процента ВВП до 1,22 процента ВВП. <...> Предложенные меры по реформированию пенсионной системы носят принципиально комплексный характер: повышение требований к минимальному стажу с 5 до 15 или до 20 лет, более или менее быстрое повышение пенсионного возраста до 63 лет для обоих полов».

И это называется «стратегия». Никаких определений цели, никаких альтернатив и прогнозов последствий, никакого поиска индикаторов, критериев, оптимальных соотношений. И так какую сферу ни возьми – хоть ЖКХ, хоть образование или транспорт. Вот, скажем, пишут о системе образования:

«Риски для стабильности системы образования и шире – социальной стабильности – заключаются в том, что содержание и объем социальных обязательств государства в сфере образования недостаточно конкретизированы. <...> Образование перестает выполнять функцию социального лифта, начинает воспроизводить и закреплять социальную дифференциацию».

Зачем наводить тень на плетень! Вот главный источник риска для социальной стабильности – образование «начинает воспроизводить и закреплять социальную дифференциацию». Недостаточная конкретизация обязательств государства никакого отношения в проблеме не имеет, да и само это понятие лишено определенного смысла. Риски возникли в результате смены вектора социальной политики и критериев справедливости. Говоря именно о стратегическом антисоциальном сдвиге

Требование «отказа от попыток регулирования рынка труда» демонстрирует, какая «новая социальная политика» закладывается в «Стратегию-2020». Своих граждан станут без «формальных и неформальных препятствий» увольнять, а вместо них завозить покладистую и дешевую «иностранную рабочую силу».

системы образования (и ничего не предлагая в качестве контрмер), авторы доклада тут же дают странную и даже нелепую характеристику российской семье и перспективам ее развития в предстоящее десятилетие:

«Сегодняшняя семья дает родителям больше возможностей – строить свою карьеру (уход за детьми с помощью платных профессионалов), не длить неудачный брак, жить с сегодняшним партнером, соединяя детей от разных браков и т.д. Таким образом, привычные механизмы взросления переживают эрозию».

Для кого составляется «Стратегия-2020»? Для узкой прослойки «высшего среднего класса» и социальных паразитов?

Поскольку главной стратегической идеей доклада является переход России к постиндустриальной экономике, большое место в нем отведено науке. Этот раздел полон принципиально ошибочных суждений, показывающих тривиальную неосведомленность авторов о характере научной деятельности. Они пишут:

«В 2015–2020 годах акцент рекомендуется перенести на опережающее развитие конкурентоспособных на мировой арене направлений фундаментальных и поисковых исследований, современных форм организации ИР, инфраструктуры науки на прорывных направлениях».

«Конкурентоспособные» научные направления – термин негодный, но не будем цепляться. Главное, что «успешные» научные направления – это не изюм, который можно выковыривать из булки. Как только они утратят поддержку «заурядных» направлений, вместе с которыми они только и могут существовать, от их «конкурентоспособности» не останется и следа. Такая нечувствительность к сути систем в XXI веке просто поразительна.

Вот еще более фантастическая сентенция:

«Отечественная наука продолжает функционировать в рамках традиционной (индустриальной) модели, не отвечающей современным реалиям и характеризующейся доминированием самостоятельных научных организаций, обособленных от вузов и предприятий. На них приходится свыше 80 процентов затрат на науку, тогда как в рыночных экономиках костяк

НИС – компании и университеты. Почти 3/4 организаций, выполняющих исследования и разработки (ИР), находятся в собственности государства».

Что значит: отечественная наука не соответствует современным реалиям? Чьим реалиям – США или Китая? Наука в России соответствует именно отечественным реалиям. Разве может быть иначе? Пусть бы авторы доклада объяснили, почему отечественная наука должна действовать не «в рамках традиционной (индустриальной) модели», если отечественная экономика является именно индустриальной, причем в состоянии деградации? Как это было бы возможно? И что станет с 3/4 организаций, если государство вдруг от них откажется? Стратеги предлагают их ликвидировать? Разве кто-то предлагает этим организациям финансирование, а они отказываются? Какими странными намеками наполнен этот доклад!

В докладе так сказано о состоянии важного элемента инновационной системы:

«<...> быстрая деградация фундаментальной науки, выступающей драйвером профессионального образования <...>».

Пусть фундаментальную науку России назовут драйвером (хотя странное словечко подыскали), но ведь в стратегическом докладе невозможно уйти от вопроса, почему же в России происходит «быстрая деградация фундаментальной науки». Без выяснения причин такого поистине катастрофического процесса, без описания того механизма, который его воспроизводит уже 20 лет, главные рекомендации доклада теряют смысл.

Сами же авторы доклада походя делают замечание, без объяснения которого все рассуждения об инновационной экономике ничего не стоят:

«Несмотря на то, что поддержка науки из средств федерального бюджета в 1998–2009 годах выросла четырехкратно <...> это не сказывается на динамике ее результативности в части прикладных и фундаментальных исследований».

Удивительно, что сами же авторы высказывают важное положение, которое опровергает практически все их стратегические инновации:

«Активное и масштабное разворачивание институциональных реформ в последние годы натолкнулось на ограничения системы, неготовой воспринять и "переварить" многие новые нормы».

Лауреат Нобелевской премии, академик РАН Жорес Алфёров

Что значит: отечественная наука не соответствует современным реалиям? Чьим реалиям – США или Китая? Наука в России соответствует именно отечественным реалиям. Почему она должна действовать не «в рамках традиционной (индустриальной) модели», если наша экономика является именно индустриальной, причем в состоянии деградации?

Как же вы собираетесь продавливать свою стратегию, если система неготова воспринимать предлагаемые вами новые институциональные нормы? Ведь ограничения – это те рамки, которые и определяют для реформатора поле возможного. Ваша стратегия вся стоит на утопии нарушения ограничений – и никаких предложений, как такое противоречие можно было бы разрешить. Как будто забыли самые элементарные правила анализа систем.

Этот разбор небольшой части утверждений доклада, которые предлагается положить в основу развития России, имеет методологический и учебный характер. Но главное в том, что выбор стратегии развития – предмет политики. Это – исторический выбор, определение пути движения с очередного распутья, на которое мы вышли в 2011 году. Он не может быть отдан на откуп группам экспертов, он требует общественного диалога. Никакая стратегия в нашем расколотом обществе не будет успешной, если не получит поддержки критической массы населения, которая посредством «низового плебисцита» не пришла к соглашению о целях проекта и его социальной цене. Для этого требуется выложить варианты стратегии, отвечающие чаяниям основных групп, занимающих позиции на фронте главных противоречий нынешней России. Власть, если желает успешного развития, должна реально помочь этим основным группам ясно сформулировать свои интересы, идеалы и цели, а потом дать им площадку для переговоров, поиска компромиссов и заключения пактов.

Владимир Кириллович Батурин –
доктор философских наук, академик РАЕН

Хочу, чтобы народ, к которому я принадлежу, выжил в качестве исторически значимой величины в сложившихся беспрецедентно страшных условиях. И необходимое условие для этого – объективно-беспощадное понимание сложившейся реальности.

Александр Зиновьев

Экономика как разрушенная философия

Прав и глубок наш уважаемый соотечественник. Александр Зиновьев хорошо разобрался с тем, что происходит в мире и в России, но в «объективно-беспощадном понимании сложившейся реальности» еще далеко не все страницы перевернуты. Более того, такое беспощадное постижение только-только начинается.

Люди издавна были и до сих пор остаются уверенными в единственности онтологии нашего мира. Они даже не подозревают, что существуют не в мире как таковом, а в некой онтологической... комнате смеха. В принципиально искусственной среде, созданной кем-то и с какими-то целями и замыслами. В искусственной лжереальности, которая для абсолютного большинства людей продуцировалась совокупностью расставленных другими – совсем особыми – людьми с определенными замыслами кривых онтологических зеркал. Мир, в котором мы обитаем, на самом деле создан не самыми лучшими людьми и не ради высших замыслов и побуждений. Человека на протяжении многих веков нагло «разводят» как последнего недотепу и глупца. И все это происходит в том числе и потому, что большинство людей продолжают верить в разного рода сказки про объективность всего бытийствующего, всего онтологического, постигаемого якобы незаинтересованным ни в чем, кроме истины, человеком и его разумом. Но ведь окружающие нас бытие, реальность, природа – все то, что принято считать объективным, – на самом деле никогда в онтологической конструкции не присутствуют в непосредственной «самости». Объективное есть определенным образом «схваченное», преобразованное, приведенное в связи и отношения именно человеком с учетом трех важнейших составляющих – его замыслов и мечтаний о будущем, реальной работы познавательных способностей и фактической деятельности как объединенной реализации первого и второго. Современная философия все более

склоняется к мысли, что человек вовсе не отражает, не рефлексирует окружающий мир – он его всегда творит по своему разумению и под свои цели. До сих пор общепринятая теория отражения как основы познания на много веков заслонила истину отношения человека и мира. А оно – это отношение – принципиально активно-конструктивное. Мир не воспроизводится, а каждый раз творится человеком из имеющихся в его распоряжении познанных и осмысленных элементов и заготовок – продуктов его предыдущей деятельности, результатов его воображения и фантазии. Все это многообразие соединено и объединено целями реализации очередного замысла.

Мир не воспроизводится, а каждый раз творится человеком из имеющихся в его распоряжении познанных и осмысленных элементов и заготовок – продуктов его предыдущей деятельности, результатов его воображения и фантазии.

У нас нет и никогда не было прямого доступа к непосредственно самим по себе миру и природе, мы всегда погружены в них через исторически проявленный мегапроект бытия как совокупности реализуемых с разной степенью успешности замыслов. А проекты человека всегда разные – удавшиеся и несостоявшиеся, достойные и отвратительные, во благо и во вред, во здравие и на погибель, духовно высокие и шкурно омерзительные. Нам еще предстоит разобраться с основными проектами человека, которые составляют несущую конструкцию существующей онтологии мира – мира как некой картины, как холста, который разворачивает сама великая природа. И именно природу ради своей сиюминутной и всегда авантюрной версии «правильного» проекта безжалостно кроит человек – часть природы, возомнившая себя целым и потому господином всего сущего.

Самое долговременное и прочное закабаление человека ради преступных целей другого человека – закабаление именно онтологическое. Такое закабаление означает приведение к якобы неизменной, якобы единственной, якобы независимой от самого человека конструкции реальности. Это закабаление по примитивнейшей формуле «другого не дано». Отсюда и выводы: мирись с этим миром, человек, другая судьба тебе принципиально недоступна, все терпели невзгоды и несправедливости имеющейся единственной реальности, и твой удел должен быть таким же. Следует вспомнить железную аргументацию наших рыночников-фундаменталистов 90-х о необходимости перехода нашей страны к либеральным моделям в экономике. Они, помнится, говорили: хорош или плох рынок – вопрос второстепенный, главное, что рыночная экономика – такая же необходимая и неизбежная, как восход и заход Солнца, как законы Ньютона или Максвелла. То есть как ни крутись, а деваться тебе, человек, от рынка некуда, так что смирись с ним и не дергайся. Рассуждать в таком ключе – значит использовать естественный (якобы объективный) метод онтологического описания, что равносильно добровольному онтологическому закабалению себя в таком единственно-де возможном мире.

Подобные фундаменталисты своим пониманием мира насилуют человечество с древнейших времен, причем прекрасно осознавая степень «правдивости» собственных тезисов. Получается, что онто-

логия сегодняшнего мира – это до сих пор во многом онтология... рабовладельческого проекта. Комната смеха как некая онтология мира, оказывается, была создана еще древними чубайсами и гайдарами при помощи умело расставленных кривых зеркал для рабовладельческого проекта и подобных ему практик, выгодных и полезных только избранным.

Человеку пора со всей явственностью осознать, что творцом окружающего и гнетущего его мира во многом является он сам. Эту истину первыми осознали великие философы Сократ, Платон, Аристотель, но реализовали, к великому сожалению, в своих эгоистических целях разного рода паразитарии. Те самые паразитарии, которые мир – потенциально великолепный, яркий, свободный – превратили в этот до сих пор господствующий ад. В мир для себя, мир чудовищный, черный, рабский, порочный, лживый, несправедливый, во многих отношениях безобразный.

Человек, ты хочешь жить достойно? Если да, то тебе тогда обязательно предстоит решительно свергнуть онтологическое рабство того мира, который придуман против тебя людьми-хищниками. Придуман и воплощен в реальность только лишь потому, что твоя жизнь, твоя энергия, твой интеллект, твой талант, твоя человеческая самость нужны именно им – поработителям, врагам-паразитариям, которые все твое уже много веков эксплуатируют как вроде бы свое. Необходимо всеми силами приближать наступление другого мира – мира с онтологией свободного человека, покинувшего, наконец, тысячелетнюю тюрьму рабовладельческой конструкции, которую по-иному можно именовать патологической онтологией. Фундаментальный парадокс современного мира заключается в том, что патологичен каждый человек, но в силу разных обстоятельств и причин. Одни люди принципиально патологичны в силу того, что живут как паразитарии и эксплуататоры за счет других людей, другие люди патологичны в силу своего рабского положения как средства для «жизни в шоколаде» избранных.

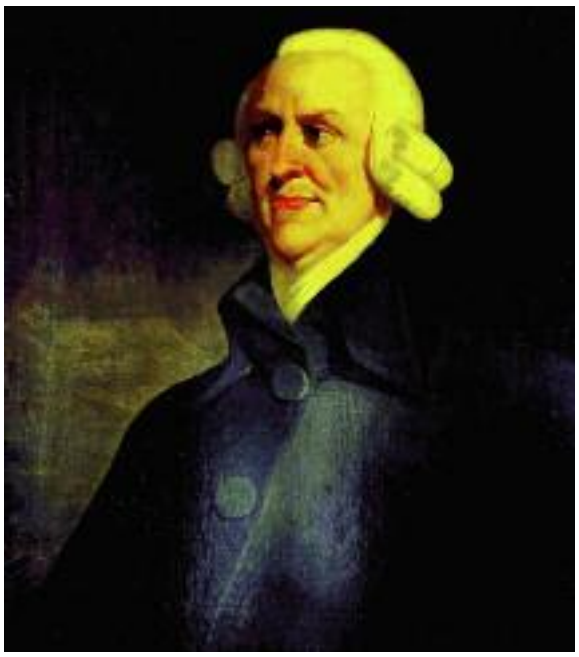
Откуда взялась эта самая экономика, как она превратилась во все определяющую смысловую конструкцию современного мира – конструкцию принципиально экономоцентрическую? Как она утвердилась в человеческом обществе и на каких принципах и началах? Для ответа на эти вопросы следует остановиться именно на глубинном понимании предмета экономики как моральной философии.

Экономика стартовала в своем научном развитии именно как морально-нравственная философия европейского Нового времени. Это сегодня экономика и философия разведены в нашем сознании на максимальную дистанцию их предметного различия, так что сама заявка на преодоление экономического кризиса с помощью философии кажется неискушенным людям чуть ли не бредом. Однако еще три столетия назад никого не смущало, что экономика была органичной частью моральной философии и позиционировалась как сугубо этическая дисциплина. Сошлемся на хорошо всем известный факт: самый знаменитый экономист всех времен и народов Адам Смит был на самом деле именно философом – заведующим кафедрой нравственной философии университета в Глазго. Главным своим научным трудом Смит считал вовсе не «Исследование о природе и причинах богатства народов», а книгу по нравственной философии – «Теорию моральных чувств». Другой основатель экономической науки Джон Локк также был философом. Он предложил до сих пор хранящиеся в теоретическом арсенале экономической науки модели «общества» и «экономического человека». Экономика как секулярная этика с самого начала отказывается от идеи следования трансцендентным сущностям и апеллирует только к требованиям «реальной» человеческой практики, стремясь понять, каким образом мораль, будучи свойством отдельного индивида, является в то же время обязательной, организующей силой общества? По Фрэнсису Бэкону цель этики, как и всякой другой науки, «не в приукрашивании вещей, а в выявлении в них полезного и истинного». Он подразделяет ее на два учения – об идеале (или образе блага) и об управлении воспитания души. Поскольку этика венчает философию, то ее незыблемо истинные правила не могут быть найдены раньше, чем будет достигнуто полное знание других наук, а пока этого не сделано. И далее Рене Декарт, наследуя указанное направление мысли Бэкона, ограничивается несовершенной этикой и предлагает временные правила морали, первое и главное из которых обязывает человека жить в соответствии с законами и обычаями своей собственной страны и считать это за единственную возможную истину.

И процесс пошел! Томас Гоббс оспаривает представление о человеке как общественном (политическом) животном, из которого явно или неявно исходила предшествующая ему этика. По Гоббсу человек изначально эгоистичен, нацелен на собственную выгоду, и понятия правильного и неправильного, справедливого и несправедливого не имеют в нем

места. Принципиальный разворот в экономике от нравственной проблематики совершает Дэвид Юм, нашедший в качестве основного гносеологического недостатка всех моральных наук их необоснованный предметный переход от «есть» к «должно быть», что, по его мнению, совершенно неправомерно с научной точки зрения. Для восстановления же научной состоятельности экономики как нравственной философии Юм пошел на противопоставление и, в конечном счете, на полное изгнание из предмета рассмотрения этой науки всего ценностного, аксиологического, оставив в ней только сугубо фактурное, практическое начало. Так состоялось главное искажение предмета экономики: она перестала быть частью всего спектра нравственной философии и в подобном – чрезвычайно зауженном – виде сохранилась как искусственно созданная единичным исследователем конструкция, сфокусированная на его сначала рафинированно теоретическом, а затем уже неприкрыто практическом интересе. В такой модели даже в изначальном, то есть в сугубо теоретическом, облике общее благополучие человека сведено лишь к его материальному благосостоянию. А сам человек с его бездной смыслов – к экономическому придатку.

Примитивизация мира, общества, человека, его целей и ценностей состоялась. В экономической сфере уже не осталось никакой философии, кроме единственной – вульгарно-материалистической, утилитарно-меркантильной. Таинственный мир трансформировался в примитивную общественную схему, где человеку отводится роль продавца, покупателя или посредника при купле-продаже неких товаров и услуг. Даже разнообразные социальные отношения между людьми теперь сводятся исключительно к взаимодействиям хозяйственным. Разнообразие красок окружающей действительности вырождается в примитивные черно-белые схематизмы смоделированного экономикой мира как рынка. Само философское понятие общества вырождается в упрощенную его модель по Локку, а затем – просто в рынок. А философское понятие человека трансформируется в экономического человека как отдельно взятого хозяйствующего субъекта (по Смиту). Философский же предмет экономики как нравственной философии незаметно перетекает в предмет, принципиально лишенный аксиологических начал (по Юму). То есть искажения предмета экономики как науки действительно чудовищны. Целиться в нравственные вопросы человеческого бытия в контексте общества и его принципиального устройства, а попасть в экономическое существование, принципиально лишенное какого-либо морального начала, – с чем это можно сравнить по степени расхождения целеполагания и целедостижения?



Неизвестный художник. Адам Смит. 1795 год

Еще три столетия назад никого не смущало, что экономика была органичной частью моральной философии и позиционировалась как сугубо этическая дисциплина. Самый знаменитый экономист всех времен и народов Адам Смит был на самом деле именно философом – заведующим кафедрой нравственной философии университета в Глазго.

Поразительны масштабы деформаций, произошедших с базовыми понятиями экономики, «позаимствованными» ею у философии. Например, с философским понятием «человек как микрокосм». Человеку свойственны чувства и моральные суждения, основанные на любви и симпатии, вместе с тем ему присущи стремления к личному интересу, пользе, успеху. Юм со скептической осторожностью соединяет два эти начала в одно, а затем уже Иеремия Бентам основой практической этики провозглашает принцип пользы – принцип, уходящий корнями в природную способность человека стремиться к удовольствиям и избегать страданий. Так, все первоначально этические искания порождают особый предмет экономики как разрушенной философии, нацеленной на эгоизм, конкуренцию, пресловутый успех любой ценой – тот самый, о котором Жан-Жак Руссо потом скажет: «Если полагать смысл жизни в успехе, надо быть скорее подлецом, чем порядочным человеком». Изначально моральное содержание нравственной философии в результате всех предметных трансформаций стало антинравственным потенциалом в угоду достижения эгоистически понимаемого успеха и прочих сугубо экономических целей.

Рождение предмета экономики состоялось самым непредсказуемым образом – полным уходом от нравственной философии, от этики, от морали. Осознай же, наконец, человек, очень важное: экономика – это слепое бегство от философии как от любви к мудрости, бегство от относительно правильного и ценностного в абсолютно неприемлемое и аномичное. И что в итоге? Вместо целостного мира – экономико-производственная его амальгама, вместо человека – жалкий и примитивный, алчно-враждебный фантом. И от таких грубых – по сути, архаичных и диких – моделей человечество до сих пор не нашло в себе интеллекта и воли отказаться.

Без преувеличения можно сказать, что экономика стала той самой «философией», из которой вынули всю ее глубину и целостность, все ее духовно-нравственные и солидарно-социальные начала. То, что осталось в результате этого великого «обрезания», и оказалось теоретической базой построения основных цивилизационных практик по сей день. В таком ракурсе экономика предстает как собрание всего философски наихудшего, и именно наихудшему был дан максимальный простор практического внедрения и применения. Что же тогда мы удивляемся разразившемуся глобальному кризису – ведь с помощью наихудшего вряд ли можно построить нечто достойное.

Глобальный мировой кризис начался вовсе не сегодня, а именно тогда, когда произошел кардинальный отход экономики от философии в ее предметном понимании. И сам кризис имеет не экономический, а мировоззренческий характер. Финансы, экономика, политика, материальные и нематериальные ресурсы – лишь следствие первичных, мировоззренческих и ценностных, установок. Как же нужно было постараться извратить, подменить, чудовищно исказить предмет экономики как фрагмента философии за три последних века, чтобы получить сегодняшние реалии этой науки, а также печальную панораму большинства современных цивилизационных практик!

Однако дело не только в академической несостоятельности экономики. Главная беда нынешнего положения цивилизации, ее институционально-ценностных конструкций в другом: на протяжении уже трех веков человечество пытается строить свои основные общественные практики на фундаменте сугубо экономических начал, которых для этого совершенно недостаточно. Ведь что такое экономические цивилизационные практики в своей сущности? Самые примитивные, самые поверхностные, самые фрагментарные и нелепые, но тем не менее именно искаженно философские модели человека, общества, мира, государства, целей и ценностей существования. Общим признаком для всех этих так называемых экономических, а на самом деле примитивно философских, моделей является максимальная удаленность их от настоящего анализа, ориентированного духовно и метафизически. Иначе говоря, то, что мировому сообществу нужно было обязательно делать с помощью истинной и глубокой философии, сделано и до сих пор делается на основе ее неверной и чудовищно искаженной подмены – экономики. Исторически узаконилось, что экономика стала теоретическим средством строительства цивилизации из наличного наихудшего, имеющегося у человечества. Парадоксально, но при анализе новоевропейских научных, в том числе экономических, инноваций создается впечатление, будто их творцы соревновались друг с другом, как бы изощреннее и дальше уйти от истины, даже от истины в форме элементарного здравого смысла. В качестве наглядного примера отметим бросающийся в глаза примитивизм базовых экономических моделей с точки зрения философии. Общество, по Локку, например, – это якобы механическое скопление атомизированных индивидов, главной сущностью которых являются абсолютный эгоизм по отношению к себе и всеподавляющая вражда по отношению к другим. Человек, по Локку, – якобы совокупность трех сущностных начал: «оставаться в живых», «стремиться к чувственным удовольствиям», «удовлетворять свою жадность». Никаких других начал в нем якобы просто нет! И таких моделей в экономике – принципиально неполных, ограниченных, не выдерживающих никакой философской критики и тем не менее активно применяющихся вновь и вновь – великое множество. Например, рынком называется модель общества, в которой разнообразные, сложные, тонкие материи всего социального упрощены только до примитивных схематизмов вокруг нескольких вопросов типа «что производить», «сколько производить», «как производить», «как распределять произведенное», «как адаптироваться к изменениям ситуации». Это что – все вопросы, которые волнуют любого человека, ненадолго пришедшего в этот мир погостить?

Пытаться решать проблемы преодоления мирового кризиса экономическими и финансовыми инструментами и подходами – заведомо ошибочная, принципиально тупиковая схема. Мир оказался в кризисе именно потому, что

Эбенизер Скрудж из «Рождественской песни» Чарльза Диккенса. Кадр из анимационного фильма кинокомпании «Дисней» 2009 года

позволил примитивной модели – экономике – строить целостный общественный дом для человека, что не получилось и не может получиться никогда – нет у экономики для этого ни ресурсов, ни потенциала.

Экономика, особенно в сегодняшних ее неприкрытых дефинициях, – тупик для развития мира, для его целостного моделирования и построения. С целью создания действительно разнообразных общественных практик нужны совсем другие ценности и инструменты – этические, социальные, философские. Необходим переход человечества от экономических цивилизационных практик к целостным, то есть основанным на философской картине мира. Глобальный кризис – это кризис именно аксиологии и онтологии чисто экономической модели мира. Кризис, вырастающий из полного несоответствия любой истинно социальной, то есть обязательно солидарной, системы содержанию примитивных и ограниченных экономических конструктов, которые мы получили в наследство от рабовладельцев, колонизаторов, пиратов, паразитариев и прочих рыночников-фундаменталистов. Это замечательно понимали

Жан-Жак Руссо:
«Если полагать смысл жизни в успехе, надо быть скорее подлецом, чем порядочным человеком».

наши отечественные философы и мыслители, в частности Федор Достоевский, утверждавший, что западный мир весь построен на зыбких основаниях – «несвятых святынях». Устойчивость такой онтологической конструкции обеспечивается вовсе не ложными ценностями – ложное ничего фундировать и созидать в принципе не может, – а военно-силовым дополнением, позволяющим какое-то время существовать любой лжи. Нынешняя мировая архитектура покоится на алчности, страсти к наживе, насилии, лжи, подкрепляемых штыками и авианосцами. Наступит время (оно уже наступило в форме мирового кризиса), когда конструкция станет окончательно недееспособной и неприемлемой даже для ее апологетов. Ведь кризис поражает абсолютно всех, в том числе и тех, которые придумали и реализовали такую модель.

Ложные ценности, ложная онтология, разрушительные кризисы, финальная катастрофа для всех – такова историческая перспектива ныне действующей ценностно-онтологической конструкции мира, которая не устраивает никого. Но в этой фундаментальной дисгармонии – шанс для человечества проснуться от гибельного духовного сна. На повестке дня – задача незамедлительной смены ценностных ориентиров цивилизации и ее русского сегмента. От того, что построено экономикой, необходимо отказываться, но умно, постепенно, системно, взвешенно. Из сооруженного ею деформированного и убогого мира-хлева пора начать перебираться к подножию настоящего храма. Следует, по словам Владимира Соловьева, уже из жестокого трагизма сегодняшнего дня прочувствовать, что человек есть «только носитель, или подставка (ипостась) чего-то другого, высшего. <...> Отдаваясь этому, забывая о своем “я”, человек на самом деле удерживает себя в своем истинном значении». К высшему, к истине всегда была устремлена лишь одна дисциплина – философия, непонятным придатком вырисовывающаяся в экономическом обществе, разлагающем самого себя в слепом бегстве от любви к мудрости.

Сергей Анатольевич Гаврилов –
депутат Государственной Думы,
председатель Комитета Государственной Думы по вопросам собственности,
член фракции КПРФ

Приватизация по-новому

На сегодняшний день правительством Российской Федерации перед органами власти поставлена задача по эффективному управлению государственной собственностью и повышению доходов государства от ее использования. В связи с этим большую роль играет совершенствование механизмов отчуждения федерального имущества, направленных на привлечение по-настоящему эффективных собственников. Именно к такой схеме должен сводиться процесс предлагаемой новой приватизации. Здесь необходим взвешенный подход. Нельзя забывать о том, что частный капитал далеко не всегда является залогом успеха, а менеджмент, управляющий активами госкомпаний, как видно из ряда наглядных примеров, способен эффективно распоряжаться собственностью. Нет гарантий того, что смена собственников поднимет эффективность работы того или иного предприятия и приведет к модернизации. Крайне высоки риски скупки госактивов в спекулятивных целях.

Первая волна раздела государственной собственности в 90-е годы до сих пор остается незаживающей раной для российского общества. Именно поэтому наш комитет высказывает опасения, связанные с возможным повторением той истории снова. Действовавшая в нашей стране с начала 90-х годов модель экономического развития, основанная во многом на экспорте энергоресурсов, на сегодняшний день себя практически исчерпала. В настоящее время в рамках существующей структуры экономики уровень использования производственных мощностей фактически вышел на свой докризисный максимум. Об-

щий уровень занятости населения превысил пиковое значение, достигнутое в августе 2008 года, и составил 72,1 миллиона человек.

Безусловно, настало время перехода от экспортно-сырьевой экономической модели к инновационному социально ориентированному типу развития, то есть к новой индустриализации экономики, масштабным инвестициям, в том числе с активным применением механизмов государственно-частного партнерства. К 2020 году Российская Федерация должна стать инвестиционно привлекательной и экономически эффективной страной. Иначе говоря, необходим переход к новой модели экономического роста и к новой социальной политике.

В связи с этим правительство, опираясь на мировой опыт, утверждает, что важной составной частью системных институциональных реформ является приватизация структурообразующих государственных активов – предприятий и банков. В результате такой приватизации возникают новые институты технологического развития и центры экономического роста, повышается эффективность работы государственных компаний, усиливается конкуренция на рынках, создаются благоприятные условия для привлечения инвестиций, новых технологий, профессиональных кадров. Появляется возможность использовать передовые, в том числе зарубежные, управленческие технологии, способствующие повышению конкурентоспособности российских предприятий и банков на глобальных рынках.

Однако многие эксперты не считают эту приватизационную реформу продуктивной и не рассматривают сокращение долей собственности государства в главных нефтедобывающих, транспортных, сельскохозяйственных отраслях как явление положительное.

Нельзя забывать о том, что частный капитал далеко не всегда является залогом успеха, а менеджмент, управляющий активами госкомпаний, как видно из ряда наглядных примеров, способен эффективно распоряжаться собственностью.

Сможет ли государство убедить не только мировое сообщество в инвестиционной привлекательности российской экономики, а потенциальных инвесторов – в предсказуемости и открытости российских компаний, но и прежде всего гражданское общество в том, что предстоящая приватизация ряда крупных компаний страны, составляющих ее национальное достояние, не повторит печальный опыт предыдущей приватизации и сможет обеспечить качественное улучшение структуры экономики?

Вместе с тем сомнительным является тот факт, что государство сможет проконтролировать аппетиты новых собственников в таких отраслях, как авиационная промышленность и авиаперевозки, энергетика, флот и пр., что, несомненно, может довести до социального потрясения.

Нужен новый подход к управлению госсобственностью

Сегодня в руках государства сосредоточена масса объектов производственного, социально-культурного, промышленного назначения, которые нуждаются в эффективном системном управлении с его стороны. И на наш взгляд, именно государство должно научиться грамотно и системно управлять этими активами с пользой для общества, а не

Настало время перехода от экспортно-сырьевой экономической модели к инновационному социально ориентированному типу развития, к новой индустриализации экономики, масштабным инвестициям, в том числе с активным применением механизмов государственно-частного партнерства.

отказываться от участия в этом процессе в интересах частных собственников.

Если же говорить о передаче госактивов в частные руки, то она должна в первую очередь учитывать национальный интерес, именно это должно являться приоритетом государственной политики в области управления собственностью. Следовательно, для начала процесса приватизации необходимо подготовить почву, то есть сформировать систему защиты национальных интересов путем введения специальных институтов контроля, в том числе на законодательном уровне. Поэтому актуальной является позиция председателя правительства РФ Дмитрия Анатольевича Медведева по поводу укрепления национальной юрисдикции с целью установления равенства участников в настоящих условиях, когда внешний инвестор оказывается в более привилегированном положении, чем внутренний.

Приватизация должна быть понятной, честной и справедливой, основанной на открытой конкурентной продаже государственных активов. При этом очень важным критерием является правильный по времени выход на приватизацию. Выбор времени, в которое следует разворачивать приватизацию, необходимо увязывать с типом экономики и с существующим в стране инвестиционным климатом. Поспешная, непродуманная и непрозрачная приватизация неизбежно приведет к нарастанию социальной напряженности в обществе.

Чтобы этого избежать, правительству надлежит обеспечить проведение системной и последовательной политики приватизации, которая должна быть экономически обоснованна, информационно открыта, а главное – понятна для потенциальных инвесторов и российского общества. Необходимо выработать четкие критерии, на основе которых будут приниматься решения о целесообразности или нецелесообразности приватизации государственных активов, в том числе компаний энергетического сектора.

Основной целью приватизации, особенно крупных предприятий, является привлечение инвестиций для развития, расширения производства, технического перевооружения, а в ряде случаев приватизация будет позитивной альтернативой банкротству.

Экономически обоснованной является приватизация в пер-

вую очередь убыточных или малоприбыльных, обремененных долгами активов, и ее необходимо проводить с целью недопущения банкротства и ради модернизации производства. Целесообразно приватизировать подобные предприятия с использованием таких механизмов, которые позволят полученные от их продажи денежные средства использовать на техническое перевооружение этих предприятий, привлечение на них грамотных кадров и внедрение современных управленческих технологий.

Специфика приватизации стратегических компаний – риск или выгода?

Следует начать публичный диалог с обществом и бизнесом о стратегических целях, преследуемых государством при приватизации значимых для страны активов. При этом нужно обнародовать имеющиеся у правительства планы модернизации конкретных отраслей экономики, предполагаемые сценарные условия развития приватизируемых компаний, а также конкретные и прозрачные условия участия инвесторов в реализации определенных структурных проектов, которые обеспечивали бы возвратность вложенных средств. Необходимо постоянно и широко информировать общество о ходе подготовки к приватизации, целях, преследуемых конкретной продажей, условиях предстоящей сделки, а также о ходе переговоров с потенциальными инвесторами.

Вместе с тем надо сказать, что процесс приватизации никогда не начинается в стратегических отраслях. Это его заключительный этап, так как стратегически важным компаниям требуется проведение тщательной подготовки к приватизации, а предполагаемый экспертами срок подготовки составляет 4–5 лет. К таким компаниям относятся, например, ОАО «НК Роснефть», функционирующее в сфере добычи, переработки нефти и газа и являющееся лидером по объему их добычи на территории России. Или ОАО «РЖД», предоставляющее услуги по перевозке грузов и пассажиров на всей территории России и обеспечивающее работоспособность всей транспортной инфраструктуры российских железных дорог. Здесь же можно назвать ОАО «Транснефть» (транспортировка нефти и нефтепродуктов) и ОАО «Зарубежнефть» (разведка и эксплуатация нефтегазовых месторождений).

Перечисленные компании являются крупнейшими налогоплательщиками и в целом за прошлый год принесли государству более 100 миллиардов рублей. После же их приватизации дивиденды будут выплачиваться новым собственникам.

Являясь естественными монополиями, эти компании сами образуют рынок и жестко контролируются государством, комплексно формируя инфраструктуру в своих отраслях. Финансовая эффективность приватизации стратегических компаний, на наш взгляд, является спорной и требует серьезной оценки, предваряющей принятие решения о приватизации. В противном случае контроль за государственной инфраструктурой существенно ослабнет, дивиденды будут потеряны, а тарифы на товары и услуги повышены.

К приватизации ОАО «РЖД» следует подходить особенно осторожно. В результате нее частные инвесторы получат крупный пакет, и интересы развития железнодорожной сети, ее значимость для страны будут смещены в сторону максимизации прибыли. Не говоря о том, что оценка предлагаемого к приватизации пакета – «25 минус 1 акция» – в денежном эквиваленте меньше годовой инвестиционной программы ОАО «РЖД». У нас уже был негативный опыт, когда железные дороги, подчиняясь правительству, были вынуждены продать вагонный парк. Существенно возросли издержки на так называемую вагонную составляющую. В результате тарифы на перевозки постоянно повышались, но из них лишь крайне малая часть шла на поддержание и развитие инфраструктуры путей и локомотивного парка – фонды изнашивались, а средств на их обновление не поступало. Тогда грузоотправители вынуждены были очень много платить компаниям-собственникам грузового вагонного парка. В результате рентабельность железных дорог существенно снизилась, возникли проблемы с инвестициями в основную железнодорожную сеть. Следует объективно подходить к оценке активов ОАО «РЖД». Пока нет ясного представления о том, какую прибыль получит государство от продажи этой компании, ее приватизацию начинать нельзя.

Поспешная приватизация перечисленных ключевых для страны компаний приведет к тому, что входящие в их состав

Государство должно научиться грамотно и системно управлять активами с пользой для общества, а не отказываться от участия в этом процессе в интересах частных собственников.

предприятия будут существенно недооценены в сравнении с зарубежными аналогами и проданы задешево в условиях мировой финансовой нестабильности, с огромными потерями государственных бюджетных средств.

Приватизация и национализация – парные категории

Может ли государство быть эффективным собственником? Мировой опыт свидетельствует, что да. Конечно, в сферу мелкого и среднего бизнеса приглашать государство в качестве собственника и управленца не имеет никакого смысла. Но наукоемкие производства, инфраструктура, авиастроение, ОПК – это совсем другое.

Я согласен с Геннадием Андреевичем Зюгановым, когда он говорит, что ни одно из обещаний идеологов приватизации выполнено не было, а самое главное, мы так и не получили действительно эффективный класс собственников. Все лучшее, что было создано в СССР, – мощнейший ВПК, научно-технические достижения, уникальные открытия, интеллектуальная собственность – обесценивалось, продавалось зарубежным конкурентам, разворовывалось, терялось. С предприятий выводились финансовые потоки. Многие предприятия продавались на условиях инвестиционных конкурсов, то есть по заведомо заниженным ценам, при условии, что разница между рыночной ценой активов и приватизационной ценой будет компенсирована инвестициями в предприятие. Как показали проверки Счетной палаты, из-за отсутствия регламента и контроля выполнения инвестиционных обязательств больше половины из них игнорировались, осуществлялись со значительными нарушениями. С явными нарушениями законодательства были проведены печально знаменитые залоговые аукционы, представлявшие собой раздачу отдельным бизнесменам крупных предприятий в области ТЭК, транспорта.

Поэтому назрела необходимость внесения в российское законодательство положений о национализации. Пока у нас еще есть возможность спасти то, что осталось на плаву, выжило вопреки всему. Но, как справедливо заметил председатель Государственной Думы Сергей Евгеньевич Нарышкин, Дума становится дискуссионной площадкой, центром принятия решений. И нами был создан серьезный стимул для обсуждения экспертами и политиками того факта, что государство способно быть эффективным собственником, регулятором и инвестором. Я думаю, мы еще вернемся к законопроекту о национализации. Вполне вероятно, что это произойдет осенью, когда предполагается новая большая волна приватизации. Начинать эту кампанию на падающем рынке, не имея страховочного инструмента, на мой взгляд, не очень разумно. Полагаю, что в контексте новой индустриализации этот инструментарий будет востребован государством.

Отдельные ошибки, допущенные при приватизации 90-х годов, сегодня могут быть исправлены только лишь через механизм национализации, в частности, в энергетической сфере, минерально-сырьевом и оборонно-промышленном комплексах, то есть в базовых отраслях экономики. Приватизация и национализация являются взаимодополняющими инструментами воздействия государства на свою экономику, повышающими эффективность ее функционирования.

В зависимости от складывающейся социально-экономической конъюнктуры государство может с помощью национализации усилить свое присутствие в экономике, как это происходит в периоды кризисов, или наоборот – через приватизацию ослабить воздействие на рынок, что наблюдается в годы экономического роста.

О роли парламента в процессе приватизации

На сегодняшний день парламент России никак не участвует в решении вопросов о приватизации крупнейших стратегических и инфраструктурных предприятий страны, так как в настоящее время доходы от приватизации федерального имущества не указываются в Законе о федеральном бюджете.

Между тем сумму планируемых поступлений от приватизации в качестве неналоговых доходов федерального бюджета и перечень крупных стратегически значимых объектов федерального имущества (в частности, пакетов акций акционерных обществ), которые планируется приватизировать в текущем году, необходимо утверждать именно Законом о федеральном бюджете. Только тогда будет гарантировано непосредственное участие Государственной Думы и Совета Федерации в решении вопросов о приватизации предприятий, обеспечивающих национальную безопасность страны. Каждый случай приватизации крупного предприятия должен рассматриваться как отдельный проект с полноценным общественным обсуждением, в том числе депутатами Государственной Думы, членами Совета Федерации, представителями органов власти субъектов Российской Федерации, учеными РАН. А средства от приватизации должны в первую очередь направляться на инвестиции для модерниза-

ции производства. Такая позиция получила полную поддержку Счетной палаты.

Только при обеспечении парламентского контроля приватизация перестанет быть губительной для экономики, станет работать не наперекор стратегическим интересам нашей страны, а на обеспечение экономического роста.

Участвуя в обсуждении стратегии реформирования структуры собственности и системы управления базовых компаний ведущих отраслей российской экономики, депутаты Государственной Думы и члены Совета Федерации смогут разделить с президентом Российской Федерации и правительством Российской Федерации ответственность за последствия проводимой политики приватизации.

Приоритеты правового регулирования приватизации

Сегодня основное направление работы Комитета Государственной Думы по вопросам собственности – улучшение корпоративного законодательства, кардинальное повышение эффективности управления государственной собственностью через пакеты акций для увеличения доходов в бюджет, законодательное обеспечение имущественной поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства.

Нам необходимо сконцентрироваться на совершенствовании законодательного регулирования госкорпораций, существенно облегчить для них инвестиционный режим. Считаем также необходимым обеспечить на уровне, соответствующем международным требованиям, прозрачность проводимых приватизационных сделок как одно из основных условий, выполнение которого является гарантом сохранения общественно-политического согласия в обществе при неизбежном вследствие приватизации изменении соотношения прав собственности в конкретной компании. В качестве позитивных примеров профессионально и своевременно проведенных сделок приватизации можно привести продажу государством пакета акций Сбербанка России (7,58 процента минус 1 акция за 152 миллиарда рублей), размещение акций ОАО Банк «ВТБ 24» на сумму около 100 миллиардов рублей. Указанные операции стали положительным прецедентом новой приватизации, изменившим отношение к России со стороны мирового инвестиционного сообщества.

Приватизация должна быть понятной, честной и справедливой, основанной на открытой конкурентной продаже государственных активов. Выбор времени для приватизации необходимо увязывать с типом экономики и с существующим в стране инвестиционным климатом.

Важно начать соблюдать принцип согласованности при проведении приватизационной и антимонопольной проконкурентной политики государства. Приватизация должна приводить к демонополизации рынка, улучшению конкурентной среды для веде-

Следует объективно подходить к оценке активов ОАО «РЖД». Пока нет ясного представления о том, какую прибыль получит государство от продажи этой компании, ее приватизацию начинать нельзя.

ния бизнеса, повышению качества и эффективности управления государственных компаний, а не к созданию новых локальных монополий, пусть даже частных.

Следует активизировать применение антимонопольного законодательства для ограничения приобретения пакетов акций доминирующими игроками в конкретном секторе рынка. Надо положить конец бесконтрольному разрастанию квазигосударственного сектора экономики посредством введения обязательного согласования с правительством Российской Федерации участия в приватизации в качестве покупателей компаний и банков, контрольный пакет акций которых находится в федеральной собственности, а также государственных корпораций. Необходимо обеспечить равенство конкурентных условий и возможностей доступа к государственным ресурсам для всех субъектов предпринимательской деятельности путем отмены существующих преференций для указанных компаний.

Стратегические цели деятельности компаний с государственным участием, пакеты акций которых предполагается реализовать в ходе приватизации, должны быть обнародованы. Точнее, государство обязано предоставлять обществу и инвесторам максимум доступной информации о решаемых компаниями государственных задачах, стратегии развития бизнеса и практикуемых методах работы на рынке, чтобы потенциальные инвесторы могли объективно оценить их реальное положение и точно просчитать риски своих инвестиций. Менеджмент таких компаний должен постоянно повышать эффективность управления: увеличивать численность профессиональных директоров, активнее внедрять стандарты корпоративного и международного управления, соблюдать деловую этику поведения на рынке, учитывать интересы миноритарных акционеров, обеспечивать информационную открытость принимаемых руководством решений и совершаемых компанией сделок.

Также мы неоднократно указывали на необходимость максимального ускорения работы по внедрению в компаниях с государственным участием института профессиональных директоров. Для каждой компании должны быть разработаны и утверждены стратегии их развития на среднесрочную и долгосрочную перспективы, доступные для открытого ознакомления. При этом необходимо обеспечить публичность процедуры выбора профессиональных директоров на конкурсной основе, определить критерии их назначения и отзыва из совета директоров компании, разработать систему оценки результатов их деятельности, а также ввести жесткий запрет на перекрестное представительство интересов государства в советах директоров различных компаний с государственным участием.

Убежден, что следует усилить полномочия Росимущества по управлению и распоряжению

различными категориями объектов федерального имущества (в частности, имущества военного назначения) и их приватизации. Необходима и координация государственных информационных ресурсов, содержащих сведения из Государственного кадастра недвижимости и Единого государственного реестра прав на недвижимое имущество и сделок с ним, в части информации об объектах публичной собственности.

Важно учесть, что проводившийся в последние годы эксперимент по передаче функций по распоряжению имуществом военного назначения от Росимущества к Минобороны доказал неэффективность и потенциальную коррупциогенность размывания полномочий по управлению публичным имуществом по отраслевым министерствам и ведомствам.

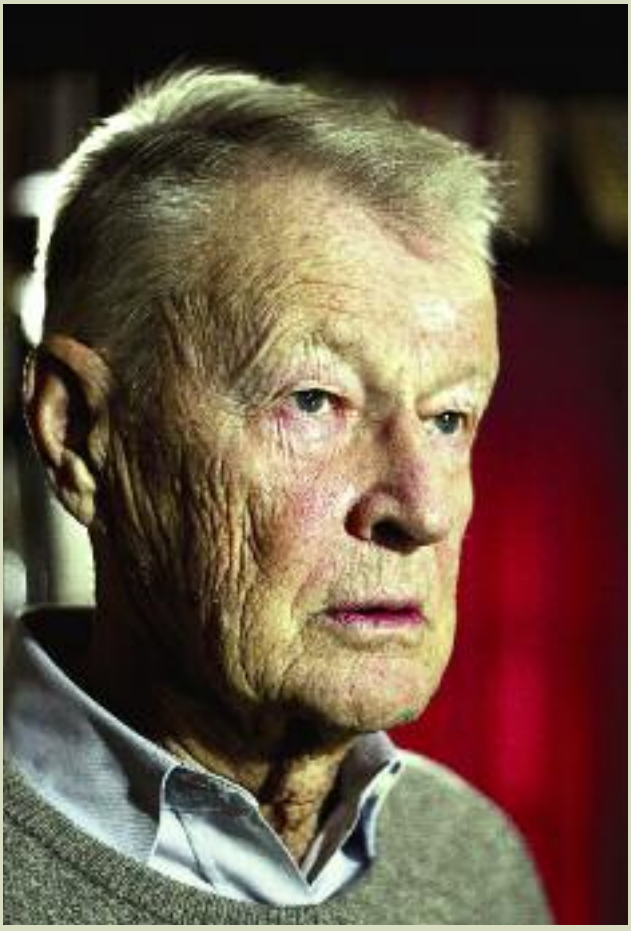
Для приватизации небольших по размеру и малоликвидных пакетов акций целесообразно рассмотреть вопрос о возможности внесения указанных пакетов акций в государственный инвестиционный фонд, управляющая компания которого распоряжалась бы ими под контролем Росимущества с последующей постепенной продажей акций самого фонда на аукционах.

Необходима прозрачность приватизационных сделок для гарантии сохранения общественно-политического согласия в обществе при неизбежном вследствие приватизации изменении соотношения прав собственности в конкретной компании.

В настоящее время Комитет по вопросам собственности является ответственным по внесенному правительством Российской Федерации законопроекту «Об основах государственно-частного партнерства в Российской Федерации». Этот законопроект призван создать правовые условия для привлечения инвестиций на основе четко определенных механизмов взаимодействия публичного и частного партнеров. При этом объект соглашения о государственно-частном партнерстве может быть не только реконструирован и возведен при поддержке частного инвестора, но и передан ему в собственность для дальнейшей эффективной эксплуатации и технического обслуживания.

По нашему мнению, указанный подход должен быть поддержан, поскольку эффективный собственник, получивший объект, не допустит содержания его в ненадлежащем состоянии, будет грамотно управлять объектом и модернизировать его.

Мы надеемся, что предлагаемый механизм позволит, с одной стороны, привлечь грамотных управленцев для достижения максимального эффекта, а с другой – получить дополнительное финансирование и тем самым существенно сократить государственные расходы во многих сферах.



ми, что в определенной степени напоминало времена религиозных войн».

■

«Успешное сдерживание Северной Америкой усилий евразийского блока, направленных на установление прочного господства над всей Евразией, причем обе стороны до конца воздерживались от прямого военного столкновения из-за боязни ядерной войны, привело к тому, что исход соперничества был решен невоенными средствами. Политическая жизнеспособность, идеологическая гибкость, динамичность экономики и привлекательность культурных ценностей стали решающими факторами.

Ведомая Америкой коалиция сохранила свое единство, в то время как китайско-советский блок развалился в течение менее чем двух десятилетий. Отчасти такое положение дел стало возможным в силу большей гибкости демократической коалиции по сравнению с иерархическим и догматичным и в то же время хрупким характером коммунистического лагеря. Первый блок имел общие ценности, но без формальной доктрины».

Збигнев Бжезинский

Из книги «Великая шахматная доска: главенство Америки и ее геостратегические императивы»

«Каждый из противников (США и СССР. – *Ред.*) распространял по всему миру свой идеологический призыв, проникнутый историческим оптимизмом, оправдывавшим в глазах каждого из них необходимые шаги и укреплявшим их убежденность в неизбежной победе. Каждый из соперников явно господствовал внутри своего собственного пространства, в отличие от имперских европейских претендентов на мировую гегемонию, ни одному из которых так и не удалось когда-либо установить решающее господство на территории самой Европы. И каждый использовал свою идеологию для упрочения власти над своими вассалами и зависимыми государства-

■

«Американский акцент на политическую демократию и экономическое развитие, таким образом, сочетает простое идеологическое откровение, применимое во многих случаях: стремление к личному успеху укрепляет свободу, создавая богатство. Конечная смесь идеализма и эгоизма является сильной комбинацией. Индивидуальное самовыражение, как говорят, это Богом данное право, которое одновременно может принести пользу остальным, подавая пример и создавая богатство. Это доктрина, которая притягивает энергетикой, амбициями и высокой конкурентоспособностью».

Славой Жижек

Из книги «Возвышенный Объект Идеологии»

«[Идеология] – это не призрачная иллюзия, возводимая нами для укрытия от невыносимой действительности, это по самой своей сути фантазматическая конструкция, служащая опорой для нашей “действительности”: “иллюзия”, структурирующая наши конкретные, реальные общественные отношения и, кроме того, маскирующая невыносимую, реальную, непостижимую сущность (то, что Эрнесто Лакло и Шанталь Муфф называют “антагонизмом”, то есть травматическое социальное подразделение, не поддающееся символизации).

Функция идеологии состоит не в том, чтобы предложить нам способ ускользнуть от действительности, а в том, чтобы представить саму социальную действительность как укрытие от некой травматической, реальной сущности».

■

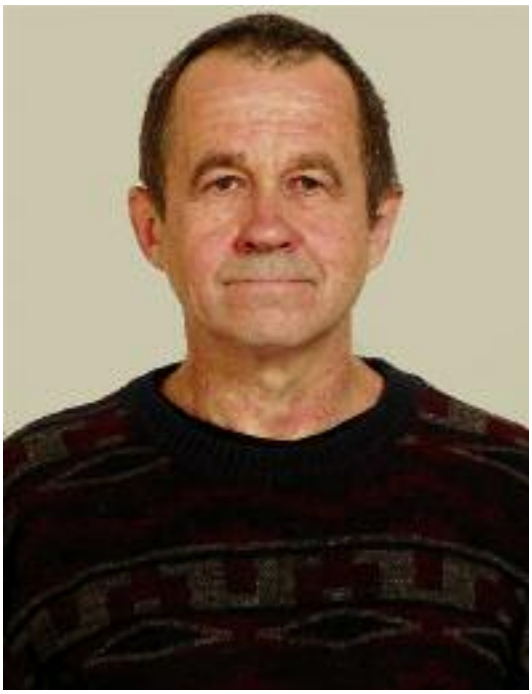
«[Декарт:] “<…> оставаться настолько твердым и решительным в своих действиях, насколько это было в моих силах, и с не меньшим постоянством следовать даже самым сомнительным мнениям, если я принял их за вполне правильные. В этом я уподоблял себя путникам, заблудившимся в лесу: они не должны ни кружить или блуждать из стороны в сторону, ни тем паче оставаться на одном месте, но должны идти как можно прямее в одну сторону, не меняя направления по ничтожному поводу, хотя первоначально всего лишь случайность побудила их избрать именно это направление. Если они и не придут к своей цели, то все-таки выйдут куда-нибудь, где им, по всей вероятности, будет лучше, чем среди леса”. В этом отрывке Декарт в некотором смысле открывает секрет любой идеологии: действительной целью идеологии является сама вменяемая ею система ценностей, незыблемость идеологической конструкции, цель ее в том, чтобы заставить нас “идти как можно прямее в одну сторону”. Но доказательства, приводимые идеологией для оправдания своих притязаний – то есть подчинения нас идеологическим построениям, – только скрывают это, скрывают избыточное наслаждение, присущее любой идеологической форме. <…> Все говорит о том, что в приведенном отрывке Декарт представил нам – возможно, впервые – этот фундаментальный парадокс идеологии в его чистой форме: на что действительно делает ставку идеология, так это на собственную форму, на то, что мы продолжаем идти как можно прямее в одну сторону, что мы следуем даже самым сомнительным мнениям, если приняли их за вполне правильные. Но эта идеологическая позиция может быть только “феноменом, выступающим побочным продуктом”. Субъекты идеологии, “путники, заблудившиеся в лесу”, должны скрывать от самих себя, что “первоначально всего лишь случайность побудила их избрать именно это направление”, они должны быть уверены, что их решение совершенно обоснованно, что оно ведет их к цели. Как только они осознают, что целью является незыблемость самой идеологической позиции, идеологические конструкции окажутся разрушенными. Можно заметить, что идеологический постулат прямо противоположен известному постулату иезуитской морали, здесь целью выступает оправдание средств. Почему же эта инверсия отношений между целью и средствами должна оставаться скрытой, почему ее разоблачение чревато ее разрушением? Потому что ее разоблачение откроет наслаждение, работающее в идеологии, в любом идеологическом отречении.

Другими словами откроет тот факт, что идеология служит исключительно своим собственным целям и ничему больше».

■

«Обратимся еще раз к понятию “демократия”: есть ли что-либо общее между либерально-индивидуалистическим пониманием демократии и теорией реального социализма, согласно которой главным признаком “реальной демократии” является руководящая роль партии как выразителя подлинных интересов народа и его направляющей силы?

Не стоит поддаваться искушению простого решения, гласящего, что понятие о демократии, которым руководствуется теория реального социализма, – это просто вывернутая наизнанку “подлинная” демократия, – в конечном счете “демократия” определяется не тем, что подразумевают те или иные под этим понятием, а только в соотношении, в сравнении с “недемократией”. Поэтому конкретное содержание этого понятия может быть самым разным, даже взаимоисключающим: для сторонников теории реального социализма “демократический” означало то явление, которое служило воплощением антидемократического тоталитаризма для классических либералов».



Виктор Алексеевич Гайкин –
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения РАН

Страна-то наша особая, стоящая между молотом Европы и наковальней Азии, долженствующая так или иначе их помирить.

Дмитрий Менделеев

Евразийский союз *vs.* проект «Туманган»: унипланетное сообщество или расовая война?

В прогнозах относительно будущего мира и места в нем России нет недостатка. Один из наиболее известных сегодня – концепция «столкновения цивилизаций» Сэмюэля Хантингтона. Она явилась во многом эмоциональной реакцией на усиление мусульманского присутствия в Европе, наступление иной культуры – наступление, которое приведет к симбиотическому сосуществованию народов в рамках единого экономического пространства. Мусульманские государства Ближнего Востока тесно привязаны к экономикам развитых государств. Доминантный политико-экономический тренд их развития – укрепление (конвергенция), а не конфронтация (дивергенция) отношений с ЕС и США. Прогноз Хантингтона не историчен, он не рассматривает всемирную историю как процесс развития человечества – процесс, имеющий, как и любой развивающийся организм, закономерности, этапы, диалектическое содержание.

Сюрреалистичны и концепция Хантингтона о «столкновении цивилизаций», и инициатива академика Примакова о стратегическом союзе России, Китая и Индии. Понятно, что Китай в любом союзе согласится только на доминирующую роль. Максимум, на что сможет претендовать Россия, так это на роль равноправного участника. А скорее всего – просто ведомого. Да и у Индии

слишком серьезные разногласия с Пекином. Таким образом, «волк, коза и капуста» вряд ли окажутся в одной лодке. Кстати, и Пекин, и Дели сразу же открестились от подобной перспективы.

Геополитическая архитектура Евразии в XXI веке может претерпеть изменения, инициатором которых выступают некоторые структуры ООН. Проект «Туманган», продвигаемый ООНовскими стратегами, не так безобиден и «прогрессивен», как об этом говорится в рекламных и программных буклетах. Российская концепция Евразийского союза появилась почти одновременно (начало 1990-х гг.) с проектом «Туманган» в качестве его антипода. Если «Туманган» (и евразийский транспортный коридор) – это изоляция России, дезорганизация евразийского пространства, его геополитическая трансформация в угоду геостратегическим целям Китая, то Евразийский союз – разнорасовое сообщество, символизирующее будущее единство государств Евразии, а впоследствии и мира. Связанные общим экономическим интересом государства-члены Евразийского союза формируют новый мощный полюс глобализирующегося мира.

Если «Туманган» (и евразийский транспортный коридор) – это изоляция России и дезорганизация евразийского пространства, то Евразийский союз – разнорасовое сообщество, символизирующее будущее единство государств Евразии, а впоследствии и мира.

Первоначальная – «стволовая» – концепция проекта «Туманган» (официальное название – «План развития бассейна реки Туманган») заключалась в создании в устье реки Туманган на стыке трех границ трансграничного территориального анклава, состоящего из трех сегментов (китайского, корейского, российского), который будет управляться некоей международной структурой с постепенной интернационализацией анклава. Отсутствие реальных подвижек в его реализации на протяжении первых 15 лет (с 1991 г.) объяснялось в том числе и тем, что российские власти совершенно справедливо углядели в первоначальном проекте «Тумангана» своего рода убийцу Транссиба и морского порта Владивосток. Бросалась в глаза и сама дата возникновения проекта – 1991 г. – год развала СССР и появления в российском подбрюшье независимых среднеазиатских государств. Это давало возможность проведения по их территории евразийского транспортного коридора и изоляции России.

В результате Китай и ООНовские промоутеры проекта решили поменять его имидж. На VIII заседании консультативной комиссии ООН по раз-

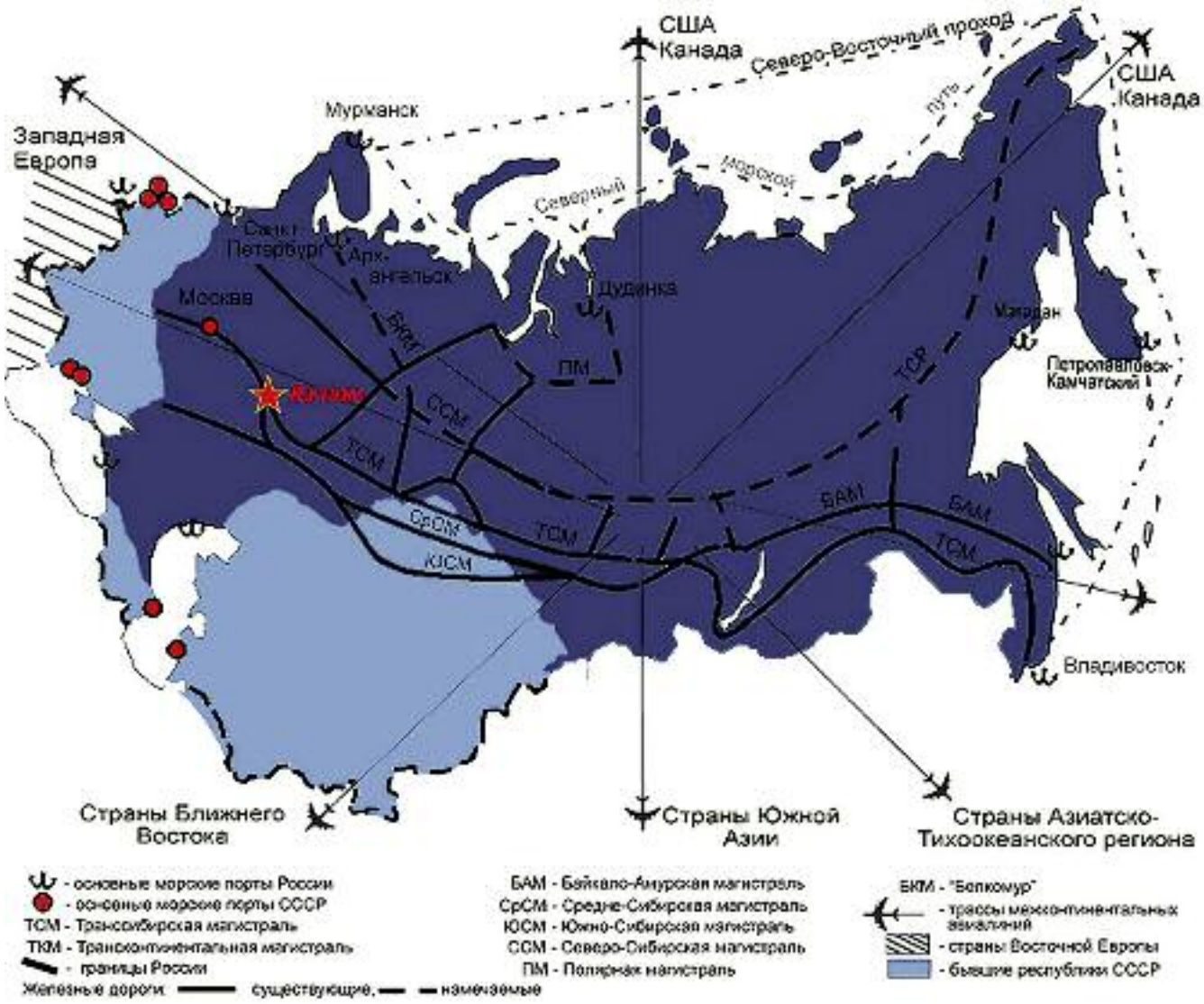
витию района реки Туманган (КНР, Чанчунь, сентябрь 2005 г.) было принято решение переименовать его во внешне аморфную и ни к чему не обязывающую «Расширенную туманганскую инициативу». Изменилась и суть: теперь Китай уже не настаивает на строительстве порта в устье Тумангана. Это предприятие оказалось сложным и по техническим (гидрологическим) причинам – скалистое дно, малая глубина, – и по международно-правовым причинам – принадлежность нижнего течения реки России и КНДР. Тем не менее выход к Японскому морю Китаю по-прежнему нужен. Поступившись второстепенным (переименование проекта), Китай оставил главное – формирование трансграничного экономического анклава на сопредельных территориях Китая, КНДР, России (хотя об управлении анклава неким международным административным комитетом уже не говорится). В Китае территорией реализации «Расширенной туманганской инициативы» является корейский национальный округ Яньбянь. Надо сказать, что уровень урбанизации в Яньбяне самый высокий среди провинций КНР – 56 процентов (в 2 раза больше, чем средний показатель по Китаю – 27 процентов). Северокорейская часть будущего анклава – это свободная экономическая зона Раджин, которая даже при тоталитарном режиме строится и развивается. Соответственно в приграничных районах Приморья все с точностью до наоборот – депопуляция, развал промышленности.

Трансграничный экономический район обречен на внутреннюю специализацию: высокотехнологичное производство на основе дешевой северокорейской рабочей силы и китайского капитала – в китайском и корейском сегментах анклава, колониальная экономика – в российском сегменте. Контуры специализации начинают вырисовываться уже сегодня: создание на японские, китайские, корейские деньги рисоводческих комплексов, заготовка и переработка леса, исполнение роли железнодорожного (морского) извозчика. Как писала газета «Жэньминь жибао»: «Полностью используя богатые природные ресурсы соседних стран России и КНДР, в том числе лес и полезные ископаемые, морские ресурсы, Яньбянь интенсивно развивает отрасли переработки продукции на экспорт, в то же время ряд мощных предприятий округа инвестирует капитал в экономику России, КНДР».

Экстремальный сценарий может быть следующим. Примыкающая к границе территория Приморья будет постепенно заселяться корейцами (российскими и приезжими), которые будут трудиться на лесных, сельскохозяйственных предприятиях, принадлежащих иностранному (китайскому, корейскому) капиталу. Экспорт квалифицированной рабочей силы из Яньбяня – одна из главных статей дохода этого округа. В 2005 г. рабочая сила экспортировалась в 20 стран мира (доходы округа от экспорта рабочей силы составили в 2005 г. 880 миллионов долларов, что в 2,3 раза выше всех внутренних финансовых поступлений). Доказать, что эта приграничная территория Приморского края в далеком прошлом принадлежала Корее или Чжурчженьскому государству, состоявшему в вассальных отношениях с Китаем, будет несложно. Что тогда помешает изменить ее международно-правовой статус? Прецеденты имеются – Косово, Южная Осетия и Абхазия.

Помимо экономической, существует еще более серьезная – геополитическая – опасность, связанная с проектом «Туманган». Если попытаться прочитать матрицу исторического процесса с помощью гегелевского закона отрицания отрицания, то можно выделить три исторических этапа, своего рода гегелевскую триаду: первобытное общество, классовое общество, постиндустриальное общество. Как известно, по Гегелю, третий член триады повторяет первый (спираль развития), но на качественно новом уровне. Тот же Гегель считал, что история человечества – это поэтапное развитие свободы индивидуума. Согласно непопулярному сегодня Марксу, «царство свободы начинается в действительности лишь там, где прекращается работа, диктуемая нуждой и внешней целесообразностью, следовательно, по природе вещей оно лежит по ту сторону сферы собственно материального производства». Таким образом, достижение царства свободы (по Гегелю) как лейтмотив развития человечества реализуется только после выхода человека из сферы материального производства (по Марксу).

Первобытное общество, охота и собирательство (зависимость от природы) – тезис. Переход к регулярному труду (зависимость от материального производства) – антитезис. Развитие материального производства эволюционно приводит к освобождению от всякой зависимости (постиндустриальное общество) – синтез. Однако синтез (постиндустриальное общество) как реинкарнация на высшем уровне тезиса (первобытного общества) будет означать и перенесение в постиндустриальное общество доминантного конфликта первобытного общества, коим была межрасовая конфронтация.



Основными оппонентами в расовой войне окажутся монголоиды и европеоиды, а соответственно главным театром военных действий – Евразия. Расовая война станет самым страшным из конфликтов, по сравнению с которым Вторая мировая покажется дивизионными маневрами. Она не будет преследовать ни одной из целей предыдущих конфликтов (захват рабов, материальных ценностей, создание империй, смена общественного строя). Главная и единственная ее цель – полное уничтожение всего населения расы-антагониста.

Дать точный футурологический прогноз с указанием даты того или иного события нереально. Правильнее определять направления, векторы развития, намечать ориентиры и вехи, оконтуривать цели. Аксиомой стал тезис о том, что научно-технический прогресс идет по экспоненте (с возрастающей скоростью). Попробуем вывести алгоритм ускорения. От каменного топора до начала использования металлических орудий труда прошли десятки тысяч лет; путь от металлического топора до применения станков человечество прошло в десять раз быстрее – за несколько тысяч лет. На порядок меньший временной отрезок понадобился, чтобы изобрести компьютер, – несколько сот лет. Экстраполируя эту тенденцию в будущее, можно предположить, что для завершения компьютерной революции, комплексной роботизации производства (и выхода из него человека) будет достаточно

Россия должна будет сыграть роль интегратора Запада и Востока благодаря тому, что она граничит с основными монголоидными государствами и что по ее территории проходит Транссиб – готовая артерия, связывающая Европу со Средней Азией и Дальним Востоком.

Первый демонстрационный поезд по модернизированной железнодорожной ветке Хасан–Раджин. 13 октября 2011 года

Задача России в том, чтобы расколоть монголоидное сообщество и сформировать блок из стран Центральной Азии, Кореи и Японии. Два проекта будут реальными шагами на пути реализации этого плана. Первый – строительство моста мыс Погиби–Сахалин и подводного тоннеля между Сахалином и Хоккайдо с выходом на Транссиб. Второй – соединение Транссиба с транскорейской железной дорогой.

нескольких десятилетий, максимум – столетие.

По свидетельству Хосе Рамона Ласуэна, «в начале XX столетия временной лаг между сменяющими друг друга индустриальными инновациями составлял 37 лет, после Второй мировой войны он составляет 14 лет». Поскольку первый компьютер появился в середине XX века, то начало масштабной расовой конфронтации можно было бы ожидать в середине XXI века. Нужно сделать поправку на то, что, как отмечают эксперты, в последние десятилетия происходит замедление научно-технического прогресса. В окончательном варианте выход человечества из сферы производства – а значит, его вступление в новый, постиндустриальный, этап развития и, как следствие, возможное начало расовой войны – можно ожидать в конце XXI столетия.

Можно указать на любопытное совпадение нашего прогноза с одним из эсхатологических сценариев. В 2003 г. была найдена ранее неизвестная двухтомная рукопись Исаака Ньютона. Ее содержание составляют сложные математические вычисления, которые основаны на интерпретациях Книги пророка Даниила. Согласно гипотезе великого ученого, между восстановлением Римской империи Карлом Великим, коронация которого состоялась в рождественскую ночь 800 г., и концом света должны пройти 1260 лет. Таким образом, апокалипсис, по Ньютону, наступит в 2060 г., то есть примерно в то же самое время, к которому мы относим начало расовой войны.

Именно Россия должна будет сыграть роль интегратора Запада и Востока благодаря тому, что она граничит с основными монголоидными государствами и что по ее территории проходит Транссиб – готовая артерия, связывающая Европу со Средней Азией и Дальним Востоком. Роль Транссиба будет состоять в правильной организации евразийского пространства. Соответственно дезорганизующую роль сыграет евразийский транспортный коридор, который планируется создать в обход России.

Этот проект, связанный с проектом «Туманган», протежирует ООН. В докладе ООН по проекту «Туманган» говорится: «Значение этого маршрута в том, что он пройдет по Северо-Восточной и Центральной Азии». На самом деле ничего позитивного в этом нет. Строительство транспортного коридора в обход России объединит в первую очередь монголоидный мир, а не всю Евразию. Запад, стремясь изолировать Россию, готовит себе второй Мюнхен.

Задача России в том, чтобы расколоть монголоидное сообщество и сформировать блок из стран Центральной Азии, Кореи и Японии, тем самым опередить Китай в его естественном стремлении создать союз монголоидных государств (Китай, Корея, Япония, Центральная Азия). Два проекта, которые сейчас обсуждаются, будут реальными шагами на пути реализации этого плана. Первый – строительство моста мыс Погиби–Сахалин и подводного тоннеля между Сахалином и Хоккайдо с выходом на Транссиб. Второй – соединение Транссиба с транскорейской железной дорогой.

16 июля 2008 г. создано совместное предприятие «РасонКонТранс» с участием торгового дома «Российские железные дороги» и порта Раджин для реализации проекта «Хасан–Раджин». Предприятие будет заниматься реконструкцией железной дороги, строительством контейнерного терминала в морском порту. 4 октября 2008 г. в КНДР на пограничной станции Туманган состоялась торжественная церемония укладки первого звена в рамках модернизации железной дороги от российской станции Хасан до северокорейского морского порта Раджин. Протяженность магистрали 52 километра. Она будет представлять собой колею шириной 152 см., принятой на Транссибе, и 143 см. – как на Северокорейской железной дороге. Совмещенная колея позволит без смены колесных пар ходить как российским, так и северокорейским поездам.

Это пилотный проект в рамках масштабного плана объединения Транссиба и транскорейской железной дороги и создания трансконтинентального транспортного коридора длиной более 10 тысяч километров, что позволит доставлять грузы из Азиатско-Тихоокеанского региона всего за две недели вместо 45 суток морским путем. Первый демонстрационный поезд по модернизированной железнодорожной ветке, связавшей российскую станцию Хасан с северокорейским морским портом Раджин, прошел 13 октября 2011 г. В 2012 г. планируется завершить весь комплекс работ по созданию нового транспортного коридора. Следующий шаг – начало коммерческой эксплуатации этих объектов для организации транзитных перевозок через порт Раджин с выходом на Транссибирскую магистраль. Одновременно с активностью России по стыковке Транссиба с транскорейской железной дорогой аналогичные усилия предпринимает и КНР с целью, образно выражаясь, перетянуть одеяло на свою сторону. В 2008 г. Китай арендовал в том же северокорейском порту Раджин причал и начал его реконструкцию. Железнодорожная ветка от порта Раджин свяжет его с северо-восточным Китаем и в перспективе станет частью уже упоминавшегося евразийского транспортного коридора.

В августе 2009 г. Госсовет КНР принял программу развития бассейна реки Туманган, а в ноябре 2009 г. в рамках этой программы утвердил создание на территории провинции Цзилинь района развития и международного сотрудничества «Чанчунь–Цзилинь–Туманган». В программе говорится: «Провинция Цзилинь, город Чанчунь и округ Яньбянь (именуемые далее как Чан-Цзи-Ту) являются основным регионом в бассейне реки Туманган, мы должны ускорить строительство экспериментальной зоны освоения и открытости Чан-Цзи-Ту, чтобы она стала главной приграничной зоной такого уровня в Китае, а также важной платформой для экономического и технического сотрудничества в Северо-Восточной Азии. Развитие данной зоны является национальной стратегией». Губернатор провинции Цзилинь Хань Чан Фу отметил, что полномочия, предоставленные государством в связи с новым планом, будут использованы в полной мере и провинция будет искать выход к морю посредством создания бондовой и трансграничной экономических зон.

У мирового сообщества нет другого выхода, кроме возведения совместными усилиями структуры будущего безопасного мира. В таком мире Россия просто обречена на роль третьего – разнорасового – силового центра Евразии (наряду с Европой и Китаем). Центра, минимизирующего расовое напряжение между европеоидным и монголоидным полюсами планеты. В принципе о том же самом говорится и в статье Владимира Путина «Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня»: «Мы предлагаем модель мощного наднационального объединения, способного стать одним из полюсов современного мира и при этом играть роль эффективной “связки” между Европой и динамичным Азиатско-Тихоокеанским регионом».

В.П. Шанцев:
«“Труды и дни” нижегородцев»

Интервью губернатора Нижегородской области **Валерия Павлиновича Шанцева** альманаху «Развитие и экономика»

– Валерий Павлинович, когда речь заходит о нижегородской земле и ее исторической роли для России, в первую очередь на ум сразу приходит День народного единства 4 ноября, напрямую связанный с нижегородским ополчением Минина и Пожарского. Что означает этот праздник лично для Вас и для всех нижегородцев?

– Сам я родился в селе Сусанино, в прошлом – Молвитино, Костромской области. Для меня начало XVII века – это история моей малой родины, непростое время для страны, которую пытались разодрать на части иностранные интервенты. В Москве сидели польско-литовские шляхтичи, семибоярщина, государство на глазах разрушалось. Должна была появиться сила, которая бы это все преодолела. И она появилась – без каких-то указов или приказов. Рядом с Молвитино, откуда я родом, есть село Домнино – вотчина Романовых, где жил будущий царь Михаил Федорович. Отряд интервентов шел к Домнино, чтобы не допустить на престол династию Романовых, однако Михаила вовремя перевезли в Ипатьевский монастырь под Костромой. Поляки схватили старосту села Ивана Сусанина и сказали: «Веди нас к Романову». И он повел их через домнинские болота. Если говорить о Нижегородском ополчении, 400-летие которого мы отметили в 2012 году, то оно интересно тем, каким образом в то время формировалась сила, которая привела к началу восстановления государственности. Судьба меня привела в Нижний Новгород на должность губернатора в 2005 году. Этот год стал для меня знаковым: уже в современной истории копия знаменитого памятника Минину и Пожарскому работы скульптора Мартоса была установлена в Нижнем Новгороде, и я открывал этот памятник. Нижегородское ополчение совершило историческую миссию. Именно Нижний Новгород стал местом, откуда пошел призыв и куда начали стекаться добровольцы со всей Руси. К ним примыкали и татары, и башкиры, и мордва, и марийцы, и чуваши, и вотяки. Независимо от национальности и вероисповедания люди собрались, пошли на Москву и выиграли сражение.

– Как возникла идея возродить праздник?

– В 2001 году нижегородская общественность решила проводить акцию «Алтарь отечества». Собрались добровольцы и повторили тот же путь, что и ополчение в давние времена: через Кинешму, Кострому, Ярославль, Ростов Великий, Переславль-Залесский, Сергиев Посад. Такую акцию стали проводить ежегодно. В 2003 году ее участники обратились с пред-

ложением, что было бы неплохо 22 октября по старому стилю или 4 ноября по новому стилю, то есть день, когда ополчение вступило в Москву, сделать государственным праздником. Нижегородская инициатива получила поддержку, и в 2004 году Госдума приняла решение, чтобы день 4 ноября стал нашим общенациональным праздником – Днем народного единства. А в 2005 году, как я уже говорил, у нас в Нижнем Новгороде был установлен памятник Минину и Пожарскому. Его история тоже интересна. Первоначально Мартос делал памятник именно для нижегородцев, но тогда было принято решение поставить его в возрождающейся после нашествия Наполеона Москве, а нам прислали стелу. Она стоит у нас в нижегородском кремле напротив здания областного правительства. Установленная же в Нижнем Новгороде копия памятника Минину и Пожарскому на 5 сантиметров меньше по ширине и высоте памятника в Москве, но значение ее от этого меньше не становится.

– К памятным датам принято открывать знаковые объекты. Эта традиция была продолжена в регионе 4 ноября 2012 года?

– Действительно, ежегодно к 4 ноября мы у себя в области ежегодно стараемся вводить в строй самые знаковые объекты. Так, в ноябре 2008 года на родине Кузьмы Минина в Балахне был открыт культурный центр – Дом Москвы, где разместились краеведческий музей, библиотека, киноконцертный и спортивный залы. 4 ноября 2009 года в Нижнем Новгороде ввели в строй автодорожную часть метромоста через Оку. В 2010-м открыли очень важную для областного центра объездную дорогу с метромоста на главную транспортную артерию нагорной части – проспект Гагарина – и ввели в эксплуатацию реконструированный окский Канавинский мост. В 2011 году значимым событием для всех нижегородцев стало открытие после реконструкции Окского съезда, вдвое увеличившего пропускную способность Молитовского моста. В 2012 году – к 400-летию ополчения – в течение всего 4 ноября с утра до вечера мы открывали важные для города объекты – всего более тридцати. Как известно, нижегородское ополчение шло в Москву под знаменем иконы Казанской Божией Матери, поэтому еще в 2005 году в Нижнем Новгороде был заложен камень под строительство храма Казанской Божией Матери, и 4 ноября 2012 года мы торжественно открыли этот храм. Еще одно знаковое событие – открытие Зачатьевской башни Нижегородского кремля. В 2015 году мы будем отмечать 500-летие каменного Нижегородского кремля, который выдержал 28 осад, и неприятель ни разу его не взял. Но можно сказать, что наш кремль боролся не только с врагами, но и с природой. Он расположен не на плоской площадке, а на пересеченной местности с серьезными грунтовыми водами. Двести лет назад сильный оползень разрушил кремлевскую стену и уничтожил Зачатьевскую башню – одну из самых красивых и мощных. С тех пор кремль стоял разомкнутый, что приводило в недоумение туристов. Мы к 400-летию ополчения восстановили стену и Зачатьевскую башню, воссоздав первоначальный облик кремля в виде замкнутого каменного пояса. Мне удалось одному из первых пройти по верху стены двухкилометровым маршрутом. Ощущение, конечно, не для слабонервных – местами встречаются ступеньки до полуметра высотой, но защитники тех лет перемеща-

Нижний Новгород

лись по ней достаточно свободно.

– Но главным событием для горожан наверняка стал пуск метро в верхнюю часть города?

– Конечно же, главным событием к юбилейной дате стало открытие станции метро «Горьковская» – первой в нагорной части города: до этого метро работало только в нижней заречной части, не неся серьезной транспортной нагрузки. Мы соединили станцию «Горьковская» со станцией «Московская»: поезд между ними идет всего 6 минут (по сравнению с часом или полутора часами стояния в автомобильных пробках на мосту эти считанные минуты – настоящий праздник), пассажиропоток в метро сразу увеличился в несколько раз. Станция «Горьковская» получилась очень красивая (во время строительства примером для нас служило московское метро). Потолок ее похож на крылья буревестника, стены отделаны мозаикой и мрамором. Думаю, эта станция может стать таким же местом притяжения туристов, как и наша канатная дорога через Волгу из Нижнего Новгорода на Бор, которую мы открыли в начале прошлого года и покататься на которой теперь приезжают к нам даже из соседних регионов. Для меня как для губернатора строительство метро было приоритетным, так как пробки в центре города стали доходить до уровня московских. Также мы ввели в строй в полном функциональном объеме 1350-метровый метромост через Оку двойного назначения: поверху идет наземный транспорт, а внутри – метро. Одновременно с этим открыли эстакаду от метромоста через железную дорогу на Московское шоссе. Кроме этого, сдали в эксплуатацию новый микрорайон «Седьмое небо» – 18 жилых домов с детским садом, торгово-развлекательным и физкультурно-оздоровительным комплексами. В 2012 году у нас в регионе стало уже 24 новых физкультурно-оздоровительных комплекса (ФОК). Каждый наш ФОК – это 6 тысяч квадратных метров под крышей: взрослый и детский бассейны с элементами аквапарка, большой спортзал для игровых видов спорта, площадка с искусственным льдом, зал для единоборств, залы хореографии и тренажеров, кинотеатр на 80 мест. Рядом – футбольное поле с искусственным газоном. 4 ноября мы также открыли после реконструкции и одну из самых красивых улиц Нижнего Новгорода – Рождественскую, – где расположены исторические здания купеческих усадеб, торговых представительств, банков с красивыми фасадами, украшенными лепниной и скульптурами. Мы сделали там пешеходную зону, оставив одну трамвайную линию, где как элемент туристического маршрута ходит ретротрамвай. Мы открыли площадь перед Зачатьевской башней, реконструировали полтора километра Нижневолжской набережной, установили балюстрады, сделали пешеходную дорожку, красивые фонари, лавочки, урны. Хотим в перспективе сделать такой всю десятикилометровую набережную.

– Валерий Павлинович, если говорить о сегодняшних экономических реалиях, в чем Вы

определяете основные преимущества нижегородского региона для привлечения инвестиций?

– По оценкам независимых экспертов, Нижегородская область стабильно входит в первую десятку российских регионов, наиболее привлекательных для инвесторов. Одним из конкурентных преимуществ Нижегородской области является ее уникальное географическое расположение в центральной части России, всего в 400 километрах от Москвы, на пересечении двух международных транспортных коридоров – Европейского № 2 и «Север–Юг». У нас с Москвой регулярное авиасообщение, а по железной дороге на высокоскоростных поездах «Сапсан» и «Ласточка» путь из Москвы в Нижний Новгород занимает менее 4 часов. Фактически область является одним из крупнейших транспортно-логистических узлов страны. Помимо развитой сети областных автомобильных и железных дорог, плотность которых соответственно в 5 и 3 раза больше средней по России, мы обладаем двумя мощными транспортными узлами – международным аэропортом и крупным речным портом, имеющим по внутренним водным артериям выход во все моря, омывающие европейскую часть России. В полной мере возможности нашей развитой транспортной системы могут оценить представители бизнеса: Нижегородская область находится в центре самого большого рынка сбыта в России с самой высокой покупательной способностью. В радиусе 500 километров от Нижнего Нвгорода проживают около 43 миллионов человек, а в радиусе 1000 километров – около 84 миллионов, что превышает показатели Москвы и Санкт-

Валерий Шанцев на открытии физкультурно-оздоровительного комплекса в Лысково

Петербурга. Несмотря на отсутствие богатых природных ресурсов, наша область традиционно входит в число наиболее экономически развитых регионов России. Наш регион – один из крупнейших центров научно-исследовательской мысли и инновационной деятельности, промышленного производства, один из лучших по количеству трудовых ресурсов и их компетенции, на что неизменно обращают внимание все инвесторы при размещении у нас своих производств. Это очень важно для инвестора! Нижегородский крупный бизнес отличается высоким уровнем дифференцированности, что повышает устойчивость региональной экономики к негативным явлениям в отдельных отраслях.

– Какие отрасли промышленности наиболее развиты в регионе?

– Основу нашей промышленности составляют высокотехнологичные обрабатывающие отрасли (70 процентов): машиностроение и металлообработка, химическая, нефтехимическая и топливная промышленность, электроэнергетика, черная и цветная металлургия, производство строительных материалов, а также деревообрабатывающая и целлюлозно-бумажная, легкая и пищевая промышленность.

– Насколько развита транспортная система в Нижегородской области? Что делается для ее улучшения?

– Мы уделяем особое внимание развитию и модернизации транспортно-логистической системы в Нижегородской области, тем более что актуальность данной темы возросла в связи с включением Нижнего Новгорода в список городов-организаторов чемпионата мира по футболу 2018 года. Работа в этой сфере осуществляется по многим направлениям: совершенствуется автодорожная инфра-

...на открытии музейно-туристического комплекса «Город мастеров» в Городце

структура, продолжается строительство метро, оптимизируются пассажирские перевозки. Среди последних знаковых событий, как я уже говорил, открытие в 2012 году в Нижнем Новгороде первой в нагорной части города станции метро – «Горьковской». Теперь метрополитен пришел из нижней заречной части областного центра в верхнюю. В связи с подготовкой нашего региона к чемпионату мира по футболу и строительством стадиона нами принято решение о продлении Сормовско-Мещерской линии метро до станции «Стрелка». Правительство региона реализует областную целевую программу «Совершенствование транспортной инфраструктуры Нижегородской области», в рамках которой осуществляется финансирование содержания, ремонта и строительства автомобильных дорог. Для успешного развития области в целом необходимо надежное транспортное сообщение между правобережной и левобережной территориями региона, географически разделенными рекой Волгой. Оно пока в нашей области осуществляется по единственному на 300-километровом участке течения Волги совмещенному железнодорожно-автомобильному мостовому переходу. В настоящее время завершена разработка проектной документации на строительство дополнительного моста через Волгу на автодороге Нижний Новгород – Киров: 23 ноября 2012 года на заседании инвестиционного совета были выделены земельные участки под строительство этого мостового перехода. Строительство моста начнется в текущем году. Кировское направление – одно из самых проблемных мест в городе с точки зрения пропускной способности. Новый мост и развязки значительно снизят транспортную напряженность на данном участке. Проект должен быть реализован к 2016 году. Специалисты считали: пропускная способность здесь увеличится втрое.

Одновременно с возведением моста продолжается строительство объездных дорог областного центра. Через Нижний Новгород проходят значительные потоки транзитного движения, достигающие по разным направлениям 35 процентов общего потока автотранспорта. Поэтому продолжается строительство третьей очереди первого пускового комплекса Южного обхода Нижнего Новгорода, ввод его в эксплуатацию позволит вывести за пределы областного центра транзитный транспорт с направления Москва–Казань. Планируется продолжение строительства автодороги Р-152 Шопша – Иваново – Нижний Новгород. Ввод ее в эксплуатацию обеспечит возможность беспрепятственного движения транзита в обход городов Балахны и Заволжья, а также дамбы Горьковского водохранилища в направлении северных и северо-западных регионов России.

– Какие иностранные инвесторы наиболее активны в Вашем регионе?

– Правительство Нижегородской области проводит активную работу по расширению сотрудничества с зарубежными партнерами. Основная доля иностранных инвестиций приходится у нас на создание современных, высокотехнологичных производств.

Нижегородская ярмарка

Если взять последнюю пару лет, то, к примеру, в 2011 году на территории области открылись следующие основные новые производства всемирно известных компаний:

- завод «Шотт Фармасьютикал Пэккэджинг» в городе Заволжье (компания «Шотт АГ» специализируется на разработке и производстве продуктов, материалов и систем из специального стекла), объем инвестиций в это предприятие составил 600 миллионов рублей;
- предприятие компании «Либхерр» по производству строительной техники и авиакомпонентов, общий объем инвестиций по проекту составил 11,5 миллиарда рублей;
- завод компании «Валео» по производству автокомпонентов для российских и зарубежных автопроизводителей, объем инвестиций по проекту в 2011–2012 годах – 315 миллионов рублей;
- был заложен первый камень в строительство предприятия компании «Сен-Гобен Строительная Продукция Рус», объем инвестиций по проекту – свыше 3 миллиардов рублей.

В 2012 году зарубежные инвесторы также открыли у нас в регионе несколько предприятий, например:

- 7 июня компания «Юнилин» ввела в строй производство напольных покрытий (ламината) в городе Дзержинске, объем инвестиций – 2 миллиарда рублей;
- 18 июля компания «Ондулин» открыла вторую линию по производству кровельных материалов, объем инвестиций – 1 миллиард 45 миллионов рублей;
- 17 сентября в Заволжье открылся новый завод по производству автокомпонентов компании «Леони», объем инвестиций – 1 миллиард 47 миллионов рублей;
- 24 сентября там же, в Заволжье, компания «Фройденберг Политекс» открыла третью линию производства нетканых полотен для дорожного и железнодорожного строительства, объем инвестиций – 814 миллионов рублей.

В результате запуска только этих четырех предприятий было создано более 2 тысяч новых рабочих мест. Уже в текущем 2013 году, 26 января, в Дзержинске была открыта фабрика по производству виниловых обоев компании «А.С. и Палитра». Создано 110 рабочих мест, общий объем инвестиций составил 1 миллиард 39 миллионов рублей. Планируется, что продукция фабрики будет продаваться во всех регионах России. 5 февраля 2013 года на Горьковском автомобильном заводе открылось производство полного цикла автомобилей Chevrolet Aveo в рамках сотрудничества «Группы ГАЗ» и компании General Motors. Ожидается, что ежегодный объем производства составит около 30 тысяч седанов и хэтчбэков Aveo. Автомобили будут продаваться на российском рынке. Инвестиции сторон в развитие производства ГАЗ под проект выпуска Chevrolet Aveo составили 29 миллионов долларов. А 29 апреля 2013 года в Балахне открылась фабрика по производству целлюлозосодержащих добавок для дорожного строительства «Реттермайер РУС Продуктион». Планируемый объем инвестиций по проекту – около 400 миллионов рублей.

Открытие памятника Кузьме Минину и Дмитрию Пожарскому 4 ноября 2005 года

– Какие меры предпринимаются на региональном уровне, чтобы привлечь иностранные компании и помочь им обосноваться в области? Существует ли специальная структура регионального уровня, которая осуществляет помощь иностранным инвесторам?

– Инвестиционный климат в нашей области оценивается многими международными агентствами как очень благоприятный, риски у нас минимальные. С целью снижения административных барьеров у нас в регионе внедрена прозрачная и четкая схема взаимодействия власти и инвестора по принципу «одного окна». В отличие от большинства регионов России в Нижегородской области создано профильное министерство инвестиционной политики, все проекты рассматриваются на заседаниях специально созданного инвестиционного совета при губернаторе. Подобный подход оправдывает себя, что подтверждается официальной статистикой. В 2011 и 2012 годах мы получили объемы иностранных инвестиций по одному миллиарду долларов ежегодно. И это не просто какие-то запланированные инвестиции, а уже реализованные в виде строительства новых заводов, установки нового оборудования. На сегодняшний день объем инвестиций по проектам, одобренным в ходе заседаний инвестсовета, приближается к 1,8 триллиона рублей. Всего было рассмотрено более 6 тысяч инвестиционных проектов, по ним планируется создать более 202 тысяч новых рабочих мест. За всеми этими цифрами – конкретные предприятия, живые люди. Вот, например, под Дзержинском мы не так давно запустили сначала первую очередь завода «Либхерр», а сейчас уже строится вторая – для производства авиакомпонента для аэробусов А-360, землеройной и строительной техники. Таких заводов в России больше нет! Или вот совместно с «Даниэли» заложили новый завод по производству металлургического оборудования, построили сверхсовременный литейно-прокатный комплекс.

– А какие вопросы чаще всего задают инвесторы? Наверняка спрашивают про льготы?

– Все зарубежные инвесторы, как правило, задают традиционные стандартные вопросы. Прежде всего их интересует уровень бюрократизации и коррупции. И поэтому, здесь я еще раз повторюсь, с первых дней мы твердо определились, что будем предельно открыты для инвесторов, поэтому и работаем в режиме «одного окна». Это значит, что у нас инвестор не ходит, ничего не согласовывает, он просто обезличенно сдает заявку на предоставление земельного участка и через 10 дней приходит на инвестиционный совет, докладывает свой бизнес-план в присутствии представителей всех согласующих, разрешающих и тому подобное организаций. И если объективно все в порядке, они говорят: «Этому проекту быть». Я сам являюсь председателем инвестсовета, и через строго определенное время (у нас максимальное время – 104 дня, если это самый сложный случай: с обременениями, правами третьих лиц) мы вручаем так называемую красную папку, где весь пакет разрешительных документов. Проектируй и строй. И все это знают. Мы часто проводим различные презентации нашего региона – надо к себе заманивать, надо объяснять. Приезжаем как-то в посольство Бельгии в Москве – они собирают бизнесменов, свой актив, ассоциации промышленников, торгово-промышленные палаты, чтоб быстрее информация расходилась о том, что есть такая Нижегородская область. И вот один из присутствующих встает и говорит: «А как у вас там с уровнем бюрократии и коррупции?» Я даже ответить не успел – поднимает руку представитель компании

«Данфосс» и говорит: «Не бойтесь, в этом регионе вас будут подталкивать, чтоб вы быстрее реализовали свой инвестиционный проект». Что же касается нашего областного инвестиционного законодательства, то оно признано одним из лучших в России. У нас действует закон «О государственной поддержке инвестиционной деятельности на территории Нижегородской области». Инвесторам, реализующим приоритетные для Нижегородской области проекты, предоставляется нефинансовая и финансовая поддержка – налоговые льготы, компенсация части процентной ставки по кредитам. Если положена по закону льгота – допустим, по налогу на прибыль на период строительства завода и его эксплуатации в течение 5–7 лет, – то предприниматель 25 процентов налога на прибыль не платит. Это реально.

– Что Вы ожидаете от инвесторов?

– Прежде всего мы нацелены на взаимовыгодное сотрудничество. Как я уже говорил, мы максимально открыты для инвесторов, но это не значит, что мы готовы выполнять любую их прихоть. В случае если инвестор начинает требовать необоснованные преференции и льготы, мы ему отказываем. Потому что уверены, что на наши площадки придут надежные партнеры с адекватными требованиями. Именно поэтому мы приветствуем не сиюминутные и точечные решения, а системные, кластерные. Кроме того, мы ожидаем от инвесторов выполнения обязательств, которые были на них возложены. К сожалению, бывает и так, что инвестор оказался некредитоспособен или не смог добыть те ресурсы, на которые рассчитывал и имел предварительные подтверждения. Даже в этом случае мы стараемся

Валерий Шанцев на сельскохозяйственной выставке в Берлине

идти навстречу инвестору, продлеваем сроки реализации проекта. Но в конечном итоге мы все-таки хотим видеть результат использования земельных участков, которые мы предоставляем инвесторам. К примеру, если мы выдали землю инвестору под строительство завода, значит через заявленные сроки мы должны увидеть построенный завод, а не строительный забор. Нижегородцы уже давно зарекомендовали себя как надежные деловые партнеры, и я с большим удовольствием приглашаю к нам всех, которые заинтересованы в развитии бизнеса, во взаимовыгодном сотрудничестве во всех сферах экономики, культуры, науки и туризма.

– Раз уж Вы упомянули туризм, нельзя не признать, что Нижегородская область обладает колоссальным историческим и культурным потенциалом. Вот мы начали с темы 400-летия Нижегородского ополчения, но в ближайшие годы регион ожидают еще два не менее значимых события.

– Действительно, нынешнее пятилетие в плане истории для нижегородцев особое: череда юбилеев такого рода – и 400-летие Нижегородского ополчения, и 300-я годовщина со дня основания Нижегородской губернии, и 500 лет нашему каменному кремлю в 2015 году – это события, которые выпадают раз в сто лет. Поэтому сегодняшнее поколение нижегородцев в этом плане счастливое. Про предстоящий юбилей кремля мы уже говорили. А в 2014 году будет отмечаться 300-летие Нижегородской губернии. 26 января 1714 года Петр I – император-реформатор, много сделавший в России для развития и промышленного производства, и науки, и государственного устройства, – выпустил в свет указ, в котором написал: «Нижегородской губернии быть особо». Что он имел в виду под словом «особо», все трактуют по-разному. Но с тех пор нижегородская земля и обладает этим особым статусом. Мы считаем, что особую роль Нижегородская губерния играла, когда была форпостом, обороняя восточные границы государства, одно время она даже была кормилицей, а в годы Великой Отечественной войны – арсеналом Победы. Именно по указу Петра I наш регион, объеди-

Закладка капсулы в основание завода "Либхерр" под Дзержинском

няющий русские земли Волго-Окского междуречья с городами Нижний Новгород, Арзамас, Балахна, в начале XVIII века впервые обрел административную самостоятельность, став полноправным субъектом Российской державы. Прошедшие с тех пор три столетия подтвердили правильность этого государственного решения и позволили всесторонне раскрыть экономический и духовный потенциал нижегородского региона, вписавшего славные страницы в историю России. Предстоящий юбилей дает возможность вновь вспомнить «труды и дни» нижегородцев, сохраненные архивными документами и народной памятью. Создание губернии привело в XVIII веке к бурному развитию хозяйства. Одним из наиболее известных промыслов было производство поташа – химиката, употребляемого в стекольном производстве, мыловарении, красильном деле, изготовлении пороха. В большом количестве его производили в Арзамасском уезде, а потом через Архангельск вывозили за границу. Соляным промыслом славилась Балахна, в которой также получило развитие деревянное судостроение. В Лыскове жили искусные кузнецы, плотники, горшечники, портные. Далеко за пределы края выходила слава о павловских литейщиках и оружейниках. Кожевенным промыслом занимались жители села Богородское с прилегавшими деревнями. В Городецкой волости возник большой якорный завод, а около Воротынца – чугунный и железный заводы. Самым крупным промышленным центром края стал губернский город Нижний Новгород. Это был центр канатного производства, судостроения, металлообработки. Мастера-судостроители участвовали в подготовке волжского флота для перевозки артиллерии и боеприпасов в Азов. Металлисты отливали колокола и якоря, изготавливали ружейные замки. Здесь были созданы и успешно работали кирпичный, гончарный, стальной, а также кожевенные, солодовенные, пивоваренные заводы, фабрика парусных полотен. Все эти производства в Нижегородской губернии развивались и оставались конкурентоспособными и позднее. И в связи с грядущим юбилеем у нас будет прекрасный повод вспомнить все памятные вехи нижегородской истории.

– Помогает ли богатая история области привлекать туристов?

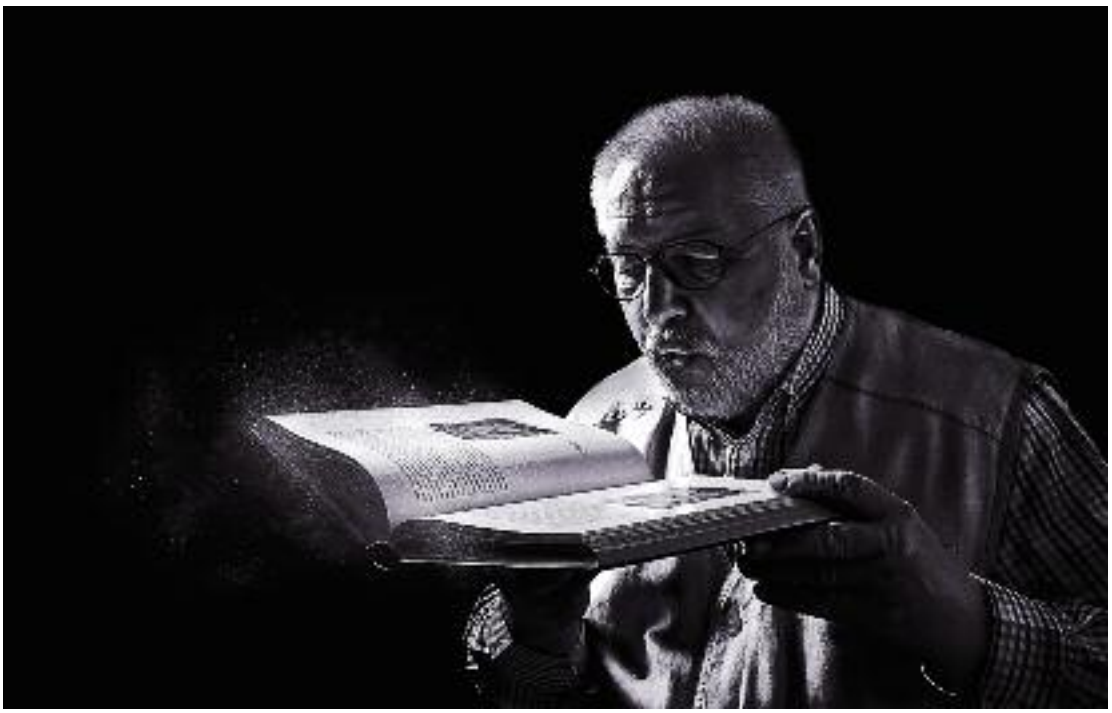
– Вы знаете, у нас в Нижнем Новгороде около 600 памятников истории, культуры, архитектуры. Благодаря этому ЮНЕСКО включила Нижний в число ста городов, имеющих особую ценность для всего цивилизованного человечества. Поверьте, нам есть что показать. Один только нижегородский кремль, который мы недавно отреставрировали, чего стоит! А есть ведь еще Дивеевский и Макарьевский монастыри, знаменитая Нижегородская ярмарка, о которой знают во всем мире, знаменитые народные художественные промыслы Нижегородской области, включая хохлому, есть второй по величине в Европе цирк и многое другое. До 1991 года Горьковская область была полностью закрыта для иностранных туристов. Даже теплоходы с ними по Волге проходили ночью с закрытыми иллюминаторами, потому что это был центр оборонно-промышленного комплекса. Когда я в 2005 году приступил к исполнению обязанностей губернатора, то убедился, что даже в России многие люди не представляют, что такое Нижний Новгород, путают с Великим Новгородом. Мы ездили на все крупные форумы, конгрессы, выставки, делали презентации в посольствах, торгово-промышленных палатах, целенаправленно вели эту деятельность. Конечно, история и традиции играют большую роль. Если есть глубокие исторические корни и административная воля для развития туризма, то туристы едут. Для себя мы обнаружили целый ряд жемчужин, о которых

знают во всем мире, а для нас никакой ценности с точки зрения туризма они не представляли. Например, история про Китеж-град. У нас в Воскресенском районе есть озеро Светлояр. По преданию, этот город находился рядом с озером. Мы там сейчас заканчиваем строительство оптического театра, чтобы посредством лазерных технологий показывать объемный Китеж-град. Естественно, там нужны дороги и инфраструктура. Есть древний город Городец – он всего на 5 лет моложе Москвы, и основал его тот же князь Юрий Долгорукий. Городец сегодня зовут городом ста музеев. Там действительно около ста музеев различных направлений. Очень красивая архитектура, красивые улицы, фасады домов, художественные промыслы. Мы там построили город мастеров в виде древней княжеской деревянной усадьбы, где можно поучаствовать в мастер-классах, приобщиться к этому наследию. Как только мы его построили, сразу в несколько раз увеличился поток туристов. Городецкая художественная роспись – это исторический русский народный промысел, удивительная доставшаяся нам из глубины веков красота. Совершенно неописуемый и по внешнему виду, и по вкусу городецкий пряник. Кроме того, мы восстановили Феодоровский монастырь, где закончил свою жизнь Александр Невский. В Городце стоит ему памятник. Мы чтим этого великого полководца, гражданина – одного из спасителей нашей русской земли, потому что в тот исторический период была очень страшная ситуация: с запада – немцы, ливонцы, с востока – татаро-монголы. На два фронта воевать было крайне сложно. Он как политик и полководец не проиграл практически ни одного сражения. Еще пример – все знают хохлому, это визитная карточка России. Настоящий поселок Хохлома находится в Нижегородской области, и единственная фабрика золотой хохломы расположена в городе Семенове. Мы там построили музейный комплекс, и за два года поток туристов туда увеличился в четыре раза. Или взять Чкаловск – это родина летчика Валерия Чкалова, совершившего первый в мире беспосадочный перелет через Северный полюс, и родина знаменитого «горьковского гипюра». Большое Болдино – родовое имение Пушкиных, где великим русским поэтом Александром Сергеевичем Пушкиным было создано более 60 его лучших произведений. В Гагинском районе у нас есть усадьба Шереметевых, мы ее тоже реставрировали. И такие знаковые объекты можно перечислять долго – их в нашей области очень много. У нас успешно реализуется программа «Развитие внутреннего и въездного туризма в Нижегородской области». Только за последние два года количество туристов в регионе увеличилось почти на четверть (23 процента) – до 715 тысяч человек в 2012 году.

Валерий Шанцев участвует в соревнованиях по гребле

Приток иностранных туристов сегодня также постоянно растет. В ноябре 2012 года в Нижнем Новгороде открылся первый в регионе туристический информационный центр. Его работа также способствует притоку к нам туристов. Там на русском, английском, немецком, французском языках вам предоставят все сведения об объектах культурного наследия и памятниках природы региона, туристических маршрутах, транспортных услугах, гостиницах, культурных и спортивных событиях в жизни города и области. Со всеми основными туристическими достопримечательностями нижегородского края и новостями туризма можно познакомиться и на официальном сайте – www.volgatourism.ru. Нижегородская область – регион с богатой историей и красивой природой, действительно являющийся жемчужиной туризма. Так что, пользуясь случаем, приглашаю всех читателей альманаха «Развитие и экономика» посетить нашу нижегородскую землю!

Интервью подготовил
Олег Сухонин



Русская поэзия сто лет назад

Первая половина 1913 года оказалась периодом, когда были созданы многие ставшие впоследствии известными произведения будущих гениев русской культуры. Вспомним некоторых из них.

Федор Сологуб

Федор Сологуб

Федор Сологуб – поэт скорее забытый, нежели известный. Имя его еще на слуху, а вот стихи не сразу вспоминаются. Хотя столетие назад он был одним из самых популярных и, несомненно, значительных писателей и поэтов России. В 1913 году ему исполнилось 50 лет, и он был, пожалуй, самым старшим по возрасту среди тех русских поэтов, которых мы относим к Серебряному веку, если иметь в виду поэтов, так сказать, первого ряда. К этому времени Сологуб успел окончить университет, десять лет проработать учителем в провинции, а потом и в Петербурге, издать два романа, несколько сборников рассказов и популярные «Политические сказочки», написать несколько пьес, шедших во многих театрах России, выпустить ряд поэтических сборников. Если сделать выборку из стихов, написанных поэтом в 1913 году – а мы поставили перед собой именно такую задачу, – можно напомнить строки, живущие в памяти, но как бы не имеющие автора: «Каждый год я болен в декаб-

ре, не умею я без солнца жить». Или вот эти строчки: «Стихия Александра Блока – метель, взвивающая снег. Как жуток зыбкий санный бег в стихии Александра Блока». Федор Сологуб был писателем и поэтом с ярко выраженной гражданской позицией. В его творчестве немало наблюдений, подобных этим: «Ты живешь безумно и погано, улица, доступная для всех, – грохот пыльный, хохот хулигана, пьяной проститутки ржавый смех. Копошатся мерзкие подруги – злоба, грязь, порочность, нищета». Зафиксировав, так сказать, социальную болезнь, поэт задает вопрос и сам дает на него ответ: «Как возникнуть может в этом круге вдохновенно-светлая мечта? Но возникнет! Вечно возникает! Жизнь народа творчеством полна, и над мутной пеной воздвигает красоту всемирную волна». Судьба поэта была непроста, а в своем последнем – послереволюционном – периоде трагична. Но еще задолго до этого – до войны, революций и всего, что за этим последовало, – в мирном 1913 году поэт вглядывается в собственную жизнь:

Беден дом мой пасмурный
Нажитым добром,
Не блестит алмазами,
Не звенит сребром,
Но зато в нем сладостно
Плакать о былом.

За мое убожество
Милый дар мне дан
Облекать все горести
В радужный туман
И целить напевами
Боль душевных ран.

Жизнь влача печальную,
Вовсе не тужу.
У окошка вечером
Тихо посижу,
Проходящим девушкам
Сказку расскажу.

Под окном поставил я
Длинную скамью.
Там присядут странницы –
Песню им спою,
Золото звенящее
В души их пролью.

Только чаще серая
Провлечется пыль,
И в окно раскрытое
На резной костыль
Тихо осыпается
Изжитая быль.

Иван Бунин

К 1913 году, который мы приняли в этом очерке за точку отсчета, Бунин – уже знаменитый писатель, признанный мастер, академик Российской Академии наук по разряду изящной словесности, кавалер Золотой Пушкинской медали. Обращаясь к написанному Буниным в 1913 году, мы видим, что зачастую темами его стихов становились путевые впечатления: в этом году он много путешествовал по Европе, а зиму целиком провел на Капри. Отсюда и строчки: «Восемь лет в Венеции я не был», «Ночью в море крепко спать хотелось, измотало зыбью нашу барку, на носу – угодника Николу, на корме – малиновый фонарик». Но, как это часто бывает с русскими писателями, нежась в ласковых итальянских зимах, он вспоминает и свою Россию, ее фольклор («В чистом поле, у камня Алатыря, будит конь Святогора-богатыря») и ее зиму:

Среди кривых стволов, среди ветвей корявых
Ползет молочный дым: окуривают сад.
Все яблони в цвету – и вот, в зеленых травах
Огни, как языки, краснеют и дрожат.
Бесцветный запад чист – жди к полночи мороза.
И соловьи всю ночь поют из теплых гнезд
В дурмане голубом дымящего навоза,
В серебряной пыли туманно-ярких звезд.

Николай Гумилев

Николай Гумилев в 1913 году «перешел от символизма к акмеизму». За спиной – несколько сборников признанной лирики, а в прошедшем году у него и Анны Ахматовой родился сын Лев. О себе в этот период Гумилев написал в шутливом сонете: «У меня уже четыре книги, мальчик и жена – мои вериги. И не стану я писать сонет, любят только дети упражненья. Если я поэт, то без сомненья Вам на просьбы я отвечу “нет”». В этом году Гумилев пи-

Николай Гумилев

шет несколько «итальянских» стихотворений: «Из камня серого иссеченные вазы, и купы царственные ясени, и бук, и от фонтанов ввысь летящие алмазы, и тихим вечером баюкаемый луг» («Вилла Боргезе»), «Изгнанник бедный, Алигьери, стопой неспешной сходит в Ад» («Флоренция»), «Как будто вновь под ратью Ганнибала вздохнули скалы, слышен визг шакала и трубный голос бешеных слонов» («Тразименское озеро»), «Измучен огненной жарой, я лёг за камнем на горе, и солнце плыло надо мной, и небо стало в серебре» («На Палатине»). Вспомним здесь сонет, вызывающий задумчивое восхищение глубиной проникновения в метафизику бытия, прочувствованную и озвученную столетие тому назад:

Понять весь мир какой-то странный сложным,
Огромною игрушкой сатаны,
Ещё не сделанным, где сплетены
Тьма с яркостью и ложное с неложным.

Суровый бард, в боренье с невозможным
Любовь как знамя поднял ты, и сны
У розовой подслушал ты луны,
Что сердце девы делает тревожным.

Едва заслышим мы заветный звук
В твоём органе гулком и протяжном,
Смущается покой наш бледный, вдруг

Каким угрюмым явит мир и важным
Иоанна «Откровенья» голос нам
И вторит, кажется, его словам.

Игорь Северянин

Современники, возможно, назвали бы 1913 год с точки зрения поэтической популярности годом Игоря Северянина. Именно в этом году вышел его «Громокипящий кубок», принесший ему бешеную популярность, «повсеградную» славу и семь переизданий за два года. Тогда же начались его «поэзоконцерты», поэтические турниры и турне по всей стране. И хотя в сборник вошли стихи, написанные ранее 1913 года, фактом русской поэзии они стали именно в этом предвоенном году. Многие строчки остались символами эпохи, образцами поэтической речи того времени. Северянин выплескивал из себя «поэзы», «миньонеты», «интуитты», «героизы» и просто стихи, отличавшиеся безупречной музыкальностью и точностью формы, звучностью ритма и рифм, его строчки наполняли слова, отражавшие моду своего времени, и слова, составляемые им самим в безудержном стремлении добиться звучности и оригинальности: «Олунен ленно-струйный Нил», «Когда

Игорь Северянин

взвуалится фиоль, офлёря ручеек, берет Грасильда канифоль». Его не останавливало использование банальных рифм типа «гризетка – розетка» и «аксельбанты – адъютанты», порой он доходил до салонной бессмысленности и пошлости: «Вы оделись вечером кисейно и в саду стоите у бассейна... А когда придет бразильский крейсер, лейтенант расскажет Вам про гейзер. И сравнит... но это так интимно!.. Напевая нечто вроде гимна», «Котик милый, деточка! встань скорей на цыпочки, алогубы-цветики жарко протяни... В грязной репутации хорошенько выпачкай имя светозарное гения в тени», «Я, интуит с душой мимозовой, постиг бессмертия процесс». Он упивался сам и насыщал своих слушателей приметами времени: «Я в комфортабельной карете, на эллипси-

ческих рессорах, люблю заехать в златополдень на чашку чая в жено-клуб». Но среди буффонадной пышности слога иногда вкрапливались и несколько иные – содержащие более глубокие смыслы – слова: «Земля любит Солнце за то, что Солнце горит и смеется. А Солнце за то любит Землю, что плачет и мерзнет она», «Я одинок в своей задаче, и оттого, что одинок, я дряблый мир готовлю к сдаче, плетя на гроб себе венок». Из подобных фраз впоследствии прорастет поздний Игорь Северянин. Нельзя не вспомнить и самые, быть может, знаменитые строки этого года: «Мороженое из сирени! Мороженое из сирени! Полпорции десять копеек, четыре копейки буше», – и, разумеется, эпатажные: «Я, гений Игорь Северянин, своей победой упоен: я повсеградно оэкранен! Я повсесердно утвержден!» Наконец, подлинным символом времени, можно даже сказать его «печатью», стала «Поэма-миньонет»:

Это было у моря, где ажурная пена,
Где встречается редко городской экипаж...
Королева играла – в башне замка – Шопена,
И, внимая Шопену, полюбил ее паж.

Было все очень просто, было все очень мило:
Королева просила перерезать гранат,
И дала половину, и пажа истомила,
И пажа полюбила, вся в мотивах сонат.

А потом отдавалась, отдавалась грозово,
До восхода рабыней проспала госпожа...
Это было у моря, где волна бирюзова,
Где ажурная пена и соната пажа.

Анна Ахматова

В 1913 году Анна Ахматова написала немало стихотворений. В Царском Селе родились такие строки, как «Все мы бражники здесь, блудницы», «Звенела музыка в саду таким невыразимым горем. Свежо и остро пахли морем на блюде устрицы во льду», «Прости меня, мальчик весёлый, что я принесла тебе смерть», «Я спою тебе, чтоб ты не плакал, песенку о вечере разлук», «И на груди моей дрожат цветы небывшего свиданья» – и многие другие. Наконец, шедевральное «Смятение» – тоже оттуда, из 1913 года:

Было душно от жгучего света,
А взгляды его – как лучи.
Я только вздрогнула: этот
Может меня приручить.
Наклонился – он что-то скажет...
От лица отхлынула кровь.
Пусть камнем надгробным ляжет
На жизни моей любовь.

Анна Ахматова

Не любишь, не хочешь смотреть?
О, как ты красив, проклятый!
И я не могу взлететь,
А с детства была крылатой.
Мне очи застит туман,
Сливаются вещи и лица,
И только красный тюльпан,
Тюльпан у тебя в петлице.

Как велит простая учтивость,
Подошел ко мне, улыбнулся,
Полуласково, полулениво
Поцелуем руки коснулся –
И загадочных, древних ликов
На меня посмотрели очи...
Десять лет замираний и криков,
Все мои бессонные ночи
Я вложила в тихое слово
И сказала его – напрасно.
Отошел ты, и стало снова
На душе и пусто и ясно.

Осип Мандельштам

У Осипа Мандельштама в 1913 году вышла первая книга стихов – «Камень». Это, конечно, еще не тот могучий мэтр, виртуозно играющий ассоциациями, ритмами, смыслами, аллитерациями, каким он станет в пору зрелости. Но уже в этом сборнике 22-летнего поэта видна и слышна его узнаваемая – «фирменная», «петер-

Осип Мандельштам

Марина Цветаева

бургская» – интонация: «Кто, скажите, мне сознанье виноградом замутит, если явь – Петра созданье, Медный Всадник и гранит?», «В столице северной томится пыльный тополь, запутался в листве прозрачный циферблат, и в темной зелени фрегат или акрополь сияет издали – воде и небу брат», «Зимуют пароходы. На припеке зажглось каюты толстое стекло. Чудовищна, как броненосец в доке, – Россия отдыхает тяжело». А вот другие зарисовки: «Мелькают женщины в платках, и тявкают дворняжки шалые, и самоваров розы алые горят в трактирах и домах». «Кинематограф. Три скамейки. Сентиментальная горячка», «Когда, пронзительнее свиста, я слышу английский язык – я вижу Оливера Твиста над кипами конторских книг». Но есть и иной Мандельштам 1913 года:

От легкой жизни мы сошли с ума.
С утра вино, а вечером похмелье.
Как удержать напрасное веселье,
Румянец твой, о пьяная чума?

В пожатье рук мучительный обряд,
На улицах ночные поцелуи,
Когда речные тяжелеют струи
И фонари, как факелы, горят.

Мы смерти ждем, как сказочного волка,
Но я боюсь, что раньше всех умрет
Тот, у кого тревожно-красный рот
И на глаза спадающая челка.

Марина Цветаева

У Марины Цветаевой в начале 1913 года вышел третий сборник стихов «Из двух книг», получивший не слишком высокую оценку публики. В мае 1913 года, в Коктебеле, стали рождаться уже иные строчки: «Я найду в своих стихах все, чего не будет в жизни», «Тающая легче снега, я была – как сталь» – а потом – уже в Москве: «Я метала бы в огонь прошлое – за пачкой пачку». Тогда, в Коктебеле, были написаны такие шедевры, как «Идешь, на меня похожий» и «Моим стихам»:

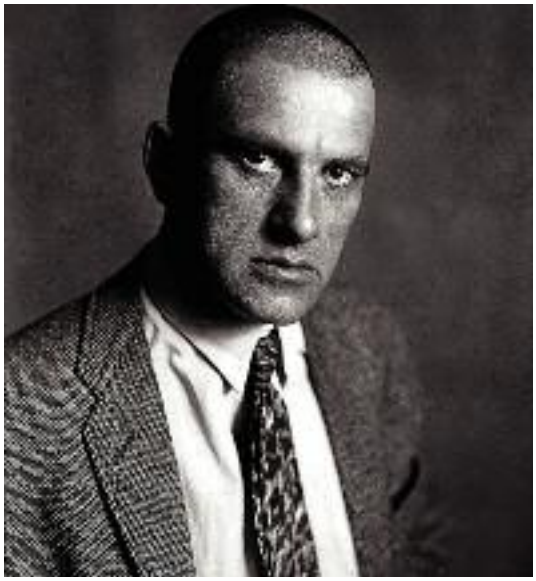
Моим стихам, написанным так рано,
Что и не знала я, что я – поэт,
Сорвавшимся, как брызги из фонтана,
Как искры из ракет,

Ворвавшимся, как маленькие черти,
В святилище, где сон и фимиам,
Моим стихам о юности и смерти, –
Нечитанным стихам! –

Разбросанным в пыли по магазинам
(Где их никто не брал и не берет!),
Моим стихам, как драгоценным винам,
Настанет свой черед.

Владимир Маяковский

Владимир Маяковский ворвался в 1913 год с гениальными и знаменитыми строчками: «Я сразу смазал карту будня, плеснувши краску из стакана; я показал на блюде студня косые скулы океана. На чешуе жестяной рыбы прочел я зовы новых губ. А вы ноктюрн сыграть могли бы на флейте водосточных труб?» Да, друзья: этой флейте уже сто лет, а образ по-прежнему свеж и энергичен. А ведь в тот год поэтом было еще немало яркого сказано: «Я одинок, как последний глаз у идущего к слепым человека», «Земля! Дай исцелую твою



Владимир Маяковский

лысеющую голову лохмотьями губ моих в пятнах чужих позолот», «Вошел к парикмахеру, сказал – спокойный: “Будьте добры, причешите мне уши”», «Женщины, любящие мое мясо, и эта девушка, смотрящая на меня, как на брата, закидайте улыбками меня, поэта, – я цветами нашью их мне на кофту фата». Ну и, конечно же, знаменитое «Нате!» – тоже празднует столетний юбилей:

Через час отсюда в чистый переулок
вытечет по человеку ваш обрюзгший жир,
а я вам открыл столько стихов шкатулок,
я – бесценных слов мот и транжир.

Вот вы, мужчина, у вас в усах капуста
где-то недокушанных, недоеденных щей;
вот вы, женщина, на вас белила густо,
вы смотрите устрицей из раковин вещей.

Все вы на бабочку поэтиного сердца
взгромоздитесь, грязные, в калошах и без калош.
Толпа озвереет, будет тереться,
ощетинит ножки стоглавая вошь.

А если сегодня мне, грубому гунну,
кривляться перед вами не захочется – и вот
я захохочу и радостно плюну,
плюну в лицо вам
я – бесценных слов транжир и мот.

Сергей Есенин

Вспомним еще одно имя – Сергей Есенин. В 1913 году он еще не только не стал знаменитым, а даже не напечатал ни одного стихотворения: только на следующий год в журнале «Мирок» появятся его детские стихотворения. Однако сочинил он к тому времени уже немало, некоторые стихи станут впоследствии известными: «Поет зима – аукает, мохнатый лес баюкает стозвоном сосняка», «Выткался на озере алый свет зари», «Хороша была Танюша, краше не было в селе», «Заиграй, сыграй, тальяночка, малиновы меха». А это стихотворение 1913 года – тоже юношеское – вошло впоследствии в школьные учебники русской литературы:

Белая берёза
Под моим окном
Принакрылась снегом,
Точно серебром.

На пушистых ветках
Снежною каймой
Распустились кисти
Белой бахромой.

И стоит берёза
В сонной тишине,
И горят снежинки
В золотом огне.

А заря, лениво
Обходя кругом,
Обсыпает ветки
Новым серебром.

Сергей Есенин

Так вот. Взглянув на поэзию столетней давности, спросим себя, размышляющих сегодня о развитии: ну, так что? Смогли ли мы не то что пойти в своем поэтическом развитии дальше, а хотя бы «встать на плечи гигантов»?

Хронолог

EDITORIAL COLUMN

Sergey Belkin

Good Feelings – 4

The editor-in-chief of *Development and Economics* literary miscellany and portal presents the issue and its main topic, which incorporates various aspects of ideological construction. The author believes that the Russian society is at the threshold of finding new ideology. The article discusses the parameters of this ideology and shows how the content of the issue is related to its parameters.

THEORY OF DEVELOPMENT

Mikhail Baydakov, Sergey Belkin

Ideologies and Values – 8

Literary miscellany publisher Mikhail Baydakov and its editor-in-chief Sergey Belkin give affirmative answers to two important questions: is there an ideology in Russia today, and does Russia need an ideology? They believe that Russia's central ideology today is the ideology of oligarchic pseudo liberalism, which is reflected in everyday practices of economy, culture and public discourse. The article describes this ideology, its hazards and ways of overcoming them.

Yuri Osipov

Machiavelli's lessons for lost rulers, disillusioned peoples and confused wise men (in celebration of 500th anniversary of "Our Lord the Tsar") – 26

Yuri Osipov discusses the importance of Machiavellianism in modern conditions, especially for the current political situation in Russia. He concludes that Russia has been involved in political strategizing with no particular clear goal in mind. The author believes that Machiavelli's ideas are very close to Russia's historical being, where the Tsar is the Tsar, and his people are his people, where the Tsar rules over his people and for their sake, and the people are under their Tsar and together with him.

Vladimir Maliavin

What is Eurasia for? On being Eurasian and a Hermit: Machiavellianism in Politics – 46

Vladimir Maliavin believes that in her opposition to the West and the East, Russia has been moving – albeit subconsciously – to the third, asystemic worldview. The country seems to seek the truth across the board of all cultural values and cognitive postulates, all dialectic approaches and critical methods. Its main instrument is sincerity of intention; its everyday reality is eternal Utopia. In the article the author discusses the main characteris-

tics of the Eurasian worldview and its influence on the political order.
Alexander Razumov

Stony Path of Freedom – 76

Alexander Razumov discusses the methodology of comprehending the ideology of freedom. In freedom he sees one of the vehicles for advancement of human history and shares his ideas on the philosophy of this phenomenon.

DATES

Ivan Susanin: The 400th Anniversary of His Heroic Death for the Tsar – 82

Sergey Belkin

Mounting Tensions: A Tribute to the Bicentenary of Richard Wagner's Birth – 140

METAPHYSICS OF DEVELOPMENT

Karen Swassjan

Habemus Papam – 86

Karen Swassjan believes that under the pressure of liberalism the Catholic Church must give up on its most important postulates that had once served as a solid foundation for this omnipotent superstructure of Western history: closedness to the outside world and many secrets. In his opinion, in the current geopolitical situation the Catholic Church experiencing the dialectically necessary contrast of remaining the keeper of tradition on Sundays and holidays.

Alexander Neklessa

Unidentified Culture. Gnostic Roots of Post-Modernity – 100

Alexander Neklessa discusses the Gnostic roots of post-modern society. He sees the distinguishing characteristic of Gnostic worldview in his understanding of the special status of the material world as a sphere of an imperfect, random space of badly conceived cosmos, which is characterized by arbitrariness, involution, and self-imposed alienation. In the light of this interpretation of the contemporary civilization, the author suggests we take a look on the future of the current world order.

Vadim Prozorov

Nihil novi, or the Rhinoceros of Secularism – 118

Vadim Prozorov discusses the two possible components of the policy proposed by the new Pope, Francis: a reform of Vatican administration and evangelization, which would be impossible without well-defined communication between the center and the regions, without mutual respect and trust in their relationships. One of the tools the Vatican could use to promote its new course is the Church's social doctrine.

Olga Chetverikova

Catholic Church Readies for Perestroika – 126

Olga Chetverikova discusses the resignation of Pope Benedict XVI. She contends that the Vatican is losing its sovereignty and becomes a part of the new world order through financial mechanisms, with its finances under complete control of the international banking mafia. She believes that Pope Francis will help further dissolve Christianity into some form of universal world religion under the leadership of the Roman pontiff, who himself will be guided by external administrators.

DEVELOPMENT MODELS

Sergey Kara-Murza

Choice of Development Strategy: A Historic Choice – 158

Sergey Kara-Murza analyzes the *Strategy-2020 Report*, entitled "New Model of Growth – New Social Policy", prepared by a group experts led by the Rector of the Higher School of Economics Yaroslav Kuzminov and the Rector of the Academy of State Economy and Civil Service Vladimir Mau. He shows that the experts have often an inadequate understanding of the current situation and practical improbability if not outward disutility of the measures they suggest.

Vladimir Baturin

Economics as Destroyed Philosophy – 166

Vladimir Baturin has been predicting destructive crises and a final grandiose catastrophe for the civilization, if we persist with the current model of ontological values of greediness, profiteering, and lies supported by force and military involvement. In his opinion, one of the important points on the agenda is the transition from economic civilizational practices to comprehensive practices based on the philosophical worldview.

Sergey Gavrilov

New Privatization – 172

Sergey Gavrilov offers a new view on improving the mechanisms of state asset assignment, which are all directed toward attracting truly effective property managers. Privatization must be understandable, honest and fair, based on open competitive sales of state assets. All privatization deals must be transparent to guarantee social and political accord in the society.

Viktor Gaikin

Eurasian Union *vs.* Tumangan Project: Uniplanetary Community or Racial War? – 182

Viktor Gaikin writes about two projects of transforming Eurasia: the Russian concept of the Eurasian Union, and its antipode, the Tumangan project. If Tumangan (and the Eurasian Transport Corridor) would lead to isolation of Russia and disorganize the Eurasian space, transform it in China's favor, the Eurasian Union is a multiracial community which symbolizes the future unity of Eurasian states, and then the entire international community.

PRACTICE OF DEVELOPMENT

Interview with Valery Shantsev

"Works and Days" of Nizhny Novgorod Residents – 188

Valery Shantsev responds to questions of the *Development and Economics* literary miscellany, discussing the economic achievements of Nizhny Novgorod Region and the future of its tourism sector.

A HUNDRED YEARS AGO

Russian Poetry a Hundred Years Ago – 198

The miscellany publishes poems composed by Sologub, Bunin, Gumilev, Severyanin, Akhmatova, Mandelshtam, Tsvetayeva, Mayakovsky, and Esenin in 1913.

ANNOTATED TABLE OF CONTENTS

Annotated Table of Contents in English – 204

ANNOUNCEMENT

Results and Perspectives – 208

Editorial Board of the literary miscellany sums up the issue's materials and announces the main themes of the following issue.

Итоги и перспективы

Продолжая рассматривать наиболее сложную из всех социальных проблем – развитие, мы последовательно, из номера в номер акцентируем внимание на самых разных аспектах процесса, его критериях и факторах. Говоря о развитии как о проблеме, мы неявным образом структурируем последовательный разговор об этом как не только публицистическую, но и исследовательскую тему.

Считаем важным настойчиво подчеркивать сложный, не до конца раскрытый с научной точки зрения и уж, несомненно, весьма неопределенный смысл самого понятия «развитие» – если анализировать его употребление в политической литературе и в массовом сознании. Кажущаяся очевидность смысла этого понятия приводит к выработке ошибочных социально-экономических парадигм. Постараемся в одном из номеров альманаха уделить внимание сравнительному анализу смыслов слова «развитие» в разных сферах знания: в философии и религии, социологии и политологии, экономике и искусствоведении, биологии и антропологии, психологии и медицине, истории и культурологии и многих других. Без такого анализа невозможно определить предметную область междисциплинарного исследования сложнейшей комплексной проблемы социального развития.

Тема уточнения смысла многих широко применяющихся слов представляется нам исключительно значимой. Считаем важной задачу построения уточненного тезауруса большинства понятий, составляющих базовый набор понятий любого разговора на социально-политические и экономические темы. Нуждаются в обновлении и выяснении актуального содержания даже такие слова как «капитализм», «социализм», «прогресс», «регресс», «успех», «справедливость» и многие, многие другие. Вновь и вновь должен ставиться фундаментальный вопрос о «движущих силах истории», о самом факте их наличия или отсутствия, о стихийности или целенаправленности человеческой истории. Важно если не найти ответ на все вопросы, то хотя бы ставить их – только это позволит не терять методологически верного рассмотрения проблемы, не упускать необходимости учета существующих, но нерешенных проблем.

Давно назревшим, но практически отсутствующим в современной науке вопросом является метафизика развития. Только метафизический взгляд позволяет ставить вопросы о самой возможности развития, о его благости или порочности, только в этом пространстве мы можем искать ответ на вопросы: что такое развитие «по-христиански», «по-исламски», «по-буддийски» и т.д. Как соотносятся религиозные и научные космологические проблемы, рассматривающие вопросы возникновения Вселенной и ее конца, возникновения жизни и отличия живого от неживого? Какой должна быть актуальная идеология, стремящаяся развивать страну и общество? Не зная ответов на эти вопросы, мы пренебрегаем глубинными основаниями бытия.

Понятие «социальное развитие» является основным для любой социально-экономической доктрины и политической программы. И это притом, что нет четких и принятых на уровне государственной стратегии критериев социального развития – как количественных, так и качественных, – отвечающих полноте проблемы. Вместо полного набора критериев выборочно используются либо экономические, либо политические и т.д. Сопоставимость и несопоставимость различных критериев не исследована и не предложена в качестве завершенного «продукта» для выработки государственной стратегии. Необходимо ясное понимание целостности развития личности, социума, государства, цивилизации, их взаимосвязи и противоречия между ними. При сравнительном анализе моделей социального развития в общественно-политическом дискурсе царит категориальная и методологическая неразбериха, одновременно сосуществуют, как бы не замечая друг друга, формационный, цивилизационный и т.п. подходы; история развития описывается в самых разных категориях: Премодерн, Модерн, Постмодерн, а также – социализм, капитализм, фашизм и т.д. Необходимо не упускать из вида ту чрезвычайно значимую роль, которую играют образы развития, общественные идеалы и утопии, отраженные в литературе и искусстве.

Постигая место и судьбу России в мире, следует постоянно анализировать истоки и цели мировой политики ведущих держав – как в их исторической, так и в актуальной перспективе. При этом важно выявлять отличия между манифестируемыми принципами и непубличным аспектом истинных целей. Необходимо как можно яснее осознавать информационный, концептуальный и метафизический уровни мировой политики. Россия – в силу внутренних противоречий и непрекращающегося экспериментального характера своей судьбы – пока еще не сформулировала собственного субъектно-стратегического места и роли в мире, в недостаточной мере осознаны и возможные места и роли, которые ей уготованы и к которым ее подталкивают различные внешние силы.

Мы набросали не план одного предстоящего номера, а самый общий абрис тем, которые хотелось бы обсудить в последующих номерах. Естественно, какие-то из них получат более подробное освещение, какие-то окажутся упомянутыми лишь в порядке постановки проблемы, а до каких-то и вовсе не дойдут руки. Тем не менее все эти вопросы входят в круг интересов нашего альманаха, и мы будем стремиться к последовательному и настойчивому освещению их из номера в номер.

Редакция